Аполлон.

Бронза II в. н. э.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОЙ ПОЭЗИИ *и* ПРОЗЫ

II—V ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва·1964

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. Е. ГРАБАРЬ-ПАССЕК

ОТ РЕДАКЦИИ

Данное собрание образцов греческой и римской литературы II—V вв. н. э. имеет целью познакомить широкие круги читателей с литературным творчеством исторической эпохи, изученной значительно меньше, чем предшествующие ей периоды — классическая Греция и эллинистический мир, или последние века римской республики и период принципата. Между тем историческая эпоха, в течение которой постепенно разрушается рабовладельческий строй, уступая место строю феодальному, представляет большой интерес, и литература II—V вв., отражающая современные ей общественные явления, не может не привлечь к себе внимания литературоведов. Эта литература чрезвычайно богата памятниками самых разнообразных жанров: некоторые из них складываются именно в этот период, другие, примыкая к жанрам, давно сложившимся, изменяются по своему характеру и по трактовке распространенных сюжетов. Многие из памятников не поддаются точной датировке, поэтому при их отборе их чисто хронологический принцип провести невозможно. Язык, на котором написан тот или иной памятник этой эпохи, не может считаться решающим моментом для его характеристики: произведения, написанные на греческом или латинском языке, оказываются настолько тождественными по жанру, что внутреннее единство литературы этого периода выступает на первый план, отодвигая в тень некоторые индивидуальные черты, свойственные литературному творчеству греков или римлян.

Большинство включенных в сборник произведений переведено на русский язык впервые; особенно много нового встретит читатель в разделе, посвященном греческой и латинской поэзии; некоторые произведения, существующие переводы которых совершенно устарели и являются библиографической редкостью, переведены заново; сравнительно немногочисленные переводы, уже публиковавшиеся, просмотрены и отредактированы вновь (например, Лукиан, Апулей, Харитон, Лонг). При этом из сочинений, перевод которых вышел в последние годы, взяты срав-

нительно небольшие образцы, а преимущество предоставлено авторам малоизученным: широкому кругу читателей были совершенно неизвестны до нашего времени римские лирические стихотворения, собранные в V—VI веках, а также греческий поздний эпос.

В работе принимал участие весь коллектив сектора античной литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

Настоящий сборник памятников является первым из трех сборников, подготовленных сектором. Во второй сборник войдут образцы ораторского и эпистолярного искусства, в третий — произведения историков и энциклопедистов поздней античности.

ВВЕДЕНИЕ

Один из поздних греческих поэтов в начале своей поэмы обращается к Протею, постоянно изменяющему свой образ, и уподобляет ему свое произведение, которое называет «пестрым и многоцветным». Эти слова приходят на ум тому, кто пытается представить себе состояние римского общества первых веков нашей эры,— настолько сложны и разнообразны и социально-экономические, и политические отношения, и идеологические течения этой эпохи. Однако, вглядываясь внимательно в это многообразие, можно все же установить наличие двух противоборствующих тенденций: прежде всего, это — тенденция к объединению огромной римской империи в одно целое, к слиянию всех многочисленных народностей, попавших под власть Рима, и к нивелированию местных особенностей — как бы некая центростремительная сила; ей противодействует сила центробежная — стремление к раскалыванию целостного государства не только на две основные его части, Восток и Запад, но даже и на более мелкие политические образования. Эти две тенденции дают себя знать во всех областях жизни — и материальной, и духовной.

Наиболее важным историческим процессом, протекающим со все нарастающей силой в первые века нашей эры, является распад и крушение рабовладельческого строя: как известно, рабовладельческая система хозяйства по мере увеличения числа рабов и снижения производительности их труда становилась все менее выгодной для рабовладельцев, а уровень сельского хозяйства неудержимо падал в связи с обезземеливанием свободного крестьянства. Класс рабов перерождался и раскалывался — из него выходили вольноотпущенники и колоны, из которых первые, по большей части занимавшиеся торговыми и финансовыми операциями, богатели, а вторые беднели (на это сетует уже Плиний Младший в своих письмах IX, 15 и III, 19, 5—7).

Контрасты между богатыми и бедными становились все более резкими и отодвигали на задний план различия в происхож-

дении: положение нобилитета сильно ухудшилось уже в течение I в. н. э.; ряды его поредели при Калигуле, Нероне и Домициане, он был разорен и почти лишен политического влияния; фактическая власть часто переходила в руки незнатных временщиков; многие императоры сами не могли похвалиться родовитостью.

Все эти факторы имели одинаковое значение для всех частей империи, но влияние их осуществлялось все же в разных формах и разными темпами в зависимости от местных условий, от основных занятий населения той или иной области и его культурного уровня. Поэтому даже в таком общем историческом процессе, который в конечном счете привел к повсеместному исчезновению рабства и к переходу на феодальную систему землевладения, можно заметить наличие индивидуальных особенностей места и времени.

Мощную объединяющую и централизующую роль играли условия политические — система управления империей и служба в армии. Некоторые историки XIX века осыпали похвалами императорскую администрацию: по сравнению с ежегодно сменявшимися магистратами эпохи республики императорские чиновники действительно находились под более строгим контролем центральной власти, не имели возможности безгранично наживаться за счет населения и вступать в сделки с откупщиками — финансовые вопросы стали подотчетны государству. Огромное значение для объединения империи и уничтожения бесправия провинциалов имел декрет императора Каракаллы: почти всем жителям необъятной империи в 212 г. были даны права римского гражданства, которые некогда были уделом немногих и о которых мечтали сотни тысяч провинциалов. И тем не менее для произвола чиновников оставалось достаточно широкое поле деятельности — недаром во многих речах и письмах этой эпохи звучат жалобы на притеснения и самоуправство и не случайно вспыхивали народные восстания в различных областях империи, особенно на ее далеких окраинах (см., например, письма и речи Либания).

Смешению и сближению различных народностей способствовала и служба в армии; защита границ требовала наличия войск огромной численности, а военная служба занимала добрую половину — если не больше — жизни солдата; судьба ветеранов, в течение многих лет оторванных от родины и отвыкших от мирного труда, была грозным вопросом еще в последнем веке республики; при императорах же армия стала самостоятельной политической величиной, весьма охотно проявлявшей свою волю и свою силу: тесно связанная со своим полководцем, она умела выразить и любовь к нему, возводя его на престол, и ненависть (а иногда и случайное недовольство) — лишая его власти, а ча-

сто и жизни. Многим императорам III и IV веков пришлось это изведать: так, Диоклетиан и Юлиан, любимцы солдат, были по их воле провозглашены императорами, а Александр Север, Макрин и многие другие погибли от рук солдат.

Нередко императоры придерживались принципа формирования территориальных армий и не отправляли солдат в местности, слишком далекие от их родины; но это было не всегда возможно, а иногда и не вполне безопасно, так как местное население могло легче войти в соприкосновение с армией и побудить ее к мятежу или воспользоваться ее поддержкой при местном восстании. Иногда мятеж в армии вспыхивал именно потому, что приходило распоряжение о переброске войск; тем не менее, когда такие перемещения все же производились, они опять-таки способствовали тесному общению представителей различных краев и племен, да и сама армия была как бы огромным котлом, в котором соединялись и ассимилировались самые разнородные элементы.

Вполне естественно, что все эти изменения повлекли за собой и серьезные перемены в идеологии общества.

Первым, наиболее бросающимся в глаза последствием такого смешения народностей был широкий религиозный синкретизм: в самом Риме чтили уже не только греческих богов, искони родственных богам римским, но и египетских, сирийских, малоазийских: синкретизм этот был подготовлен еще в странах эллинистической культуры; более того, уже Александр Македонский признал Аммона-Ра как бы Зевсом в ином образе и объявил себя его сыном; о малоазийском культе «великой матери» Кибелы говорят и Цицерон, и его современник Катулл, а во время правления Августа Тибулл жалуется, что его возлюбленная с излишним усердием посещает таинства Исиды. Чем дальше, тем меньше значения придают римляне формам поклонения тому или иному божеству; а с конца I — начала II в. культ императора по существу заслонил собой все другие культы, ибо только он один считался обязательным для каждого римского гражданина. Именно вследствие этой широкой веротерпимости языческое население империи относилось с таким непониманием,— а потом и с отвращением,— к воинствующему монотеизму иудеев и христиан.

Если на почве религии верования различных народов перекрещиваются, смешиваются и объединяются, так сказать, практически, в форме культовых обрядов и церемоний, то философские учения, каждое из которых излагает определенное мировоззрение и стремится теоретически, рационально доказать свою правоту, принципиально обращаются ко всем людям вообще и не признают ни национальных, ни сословных, ни классовых границ между людьми. В этом отношении согласны между собою

даже враждебные друг другу школы: как древнейшие, сохранившие свою силу до первых веков нашей эры, учения киников и платоновской академии, так и более поздние школы эпикуреизма и стоицизма и, наконец, самое молодое, но в эту пору самое мощное учение — неоплатонизм. Эти философские учения говорят только о человеке как таковом; в числе последователей всех этих учений встречаются люди самого различного общественного и имущественного положения; ярыми и убежденными стоиками были и уроженец Испании, воспитатель Нерона, Сенека, и император Марк Аврелий, и раб Эпиктет; знатный провинциал, а впоследствии советник императора Траяна, Дион Хрисостом, в годы изгнания был бродячим проповедником кинизма.

Конечно, едва ли можно предполагать, что философия играла эту объединяющую, сглаживающую все различия роль для широких кругов населения — к ней было причастно сравнительно небольшое число людей; но все же с влиянием ее следует считаться при изучении «многоцветной» картины первых веков нашей эры.

Более значительную роль, чем чисто философские интересы, играла система образования, охватывавшая, разумеется, тоже только более культурные слои населения, но тем не менее являвшаяся мощным орудием нивелирования национальных и сословных различий; эта система, совершенно единообразная на всем пространстве необъятной империи, находилась в течение почти семисот лет в руках так называемых риторических школ.

Риторическое образование считалось необходимым для каждого, кто хотел принимать участие в общественной жизни и занимать гражданские и государственные должности. Процветавшее в Греции издавна (с IV в. до н. э.), оно было перенесено в Рим после покорения Римом Македонии (с II в. до н. э.), и немедленно стало пользоваться широким успехом. Однако в течение почти двухсот лет оно находилось преимущественно в руках греков, и множество молодых римлян либо обучалось искусству речи у приезжих греческих учителей, либо отправлялось на родину этого искусства — в Афины, Малую Азию и на Родос. Латинские риторические школы, открывшиеся в конце II — начале I в. до н. э., были вскоре закрыты по распоряжению сената, по-видимому, не желавшего, чтобы обучение красноречию стало доступным широкому кругу слушателей. Однако преградить путь все растущему интересу к этой области, конечно, не удалось, и уже от конца I в. до н. э. до нас дошли блестящие образцы школьной риторической практики — «Контроверсии» и «Суазории» Сенеки-отца; а от конца I в. н. э.— подробная теория красноречия Квинтилиана («Об обучении оратора») и «Диалог об ораторах» Тацита. И в дальнейшем римские и гре-

ческие риторы рука об руку работали над хранением, развитием и украшением своих родных языков.

Многие историки литературы крайне отрицательно относились к этой единой системе риторического образования: ее обвиняли в том, что она учила пустословию, что она ничтожеством своей тематики отучала от самостоятельной мысли и заменила поэзию вычурным краснобайством. Эти обвинения, говоря по существу, антиисторичны. В угасании широких общественных интересов в поздней римской империи повинны не риторические школы, а более глубокие социальные и политические причины. Если бы вся система образования в этих школах была совершенно чужда жизненным интересам своего времени, она не просуществовала бы почти семьсот лет; помимо того, она вовсе не была посвящена исключительно тренировке учащихся в риторических ухищрениях и фокусах — она давала возможность основательно познакомиться с великими поэтами и прозаиками прошлых веков, учила ценить родной язык, относиться к нему бережно и вдумчиво и, наконец, сумела сохранить и передать последующим поколениям многое из культурного наследия древности в области лексикографии, стилистики и истории литературы. К тому же риторическая школа объединяла в свое время всех образованных людей — от Испании до Понта и парфянских границ, от Британии до нильских порогов; наиболее разумные императоры, как Адриан и Антонины, очень ценили риторическую школу и поощряли ее деятелей.

Изучением теории и практики ораторского искусства и знакомством с творениями писателей прошлого, разумеется, не исчерпывалось в первые века нашей эры значение литературной деятельности вообще: художественная литература этого времени достаточно богата и поэтическими, и прозаическими произведениями, чтобы можно было с полной уверенностью ответить на вопрос, в русле какой из двух вышеназванных тенденций она шла и какой — сознательно или бессознательно — содействовала — объединительной или «сепаратистской». В такую эпоху, когда имелись противоположные стремления — и к сближению, и к расколу,— литература могла, пользуясь общегосударственным языком и поддерживая общегосударственные интересы, способствовать укреплению первой или, культивируя языки отдельных народностей, входивших в империю, и подчеркивая местные особенности областей, помогать второй. Литература первых веков нашей эры, несомненно, шла по первому пути — это литература римского государства в целом: оригинальность ее заключается только в том, что она пользуется не одним, а двумя общераспространенными языками. Поэтому и следует решить вопрос, играет ли в ней язык решающую роль, иначе говоря — можно ли считать литературу этой эпохи, написанную на латин-

ском языке, прямым продолжением собственно римской, а написанную на греческом — прямым продолжением классической и эллинистической литературы, или литература времени империи является как бы новой ступенью развития обеих своих предшественниц, когда они обе и по тематике, и по жанрам, и по стилю сливаются вместе. Для того, чтобы решение этого вопроса стало яснее, надо вкратце очертить соотношение между греческой и римской литературами до того, как Рим стал мировой империей.

Греческая литература является как бы старшей сестрой литературы римской; в III в. до н. э., когда Рим еще с трудом отстаивал свое самостоятельное существование, отражая нападения Карфагена, а его художественная литература делала свои первые шаги в комедиях Плавта, греческая культура уже господствовала на всем Переднем Востоке, в Причерноморье и в Египте, а греческая литература стала предметом научного исследования александрийских ученых, имевших возможность составить так называемые каноны, в которые входило по десяти лучших трагиков, комиков, лириков и ораторов, отобранных из огромного числа греческих писателей, проявивших себя в той или иной области.

Связь между Грецией и Римом началась давно, еще в первые века после образования римской республики, а, может быть, и еще раньше — сходный алфавит, заимствования в области религиозных верований и мифологических сказаний достаточно ясно свидетельствуют об этом; однако в течение нескольких веков развитие восточной и западной части европейского культурного мира шло различными путями и темпами; в более тесное соприкосновение эти части пришли во II в. до н. э., когда Рим, избавившись от опасности, постоянно грозившей ему со стороны Карфагена, повернул взоры на восток, столкнулся с македонской державой, с Сирией и с Египтом, победил первую и тем самым вступил как равноправный член в круг эллинизированных государств диадохов. Равноправие было недолговечным — меньше чем через полтораста лет весь Передний Восток и Египет стали римскими провинциями.

В течение всего этого времени с каждым десятилетием, если не с каждым годом, внешние и внутренние связи между Грецией и Римом крепли. Во внешних отношениях ведущую роль играл Рим; внутренние же отношения между греческой и римской культурой можно охарактеризовать, правда, с некоторым преувеличением, общеизвестными стихами Горация:

> Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
> В Лаций суровый внеся искусства.
>
> (Послания, II, 1, 156—157)

Превосходство Греции в культурном отношении отмечает и Вергилий в не менее известной характеристике, данной им в «Энеиде».

Будут другие ковать оживленную медь совершенней,
Верю! и будут ваять из мрамора лики живые,
Лучше защиту вести на суде, и движения неба
Вычертят тростью, и звезд восходы точно укажут.
Твой же, Римлянин, долг — полновластно народами править:
В этом искусства твои; предписывать мира законы,
Всех покоренных щадить и силой смирять непокорных.

(VI, 848—854, пер. Ф. Петровского)

Едва ли можно назвать какую-либо литературу, развившуюся вне всяких перенятых традиций, влияний и воздействий со стороны других народностей: долгое время таким чудесным самородком считалась именно литература древнегреческая; в настоящее время имеется немало исследований, устанавливающих с полной несомненностью наличие глубоко идущих связей Греции с Востоком. Римскую же литературу таким самородком не считал никто; напротив, ряд исследователей, подчиняясь авторитету Горация, называл ее копией с греческой литературы, гораздо менее ценной, чем оригинал; потребовалась немалая работа, чтобы обнаружить множество самобытных черт даже в тех произведениях римской литературы, которые на первый взгляд представляются сколком с греческих (например, «Эклоги» Вергилия или «Аргонавтика» Валерия Флакка). В настоящее время является общепризнанным, что римская литература, несмотря на наличие в ней ряда заимствованных моментов, все же развивалась отчасти параллельно литературе греческой, отчасти как бы повторяла некоторые ступени ее развития, в тех случаях, когда породившие их условия были сходны.

Греческую и римскую литературу принято объединять под общим названием «античной»; но в действительности они в течение нескольких веков были двумя самобытными величинами и только между II и V веком н. э. они слились по существу в единую литературу: индивидуальные черты каждой из них, если и не стираются окончательно, то во всяком случае затушевываются, и на первый план выступают типичные для этой эпохи общие черты, независимо от того, на каком языке написано то или иное произведение.

Литература поздней империи, конечно, не является монолитной, а распадается на несколько периодов: наиболее отчетливо выделяются три: II век и начало III века (время правления Антонинов и Септимия Севера); III век и первые десятилетия IV века (время смены военных императоров и узурпаторов и

эпоха Диоклетиана и соправителей); IV и V века (правление Константина и его преемников, разделение империи на Восточную и Западную).

После того, как отшумели бури I века н. э. с его многократной сменой правителей из родов Юлиев-Клавдиев и Флавиев, отделенных друг от друга периодом полной анархии между смертью Нерона и воцарением Веспасиана, II век н. э. явил собой настолько противоположную предшествующему веку картину относительного благополучия и даже благоденствия, что он не раз получал от историков название «золотого века Антонинов». Темные стороны этого времени — продолжающееся обнищание земледельцев во всех областях империи, упадок сельского хозяйства, все усиливающийся натиск пограничных варварских племен — не так ярко бросаются в глаза, как новый подъем, даже, можно сказать, расцвет культурной жизни, особенно архитектуры, литературы и искусства. Все четыре императора, именами которых отмечен II век,— Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий — старались быть не только деятельными и разумными администраторами, но и покровителями наук и искусств. Траян, будучи сам человеком суровым и воинственным, тем не менее с уважением и интересом относился ко всем проявлениям интеллектуальной жизни: так, греческий ритор и философ Дион Хрисостом, едва не погибший при Домициане и вернувшийся из изгнания уже в кратковременное правление Нервы, стал близким другом и даже советником Траяна и написал для него несколько речей о задачах правителя; есть предположение, что он помогал Траяну расширить его образование в области греческой литературы (возможно, что его XVIII речь о чтении древних поэтов и прозаиков, из которых он отдает особое предпочтение Ксенофонту Афинскому, написана им именно для Траяна). С такой же симпатией относился Траян и к Плинию Младшему, посланному им в качестве наместника в ту самую провинцию, которая была родиной Диона,— в Вифинию. Плиний, искушенный в судебных делах и литературных дискуссиях, оказался нерешительным и беспомощным правителем и Траяну пришлось не раз разъяснять ему его полномочия и обязанности, что он и делал снисходительно и терпеливо, хотя и несколько иронически (переписка Траяна с Плинием собрана в X книге писем Плиния).

Еще больше внимания уделял литературе и искусствам Адриан: риторические школы стали получать крупные субсидии от государства, на государственные средства воздвигались роскошные здания. Такую же политику продолжали и Антонин Пий, и особенно Марк Аврелий. Весь этот период принято называть «второй софистикой». Однако необходимо подчеркнуть, что между софистами V века до н. э. и теми, кто получил это

же название во II веке н. э., существуют коренные различия: древние софисты стремились к познанию в полном смысле этого слова: они создавали гносеологические и философские системы, пытались объединить и упорядочить космологические теории и были первыми учителями и основоположниками науки о языке; софистам II века научные интересы чужды: они посвящают себя совершенствованию словесного мастерства и ораторской техники, в которой они достигают больших успехов, но содержание их речей нередко бывает неглубоким, и они охотно изощряются в ораторских фокусах, например, в восхвалении предметов, не заслуживающих похвалы, как-то: лысины, пыли, мухи, или в декламациях на вымышленные темы и неправдоподобные ситуации. Тем не менее и эти произведения гораздо ближе к реальной жизни, чем обычно думают.

Кроме уже упомянутого философа-киника Диона Хрисостома, наиболее крупного из всех ораторов, широкой известностью пользовались во II веке риторы Герод Аттик, Полемон и Элий Аристид: они выступали и перед самими императорами и перед широкими кругами заинтересованных слушателей; в это же время блистали латинским красноречием в Карфагене Апулей (см. фрагменты «Флорид»), в Италии уроженец Египта Фронтон, учитель Марка Аврелия. Сам Марк Аврелий принимал живое участие в литературной жизни, посещал выступления поэтов и ораторов и писал одинаково свободно на латинском и греческом языках: свои заметки по философии, дошедшие до нас под заглавием «К самому себе», он писал на греческом языке.

Этот повышенный интерес к литературе и искусству сохранился еще и в правление Септимия Севера, жена которого Юлия Домна взяла на себя роль покровительницы и руководительницы духовных запросов, которую в предшествовавшем веке играли сами императоры. Ей удалось собрать вокруг себя писателей и философов, оставивших ряд любопытных сочинений: именно в это время выдвинулась литературная «династия» Филостратов; самый плодовитый из них, так называемый Филострат II, автор произведений различных жанров.

В области истории за данный период тоже появился ряд значительных трудов: интерес правящих кругов сосредоточивался главным образом на истории Рима, на времени конца республики и создания мировой державы; уже в конце I и в самом начале II века были написаны основополагающие труды Тацита и биографии Светония. Ко II веку относятся труды Аппиана (современника Антонинов), к III веку — сочинения Геродиана и Диона Кассия.

Насколько богата и разнообразна литература рассмотренного периода, настолько же скудно наследие, оставленное нам III веком: бесконечная смена императоров, пограничные войны,

внутренние распри и мятежи не могли создать благоприятных условий для литературного творчества. Диоклетиан, захвативший власть в 285 г., стал наводить суровый порядок в своей необъятной империи; он не был склонен ни к занятиям литературой и искусством, ни к поощрению тех, кого он, по всей вероятности, считал бездельниками. Литературная деятельность, конечно, не иссякла полностью, но общие интересы стали все более склоняться к религиозно-философским вопросам.

В центре внимания оказалось соперничество между язычеством и все более крепнувшим воинствующим христианством. Уже с конца II века христианство вышло из рамок тайной презираемой секты, проповедовавшей никому не понятное учение, и вступило в борьбу с язычеством. Христианские богословы и полемисты Тертуллиан, Ориген и Климент Александрийский — мыслители и писатели, хорошо образованные и владеющие и устным, и письменным словом. Почти одновременно в III веке выступают великие теоретики языческого неоплатонизма — Прокл, Порфирий и Плотин. И когда в начале IV века христианская религия была признана полноправной (а вскоре и господствующей), разразилась последняя схватка двух противоположных мировоззрений. Этот последний «агон» охватывает весь IV и почти весь V век. Оба эти века и на Западе и на Востоке богаты громкими именами ораторов и философов. Греческие писатели — Либаний, император Юлиан и Фемистий, греческие эпические поэты этого времени — Квинт, Трифиодор, Коллуф (незаслуженно низко оцененные), римские поэты — Авсоний, Клавдий Клавдиан известны как сторонники язычества. С христианской стороны выступают руководители греческой малоазийской церкви — Василий Великий, его брат Григорий Нисский, его соученик и друг Григорий из Назианза (поэт и теоретик христианского учения, получивший эпитет «Богослова»), а несколько позже их — Иоанн, которому за его красноречие было дано прозвище Златоуста (Хрисостома), как за 200 лет до него — уже известному нам Диону. Западная христианская церковь в IV и V веках тоже выставила ряд крупных деятелей — Иеронима, Амвросия Миланского и Августина, произведениям которого была суждена наиболее громкая и долгая слава.

Борьба язычества против этой новой силы и попытка языческой реставрации при Юлиане потерпела неудачу, но литературные произведения, вызванные ею к жизни, сохранили свою ценность, и благодаря им IV и V века остаются до нашего времени одной из интереснейших исторических эпох.

В начале V века на западную часть империи обрушились варварские нашествия, а к концу его гегемония Рима на Западе рухнула окончательно. В Европе началась новая эпоха, во время которой античная культура постепенно стала также «изнут-

ри» покорять своих разрушителей, как, по мнению Горация, Греция покорила Рим. Восточная же империя в течение V века постепенно перерождалась в ортодоксально-христианское государство под почти неограниченной властью византийских императоров. Последним веком подлинной а н т и ч н о й литературы следует считать V век. Далее речь может идти уже только об отголосках, рецепциях и подражаниях.

Проследив в общих чертах судьбы этой, по существу единой греко-римской (или римско-греческой) литературы, попытаемся наметить те ее характерные черты, которые позволяют говорить о ее внутреннем единстве.

Одной из наиболее характерных особенностей литературы этого времени является ее соотношение с научными исследованиями и философскими учениями. Чисто научный интерес и уменье исследовательски, творчески осмысливать и объяснять конкретные факты и явления идут на убыль; точные науки, достигшие таких крупных успехов в школе Аристотеля и у ученых эллинистического периода, развиваются медленно и уже не приводят к новым значительным результатам; только в медицине заметно сильное оживление: имена Галена (II век) и Орибасия (IV век), современника и друга императора Юлиана, прочно вошли в историю медицины. Из гуманитарных наук — кроме истории (о которой речь была выше) — достаточно успешно развиваются грамматика и лексикография; археология и география тоже делают несколько шагов вперед. Однако в общем преобладает тенденция к подведению итогов предыдущих достижений, к изучению и использованию старого наследия; ученые этого времени — энциклопедисты, они много читают, делают выписки, составляют сводки, компендии, систематизируют горы материала, но без должной критики, нередко перемежая важные сведения с фантастическими нелепыми вымыслами; чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть несколько страниц из сочинений Авла Геллия, Афинея или Макробия.

Старые философские учения — платонизм афинской Академии, кинизм, стоицизм и эпикуреизм — продолжали распространяться, то подвергаясь гонениям (например, при Домициане), то пользуясь поощрением (при Антонинах и Северах). Однако стремление творчески, активно подойти к разрешению мировых и общественных проблем постепенно ослабевало, уступая место вниманию к практической нравственности. Вопросы индивидуальной этики стали занимать первое место во всех школах, сглаживая противоречия между их учениями: два философских течения, в прошлом наиболее враждебные друг другу,— стоицизм и эпикуреизм,— приходят в области личной морали к одним и тем же советам и предписаниям: «мудрец» должен удаляться от общественных дел, находить внутреннее равновесие

и даже счастье только в себе самом и в сознании своей правоты; от этого остается один шаг до учения о презрении к земной жизни и о заботе о душе. Этот шаг и делает неоплатонизм: он открыто вводит в свое учение мистические элементы и проводит своих адептов через ряд тайных обрядов по образцу древних языческих мистерий. Поиски разрешения жизненных вопросов в пределах личной морали повлекли за собой увлечение мистическими культами, веру в невероятные явления, пророчества, знамения, сновидения и т. п. (см., например, фрагменты сочинений Флегонта, речь Юлиана «К сенату и народу афинскому»).

Это бегство от реальной жизни с ее суровыми требованиями и конфликтами, заметное уже у писателей эпохи эллинизма, еще ярче выступает у тех, кому довелось жить и творить под властью римских императоров; в связи с этим в литературе возникает одно своеобразное явление — повышенный интерес к миру животных: этот интерес отнюдь не носит чисто научного характера, как в школе Аристотеля и у позднейших перипатетиков, а диктуется стремлением к идеализации жизни зверей, птиц и даже рыб: животным,— говорят такие писатели, как Оппиан, Немесиан, Элиан,— доступны все лучшие чувства человека — любовь, дружба, верность, стыд, самоотверженность, но чужды худшие — намеренная жестокость и лживость. Для доказательства этих положений авторы приводят вперемежку тонкие и верные наблюдения и неправдоподобные, почти сказочные анекдоты.

Интерес к индивидуальной психологии человека, к его прирожденному характеру или к его типичным чертам, приобретенным в течение жизни, возник уже у Аристотеля и его учеников: как известно, «Характеры» Феофраста явились прототипом множества сочинений в последующие века; эллинистические поэты поддержали и развили эту тенденцию в своих поэмах и эпиграммах; то же углубленное внимание к личности отдельного человека заметно и у писателей поздней империи: именно в эту эпоху создаются первые «романы» (хотя этот термин применяется к античной повествовательной литературе с известными ограничениями). Во всех этих повествованиях центр тяжести перенесен во внутренний мир действующих лиц, и автор старается особенно ярко изобразить их переживания, чтобы вызвать интерес и сочувствие читателя: все личные чувства — влюбленность, семейные привязанности, внезапная страсть, любопытство, дружба и верность, ревность и подозрительность, разочарование, жадность и зависть — находят свое отражение в этих повестях, из которых большинство, к сожалению, дошло до нас не полностью.

Они «интересны» в нашем смысле слова, т. е. занимательны. Это стремление изобразить душевные переживания и мысли ря-

дового человека проявляется порой на материале, как будто мало пригодном для этой цели, а именно в новых переработках мифов глубокой древности (см., например, поэмы Квинта Смирнского, Коллуфа или прозаический «Дневник Троянской войны» Диктиса Критского).

Постепенно совершенствуется уменье изображать наглядно мелкие детали окружающей обстановки, повседневного быта, одежды и занятий действующих лиц: все эти черты можно без труда заметить и в «Эфиопике» Гелиодора, и в письмах Филострата и Алкифрона; даже имеются попытки применить тот прием, который теперь называют «речевой характеристикой»,— имитацию речи того или иного лица в зависимости от его занятий и общественного положения.

Это постепенное, но совершенно явное перемещение художественных тенденций из области общественных интересов и общезначимых типовых явлений в индивидуализированное изображение внутреннего мира оказало свое влияние и на отбор жанров, играющих ведущие роли в поздней античной литературе.

Соотношение литературных родов и жанров в эту эпоху как в греческой, так и в римской литературе иное, чем во все предшествующие периоды. Первое, что бросается в глаза в литературе греческой, это — почти полное отсутствие лирической поэзии: кроме нескольких дошедших до нас отнюдь не очень значительных стихотворений поэта II века Месомеда (см. стр. 29), мы имеем от этих веков только эпиграммы; некоторые из них — особенно эпиграммы Паллада — имеют художественную ценность, но их все же нельзя назвать лирикой в полном смысле этого слова.

В римской литературе в этот последний период ее существования выдвигается ряд поэтов, оставивших нам немало хотя и не слишком глубоких, но чрезвычайно изящных и разнообразных по форме стихотворений именно на те темы, которые принято называть «лирическими»: в них воспевается красота, юность, весна, любовь. Многие из поэтов этого времени — едва ли не лучшие — остались безымянными: таковы авторы «Ночного празднества Венеры», «Гимна Солнцу», «Песни гребцов». Сборник этой поздней лирики, известный под названием «Латинской Антологии» и составленный, по-видимому, в начале VI века, является последним образцом лирики языческого мира.

Кроме этих «осенних цветов», до нас дошли многочисленные стихотворения прославившегося в IV веке поэта Авсония, уроженца Галлии, достигшей к этому времени высокой степени культуры и славившейся своими университетами в Бурдигале (Бордо) и в Отёне. Авсоний — образованный и плодовитый поэт и искуснейший версификатор, но лишь немногие его творения продиктованы подлинным живым чувством, большинство

их — продукт школы и размышления; немало и хитроумных фокусов, которые даже сам Авсоний верно оценил, назвав их «Шутки мастерства».

Как это ни странно, гораздо выше в отношении выражения искренних чувств стоят безыскусственные, нередко нарушающие метрическую схему эпитафии, найденные на надгробных памятниках: многие из них отступают от традиционных форм и дают живую характеристику умершего или высказывают в наивной и трогательной форме горестные чувства, вызванные утратой близких.

Еще беднее представлено драматическое творчество этого времени: как видно, уже Плиний не напрасно сетовал на падение вкусов зрителей, которые всякому серьезному представлению предпочитали плясунов и пантомимов, разыгрывавших сцены, порой весьма непристойные. Кроме небольшой латинской комедии «Кверол», до нас не дошло никаких образцов драматического искусства, да и сведения о нем крайне скудны. Христианская драма «Христос страдающий» по своей теме уже предваряет средневековые драмы на религиозные темы, а по композиции не является самостоятельным произведением какого-либо христианского поэта (прежде ее ошибочно приписывали Григорию из Назианза, «Богослову»). Эта драма составлена из отдельных стихов трагедий Эсхила и Еврипида, а также из поэмы «Александра» эллинистического поэта Ликофрона. Такого рода сочинительство получило название «центонной» (т. е. «лоскутной») поэзии и являлось по существу литературным фокусом, забавлявшим людей эрудированных — поскольку для составления такой стихотворной мозаики требовалась огромная память и начитанность,— но лишенных самобытного таланта. Пример такого же «центонного» произведения на латинском языке дал Авсоний, составивший из полустиший «Энеиды» Вергилия описание свадебного празднества. Авсоний предпринял этот бесполезный труд будто бы потому, что поспорил с императором Валентинианом, утверждавшим, что ни в одном произведении Вергилия нет ни одного грубого слова и ни одной неприличной сцены; Авсоний взялся доказать обратное и составил свое описание свадьбы с непристойнейшими подробностями, не прибавив ни одного своего слова.

В противоположность лирике и драме неожиданно переживает последний расцвет эпическая поэзия на обоих языках. Большинство поэм посвящено древним мифологическим сюжетам: в них оживает Троянская война, поход аргонавтов, различные мифы о богах, приобретающие иногда мистический или философский характер (например, в поэмах Нонна и Клавдия Клавдиана). У большинства историков античной литературы

все эти поздние эпические поэмы — за исключением небольшого эпоса «Геро́ и Леандр» — пользуются дурной славой бесталанных эпигонских произведений. Однако такое суждение слишком сурово и недостаточно обосновано: конечно, надо признать, что они излишне многословны и не выполняют того требования, которое Аристотель предъявляет к эпической поэзии: «она не должна походить на обыкновенные повествования, в которых неизбежно является не одно действие, а одно время... Однако же большинство поэтов делает эту ошибку ... Гомер ... представляется необычайным в сравнении с другими: он не замыслил описать всю войну, ... так как рассказ должен был бы сделаться чересчур большим и нелегко обозримым. А прочие сочиняют поэмы относительно одного лица, вращаются около одного времени и одного раздробленного действия, каковы творцы „Киприй" и „Малой Илиады"» («Поэтика», 23). Эта характеристика киклических поэм подходит и к позднему эпосу: поэмы Квинта Смирнского и Трифиодора рассказывают подряд события последнего периода Троянской войны, т. е., по выражению Аристотеля, вращаются вокруг одного времени; поэма Нонна повествует с величайшими подробностями о «житии» Диониса, начиная с его родословной (похищения Европы и свадьбы Кадма и Гармонии), т. е., как сказал Аристотель, вращается вокруг одного лица.

И все же, несмотря на невыполнение требований творца «Поэтики», эти поэмы далеко не лишены художественных достоинств; кроме того — и это, может быть, еще важнее — в своем мифологическом обличье они верно и подчас очень тонко изображают душевные переживания и дают представление об умственном уровне своих современников. Интересно также пользование некоторыми художественными приемами натуралистического характера и попытки комбинирования жанров: так, Нонн и Коллуф вводят в эпическое повествование мотивы буколики и анакреонтики.

Следует особо отметить стремление людей этого времени к дидактизму, которое нашло свое отражение в произведениях двоякого рода, в баснях и в стихотворных поучительных сентенциях. До нас дошли, хотя и не полностью, два сборника басен: на греческом языке басни Бабрия и на латинском языке басни Авиана. Их первоисточником являлись общераспространенные сборники басен Эзопа, но позднее авторы вносили в них и некоторые новые мотивы (см. введение к образцам басен Бабрия, стр. 93).

В греческой литературе издавна существовала особая форма философских и моральных изречений — «гном»; всем известны были так называемые «Изречения семи мудрецов»; нередко превращались в ходячие гномы и высказывания оракулов. Эпоха,

о которой идет речь, тоже оставила нам довольно большой сборник изречений в виде дистихов и моностихов, которому впоследствии было придано древнее имя Катона (история этого заголовка неясна). Этот сборник ярко отражает сухую, резко индивидуалистическую, порой даже человеконенавистническую мораль современной ему эпохи. Судьба этого сборника очень своеобразна: в течение многих веков ему был обеспечен широкий успех, для нас непонятный: все средневековье и время от XVI вплоть до XVIII века (особенно в Германии) превозносило его; он переводился много раз на новые языки, а после изобретения книгопечатания издавался едва ли не каждые десять лет. Это весьма показательно для мировоззрения тех исторических периодов, когда он пользовался таким почетом.

В противоположность незначительности позитивных моральных правил, изложенных в дистихах «Катона», именно эпоха римского владычества оставила нам наилучшие образцы, так сказать, негативной дидактики, т. е. сатиры: Лукиан, сириец из Самосаты, подверг своей остроумнейшей и беспощадной критике все стороны современной ему эпохи, осмеяв и уже изжившие себя языческие верования и мифы, и мистические культы своего времени, их проповедников и приверженцев, и риторические фокусы в истории и литературе, которые были ему особенно хорошо известны потому, что и сам он немало потрудился на этом поприще.

О том, насколько метки насмешки Лукиана над злоупотреблением риторическими приемами и неуместными украшениями в современной ему прозе, мы, к счастью, можем судить, полагаясь не только на его утверждения, но и на основании самих образцов подобной риторической прозы в виде нескольких дошедших до нас «романов», сохранившихся либо полностью, либо в фрагментах или извлечениях; наиболее знамениты: латинский роман Апулея «Метаморфозы» (более известный под названием «Золотой осел») и прославившаяся во всей позднейшей литературе греческая буколико-эротическая повесть Лонга «Дафнис и Хлоя» (как имя ее автора, так и время ее написания, несмотря на множество исследований, посвященных ей, остаются до сих пор вопросом спорным).

Наряду с романами, сочетающими основную любовную фабулу с всевозможными приключениями (похищениями, разлукой и встречей, узнаванием, мнимой смертью и т. п.), до нас дошли несколько повестей более серьезного содержания: таков длинный (в восьми книгах) философский роман «Жизнь Аполлония Тианского», содержащий в себе интересные данные о верованиях и суевериях этого времени; таковы варианты «исторического» романа псевдо- Каллисфена об Александре Македонском; да и в чисто исторических сочинениях, как у Геродиана или Ди-

она Кассия, влияние романических мотивов и риторического оформления заметно дает себя знать. Пользуется успехом и псевдоисторический анекдот, образцы которого мы имеем в «Различных историях» Элиана.

Уже в последнем веке Республики и в Ранней империи стал слагаться новый литературный жанр — эпистолография: первые и наиболее блестящие ее образцы — письма Цицерона и Плиния Младшего — стоят на грани между подлинной перепиской и литературным произведением; и если письмам Цицерона была придана форма тематических сборников не им самим, а сперва его ученым вольноотпущенником Тироном, а потом его позднейшими поклонниками, имена которых остались неизвестны, то в подборе писем Плиния, сделанном им самим, уже чувствуется рука опытного литератора, стремящегося увлечь читателя красотой слога и разнообразием материала. В течение II—V веков эпистолография продолжала с успехом развиваться по этим двум линиям — подлинной и художественно-фиктивной — и оставила нам на обоих направлениях много интересного: едва ли какие-либо сборники писем в новой европейской литературе могут поспорить по живости и искренности с письмами императора Юлиана, Либания и Синесия; а в вымышленных письмах Филострата, Алкифрона и даже в шутливых записках, приложенных к сочинениям Элиана, умело очерчены разнообразные характеры людей самых различных профессий — и простодушных крестьян и рыбаков, и легкомысленной молодежи, и угрюмых моралистов и мизантропов. Имеются даже как бы «романы в письмах» — переписка Менандра и Гликеры, а также «Письма Хиона из Гераклеи».

Переходной ступенью от чисто художественных жанров к деловой и научной прозе является ораторское искусство: оно, как уже было сказано, переживает в течение рассматриваемого времени две кульминации — во II и в IV веках. Представители первой — Герод Аттик, Элий Аристид, Полемон (греческие ораторы) и Апулей и Фронтон (латинские ораторы)— пользовались в свое время шумной славой, но едва ли играли большую роль как в общественной жизни своего времени, так и в истории ораторского искусства и художественной прозы. Напротив, ораторы IV века — Либаний, Фемистий, сам Юлиан и несколько позднее Синесий стремились, по образцу ораторов древности, принимать деятельное участие в решении реальных насущных вопросов современности — во внутренней и даже во внешней политике, в назначении наместников в провинции, в организации образования и т. п. Их голос слышен не только в панегириках, а порой и в речах протестующих и осуждающих. Эти последние языческие ораторы — достойные антагонисты крупнейших христианских ораторов и организаторов церкви, о кото-

рых была речь выше,—Василия, двух Григориев, Иоанна, Климента и других руководителей христианских общин.

Кроме обширных исторических трудов, охватывающих крупные периоды (как труды Аппиана, Геродиана, Диона Кассия и последнего значительного историка древности — Аммиана Марцеллина), в поздней греческой литературе был разработан жанр исторической биографии; начиная с знаменитых «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, составленных еще на грани между I и II веками, создаются серии биографий: философов — Диогеном Лаэртским во II веке, ораторов (по тогдашней терминологии — «софистов») — Филостратом в III веке. Хотя во всех этих сочинениях имеются черты эклектизма и недостаточной тщательности в использовании источников, но все же трудно представить себе, какими незначительными материалами располагали бы исследователи истории Рима, особенно ее позднего периода, если бы судьба не сохранила нам произведений этих подчас хулимых авторов.

Страсть к составлению обзоров, энциклопедий и компендиев породила несколько произведений, которые почти невозможно читать подряд. Но они тоже далеко не бесполезны: не будь у нас в руках «Аттических ночей» Авла Геллия, мы не имели бы образцов той старинной римской прозы («Начал» Катона Старшего), которую Цицерон, несмотря на свое преклонение перед Катоном, называет «жесткой». Много интересных сведений о Вергилии дают Макробий и составитель лучшего комментария к Вергилию — Сервий, выведенный тем же Макробием в качестве одного из собеседников в его «Сатурналиях». Наконец, даже в самом хаотическом сочинении этого жанра — в «Пирующих софистах» Афинея — среди гор анекдотов и ненужных подробностей встречаются ценные замечания и наблюдения бытового характера, а порой и важные эксцерпты из недошедших до нас писаний древнейших авторов.

Вера в колдовство, в силу заклинаний, в дурной глаз сопровождала античную литературу во все века ее существования; но, должно быть, она никогда не расцветала так пышно и не приносила таких уродливых плодов, как в века, предшествующие концу этой литературы. Можно только удивляться тому, какие дикие небылицы собрал Флегон в своем сочинении «О невероятных явлениях», в каком серьезном тоне, с какой глубокой убежденностью истолковывает смысл сновидений Артемидор в своем «Соннике»; и среди многих полезных литературных сведений тот самый Макробий, который посвятил немало труда философскому истолкованию «Сна Сципиона» из книги Цицерона «О государстве»), сообщает о том, что свиное мясо разлагается особенно быстро при лунном свете, если в него не воткнуть предварительно медный нож.

В кратком очерке трудно, даже невозможно охватить все разнообразные литературные жанры той эпохи, которую мы с самого начала характеризовали как «пеструю и многоцветную». Одни из этих жанров богаче развертываются на Востоке, другие — на Западе, но все они в целом составляют единую литературу, верно отражающую свое время даже в его мелких, незначительных чертах, ускользающих от поверхностного взгляда.

Против положения о внутреннем единстве поздней античной литературы можно, конечно, возразить, что все же язык, на котором написано то или иное произведение, проводит резкую границу между литературой греческой и римской. Однако при ознакомлении как с самими произведениями, так и с биографиями их авторов нетрудно установить, что в эту эпоху язык является скорее внешним, едва ли не случайным признаком. Выбор того или другого языка зависит нередко даже не от происхождения и места рождения писателя, а от его личных вкусов, литературных симпатий или от случайных обстоятельств — места воспитания, службы или жительства. Большинство писателей II—V веков пользуется более или менее свободно обоими языками: владея только греческим языком, нельзя было рассчитывать на занятие государственных должностей в административном аппарате императорского Рима и даже можно было испытывать неудобства в сношениях с представителями римских властей; владея же только латинским языком и будучи слабо знакомым с греческой литературой, писатель не мог считаться образованным человеком в полном смысле слова.

Биографии писателей II—V вв. н. э. представляют весьма пеструю картину: среди них почти нет уроженцев материковой Греции, очень мало и чистокровных римлян; напротив, широко представлены все области империи — от Понта до Испании: Северная Африка, Египет, Сирия, Малая Азия, Галлия — все посылают своих сыновей в литературу. Даже имя писателя — греческое или латинское — не говорит ничего ни о его происхождении, ни об избираемом им языке: Квинт Смирнский, носящий латинское имя, пишет греческую поэму; уроженец Пренесте Клавдий Элиан, римские императоры Марк Аврелий и Юлиан тоже пишут по-гречески, как и сириец Лукиан и египтянин Нонн; напротив, греки Аммиан Марцеллин и Феодосий Макробий пишут по-латыни. От поэта Клавдиана сохранились стихотворения, от ритора Фронтона — письма на обоих языках.

Историки Рима Аппиан, Геродиан и Дион Кассий, стремясь к широкому распространению своих сочинений на Востоке, пользуются греческим языком; Апулей, уроженец африканской колонии Мадавры, называет себя греком, а свой латинский язык считает несовершенным, хотя славится как латинский оратор. Энциклопедисты — Афиней, пишущий по-гречески, Авл Геллий

и Макробий, пишущие по-латыни, работают настолько одинаковыми методами, настолько близки друг к другу по своим приемам и по направлению своих интересов, что, читая их произведения, невольно забываешь, чье сочинение держишь в руках.

Большинство историков античной литературы называет время от II до VI века периодом «упадка» литературного творчества и отмечает как его характерную черту отсутствие широких общественных интересов, живых откликов на современные события и глубоких философских мыслей; эти упреки далеко не всегда справедливы: когда литературе этого периода будет уделена хотя бы половина или четверть того внимания и того скрупулезного, порой даже мелочного анализа, которому уже в течение многих веков подвергаются произведения классических периодов греческой и римской литературы, то в ней найдется немало и откликов на современность и философских мыслей. Разумеется, каждая литература связана со с в о и м временем, и произведения, отражающие эпоху распада и крушения определенного общественного строя, не могут внушать ни радостного героического подъема, ни гордого оптимизма: чем они правдивее, тем они ценнее, и в этом отношении поздняя античная литература вполне выполняет свою задачу.

Более близкое знакомство с нею, помимо чисто художественного интереса, необходимо и историкам и литературоведам: и тот, кто работает над классическими литературами Греции и Рима, должен знать, как и почему слились впоследствии эти два потока; и тот, кто посвятит свой труд литературе средневековья, должен уметь проследить, как претворилась не только классическая, но и поздняя античная литература и на Западе и в Византии: Запад не выдержал натиска новых завоевателей, но покорил своих «победителей диких» так же, как некогда Греция, по мнению Горация, победила Рим; Византии же судьба разрешила еще в течение целого тысячелетия хранить наследие древности, чтобы передать его в руки новых наций Запада и Востока.

ГРЕЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ

МЕСОМЕД

Биографические сведения о поэте Месомеде крайне скудны: он был вольноотпущенником императора Адриана, пользовался его покровительством и имел успех у своих современников, а впоследствии и в Византии. Тем не менее из его стихотворений до нас дошло мало: в «Палатинскую Антологию» включены только две его эпиграммы («Загадка», XIV, 63 и «Изобретение стекла», XVI, 323); в XVIII веке был опубликован немецким филологом Брунком «Гимн Немесиде», тогда же привлекший к себе внимание любителей и переведенный в течение одного десятилетия на немецкий язык три раза (Кристианом Штольбергом в 1782 г., Гердером в 1786 и И. Ф. Дегеном в 1787 г.). Деген, как и Гердер, высоко оценил художественные качества этого гимна. «Этот хвалебный гимн,— писал он,— как я полагаю, и по своему содержанию и по соблюдению античной формы, принадлежит к самым прекрасным гимнам, которые дошли до нас».

В начале XX века знакомство с Месомедом несколько углубилось, так как австрийский ученый К. Горн в 1906 г. опубликовал еще девять стихотворений, найденных им в рукописи XIII века в Венской библиотеке. Наконец, в 1921 г. Виламовиц-Меллендорф в своем большом труде «Griechische Verskunst» подверг метрическому анализу все двенадцать стихотворений Месомеда, но не примкнул к похвальным отзывам своих предшественников, а высказался о Месомеде довольно иронически: «Все его творчество, вероятно, казалось в ту пору образцом нового стиля,— на нас оно производит впечатление полного отсутствия стиля, подобно прозе его современников-софистов, которые, как Филострат в «Картинах», заимствуют у своих предшественников что попало».

Некоторые стихотворения Месомеда, найденные Горном, были снабжены нотными знаками и привлекли внимание музыковедов. Для историка литературы они интересны тем, что ярко отражают религиозный синкретизм II в. н. э. (см. «Гимн Солнцу» и «К природе») и дают указания на уровень астрономических знаний и техники (см. «Часы»). Кроме того, Месомед является единственным поэтом II века, от которого до нас дошли стихотворения лирического характера в собственном смысле слова.

Кроме приведенных ниже стихотворений, Месомеду принадлежат: небольшой «Гимн Исиде», «Часы» (короткий вариант), «Описание губки» (Месомед посылает ее в подарок своей возлюбленной), маленькое стихотворение «Лебедь» и басня «Комар».

ЗАГАДКА

Эта дева идет, и ползет, и летит:
Скажешь «львица» — но лап не хватает у ней;
Глянешь спереди — женщина с птичьим крылом,
Глянешь сбоку — там тело рычащего льва,
Глянешь сзади — змея завилася в кольцо.
Глянешь разом на все — ни змея, ни жена,
Ни крылатая птица, ни дикий зверь.
Ибо нет у жены пары стройных ног,
Ибо львица молчит — нет у ней головы.
В этой деве природа смешала все,
Безобразное вместе с прекрасным.

(Разгадка — сфинкс)

ИЗОБРЕТЕНИЕ СТЕКЛА

Отломил кузнец-работник
Раз неведомый кристалл
И в огонь его закинул,
Как железную руду.
Но кристалл, подобно воску,
Растопился, разогретый
Пожирающим огнем.
Изумились люди, видя,
Как поток из печи хлынул,
А работник, побоявшись
На куски разбить кристалл,
Поспешил его щипцами
Снова вынуть из огня.

ГИМН НЕМЕСИДЕ

Немесида крылатая, жизни судья,
С темным взором очей, Справедливости дочь!
Ты порыв необузданный смертных людей
Укрощаешь уздою железной.
Ненавистна заносчивость злая тебе,
Гонишь прочь ты черную зависть.

Неустанное мчится твое колесо,
Но не видно следов — и вращается с ним
Вместе счастье людей. Ты, неслышно скользя,
Гордеца к земле пригибаешь.

Своей мерой ты меряешь жизнь людей
И, склоняя ниц свой суровый взор,
Ты весы сжимаешь рукою.

О, блаженная, будь милосердна к нам,
Немесида крылатая, жизни судья!
Немесиде бессмертной, нелживой поем
Эту песнь, вместе с ней Справедливость хваля,
Ту, что к нам прилетает на мощных крылах,
Ту, что может надменное сердце людей
Покарать возмездьем в Аиде.

К ПРИРОДЕ

Начало всех рождений,
Родительница мира,
Ты — мрак, ты — свет, ты — тайна,
Ты все слова впиваешь
И Зевса чад приводишь
К могущественной Рее;
Но речи все людские
Ты судишь по деяньям.
Пускай мой дух отныне
Идет прямой дорогой,
Язык — нелживым словом,
А члены тела станут
И гибки, и могучи
На срок всей жизни этой.
А ты, в лучей сияньи,
Ты озаряешь землю,
Негаснущее пламя!
Взгляни на нас очами,
Пролей блаженства влагу.
Тебе поем, Пэану [1];
К тебе я жизнь направлю,
Живя в непрочном теле.
Титан [2], будь милосердным
К несчастным людям в узах.

ГИМН СОЛНЦУ

Пусть затихнет весь эфир [1],
Суша, ветры и моря!
Горы, долы замолчат
И напевы звонких птиц.

Скоро, скоро к нам придет
Феб [2] в сверкающих кудрях.
Это ты — отец светлооких Зорь;
Мчишься по́ небу ты на пурпурных конях
Летучей тропой по незримым путям,
Рассыпая блеск золотых кудрей
В безграничных просторах небесных.
Ты сплетаешь, сгибая, друг с другом лучи;
Многозрящих молний потоком
Обвиваешь отвсюду ты землю кругом,
И бессмертного пламени реки текут,
Продолжая сиянье дневное.
Для тебя хороводы божественных звезд
Над Олимпом проходят по кругу
И тебе непрерывно возносят хвалу,
Утешаемы лирою Феба.
А пред ними идет голубая луна [3]
И ведет за собою часов толпу
И стада белоснежных барашков [4],
И тобой наслаждается разум благой,
Обнимая весь мир многоликий.

ЧАСЫ [1]

Кто из меди создал искусной рукой
Бег блаженных богов в пределах дня?
Кто построил звезд оборот в кругу,
Этот медный образ вселенной?
Кто измерил прекрасных законов ход,
Начертив неизменный чистый путь
По звериным [2] двенадцати знакам?
Здесь по кругу изваяны мощным резцом
Небес золотые светила.
Вот с шерстью кудрявой жирный баран,
Вот рогатый телец средь толпы Плеяд,
Силачей-близнецов одинаковый лик,
Рак, несущий клещи на своих плечах,
Вот могучий грозящий образ льва,
Златокудрая нежная дева;
Коромысло весов, смертных верный суд,
Скорпион с жестоким оружьем.
Стрелоносец искусный, дерзкий кентавр,
Козерог, что двулик и прекрасен,
Водолей, изливающий струи дождя,
И в пучине живущие рыбы.

В середине же камень порядок блюдет
И, храня свою верную меру,
Сам путем не идя, указует он путь
Хороводам светил, размеряя их шаг.
Так искусство являет здесь мудрой рукой
Нам небес непрерывную распрю.
Смертным людям медной игрушки круг
Раскрывает дня измеренье.

К АДРИАТИКЕ

О глубокая Адрия! Как я начну
Воспевать тебя, море седое?
Что за ключ иль родник породили тебя?
И, скажи, как священные воды
Без ограды земной так в себе ты хранишь,
Что нигде их паденья не видно?

Не пасут здесь быков, здесь и птиц не видать,
Не играет пастух на свирели;
Всюду воды одни и воздушный простор;
Лишь склоняются звезд хороводы к тебе
Да с блестящей уздою Селена [1],
И Плеяд [2] благородных большая семья.

Дай, владычица, землю мне вновь узреть,
Дай нам ласковый ветер попутный.
И, увидевши мать всей земли, тебе
Дам я в дар круторогого агнца.

ОППИАН

Поэт Оппиан жил во второй половине II в. н. э. В словаре Свиды ему приписывают три поэмы: «О псовой охоте», «О рыбной ловле», «О ловле птиц». Две первые дошли до нас, по-видимому, полностью, третья — в сухом прозаическом парафразе византийского писателя Евтекния. Вопрос о том, принадлежат ли все поэмы одному и тому же писателю, остается спорным; между поэмами «О псовой охоте» и «О рыбной ловле» заметна некоторая полемика — в первой занятие охотника характеризуется как дело трудное и опасное, а жизнь рыбака обрисована в идиллических тонах, во второй — наоборот: охотник всегда находится на твердой земле, а жизнь рыбака зависит от прихотей моря; имеются также параллельные эпизоды, которые могут быть истолкованы как заимствование. Однако более убедительных доказательств в пользу существования двух разных авторов этих поэм привести нельзя. Биографические сведения об Оппиане, данные Свидой, довольно интересны: его отец, крупный чиновник в Киликии, был изгнан из родного города при Антонине Пии, когда будущий поэт был ребенком. После того, как Антонина сменил у власти Марк Аврелий, юноша Оппиан написал поэму «О рыбной ловле» и посвятил ее новому императору и его сыну Коммоду, которым она настолько понравилась, что поэт, по преданию, получил по золотой монете за каждый стих и вместе с семьей вернулся на родину (см. ниже стихи о возвращении изгнанника). Умер Оппиан молодым, немногим старше 30 лет.

Интерес к миру животных и идеализация их «беспечальной» жизни характерны для поздней античной литературы и естественным образом вытекают из основного настроения культурных слоев населения и в Греции, и в Риме — разочарования в государственной и общественной деятельности и желания бежать от нее в нетронутую природу (ср. пролог к «Псовой охоте» Немесиана). Однако Оппиан не закрывает глаза на вражду, существующую и в мире животных (например, он описывает жестокие битвы между оленем и змеями, между полипом и муреной), и на трудности жизни охотников и рыбаков (см. отрывок «О ловле губок»). Обращение поэта к «стоику на престоле», Марку Аврелию, вполне закономерно: в обеих поэмах проводится мысль о незыблемости и целесообразности мирового порядка, восхваляются чувства дружбы и любви, а страсти, вражда и ревность сурово осуждаются. Временами заметно даже сентиментальное отношение к погибающим животным, противоречащее основной теме поэм.

Обе поэмы, особенно поэма «О рыбной ловле», местами слишком многословны, а софистический прием введения речей и бесед между животными производит несколько комическое впечатление. Именно над этими подробностями подшучивает анонимный поэт («Палатинская Антология», XVI, 311):

Всех обитателей моря собрал Оппиан в своей книге
И приготовил гостям он нескончаемый пир.

О ПСОВОЙ ОХОТЕ

(Вступление)

Я воспеваю с любовью охотника славное дело.
Это — приказ Каллиопы, а с нею — самой Артемиды.
И, повинуясь, как должно, я выслушал волю богини,
Дал я покорный ответ, услышав слово такое:

АРТЕМИДА

Встань! Ты за мною пойдешь дорогой крутою и трудной;
Песней своею никто из смертных ее не коснулся.

ОППИАН

Милость яви мне свою! и все, что в мыслях таишь ты,
Смертною речью моей я всем передать попытаюсь.

АРТЕМИДА

Я запрещаю хвалить трехлетнего горного Вакха [1]
Иль Аонийские хóры близ струй потока Асопа [2].

ОППИАН

Я, коль велишь ты, забуду Сабасия [3] бденья ночные,
Сына Фионы не раз восхвалял я в праздничном хоре.

АРТЕМИДА

Не говори о героях, об Арго, плывущей по морю [4],
Ни о жестоких боях, об Аресе, губителе смертных.

ОППИАН

Да, я забуду о битвах, о страшных деяньях Ареса;
Я уже пел о Парфянских боях под стеной Ктесифонта [5]

АРТЕМИДА

Также о гибельной страсти молчи, о любовных влеченьях;
Я ненавижу приманки и чары «из моря Рожденной» [6].

ОППИАН

Да, я слыхал искони — ты, блаженная, брака не знаешь.

АРТЕМИДА

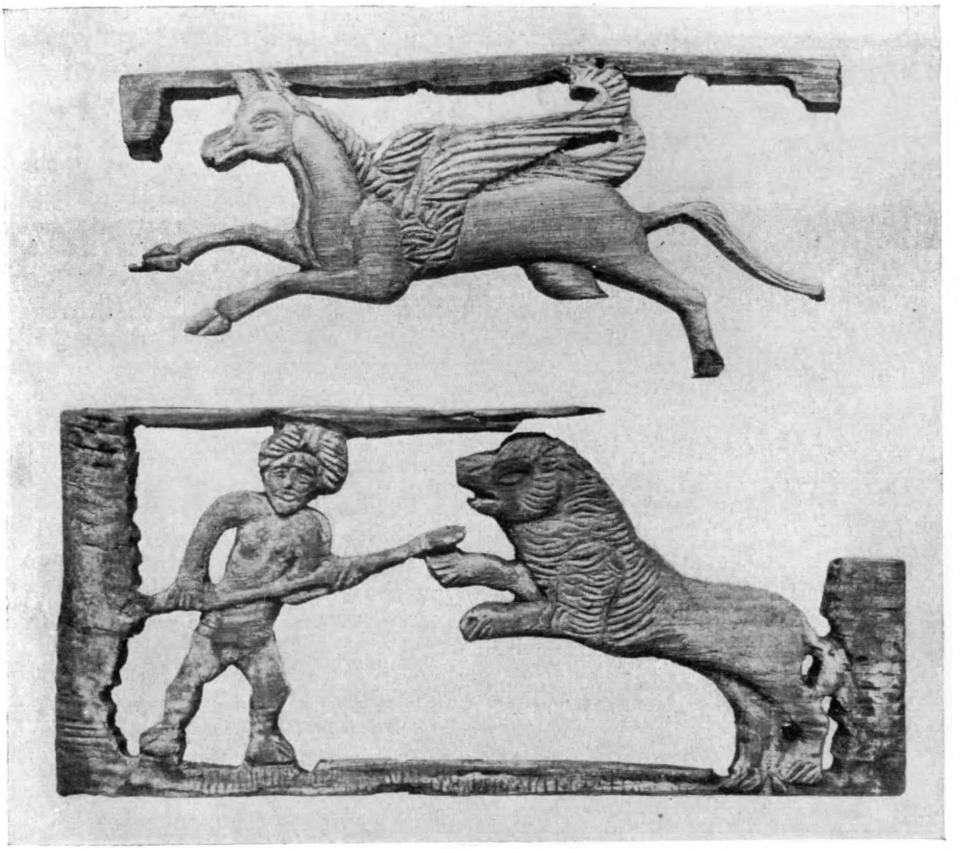
Ты же опишешь сраженья зверей и охотников смелых,
Пестрые своры собак и коней различной породы,
Замыслы хитрых ловцов и смелый труд следопыта.
Ты про вражду меж зверей расскажи и про верную дружбу,
Брачные игры в горах ты воспой и любовь без рыданий,
Ложе, где юный детеныш родится без помощи бабки.

Эти заветы дала мне дочь великого Зевса [7].
Им повинуясь, пою; о если б я мог их исполнить!

О РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

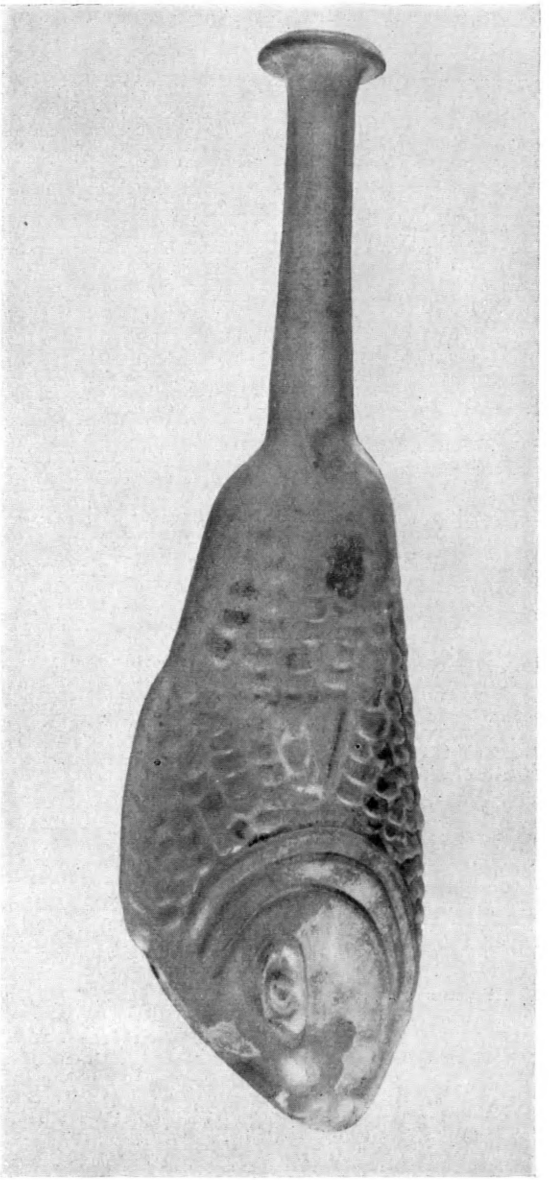
(I, 646—733)

Все, что, в морях обитая, рождают потомство живое,
Крепко детенышей любят и с нежной заботой лелеют.
Но по природе своей к божеству всех ближе дельфины.
Некогда были дельфины людьми, города населяли
С прочими смертными вместе: но дал Дионис им веленье
Сушу сменить на пучину и в рыб навсегда превратиться,—
Только по виду — но душу иную они сохранили,
Разум остался у них и с людьми они сходны в поступках.
Если родятся у них близнецы — лишь двое, не больше,—
Вместе они остаются друг с другом; близ матери милой
Плавают, весело скачут, в открытую пасть заплывая,
Между зубами играют и держатся близко к родимой.
С нежною лаской она, любуясь своим порожденьем,
Кружится возле детей и ими, как видно, гордится.
Кормит обоих за раз, чтоб тому и другому достался
Сладкий поток молока; ибо так божество повелело,
Чтобы подобна была она женщине, грудью кормящей.
Долго детенышей малых она и питает, и холит;
Крепнут они, подрастая, и вот уже время настало:
Мать их ведет за собой на ловлю различной добычи,
Учит заботливо их, как за рыбой охотиться надо.
Впрочем, близ них остается, за ними следя неотступно,
Вплоть до того, как в силу войдут и смелыми станут.
Но молодые и после у старших всегда под надзором.
Верно, не раз ты дивился, чудесное зрелище видя,
Радость, утеху для глаз; коли плыть доведется по морю,
В легкую зыбь иль — лучше еще — при полном затишье,
Можешь стада увидать морских красавцев-дельфинов.
Стаей плывут впереди молодые дельфины, играя,
Словно подростков цветущих толпа, что, сплетаясь кругами,
Пестрый ведет хоровод, разноцветной блистая одеждой.
Следом за ними плывут, кто старше и ростом крупнее,
Младшим охраною верной служа; так слабых ягняток
Гонят весною на луг пастухи, следя неусыпно.
Так же из школы домой толпой возвращаются дети,
Следом идут по пятам воспитатели старые чинно,
Те, кто внушает питомцам стыдливость, приличья и разум,—
Ибо лишь старость одна рассудительным делает мужа.
Вот почему и дельфины с детей своих глаз не спускают,
Их провожают всегда, чтоб с ними беды не случилось.
Впрочем, с не меньшим вниманьем о чадах пекутся тюлени.
Самка тюленья питает детей молоком изобильным;
Знает о часе рожденья она наперед и не в море



Охота

Украшение деревянного саркофага I—II вв. н. э.



Стеклянный сосуд в виде рыбы

Мук она ждет родовых, а рожать на берег выходит.
Вместе с потомством проводит двенадцать суток на суше,
Но на тринадцатый день, лишь только заря загорится,
Взяв малюток в объятья, спускается в волны морские,
С радостью гордой она знакомит их с краем родимым.
Так, если женщина, чадо родив на чужбине далекой,
Снова вернется в отчизну и дом свой найдет невредимым,
Носит ребенка весь день на руках и каждую мелочь
В доме покажет ему, где сама родилась; несказанно
Сердце ликует ее; пусть все запомнить не в силах
Мальчик, но мил ему дом и милы старинные нравы.
Так же морской этот зверь несет своих отпрысков юных
В бездну морскую, чтоб им показать ее дивные тайны.
Боги! как видно, не людям одним, а и многим животным
Чада милее всего, дороже и света и жизни.
Эта любовь врождена и птице и дикому зверю;
Хищных рыб сыроядных никто не учил беспредельной
Жаркой любви к своему порожденью. И все же готовы
Ради детенышей малых и смерть претерпеть, и мученья,
Без колебаний, охотно, идти на любую опасность.
Часто бывало — бродя по горам, встречает охотник
Грозно рычащего льва, который, львят защищая,
В битву вступает. Его не пугает ни камень тяжелый,
Брошенный сильной рукой, ни дрот, беспощадно разящий.
С мужеством, с дерзкой отвагой, он все отражает удары,
Даже израненный тяжко, врагу никогда не сдается.
Если же близкую смерть он почует, скрываться не станет,
Падает он полумертвым на львят; он не смерти страшится,
Хочет собою закрыть он проход к пещере знакомой,
Чтобы беспомощных львят охотника взор не увидел.
Если собака щенят принесет, сторожащая стадо,
К ложу, где кормит она, пастух приближаться не смеет;
Верная дружба доселе меж ними была, но сегодня
Лает со злобой на всех, с любым сразиться готова;
Чутко щенят сторожит и в ужас всех повергает.
Если корова расстаться должна с теленочком юным,
Долго уныло мычит и, словно женщина, стонет,
Даже в сердцах пастухов вызывая к себе сожаленье,
Также на ранней заре ты услышишь, как горько рыдает
Чайка над морем, птенцов потеряв; как печальные трели
Льет соловей, как цветущей весною порой раздается
Ласточек жалобный вопль, когда беспощадные люди
Гнезда разрушили их иль змеи птенцов загубили.
Так больше всех среди рыб своих чад лелеют дельфины,
Но не найти никого, кто б свое не любил порожденье.

(I, 273—279)

Все обитатели вод узнают жилище родное,
Море — отчизну свою; и места, где на свет появились,
Радость им в сердце вливают; напрасно думают люди,
Будто для них лишь одних ничего нет слаще отчизны.
Нет горемычней судьбы человека, который в изгнанье
Вынужден жизнь проводить, разлученный с родиной милой,
Иго позора влача, как пришелец среди чужеземцев.

(V, 612—674)

Мнится мне, тягостней нет судьбы, чем судьба водолазов,
Ищущих губки в морях, и нет работы труднее.
Прежде всего надлежит, готовя себя к испытаньям,
В пище умеренным быть, обуздывать голод и жажду;
Сном же дозволено им наслаждаться,— меж тем рыболовам
Отдых неведом. Подобно тому, как певец к состязанью
В пенье готовясь усердно, своею формингой прекрасной
Фебову славу стремится стяжать, и все его думы
Только одним лишь полны — сладкозвучным звонким напевом
Так же упорным трудом водолаз упражняет дыханье:
Должен уметь он его задержать, погружаясь в пучину,
Должен сберечь, поднимаясь наверх после тяжкой работы.
В день, когда кончится срок испытаний и к битве готовы
Будут бойцы,— обращаясь к богам, повелителям моря,
Молят они защитить их от злобных чудовищ, живущих
В безднах морских, и от всякой беды; и если увидят
В миг этот рыбу («прекрасной» зовется), воспрянут душою:
Там, где живет эта рыба, ты страшных акул не увидишь,
Нет там и чудищ морских, свирепых и людям враждебных.
Только в прозрачной и чистой воде эта рыба играет,
И потому рыболовы ее называют «священной»:
Духом ободрясь, на тяжкий свой труд водолаз поспешает.
Бедра себе опоясав канатом длинным и прочным,
В обе руки он берет, что нужно для лова — сжимает
В левой руке своей груз — свинца тяжелого слиток,
Правой хватает рукою отточенный нож серповидный
И наполняет свой рот густою белою мазью.
Станет потом на корме и взор свой вперяет в пучину,
С грустью о тяжком труде и о бездне морской помышляя.
Но подстрекают его товарищи речью задорной,
В нем пробуждая отвагу: так, зрителей крики услышав,
К мете стремится бегун быстроногий. И с духом собравшись,
В бездну летит водолаз и все глубже и глубже в стремнину
Тянет его неустанно свинца тяжелого слиток.

Вот он ко дну прикоснулся и мазь изо рта выпускает —
Тотчас же вспыхнувший луч прорезает глубокие воды,
Тьма отступает, пред ним, как ночь перед факелом ярким.
Видит тогда водолаз на утесах растущие губки:
Камни подводные ими покрыты и острые рифы.
(Можно найти и по запаху их,— ведь немало растений
Тех, что в глубинах живут, испускают запах противный).
Мощной рукой водолаз, как жнец, серпом своим острым
Губок срезает тела и сейчас же, ни мига не медля,
Дергает крепкий канат, чтоб как можно скорее тянули
Наверх его из глубин: та кровь, что струится из губок,
Гибель ему принесет, если к телу его прикоснется;
Если же в ноздри ему проникнет кровавая влага,
Тотчас дыханье прервет и запахом мерзким задушит.
Быстро — быстрее, чем мысль — канатом крепким влекомый,
Он выплывает из волн; но кто его в миг этот видит,
Тот и ликует душой, и скорбит о нем, и рыдает,
Так он измучен и жалок; его покинули силы,
Ужас смертельный, усталость расслабили крепкие члены.
Часто, однако, охота кончается страшной бедою:
Только лишь спрыгнув в пучину, работы еще не свершивши,
Встретится вдруг водолаз с ужасным чудовищем бездны.
Дернуть канат он спешит, товарищам знак подавая,
Чтобы тянули скорей, но чудовища страшная сила
Борется с силою их, терзая несчастного тело.
Страшно глядеть, как, за лодку хватаясь, он помощи просит.
Но прекращают друзья безнадежную битву и скорбно
К берегу держат свой путь, и останки злосчастного друга
Тихо кладут на песок и его провожают слезами.

КВИНТ СМИРНСКИЙ

До нас не дошло биографических сведений о Квинте Смирнском, авторе большой поэмы «После Гомера», в 13 песнях; нет даже данных о времени его жизни: судя по его языку и метрике, можно предположить, что он жил не раньше IV и не позже V века. Сам он говорит о себе, что он «пас овец на лугах недалеко от Смирны» (XII, 310); однако профессия пастуха — обычный литературный маскарад; Квинт, несомненно, был человеком широко образованным, прекрасно знакомым и с поэмами Гомера, и, по всей вероятности, в какой-то мере с кикликами — а может быть, и с «Энеидой» — и притом не только по прозаическим эпитомам; если же предположить последнее, то следует признать Квинта за весьма талантливого поэта, сумевшего из сухих прозаических пересказов создать поэму, во многих своих частях имеющую значительные художественные достоинства. Однако едва ли дело обстоит так: наряду с удачными эпизодами налицо и сильная перегрузка чисто подражательными мотивами. Второе сведение, которое Квинт дает о себе, вероятно, соответствует истине — в своей поэме он не раз обнаруживает знакомство с географией Малой Азии.

Наиболее интересной стороной поэмы Квинта является ее идеология: хотя Квинт — очень усердный архаизатор, стремящийся как можно теснее и в строении стиха, и в описаниях, и в сравнениях примыкать к Гомеру, тем не менее новые представления об устройстве мира, о богах и о судьбе людей дают себя знать (см. беседу Нестора с Подалирием). В духе любовного эпиллия разработана история Париса и его первой жены Эноны,— наиболее удачная часть поэмы. Иначе, чем в примитивных версиях мифа об Ахилле, трактуется его смерть: он умирает не от стрелы, пущенной Парисом и попавшей ему в пяту, в единственное уязвимое место на его теле (сказочный мотив), а его убивает сам Аполлон за презрение к его приказу прекратить бой. Квинт охотно изображает психологические переживания, мысли и чувства, скрываемые тем или иным действующим лицом (см. описание мыслей Андромахи при похвальбе Пентесилеи).

Вся поэма окрашена в пессимистические тона, несвойственные поэмам Гомера.

ПОСЛЕ ГОМЕРА

I. АХИЛЛ И ПЕНТЕСИЛЕЯ

(I, 1—34, 54—116, 7, 494—507, 538—598, 643—674, 716—765, 782—784).

После того, как Пелидом был Гектор убит богоравный,
Тело — огнем сожжено, а кости — землею покрыты,
В городе крепком Приама [1] решили троянцы укрыться,
Так устрашала их мощь отважного внука Эака [2].
Стадо, едва лишь завидит, что близится лев кровожадный,
В чащу укрыться спешит и, встречи с ним избегая,
В страхе, в трущобах спасаясь, быки и коровы теснятся.
Также в стенах городских троянцы пред мужем жестоким
В трепете скрылись, припомнив, сколь многим он душу исторгнул
В жертву их жизнь принеся близ Идейских протоков Скамандра,
Скольких бегущих сгубил, не щадя, под высокой стеною
В день, когда Гектора он победил, нападая на город,
Скольких мечом изрубил на брегу неумолчного моря,
В первый же день по прибытьи принесши им страшную гибель.
Все это помня, троянцы свой город покинуть боялись
И несказанное горе над их головами носилось,
Словно уже погибала в огне и в стенаниях Троя.
Тою порой с Термодонта, реки широко текущей,
Пентесилея пришла [3], красой подобна богиням.
В бой многостонный рвалась,— но была и причина иная:
Славы недоброй она избегала, боясь, что в народе
Кто-нибудь бросит ей тяжкий упрек, ее обвиняя
В смерти сестры, Гипполиты; о той горевали повсюду;
Крепкое бросив копье, убила сестру,— но невольным
Было убийство: она за оленем гналась на охоте.
Бурным воинственным духом она пламенела, надеясь
Снова найти очищенье, омывшись в бою смертоносном,
Жертвой такою добиться прощенья от грозных Эриний;
Следом за ней они шли, разгневаны кровью родною,
Кровью сестры; беспощадны они; за преступником каждым
Ходят они по пятам и укрыться от них невозможно.
С Пентесилеей подруги пришли, по счету двенадцать,
Все были юны, прекрасны и жаждали битв и сражений,
Все были знатного рода,— но ей все вместе служили...
К ним отовсюду сбежались троянцы — глядели, дивились,
Видя отважную дочь Ареса, могучего бога.
Девушка видом была богам блаженным подобна:
Грозен как будто он был, но полон нежной красою.
Сладко смеялись уста; чаруя, под темною бровью

Ясные очи блистали, сияньем подобные звездам,
Щеки румянец стыдливый залил и таилась во взоре
Прелесть божественных чар и удаль юной отваги.
Легче вздохнули троянцы и радостью горе сменилось.
Если, на гору взойдя, увидят вдали землепашцы,
Как возникает Ирида над морем широкодорожным
В дни, когда ждут они жадно дождя, потому что посевы
Вянут и сохнут от зноя и жаждут Зевсовой влаги [4],
Если увидят, что вдруг потемнело широкое небо,
Знают по верным приметам, что ветер и дождь недалеко,—
Радость для всех, кто уже горевал над полем иссохшим.
Так и троянцев сыны ликовали,— в их стены родные
Пентесилея вступила, пылая желаньем сражаться.
Если надежда на добрый исход вливается в сердце,
Вмиг заставляет она человека забыть о несчастьях.
Так и Приам, в своем сердце стенавший под бременем горя,
Все же рыданья уняв, вздохнул немного свободней.
Так же бывает, когда кто-нибудь, страдая глазами,
Долго мечтает увидеть божественный свет иль скорее
С жизнью расстаться, и вдруг — по воле врача или бога
Зренье вернется к нему; он видит сиянье восхода,
Правда, не так, как когда-то; но рад он и малому счастью,
Выйдя из худшей беды — пускай даже сильные боли
Все еще очи терзают; с такою же мыслью увидел
Пентесилею Приам; принес ему малую радость
Девушки грозной приход, и горше еще вспоминалась
Смерть его милых сынов. Но гостью повел он в палаты,
Ласковым встретил приветом, как принял бы дочь он родную,
Что на двадцатом году в родительский дом возвратилась.
В честь ее пир он устроил такой, как обычно справляют
В праздник владыки цари, покорив чужие народы;
Пышно пируют они, свою торжествуя победу.
Щедро ее одарил дарами богатыми, много
Ей он наград посулил, если станет защитницей Трои.
Дело она обещала свершить, непосильное смертным,—
Жизни Ахилла лишить, аргивян без числа уничтожить,
И корабли их спалить, забросивши яркое пламя.
Да, в неразумье своем она мощи Ахилла не знала,
В мужеубийственной битве насколько он всех превосходит.
Ей Андромаха внимала, разумная дочь Эйтиона,
Слушая речи ее, сама говорила с собою:
«Ах, злополучная ты, что ведешь ты надменные речи?
Силы ведь нет у тебя, чтоб сразиться с могучим Пелидом.
Скоро тебе угрожает от рук его смерть и погибель,
Что ты безумствуешь в мыслях своих, несчастная? Близко
Смертный конец пред тобою стоит и страшная Мойра.

Лучше и дальше, чем ты, метал копье свое Гектор,
Был он могучим,— и все же он пал, и в безмерное горе
Всех от троянцев поверг, его почитавших, как бога.
Верной защитой при жизни родителям был богоравным;
Также и мне; о если б в могиле земля меня скрыла
Раньше, чем меч ему горло пронзил и душу исторгнул!
Ныне же мне довелось познать нестерпимую муку,
Видя, как там, вкруг стены городской, его тело влачили
Быстрые кони Ахилла, который вдовою безмужной
Сделал меня, и теперь все дни меня горе терзает».
Так говорила с собой прекрасная дочь Эйтиона,
Память храня о супруге. Великое тяжкое горе
Гибель любимого мужа приносит женам разумным...
Близко троянцы к судам подошли — и вспыхнуть готовы
Были в огне корабли. В этот миг подошел к Эакиду [5],
Крики и шум услыхав, Аянт, в боях неприступный.
«Слышишь, Ахилл? До ушей мне доносятся страшные вопли;
Видно, близ нашего стана жестокая битва пылает.
Выйдем же вместе на бой, чтоб троянцы к судам не пробились,
Их не спалили огнем и аргивских бойцов не убили.
Было бы это для нас обоих тяжелым упреком;
Отпрыскам Зевса-владыки [6] — тебе, как и мне, не пристало
Род наших предков позорить священный; родители наши
Вместе с Гераклем, в боях искушенным,— давно это было —
Лаомедонтову Трою — ты знаешь — дотла разорили [7].
Думаю, надо и нам свершить подобное дело
Нашей рукою — ведь силы у нас обоих немало»...
Пентесилея, искусная в битве, обоих завидя
Издали (были они подобны хищникам страшным,
Мчащимся к схватке кровавой), рванулась к обоим навстречу,
Словно тигрица в трущобах, которая, гневом пылая,
В ярости машет хвостом и готовит прыжок смертоносный
Против охотников смелых; они же, спокойно, в засаде,
Ждут нападенья ее, полагаясь на силу оружья.
Так, свои копья нацелив, мужи ожидали без страха
Пентесилеи удара; звенела при каждом движенье
Медь их доспехов тяжелых; и первой с размаху метнула
Пентесилея копье и в щит Эакида попала,
Но, как от крепкой скалы, копье отлетело обратно:
Был этот щит неприступный подарком чудесным Гефеста.
Снова копье занесла рукою отважной и, ставши
Против Аянта, она обратилась к ним с речью такою:
«Пусть даже первый мой дрот из руки моей вылетел, тщетный,
Скоро, да, скоро надеюсь сломить вашу дерзость и души
Ваши исторгнуть. Напрасно вы оба всегда похвалялись,
Будто сильнее вас нет меж данайцев. Теперь облегченье

Скоро наступит уже в бедах конеборным троянцам.
Ближе ко мне подойдите на поле сраженья! Придется
Вам испытать, сколь могучи сердца в груди амазонок.
Родом я выше, чем вы,— рождена не от смертного мужа,
Нет, Арéс — мой отец, в бою ненасытный и грозный;
Сила моя — от него; она силу мужей превосходит».
Но рассмеялись бойцы. И второе копье полетело;
Чуть лишь задело оно наколенник Аянта,— окован
Был серебром он,— хотя острие это жадно стремилось
Тело поранить; но, видно, ему не положено было
Крови Аянта испить в тот день в многостонном сраженье.
На амазонку Аянт и взгляда не кинул и быстро
Бросился в гущу троянцев, а с нею сразиться Пелиду
Он одному предоставил и думал с усмешкой веселой:
«Как ни хвались она силой, Ахиллу победа над нею
Столько доставит труда, как соколу — битва с голубкой».
Горько вздохнула она, копье неудачно метнувши,
И насмехаясь над ней, могучий Пелея наследник
«Женщина» — молвил, «зачем, похваляясь пустыми словами,
Нам ты навстречу выходишь и с нами стремишься сразиться?
Мы ведь средь смертных героев всех прочих гораздо сильнее,
Мы — громовержца Кронида потомки, и нашим рожденьем
Можем похвастаться мы. Трепетал даже Гектор бесстрашный.
Если он издали видел, что вместе решили вмешаться
Оба мы в грозную сечу. Моим пораженный оружьем
Пал этот воин могучий: А ты обезумела, видно,
С нами сражаться задумав и гибелью нам угрожая
В нынешний день. Не для нас, для тебя он будет последним.
Даже Аресу, отцу твоему, спасти не удастся
Дочь от жестокой судьбы — так львиных когтей не избегнет
Лань, повстречавшись в горах со львом, губителем стада.
Иль ты не знаешь, как много мужей рассталося с жизнью
Там, возле Ксанфской струи? сражены они нашей рукою.
Или блаженные боги тебя разуменья лишили
С тем, чтоб жестокие Керы тебя поглотили сегодня?»
Это промолвив, шагнул он вперед и мощной рукою
Дрот смертоносный метнул, изделье Хирона кентавра.
Страшную рану нанес он прямо над правою грудью
Пентесилее отважной; чернеющей крови потоки
Хлынули разом; она, склонив ослабевшие члены,
На́ земь копье уронила тяжелое. Мрачною тьмою
Очи покрылись ее и боль затмила сознанье...

С горькой насмешкой тогда промолвил Пелея наследник:
«В прахе лежишь ты теперь на пожранье псам или птицам
Ты, злополучная! Кто убедил тебя выйти навстречу

Мне? Иль надеялась ты, из сражения выйдя живою,
Много даров дорогих получить от старца Приама
В плату за смерть аргивян? Но этот замысел вряд ли
Боги внушили тебе. Мы многих героев сильнее;
Войска данайцев мы — слава и блеск, мы троянцам приносим
Смерть — и тебе, злополучной. Видать, беспощадные Керы
Мысль заронили в твой ум, обычай покинувши женский,
Выйти на битву, в которой храбрейшие му́жи бледнеют».
Это промолвив, рванул он копье, застрявшее крепко
В шее лихого коня и в сердце наездницы бедной,
И по пронзенным телам предсмертная дрожь пробежала.
Снял он сверкающий шлем с головы амазонки убитой,—
Солнца лучам был подобен тот шлем и молниям Зевса —
И пред очами Ахилла, хотя и в крови, и во прахе,
Образ прелестный открылся,— и лоб, и дивные брови,
Лик, что и в смерти чарующим был; и вокруг аргивяне
Стоя, красой любовались, богам блаженным подобной.
Девушка, лежа на голой земле, в доспехах, как будто
Лишь прилегла отдохнуть,— так Зевсова дочь, Артемида,
Дремлет порою в горах, устав от охоты за львами.
Воля Киприды благой, возлюбленной бога Ареса [8],
Пентесилее убитой такую красу даровала,
Чтобы над ней зарыдал бесстрашный Пелид-победитель.
Многие были бы рады в счастливый день возвращенья
Ложе свое разделить с такою супругой прелестной;
Так и Ахилл свое сердце снедал безмерной печалью,
Ставши убийцей ее, а не мужем: женой богоравной
Мог он ее увезти с собой в плодородную Фтию,
Столь непорочна была и видом подобна бессмертным.

По́д вечер стали сыны отважные мощных ахейцев
С многих убитых снимать доспехи, покрытые пылью
После сраженья. И горько рыдал Пелея наследник,
Девушки нежное тело увидя лежащим во прахе.
Сердце его пожирала тоска и тяжелое горе,
Словно опять расставался он с другом любимым, с Патроклом.
С речью недоброй к нему в тот миг Терсит обратился:
«Эх ты, жестокий Ахилл, от какого внушения злого
Дух твой настолько смутился, что так безутешно горюешь
Ты о враге Амазонке, нам несшей беду и погибель?
Правда, всегда в своем сердце ты был женолюбцем безумным,
Мнится тебе, что она могла бы прекрасной супругой
Стать для тебя, если бы ты просватался к ней и женился;
Как хорошо, что в тебя она первою дроты метнула!
Ты ведь всегда был готов потешиться женской красою.
Мы же видали не раз — тебя уж ничуть не заботят

Мысли о воинской славе, как только завидишь красотку [9].
Жалкий вояка! Куда твоя сила и разум девались?
Где твоя царская мощь и величье? Ужели не знаешь,
Что на троянцев беду обрушило их женолюбье?
Нет на земле ничего, что было б страшнее для смертных,
Чем наслажденье на ложе: оно и юнцов покоряет,
Губит и мудрых мужей — трудом добывается слава!
Воину радость — Ареса дела и честь от победы;
Тот, кто от битвы бежит, стремится на женское ложе».
Так, издеваясь, Терсит говорит,— но гневом жестоким
Вспыхнуло сердце Ахилла; своею рукою могучей
Он в подбородок и в ухо ударил Терсита; на землю
Зубы посыпались все; и ударом страшным сраженный
Рухнул внезапно на землю Терсит, потерявши сознанье;
Хлынула кровь изо рта; а дух его, робкий и слабый,
Тело ничтожного мужа покинул — на радость ахейцам.
Часто он их клеветой оскорблял и злыми речами,
Сам же труслив был и слаб — позор для данайского войска.
Кто-то в толпе аргивян промолвил слово такое:
«Низкому мужу не след бесчестить вождей знаменитых,
Будет ли то втихомолку иль вслух — они страшны во гневе.
Правду Фемида блюдет и Ата бесстыдство карает,
Равною мерой она воздает за обиду обидой».
Вот что сказали данайцы. И, все еще гневом пылая,
Мощный воскликнул Пелид, на убитого глядя с презреньем:
«В прахе лежишь ты теперь, забыв о своем неразумье.
С мощью лучших мужей не может сражаться ничтожный.
Некогда ты в Одиссее его терпеливое сердце
Гневом ужасным зажег, его бранью безмерной осыпав [10].
Но не ему уподобился я, Пелид оскорбленный,
Дух твой исторгнувший ныне; тебя не тяжелым ударом
Я поразил. Ты сражен своей беспощадной судьбою,
Собственным духом бессильным, ничтожным. Теперь от ахейцев
Ты убирайся! средь мертвых веди свои речи пустые!»...

Пентесилею почтив, Атриды цари ее тело
Вместе с оружьем ее и с конем отдали троянцам,
Им унести разрешили ее в Илион многославный.

II. СМЕРТЬ АХИЛЛА

(III, 21—85)

Много в ту пору Пелид сгубил людей злополучных:
Кровью была залита́ земля плодородная; трупы
Ксанфа теченье и бег Симоента собой запрудили.
Гнал пред собою троянцев Ахилл, их преследуя в бегстве

Вплоть до стены городской: охватил их ужас смертельный.
Верно б он, всех изрубив, к городским воротам пробился,
С петель сорвал их, свалил, разломал замки и засовы,
Мощным напором своим данайцам открыл бы дорогу
В крепость Приама, огнем спалил бы он город богатый,
Если бы Феб-повелитель не вспыхнул гневом жестоким,
Видя несметные толпы бойцов, сраженных Ахиллом.
Он, как зверь разъяренный, низринулся с высей Олимпа,
Лук свой неся за плечами и стрелы, несущие гибель,
Прямо к Пелиду рванулся навстречу и встал неподвижно;
С громом ударился лук об колчан и вспыхнули очи
Страшным огнем, и земля под ногою его задрожала.
Голосом грозным вскричал Аполлон и велел, чтоб немедля
Вспять обратился Ахилл, убоявшись божественной кары;
Феб от троянцев хотел отвратить неизбежную гибель:
«Стой, не преследуй бегущих, Пелид! Тебе не пристало
Тех, кто уже побежден, предавать безжалостным Керам;
Как бы тебе не пришлось изведать гнев олимпийцев!»
Так он воскликнул; но голос бессмертный не тронул Ахилла,
Над головою его беспощадные Керы кружились.
Бога веленье презрев, он громким кликом ответил:
«Разве не знаешь ты, Феб, я могу и с богами сразиться?
Что ж ты препятствуешь мне отомстить надменным троянцам?
Ты ведь однажды уже из рук моих вырвал победу
В день, когда Гектора ты от смерти спас неизбежной [1].
Как ликовали тогда, за стеной укрывшись, троянцы!
Нынче ж — отсюда уйди! Возвращайся в жилище блаженных,
Или тебя поражу я, хотя ты — и бог, и бессмертен!»
Феба минуя, Ахилл за троянцами снова погнался;
В страхе бежали они, к стенам приближаясь, и многих
В бегстве Ахилл поразил. Но, душой жестоко разгневан,
Феб, сам с собой говоря, промолвил слово такое:
«Ах, как безумствует он! Но теперь от гибели черной
Даже Кронид не избавит его, и никто не поможет,
Если кощунствует он и с богами выходит на битву!»
Взмыл он орлом в вышину и скрылся за темною тучей,
С выси воздушной он ранил Ахилла стрелой смертоносной
Прямо в пяту. И от боли жестокой могучее сердце
Дрогнуло. На́ землю рухнул Ахилл; так мощная башня
В бурную ночь, низвергаясь от силы подземных ударов,
Рушится вдруг и, гудя, сотрясаются недра земные.
Так же земля задрожала, когда Эакид был повержен.
Он ухватился рукой за стрелу, принесшую гибель.
«Кто же тайком поразил меня смертоносной стрелою?
Выйдет пускай мне навстречу, лицо свое пусть мне покажет!

Черною кровью его я омою и в самое сердце
Крепким ударю копьем — пусть сойдет он под своды Аида!
Острым мечом поразить меня в открытом сраженье,
Знаю, никто бы не мог из смертных бойцов и героев,
Если бы даже носил он в груди бесстрашное сердце,
Страха в душе бы не знал и крепче был кованой меди.
Тот, кто труслив, лишь тайком на того, кто сильней, нападет.
Пусть же он выйдет на бой! Пусть это — один из бессмертных,
Тех, что данайцам враждебны. Да, чую всезнающим сердцем,—
Сам Аполлон в этих тучах скрывается в мраке угрюмом.
Слышал давно я уже предсказанье от матери милой [2]:
Феба стрелою сраженный, погибну я жалкою смертью
Здесь, возле Скейских ворот [3], и слова ее не были ложны».
Это промолвив, он смолк, и своею рукою суровой
Разом из раны глубокой стрелу смертоносную вырвал.
Хлынули крови потоки и тьма его очи покрыла.

III. НЕСТОР И ПОДАЛИРИЙ
(VII, 17—97)

Бой на равнине пылал; бушевал Арес смертоносный;
Клич боевой раздавался в обоих войсках, и трещала
Крепкая кожа щитов от ударов меча или камня;
Так они силы теряли на тяжкой работе Ареса.
Но от сраженья вдали, ни еды, ни питья не вкушая,
В прахе, стеная, лежал Подалирий [1]; от брата могилы —
Он отойти не хотел; овладел им замысел страшный —
Гибель себе принести он задумал своими руками.
То он хватался за меч, чтобы с жизнью расстаться, то жадно
Кубка с отравой искал; но друзья за ним зорко следили,
Речью разумной пытаясь утешить его, но — напрасно.
Все же наверно ему удалось бы рукою своею
Душу свою загубить у свежей брата могилы,
Если б об этом молва не дошла до Нелеева [2] сына;
Жалость к убитому горем его охватила; немедля
Нестор пошел к многостонной могиле — на ней Подалирий,
Прахом посыпав главу и одежды свои растерзавши,
Бил себя в грудь и взывал со слезами к любимому брату.
Вкруг Подалирия много стояло, с ним вместе рыдая,
Слуг и рабов, и друзей,— и печаль их сердца наполняла.
С лаской спокойною Нестор страдавшему тяжко промолвил:
«Горький свой плач прекрати и расстанься с безмерной печалью,
Чадо мое! Не пристало разумному, храброму сердцем
Мужу над тем, кого нет, рыдать, как женщине слабой.
Ты воскресить его к жизни и к свету дневному не можешь;

В воздух незримо душа унеслась, а тела останки
Сжег беспощадный огонь и кости земля восприяла.
Как он расцвел, так увял. А ты бесконечное горе
Должен с терпеньем нести. Ведь и мне печальную гибель
Сына увидеть пришлось [3]; не хуже он был Махаона,
Разумом светлым он был одарен; из воинов юных
Был ли другой, кто с отцом был связан такою любовью?
Ради меня он погиб; он отца от гибели черной
Телом своим защитил; но в день его смерти заставил
Я себя пищу вкусить и живым зари я дождался,
Зная, что смертны мы все, что сойдем этой общей дорогой
Все мы в жилище Аида, что всем нам поставлены грани
Мрачные горькой судьбой; потому подобает нам, смертным,
Все претерпеть, что нам бог ниспошлет,— и радость, и горе».
Так он сказал: и ему отвечал Подалирий, в печали,
Слез бесконечной струей свой лик омочивши прекрасный:
«О мой отец, мое сердце безмерной растерзано болью;
Брата мудрейшего я потерял; он же — мой воспитатель.
Рано отец наш к богам отошел [4], и сиротку-ребенка
Брат, словно сына, в объятьях носил, а потом терпеливо
Тайнам искусства врача обучал; и в общем жилище
Общую трапезу мы разделяли в согласье и дружбе.
Вот почему моя скорбь нестерпима; и больше не в силах
Я после смерти его глядеть на сияние солнца».
Так он сказал, но ему ответствовал старец разумный:
«Всех нас, людей, божество обрекло на угрюмую долю,
Горе нам всем суждено и всех нас земля покрывает
После того, как пройдем дорогами разными жизни.
То, что хотим, получить мы не можем; и счастья, и горя
Жребии разных судеб у богов покоятся в лоне.
Многие тысячи их там, смешавшись, лежат; из бессмертных
Видеть их ясно не может никто, но божественным мраком
Вечно покрыты они; и одна только Мойра, рукою
В горсть захватив их, не глядя, бросает на землю с Олимпа.
Здесь то туда, то сюда их несет дыхание ветра;
Вот почему иногда тому, кто счастья достоин,
Выпадет тяжкое горе, а доля благая — злодею.
Так в слепоте и во тьме вся жизнь человека проходит.
Да, не безбедно она протекает; препятствий немало
Нам она под ноги мечет — и путь ее крут и извилист;
То поведет этот путь к многослезному горю, и тут же
К радости вдруг повернет; но нет никого из живущих,
Кто бы с рожденья до смерти был счастлив; у каждого — скорби.
Жизни недолог нам срок, и печали одной предаваться
Нам не пристало; должны мы, надежду на счастье питая,

Дух свой во мрак не ввергать; ведь молва среди смертных ведется,
Будто бы доблестных души восходят на вечное небо,
Злых же — нисходят во тьму. И по смерти двойная надежда
Брата ведет твоего — и сам он был милостив к людям,
Был и бессмертного сыном любимым; и будет, конечно,
Волей родителя он к небожителей сонму причислен».
Так убеждал своим словом разумным скорбящего Нестор,
Поднял его он насильно с земли и увел от могилы.
Горько рыдал Подалирий, вернуться назад порываясь,
Но, покорясь, к кораблям он пошел. А войско ахейцев
Тяжкий свой труд продолжало, с дружиной сражаясь троянской.

IV. ПАРИС И ЭНОНА

(X, 223—235, 253—272, 283—337, 361—489)

Был поражен Клеодор [1] стрелой из лука Париса.
Это узрев, Филоктет, неистовый отпрыск Поянта.
В бешенстве лук свой схватил и голосом мощным воскликнул:
«Нынче с тобою покончу я, пес! Ужасную кару
Я над тобою свершу — ты со мной захотел поравняться?
Смогут свободно вздохнуть наконец все те, кто в сраженьях
Силы теряет; твоя в том вина! Но скоро наступит
Час избавленья, как только погибнет нам беды принесший».
Это промолвив, свой лук с тетивой, искусно сплетенной,
Крепко он в грудь упирает и сводит концы его; метко
Целится он острием смертоносным — ведь в старости был он
Юноше силою равен почти; тетива завизжала,
И засвистела стрела налету и — цели достигла...
Громко Парис застонал; от раны в нем ум помутился,
Он заметался в смятенье; но тотчас врачи подбежали,
С поля сраженья троянцы его унесли; а данайцы
К черным своим кораблям воротились; жестокую битву
Темная ночь прервала, дав отдых измученным людям;
Сон, утешитель в беде, на усталые очи спустился.
Но до зари ни на миг Парис не забылся в дремоте:
Муки его успокоить никто не умел; бесполезны
Были целебные средства; судьбой предназначено было
Лишь от Эноны ему получить исцеленье от раны,
Если захочет она; и Парис предсказанью поверил;
Нехотя шаг свой направил, гонимый судьбою жестокой,
К бывшей супруге своей; и с криками мрачными птицы
С горных слетались вершин, и его на пути провожали,
С левой летя стороны; но Парис, хотя их и видел,
Их не боялся ничуть; надеялся он, что напрасны

Крики зловещие их,— а они ему смерть предвещали.
Вот наконец он пришел к многомудрой Эноне; навстречу
Толпы прислужниц сбежались, дивясь; но, Энону увидев,
Пал он с мольбой о спасенье к ногам изумленной супруги...
Силы от боли теряя, к ней с речью такой обратился:
«Нимфа, супруга моя непорочная, я погибаю;
Гнев свой, молю, позабудь, не карай за то, что покинул
Дом твой некогда я, против воли; но грозные Керы
К ложу Елены меня завлекли; о если бы раньше,
Лежа в объятьях твоих я с дыханьем и с жизнью расстался!
Ныне же ради бессмертных богов, обитающих в небе,
В память супружеских ласк и нашей исконной приязни
Будь милосердна ко мне, избавь от муки жестокой,
Средства целебные ты положи на смертельную рану.
Знаю, судьбой решено — облегчить ты можешь страданья,
Если захочешь, мои. Одна ты от гибели черной
Можешь избавить меня и можешь предать меня смерти.
Сжалься скорей надо мной! отраву стрелы ядовитой
Ты уничтожь, пока силы еще сохраняются в теле!
Черную злобу забудь, позабудь о горькой обиде,
Не допусти умереть мне жертвой судьбы беспощадной!
Здесь пред тобою во прахе лежу я; внемли же моленьям!
Знаешь и ты, что Мольбы — питомицы грозного Зевса;
Тех, кто с душою надменной внимать им не хочет, карают
Тотчас они, насылая на них многостонных Эринний.
О всемогущая, ныне безжалостный приговор рока
Ты от меня отврати и мое не карай неразумье!»
Так он промолвил, страдая, но мрачный свой дух не смягчила,
Гневно над ним издеваясь, ему отвечала Энона:
«Ты почему же явился ко мне? ведь меня ты покинул
В доме моем опустевшем, рыдающей в горе безумном.
К дочери Тиндара [2] ныне иди же, нам горе принесшей,
Радость в объятьях ее ты ищи; она ведь сильнее
Бедной супруги твоей; над ней даже старость не вла́стна.
Стань перед ней на колени, а мне твои жалкие речи
Слышать противно, и слезы твои мне сердца не тронут.
Если от дикого зверя могла бы я силу и злобу
Взять, то, тебя растерзав, я твоей бы насытилась кровью;
Нет, не удастся тебе смягчить мое сердце мольбами;
Что ж не поможет тебе Киферея в венке ароматном?
Как это Зевс-повелитель покинул любимого зятя? [3]
Их о спасенье моли. От меня уходи поскорее,
Жалуйся всем, кому хочешь, богам ли блаженным, иль людям.
Даже бессмертных богов ты, безумец, повергнул в несчастье;
Птицы терзают тела их сынов [4], убитых в сраженье.
Выйди ж из дома скорей моего, возвращайся к Елене;

Ты ведь и ночью, и днем к ней одной лишь страстно
стремишься,
С ней наслаждайся беседой любовной; от тяжкой болезни,
Верно, избавит тебя и несносную боль успокоит».
Речью такою его прогнала из любимого дома,
Но и судьбины своей, обезумев, она не постигла.
Керы ее ожидали, и вскоре за мертвым супругом
Было уйти суждено ей; так Зевсова воля решила.
В Иды дремучих трущобах Парис, упавши на землю
[Возле тропы над ущельем, покорный жестокому року,]
К смерти готовился близкой и горько скорбел он душою.
Гера его увидала и сжалилась сердцем бессмертным:
С мощных Олимпа высот, из палат повелителя Зевса,
Верных прислужниц послала к Парису; Селеной [5] прекрасной
Некогда были они рождены от мощного Солнца.

В доме Приама Елена беседу вела, восседая
Между служанок своих. А Париса на Иде далекой
Жизнь покидала в тот миг; и его возвращенья Елене
Видеть уже не пришлось. Над мертвым, в слезах разливаясь,
Нимфы рыдали, о нем вспоминая, как был он малюткой,
Как, между ними живя, веселил их резвостью детской.
С нимфами плакали вместе и те пастухи, меж которых
Стадо он некогда пас — и вторили плачу ущелья.
Многострадальной супруге Приама о доле печальной
Сына ее Александра [6] пастух пришедший поведал.
Дрогнуло сердце ее, подкосилися ноги от скорби
И, зарыдавши, она такое промолвила слово:
«Умер ты, милый мой сын, и новое горе на горе
В сердце моем налегло, неизбывная скорбь; ты милее
Был мне всех прочих сынов, кроме Гектора; вместе обоих
Ныне оплакивать стану, терзая печальное сердце.
Волей блаженных богов нам великие посланы беды;
Рок с нами злое замыслил и ждут нас жестокие муки.
О, если б раньше могли умереть мы в покое и счастье!
Знаю я, много еще нам придется страданий изведать,
Гибель детей увидать, разрушенье родимого града.
Пламя пожаров зажгут в нем руки данайцев отважных;
Знаю, моих дочерей и невесток, и юных троянок,
Будут делить, как добычу, и гнать на позорное рабство».
Так говорила она, заливаясь слезами. Но с нею
Вместе не плакал Приам. Над могилой лишь Гектора слезы
[Лил он; из всех сыновей ему Гектор всего был дороже]
Был он отважен и храбр и сражался копьем за отчизну;

Смерть же Париса отцу покоя души не смутила,
Но, неустанно рыдая, стояла у тела Париса
Между троянок Елена; и скорбью, и гневом пылало
Сердце в груди у нее; и в мыслях она говорила:
«Муж злополучный, погиб ты! И мне, и себе, и троянцам
Горя принес ты немало! Теперь же на страшные беды
Ты покидаешь меня: впереди еще худшее горе.
О, если б Гарпиям я попала в железные когти!
Если бы вместе с тобой мне погибнуть судьба разрешила!
Ныне боги тебя покарали суровою казнью,
Мне ж, злополучной, что делать? О, как меня все презирают,
Как ненавистна я всем! Куда мне бежать, я не знаю.
Если к данайскому войску пойду я, они избиенью,
Верно, подвергнут меня; но могу ль я и здесь оставаться?
Рано иль поздно троянцы меня на куски растерзают;
Тело мое даже в землю зарыть ни один не захочет,
Псы меня жадно пожрут, расклюют крылатые птицы!
О, если б сжалился Рок и мне раньше послал избавленье!»
Так говорила она, не столько печалясь о муже,
Сколько безумье свое вспоминая в раскаянье горьком.
Также троянки кругом не о смерти Париса грустили,
Но вспоминали одни в тоске о родителях милых,
Иль о мужьях, иль о детях своих, иль о родичах близких.
Только одна лишь Энона терзалась сердечною мукой,
Но не стояла она меж троянок, их плач разделяя;
Прячась от взоров людских и в спальном покое укрывшись,
Тяжко стонала она на прежнем супружеском ложе.
В зимнюю стужу покрыты суровой корой ледяною
Скалы крутые и рощи, засыпаны снегом ущелья;
Если ж весенняя буря их теплым овеет Зефиром,
Тают и льдины, и снег, потоки с холмов низвергая.
Но на горе снеговой никогда родник не иссякнет
И нескончаемо он источает струю ледяную.
Так, истомленная болью, она, неустанно рыдая,
Таяла, плача о том, кто был некогда мужем любимым.
Так говорила она своему печальному сердцу:
«О как была я безумна! О жизнь моя, полная горя!
Как я любила его, злополучного, в сладкой надежде
Вместе состариться с ним и дойти до смерти порога,
Быть с ним в согласье всегда. Но боги решили иначе.
Черные Керы, зачем вы тогда же меня не убили,
В час, как решили меня разлучить с Александром навеки?
Все же пускай он меня при жизни покинул, но к смерти
Вместе я с ним поспешу и ближайшей зари не увижу».
Эти промолвив слова, о гибели мужа печальной
Долго она вспоминала и, слез изливая потоки,

Таяла в них, словно воск на огне, но таилась, скрывая
Горе свое от отца и прислужниц в красивых одеждах.
Этой порой, из глубин Океана возникши, на землю
Ночь поднялась, утешенье неся и покой от страданий.
Крепко родитель Эноны заснул, и заснули служанки;
Тут потихоньку она отодвинула в спальне засовы
И побежала из дома быстрее, чем ветра дыханье.
Так же, как в горных лесах, гонимая жгучею страстью,
Мчится телица навстречу быку в неустанном стремленье,
Мчится, не помня себя, и пастух отступает в испуге,—
Ласки его позабыла она — и могучая сила
Гонит все дальше и дальше ее по трущобам и дебрям.
Так же дорогою длинной бежала Энона, и в мыслях
Было у ней лишь одно — взойти на костер погребальный;
Даже не знала она, устала иль нет; все быстрее
Мчалась, забыв обо всем; ее гнали жестокие Керы,
Мощь Киферeи гнала; не боялась ни хищников диких,
Ночью бродящих, она; а прежде пред ними дрожала.
Скалы крутые в дремучем лесу ее бег не сдержали,
Не были страшны ущелья глухие, ручьи и обрывы.
С неба ее увидала Селена богиня и, вспомнив,
Как полюбила сама она милого Эндимиона,
Сердцем Энону до слез пожалела и с неба сиянье
Яркое ей пролила и дорогу ее озарила.
Горы крутые пройдя, Энона к костру прибежала;
Нимфы о мертвом Парисе рыдали, в слезах растекаясь;
Мощное пламя пылало, его обнимая; из леса
Много пришло пастухов и с собою большие вязанки
Веток смолистых и хво́рост они принесли простодушно —
Этот последний, печальный подарок владыке и другу.
Плача, стояли они у костра. Подбежавши, Энона,
Взгляда не бросив вокруг, немедля, без плача и стона,
Лик свой прекрасный и очи закрывши густым покрывалом,
Бросилась в пламя костра. Раздались напрасные вопли;
С мужем сгорела Энона. А нифмы вокруг, в изумленье
Речи вели меж собой, пораженные верной любовью,
И не одна среди них в своих промолвила мыслях:
«Да, злополучный Парис, зачем ты с супругой расстался,
Верно любившей тебя, и к подруге ушел ненадежной?
Тяжкое горе навлек на себя. на троянцев, на город;
Был ты безумен, забыл ты о скорбной и мудрой супруге.
Даже тебя, кто ее оскорбил, разлюбил и покинул,
Больше любила она, чем сияние светлого солнца».
Вот что подумали нифмы: тела же Эноны с Парисом
Ночь всю до самой зари на костре горящем пылали.
Вкруг пастухи в изумленье стояли; так в древнюю пору

Сонм аргивян удивлялся, собравшись толпою и видя,
Как обнимала Эвадна в отчаянье труп Капанея,—
Был поражен он стрелой громовóй повелителя Зевса.
После того, как Энону с Парисом могучее пламя
В прах обратило обоих, над пеплом, еще неостывшим,
Чистым вином возлиянье свершили, а кости супругов
Вместе сложили в кратéр золотой; и в холме надмогильном
Скрыв их, высокую насыпь над ними воздвигли; и рядом
Две одинаковых стелы поставили там; и доныне
Камни несут на себе рассказ о страсти и скорби.

ТРИФИОДОР

О Трифиодоре, авторе поэмы «Взятие Илиона», известно только то, что он был уроженцем Египта. Временем его жизни принято считать V век н. э. По своему характеру его поэма близка поэме Квинта Смирнского, но отличается несколько бóльшим реализмом. И у Гомера, и у Квинта Смирнского осада Трои длится уже очень долго (по установившейся традиции она продолжалась десять лет), но эти трудные годы ничем не отражаются на боеспособности греков и троянцев; только у Трифиодора изображено состояние и настроение обоих войск, потерявших своих лучших вождей, коней и оружие.

Наиболее интересной частью поэмы является описание перевозки деревянного коня и пышного празднества в Трое, пророчество Кассандры и спор Приама с ней. В описании зверств греков в ночь взятия города Трифиодор доходит до грубо натуралистических сцен.

ВЗЯТИЕ ИЛИОНА

I. ВСТУПЛЕНИЕ

(ст. 1—50)

Долгой и тягостной брани предел и конец долгожданный [1],
Храбрый отряд конеборных бойцов Афины аргосской [2],
В многих сказаньях воспетый [3], и я поспешу возвеличить.
Мне расскажи, Каллиопа, про древнюю распрю народов,
Долгой войны разрешенье поведай мне в песне недолгой.
В старческой злобе своей, убийством еще не насытясь,
Гибель Эни́о несла троянским мужам и данайцам.
Годы текли за годами — настало десятое лето;
Стали тупыми мечи, расшатались могучие копья,
Латы уже не звенели, и крепкое стерлось плетенье
Прочных ремней, на которых держались щиты и колчаны;
Дротов удар отражать не могли щиты боевые,
Луков изгиб ослабел и рассыпались острые стрелы;
Скудного корма из ясель не ели, понурившись, кони;
То о друзьях тосковали они из той же упряжки,
То своим ржаньем унылым взывали к возницам погибшим.

Лег под могильным холмом Пелид вместе с другом убитым,
Сына любимого смерть престарелый оплакивал Нестор [4];
Мощную силу Аянт погубил своею рукою,
Лезвие злое меча в безумии кровью омывши.
Горько рыдали троянцы о том, что с позором влачилось
Гектора тело вкруг стен [5]; но приблизилось новое горе:
Слезы пришлось проливать над могилой бойцов иноземных,
С разных пришедших краев, говоривших на чуждых наречьях.
Пал Сарпедон, полководец ликийский; пришел он под Трою,
Матери волю исполнив, что с Зевсом в любви сочеталась;
Был он Патрокла копьем поражен; и по воле отцовской
Воздух кровавым дождем омыл убитого тело.
В темную ночь был во сне смертельном погублен коварно
Рес, повелитель фракийцев; и после смерти Мемнона
Мать его Эос покрыла свой лик туманом небесным,
Света дневного сиянье в тот день печальный похитив.
Девушек, верных Аресу, отряд, с Термодонта пришедший
(Тех, что не знают мужей и грудь железом калечат),
Горько потерю оплакал красавицы Пентесилеи;
В край незнакомый она на подмогу пришла и немало
Женской рукой положила мужей на поле сраженья.
Только один был сильнее — Ахилл; он копьем смертоносным
Душу исторг ей, и шлем ее снял, и могилу оплакал.
Но до последнего дня под охраной стены богозданной
Крепко стоял Илион на своей нерушимой основе.
В тяжких сраженьях томясь, погибали ахейцев дружины,
Силы свои напрягая в последних жестоких усильях.
Тщетно б свой пот проливала Афина [6], трудясь неустанно,
Если б к данайцам из Трои, как гость, не пришел прорицатель [7]:
Брак был противен ему Деифоба [8], бесчестный и дерзкий,
Жалости полон он был к Менелаю, страдавшему много;
Скорый конец неизбежный предрек он родимому граду;
И предсказанью Гелена поверив, немедля ахейцы
Стали готовиться вновь к окончанию тягостной распри.

II. ТРОЯНСКИЙ КОНЬ. СТЕНАНИЯ КАССАНДРЫ

(ст. 305—327, 342—351, 358—359, 365—472, 487—513)

Крепкою сбруей из кожи бычачьей коня разукрасив,
Разом троянцы взялись за канат, искусно сплетенный,
В город коня [9] повлекли на вращавшихся быстро колесах,
С грузом отважных мужей, в нем сокрытых. Вокруг раздавались
Звуки форминги и флейты, сливаясь в звенящую песню.
О, злополучное племя людей неразумных! В тумане
Темном бредущих! Как часто, пустыми забавами тешась,

Видеть не могут они, что стремятся к погибели скорой.
Так и с троянцами в город, судьба, им смерть уготовав,
Вместе, незванной, вошла; и что страшное близкое горе
Сами они за собою влекут, им неведомо было.
Много цветов, на росистых лугах у реки расцветавших,
В свежий венок заплетя, своему убийце [10] обвили
Пышную гриву они. Но под кованым ободом медным
Тяжко стонала земля; отвечая ей скрипом и стоном,
В кольцах вращались колес железные крепкие оси.
Стали канатов узлы, протираясь, слабеть в напряженье,
Дымом охвачены были скрепленья натянутой сбруи.
Тяжкий свой труд облегчали влекущие криком и шумом.
Откликом громким лесов отзывалась тенистая Ида;
Звонкие воды шумели в стремнинах кипучего Ксанфа,
Им откликался поток Симоэнт; но с небесного свода
Грянула Зевса труба, предвещая, что близится битва...
Сонмы троянок, ликуя, наполнили улицы Трои;
Девушек юных и жен молодых, Илифию познавших [11],
С песнями шел хоровод в святилище древней богини [12].
Многие, сбросив с себя покрывала и пояс узорный,
Вместе с цветами вязали коню ожерелье, сплетая;
Или срывали печати с глубоких сосудов, в которых
Долго хранилось вино с золотым ароматным шафраном,
И выливали на землю осадок густой и душистый.
С девичьим звонким напевом сливалось мужей ликованье,
Лепет веселый детей — с приветственной песнею старцев...
Только Приамова дочь, одна, вдохновленная богом,
В доме не в силах была оставаться, сорвавши засовы,...
Жалом разящим провидца она, уязвленная, мчалась,
Лавр потрясая священный, по городу, тяжко страдая,
Вопль испускала ужасный; она о родителях милых
И о друзьях позабыла, с стыдливостью женской рассталась.
Так, как в трущобах лесных фракийянка дикая мчится
В день, когда бог Дионис напевом флейты манящим
В горы ее завлечет и она, с безумьем во взоре,
Темным плющом обвита, бежит, покрывало отбросив,
Также в ответ на призыв взметнувшись духом крылатым,
Мощным гонимая богом, в безумье носилась Кассандра [13],
Косы терзая густые и воплями грудь разрывая:
«О, злополучные люди! Зачем в наши стены влечете
Этого злого коня? О, зачем вы сами спешите
К ночи последней и к сну, от которого нет пробужденья?
Шествие это к несчастью ведет нас, и скоро свершатся
Беды, рожденные снами ужасными бедной Гекубы [14];
Год наступил, он закончит свой труд, он готовит развязку:
Воинов скоро отважных придет к нам дружина, сверкая

Блеском оружья; родит их угрюмою темною ночью
Конь этот страшный; и быстрым прыжком на землю
спустившись,
Бросятся в ярости бурной последние воины в битву.
Но не от мук родовых отверзнется страшное чрево;
Воинов этих рожденных не примут женские руки;
Нет, Илифи́ей коню будет та, чьей рукою он создан;
Полное чрево раскроет она; восприемницей станет
Этого страшного чада Афина [15], крушащая стены,
Вижу — меж башен троянских бушует, разлившись повсюду.
Алая крови пучина, вздымаются волны убийства.
Цепи ужасного брака куются для женщин злосчастных;
В этой древесной пещере скрывается страшное пламя.
Горе, о горе! и мне, и тебе, мой город родимый!
В прах обратишься ты скоро; и рухнет творенье бессмертных,
Лаомедонтовы стены дотла разрушены будут [16].
О мой отец, моя мать! Рыдаю о вас я! Ужасно
То, что претерпите вы. Отец мой несчастный, на землю
Там, где Хранителя Зевса алтарь, ты будешь повергнут,
Ты ж, благородная мать, ты по воле богов потеряешь
Женский свой облик; собакой завоешь о чадах погибших [17].
О Поликсена! Тебя, сошедшую в землю родную [18],
Буду оплакивать я, но недолго; о если б могла я
Пасть от руки аргивя́н, на твоей рыдая могиле!
Горе! Зачем я живу? Ведь я знаю, меня ожидает
Более страшная смерть и чужая земля меня скроет.
Знаю, царица и мне, и мужу-царю приготовит
Гибельный дар — от войны отдохнет он на ложе последнем [19].
Слушайте ныне меня! Узнайте, что вас ожидает!
Тучу судьбы роковой отгоните, над нами нависшей!
Мощное чрево коня рубите скорей топорами
Или спалите огнем! Пусть гибнет коварное тело
Вместе с врагами! Пускай на данайцев обрушится горе!
Вы же, пируйте со мной! Поскорей в хороводы смыкайтесь!
Ставьте кратéры! Пришла к нам пора свободы желанной!»
Громко кричала она — но никто ее речи не верил;
Так повелел Аполлон, ниспославший ей дар предвещанья [20].
С речью суровой и гневной к Кассандре отец обратился:
«Прислана злобным каким божеством ты, провидица злая?
Дерзостным лаем своим испугать ты нас хочешь, собака!
Всё не насытилась ты безумной своей болтовнею.
Радости нашего пира как будто завидуя, снова
К нам ворвалась ты в тот день, как Зевс, наш Кронид
повелитель
Дал нам свободу узреть, корабли Ахейцев рассеяв.
Нынче копье не летит и покоится лук, не натянут,

Смолкло бряцанье мечей, не свистят замолчавшие стрелы:
Пляски и сладкие песни повсюду, и распря затихла.
Мать не рыдает над сыном и, мужа на бой проводивши,
Нынче жена не заплачет над трупом, оставшись вдовою.
В дар принимает коня владычица града, Афина.
Дерзкая дева, одна ты, вопя пред воротами дома,
Ложно пророчишь беду, беснуешься в диком безумье,
Терпишь напрасные муки и город святой оскверняешь.
Прочь уходи! Нас теперь хороводы, пиры ожидают.
Нет под троянской стеной угрозы, так долго стоявшей.
Голос пророческий твой нам отныне уж больше не нужен!»...
Это промолвив, Приам велел непокорную деву
В спальне замкнуть; и отцу покорилась она против воли.
В девственном спальном покое на ложе упала, рыдая;
Жребий свой знала она и видела, как, разгораясь,
Пламя уже бушевало в стенах ее града родного.
Этой порою троянцы воинственной деве Афине
В храме коня посвятили, поставив на крепком подножье;
Жертвы богам возложили на жертвенник в яркое пламя;
Боги ж свой взор отвратили и тщетной не приняли жертвы.
В городе все пировали, все буйством кипело безмерным,
Буйством, что следом идет за вином, мужей веселящим.
Разум утратили все и, в пьяный сон погрузившись,
Город затих. У ворот лишь немногие стражи остались.
Свет той порою угас и спустилась в божественном мраке
Ночь на крутой Илион, ему несущая гибель.
Облик старухи седой приняв, к аргивянке Елене,
Хитрость тая, Афродита вошла, искусная в кознях;
К ней обратилась она с таким убеждающим словом:
«Знай, дорогая, зовет тебя Менелай полководец,
Муж твой. В коне деревянном он скрыт, а с ним и другие
Славных ахейцев вожди, что руки твоей прежде просили.
Тотчас к нему ты иди! Позабудь о старце Приаме,
И о троянцах других, позабудь о самом Деифобе.
Я отдаю тебя вновь Менелаю, страдавшему долго».
Это сказав, удалилась богиня; и сердцем смятенным
Ей покорилась Елена; из спальни своей ароматной
Вышла, и следом за ней Деифоб; на пути ее видя,
Долго глядели ей вслед троянки в хитонах нарядных.
В зданье высокое храма Афины вступила Елена:
Очи свои на коня устремив, она долго стояла;
Трижды потом обошла вкруг него, аргивян завлекая,
Жен их кудрявых она по имени всех называла
Голосом нежным своим. Они же, сокрытые, тяжкой
Болью терзались в душе и в молчании слезы глотали...
Многих ахейцев могла б соблазнить лукавством Елена,

Если бы, грозная ликом, покинув эфир, не предстала
Дева Паллада пред ней, Елене лишь зрима; из храма
Вывела тотчас ее и сказал суровое слово:
«Жалкая! Вот до чего довели тебя злые деянья,
Жажда объятий чужих и козни лукавой Киприды!
Первого мужа ничуть не жалеешь? И дочери видеть
Ты, Гермионы, не хочешь? Опять помогаешь троянцам?
Прочь уходи! И над спальней своею, поднявшись на башню,
Пламя привета зажги кораблям плывущим ахейским».
Сделала тщетным Афина Елены пустое лукавство.
В спальный покой возвратилась Елена. А этой порою
В городе кончились пляски и все погрузилось в дремоту.
Звуки форминги умолкли, лежала усталая флейта
Возле кратéра; валился вином переполненный кубок
И раздивалось вино, струясь по рукам ослабевшим.
Спутница тьмы, тишина, над городом всем воцарилась;
Не было слышно и лая собак; и, казалось, молчанье
Ждет, призывая к себе убийством дышащие клики.
Гибельный жребий троянцев уже на весы свои кинул [21]
Зевс, повелитель войны, и призвал ахейцев на битву.
Феб Аполлон со стены городской Илиона твердыни
С грустью на храм свой взирал в плодородных пределах [22]
ликийских.
Весть аргивянам Синон посылал с могилы Ахилла
Ярко горевшим костром, во тьме светившим далеко [23].
И полыхало всю ночь над спальным покоем Елены,
Путь освещая бойцам, золотистое факела пламя.

КОЛЛУФ

О Коллуфе, авторе небольшой поэмы «Похищение Елены», краткие биографические сведения дает Свида; Коллуф был уроженцем Египта и жил в конце V — начале VI века. По содержанию его поэма примыкает к древней киклической поэме «Киприи», известной нам лишь по прозаическим пересказам ее у мифографов; однако разработка темы Коллуфом носит не героико-эпический характер; она имеет большое сходство с эллинистическими эпиллиями и буколической поэзией, что ясно видно из трактовки образов Афродиты, Эротов и самого Париса. Возможно, что эта поэма скомпонована из двух эпиллиев — «Суд Париса» и само «Похищение»,— слабо связанных между собой.

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

(ст. 69—192)

Зевс, увидав, что друг с другом богини враждуют [1], Гермесу
Дал порученье, к нему обратясь с такими словами:
«Если у Ксанфа, реки, что близ Иды течет, ты увидишь
Сына Приама, Париса, прекрасного юного мужа,—
Он возле Трои в горах обитает, пася свое стадо,—
Яблоко дашь ты ему — он судьей над богинями будет;
Пусть он оценит красу их очей и прелесть их лика.
Та, что всех больше пленит его красотою расцветшей,
Та и получит в награду тот дар, чем чаруют Эроты».
Вот что владыка Кронид велел Гермесу исполнить;
Выслушав волю отца, Гермес покорился охотно,
Быстро отправился в путь и богинь посетил по порядку;
Все о своей красоте в тот день неустанно радели.
Замысел хитрый тая и, сбросив повязку, Киприда
Косы густые свои распустила и пышные пряди
Нитью златой обвила и венком золотым увенчалась.
После, Эротов призвав, им такое дала наставленье:
«Битва близка, мои дети! Придите к родимой на помощь.
Завтра придется предстать на суд над моей красотою;
Как я боюсь! Не другой ли достанется яблоко это?

Той, кто взрастила Харит, почитается издавна Гера;
С Зевсом престол разделяет и скипетром царским владеет.
Все называют Афину царицей войны и сражений.
Только одна я, Киприда, бессильна; ни царского трона
Нет у меня; ни меча боевого, ни стрел не имею;
Впрочем — чего ж мне бояться? Не нужны мне острые копья;
Быстрый в руках моих меч — любовные сладкие цепи;
Пояс на мне, и бич мой в руке, и лук мой натянут;
Пояс любви,— и стрела от него вонзается в сердце,
Женщинам боль причиняет, но смерти она не приносит».
Розовоперстой Киприды слова услыхавши, Эроты
Матери милой веленья охотно послушались: следом
Все полетели они за ней веселой толпою.
Скоро достигли они крутых перевалов Идейских;
Там, под высокой скалой, где кругом громоздились утесы,
Юный Парис сторожил стада, достоянье отцово.
Он, разделив свое стадо, на двух побережьях потока
Порознь их пас; на том берегу быки и коровы,
Здесь, пересчитаны точно, паслись отары овечьи.
Шкурою горной козы был одет он в ту пору; спускалась
С плеч его низко она, покрывая и спину, и бедра;
Посохом крепким своим быков погонял он, и часто
Брал в свои руки свирель и, бродя за пасшимся стадом,
Песню звенящую петь заставлял тростники луговые.
Часто напев запевая, один, меж овечьих загонов,
Он о быках забывал, и об овцах заботы не ведал;
Иль, соблюдая обычай пастуший, играл на свирели;
Пана он чтил иль Гермеса, прелестные песни слагая;
Псы замолкали тогда, мычанье быков затихало,
Только в дыхании ветра, своей лишенная речи,
С высей Идейских ему в ответ откликалося Эхо;
И отдыхало кругом, насытившись пышной травою,
Стадо быков на лугу, подогнув тяжелые ноги.
Раз, на свирели играя, вдали, над травою высокой,
Вдруг он Гермеса узрел, богов посланника; тотчас
На́ ноги в страхе вскочил — богов он дотоле не видел.
Звонкий тростник свой повесил на ветку могучего дуба;
Песню лишь только начав, ее оборвал, не закончив.
С речью такой обратился Гермес к пораженному страхом:
«Брось ты подойник пастуший и с пастбищем пышным
расстанься,
Будешь ты нынче богинь судить судом справедливым.
Прелесть их дивной красы оцени и яблоком этим
Ту, что прекраснее всех, ты наградой желанной порадуй».
Вот что Гермес приказал; и, взор устремив безмятежный,
Суд свой Парис попытался свершить над каждой богиней:

Блеск их очей голубых он узрел, в золотом ожерелье
Стройную шею, и пышный убор, и роскошь наряда,
Тонкой лодыжки размер и узкий след от подошвы.
Он улыбнулся и руку поднял; но суда не дождавшись,
С речью такой к Александру тотчас обратилась Афина:
«Чадо Приама, свой взор отврати ты от Зевса супруги,
И Афродиту не чти, что царит лишь в спальных покоях,
Честь ты Афине воздай! она вдохнет в тебя силу,
Станешь ты в Трое владыкой и станешь хранителем града,
Будешь спасителем сотен мужей в тяжелых сраженьях,
Грозной Эни́о рука тебя поразить не посмеет,
Будь мне послушен,— и я научу тебя доблести ратной».
Так говорила ему хитроумная дева Афина;
Но, прерывая ее, белорукая молвила Гера:
«Если присудишь ты мне награду прекрасную нынче,
Я властелином тебя над Азией всею поставлю.
Презри же воинский труд! Что за дело царю до сражений?
Царь повеленья свои дает и храбрым, и робким;
Славу стяжают не все, кто верно служит Афине;
Слуг злополучных Эни́о безвременно смерть настигает».
Так обещала Парису владычество Гера царица.
Пеплосом с поясом низким Киприда взмахнула высоко,
Складки его подняла, со стыдливостью женской расставшись,
Пояс слегка распустила — Эротов прелестные цепи —
Грудь обнажила свою и ее красоту показала,
После ж с улыбкою сладкой она к пастуху обратилась:
«Глянь на мою красоту и забудь о войне и о битвах,
Скипетр не нужен тебе, не нужны и Азии страны.
Дел я военных не знаю. На что Афродите оружье?
Женщины много скорей красотою стяжают победу.
Дам вместо доблести я тебе дивную женщину в жены,
Вместо престола царей ты взойдешь на ложе Елены.
Мужем, любовью счастливым, увидит тебя Лакеде́мон».
Это сказав, замолчала Киприда. И яблоко о́тдал
Ей, не колеблясь, Парис, за красу и в честь, и в награду,
Семя войны роковой, ужасных походов зародыш.
Яблоко взяв, Афродита, с насмешкою злой обратившись
К Гере и к деве Афине, такое промолвила слово:
«Что ж — откажитесь от распри и мне уступите победу!
Я красоту избрала, и я красотою любима.
Гера, тобою Арес был рожден; и в трудах ты, как слышно,
Милых Харит воспитала святой хоровод; но Хариты
Все отвернулись сейчас же, и ты в них подмоги не видишь.
Ты — не царица войны, и огонь не ты возрастила;
Власти твоей непокорен Арес, копьеборец безумный,
Пламя — под властью Гефеста, хотя ты Гефеста родила.

Ты ж величаешься тщетно напрасной отвагой, Афина,
Брачные узы тебя не родили, и мать не питала;
Нет — но железа удар и бесчувственный «корень железный» [2]
К жизни воззвал, не рождая, тебя из отцовского мозга.
Медной одеждою ты от глаз свое тело скрываешь,
Нежной любви избегая, гоняясь за делом Ареса;
Ты примиренью чужда, и с согласием ты незнакома.
Словно не ведаешь ты, что не слишком отважны в сраженьях
Девы, которые рвутся на бой и тешатся битвой,
Кем родились — непонятно, ни девы они, ни мужчины».
С дерзкой насмешкой такой говорила с Афиной Киприда.
Так в состязанье победу, принесшую Трое погибель,
Геру с Афиной унизив, Киприда красою стяжала.

НОНН

О поэте Нонне нам известно лишь немногим больше, чем о других эпических поэтах, Квинте, Трифиодоре и Коллуфе; он был уроженцем Египта, о чем свидетельствует прилагаемый к нему в рукописях эпитет «Панополь-ский», и жил, по всей вероятности, в V в. н. э. Однако в его биографии имеется одна интересная подробность, делающая его фигуру в какой-то мере загадочной: уже в пожилом возрасте он стал христианским епископом: два произведения, дошедшие от него, по своей теме как будто диаметрально противоположны друг другу: во-первых, это — огромная мифологическая поэма (48 песен, более 20 000 стихов) «О Дионисе», излагающая весь цикл мифов об этом боге, начиная с его родословной (похищения Европы, прихода ее брата Кадма в Фивы, его женитьбы на Гармонии, дочери Ареса и Афродиты, рождения Семелы и т. д.) до его восхождения к богам на Олимп со своим новорожденным сыном Иакхом: во-вторых — стихотворное переложение (так называемый метафраз) христианского «Евангелия от Иоанна», из всех четырех канонических Евангелий наиболее близкого к мистическим учениям неоплатонизма и к гностицизму.

Эта противоположность тематики двух произведений Нонна, возможно, не так резка, как кажется на первый взгляд; близкое знакомство Нонна с культом Диониса не вызывает сомнений, но нельзя быть уверенным в его положительном отношении к этому культу, который, существуя уже около тысячи лет, был еще в IV, да и в V веке, наиболее упорным и сильным противником христианства; он имел свою систему символов, таинств и обрядов, а в эту позднюю эпоху — и свою философскую интерпретацию, тем более, что он сближался и с другими мистическими учениями, культами Митры, Кибелы, Сераписа, а также с неоплатонизмом. Вполне возможно, что Нонн был последователем дионисического культа и участником его мистерий, но, разочаровавшись в нем, перешел в христианство, привлеченный, однако, тоже не его моральным учением, а его мистико-гностическими моментами. В пользу такой гипотезы (насколько нам известно, еще никем доселе не высказанной), может говорить тот факт, что Дионис на протяжении всей поэмы выступает как бог, приносящий несчастье всем, с кем он соприкасается (сестра его матери, Агава, в вакхическом безумии убивает своего родного сына; опьяненные вином аттические крестьяне убивают первого винодела Икария, и его дочь Эригона кончает самоубийством); да и сам Дионис терпит ряд неудач (его побеждает фракийский Ликург; дочь Афродиты, красавица Бероя, достается не ему, а старику Посейдону; любимая им Ариадна превращается в камень при виде головы Горгоны во время битвы Диониса с Персеем и т. п.). Однако вопрос о цели и направленности поэмы Нонна чрезвычайно сложный и до нашего времени едва намеченный.

С литературной стороны поэма «О Дионисе», несмотря на растянутость и перегрузку мифологическим материалом, чрезвычайно интересна: в ней перекрещиваются разнообразнейшие литературные влияния и реминисценции: многие эпизоды (особенно описание похода Диониса в Индию и многочисленных сражений) непосредственно примыкают к Гомеру и являются наименее удачными частями поэмы; сильно дает себя знать и влияние эллинистической поэзии — в наличии небольших вставных эпиллиев, в использовании малоизвестных местных мифов, в буколических и эротических сценах (например, встречается форма гимнов с повторяющимся рефреном), в введении лирических «плачей»; риторические приемы второй софистики тоже местами применяются в поэме (длинные ряды риторических вопросов, диатрибы с тезисами и опровержениями и т. д.); и даже юмористический момент «бурлески», в которой действующими лицами выступают боги, тоже не исключен из этого «пестрого творения», как называет свою поэму сам автор.

Нонн проводит в поэме очень сложную метрическую реформу классического эпического стиха — гексаметра, сильно ограничивая и регулируя расположение спондеев, что делает его стих благозвучным, но несколько однообразным.

На русский язык из поэмы Нонна переводились лишь немногие чисто мифологические отрывки; в данном сборнике памятников мы старались дать отрывки различного характера (трагического, лирического, шуточного), чтобы показать разнообразие мотивов, присущее поэме Нонна.

ПОЭМА О ДИОНИСЕ

I. МИРОВОЙ ПОЖАР И ПОТОП

(VI, 206—231, 250—291, 367—388)

После того, как погиб Дионис, древнейший и первый,
Зевс, наш родитель, раскрыл хитроумного зеркала козни [1]:
В ярости молнию бросил он в Землю, праматерь Титанов.
Тех, кто убийство свершил Загрея, рогатого чада [2],
В Тартара сводах замкнул. И вот — загорелись деревья,
В жарком поблекли огне зеленые кудри земные,
Пламя объяло Восток; от стрелы огневой, раскаленной,
Бактрии край запылал; от страшного жара иссохли
Воды в стране Ассирийской и волны Каспийского моря,
Земли Индийских пределов; кипел в Эритрейском заливе
Огненный вал и арабский Нерей [3] добела раскалился.
Молнией Зевс поразил и страны, где солнце заходит;
Гневом горел он за милое чадо; палящей стопою
Жаркий Зефир иссушил всю воду в пределах Заката
Вплоть до Арктических стран; своим дыханьем горячим
Он растопил ледяную кору на море Борея [4],
И снеговая метель, над заливом летя Козерога,
С искрой полуденных стран повстречавшись, огнем запылала.
Слезы обильно из глаз потоками рек проливая,
К Зевсу с мольбой Океан обратился, прося о пощаде.
Видя, что все на земле от молнии жгучей поблекло,
Сжалился Зевс и решил залить струей водяною
Тлеющий пепел пожаров и раны земли опаленной.
Он, повелитель дождя, затопил пределы земные,
Тучи густые собрал на высоком своде небесном,
Грянул удар громовой — это Зевса труба заревела...
Вдруг в семичастном эфирном чертоге [5] засовы открылись
Волею Зевса, владыки дождя; заплескались в заливах
Волны, забили ключи, зашумели, кипя, водопады;
Влажные чада отца Океана, пруды и затоны,
Стали водой наполняться; подземные хлынули воды
И над седым Океаном взлетели фонтаны, как стрелы;
Капли стекали со скал; по холмам, дотоле безводным,
Горные струи ручьев понеслись, как мощные реки;
Волны морские вздымались, ущелья в горах затопляя;
Стала толпа Нереид Ореадами. Бедная Эхо
Тщетно пыталась к воде приучить неумелые руки,—
Снова боялась за девство свое,— как бы, спасшись от Пана,
Ей Посейдону теперь не пришлось в добычу достаться.
Львы, что в морях обитают, подплыли к высоким утесам,
К львам сухопутным в пещеру прокрались и стаей веселой

Свой повели хоровод; в глубоких стремнинах залива
Встретил дельфина морского кабан, блуждающий в дебрях;
А по обрывистым тропкам крутого хребта снегового
Плавали вместе и звери, и рыбы; полип многоногий
Вдруг, заблудившись меж скал, наскочил на горного зайца.
Влажное племя, Тритоны зеленые, в чащах лесистых
Бойко ныряли в волнах, шевеля хвостом раздвоённым.
В горных пещерах, где Пан обитает, они приютились,
Словно хотели с орлами поспорить, и раковин пестрых
Кучу оставили там. На холмах, водою покрытых,
Встретился с Паном пещерным Нерей, потерявший дорогу.
Пан же, гористые выси сменивший на волны морские,
Скрылся в пещере сырой, где некогда пряталась Эхо.
Нынче расстаться пришлось ему со свирелью намокшей.
Множество смертных людей в тот день от потопа погибло,
В море могилу найдя; и трупов их жалких немало
В волнах всплывало морских и носилось в пене прибоя.
К шумной реке снеговой припали голодные звери,
Жадно глотая струю, летящую с гор; но внезапно
Рухнули в воду и лев, и кабан. И в общем потоке
Реки с ручьями смешались; нахлынули волны морские,
Все воедино слилось; и четыре яростных ветра
В общем порыве носились над водным бескрайным простором.
Видя, что суша исчезла, что более грозный владыка,
Землю дождем заливая, основы ее сотрясает,
Был оскорблен колебатель земли и морей повелитель;
Выдернул гневной рукой он из моря свой острый трезубец.

Был лишь один мореход недоступен пучине грозящей:
Девкалионов ковчег [6] скользил по волнам и спокойно
Верным путем своим плыл, якорей и причалов не зная,
След свой чертя бороздой в волнах ледяного потопа.
Все в мирозданье смешалось; и узы былого согласья
Чуть меж людьми не порвал Эон [7], кормилец вселенной.
Но по велению Зевса владыка морей темнокудрый [8],
Ставши на самом высоком утесе горы Фессалийской,
Мощным трезубцем ее расколол и раскрылись внезапно
Недра горы и стремглав в них воды, сверкая, рванулись,
Жадно в себе поглощая потоки талого снега,
Вновь показалась земля; ручьи стремительно мчались,
В тьму низвергаясь, и вновь обнажались горные склоны.
Жарким дыханьем своим осушил увлажненную землю
Гелиос; вновь к берегам притекли обмелевшие реки;
Ил на болотах застыл в лучах согревающих солнца.
Смертные люди к труду возвратились и с новым искусством

Стали жилища свои на каменном класть основанье.
Строились вновь города и дома заселялись повсюду;
Новых людей поколенье пути по земле проложило;
Вновь улыбнулась природа и шумные стаи пернатых
Стали крылами опять рассекать воздушные выси.

II. АФРОДИТА ЗА ТКАЦКИМ СТАНКОМ
(XXIV, 230—329)

Весело все пировали, вокруг кратéра собравшись;
Звонкую песню пропел им Левк, самоучка-лесбиец,
Как на Олимп напало Титанов древнее племя;
Правду поведал о том, как Зевс победил многомощный,
Как он стрелой громовой поразил бородатого Крона
И побежденного ввергнул в угрюмую Тартара бездну;
Крон отбивался оружьем зимы леденящей, но — тщетно.
Был на пиру и Лапэт — он родом был с мирного Кипра.
Близко к певцу он подсел и, выбрав кусок пожирнее,
Славно его угостил и просил его песню другую
Спеть — ее часто поют в веселых речистых Афинах,—
Как Афродита решила в тканье с Афиной сравняться.
Левк, заиграв на форминге, запел о Киприде сказанье.
«Некогда впало ей в ум заняться тканьем и пряденьем.
Тайно к Афины станку пробралась и рукой неумелой
Острый схватила челнок — непохож он на пояс Эротов.
И натянула богиня такую густую основу,
Словно из ивовых прутьев она канаты крутила;
Точно такою веревкой, искусно сплетенною, длинной
Опытный плотник-старик корабельные ребра сжимает.
Целые дни проводила она и целые ночи
Возле станка, распускала, ткала и опять распускала,
Чуждым терзая трудом непривычные нежные руки.
Гребнем зубастым она обскребала шерсть для хитона,
Каменным тяжким грузилом равняла нити основы,
Пеплос иглой расшивала — и стала Киприда Афиной.
Но безуспешен был труд: на пеплосе, сотканном ею,
Толстые нити основы сплетались в узлах безобразных,
А на хитоне неровном основа рвалась беспрестанно.
Двое свидетелей было ее трудов неусыпных:
Гелиос видел ее, зажигала ей светоч Селена.
Но орхоменские девы [9], служанки пафийской богини,
Больше уже не вели хороводов: наматывать пряжу
Стала теперь Пасифая, Пейто — кудель навивала,
И над основой Аглая трудилась, Киприде в подмогу.
Не было слышно нигде ликования праздников брачных;

Стали ненужными песни, и свадьбы уже не справлялись;
Старец Эон зарыдал, кто правит рождающей жизнью.
Бросил Эрот свой пылающий лук с тетивой ослабевшей
И борозду мировую никто не пахал и не сеял.
Нежные звуки форминги умолкли, молчали свирели,
Звонкая флейта напев: «О Гимен, Гименей!» позабыла [10];
Жизнь убывала повсюду, иссяк источник рожденья,
Сломаны были засовы, крепившие связи супругов,
И увидала Афина старанья богини Пафийской;
Смеха сдержать не могла, хоть и вспыхнула гневом, увидя
Грубую ткань, что соткáла Киприда рукой неумелой.
Все рассказала Афина бессмертным богам и с упреком
Горьким она обратилась к отцу своему и Киприде:
«Что же дары ты свои отнимаешь, небесный владыка?
Долю, сужденную мне от Мойр, выполнять не могу я;
Жребий, мне данный, взяла твоя же дочь Афродита.
Жребий Афины отнять не хотела владычица Гера,
Зевса отца и сестра, и супруга; чинит мне обиду,
Мне, кто с рожденья владеет щитом, мне, помощнице в битвах,
Эта привратница спален, богиня изнеженной ласки;
Мне оскорбленья наносит она, не умея сражаться.
Разве она защищала Олимп иль разила Титанов
Поясом женским своим? а теперь — на меня нападает.
Ты мне ответь, Артемида-охотница, разве видала
Ты меня мечущей стрелы, зверей загоняющей в дебрях?
Кто ж Синеокую кличет, когда родильницы стонут?» [11]
Слыша Афины слова, на Олимпе живущие боги
Все захотели взглянуть, как взялась за работу Киприда,
И увидавши труды ее руки неумелой
Стали кругом и дивились ее неудачным издельям.
И, рассмеявшись, промолвил Гермес, охотник до шуток:
«Ткацкий станок — за тобой; так отдай же Афине свой пояс.
Если ты ткать научилась и острой владеешь иглою,
Верно, сумеешь владеть и копьем, и эгидой Афины.
Знаю, зачем, Киферея, взялась ты за труд непосильный,
Хитрость твою разгадал я: Арес, твой возлюбленный, верно
Новый хитон приготовить просил для услады любовной.
Надо и пеплос Аресу соткать; но только не вздумай
Щит на нем выткать — оружье Киприде совсем не пристало;
Вышей-ка лучше на нем Фаэтона в лучах светозарных;
Он ведь богам рассказал, кто тайно делил твое ложе;
Может быть, нити цветные сплетешь ты в крепкие сети
Или любовника образ ты вышьешь рукою стыдливой?
Лук свой, Эрот, позабудь и за прялку садись поскорее;
Нитки разматывать будешь для матери, труд возлюбившей.
Звал я крылатым тебя, теперь ты ткачом назовешься;

Жилы бычачьи на лук ты натягивал, бог огнеликий,
Ныне же нити в иглу продевай, со стрелами расставшись,
Нитью златою ты вышей Ареса с златой Афродитой;
Дай ему в руки челнок, на что ему щит толстокожий?
Верно, захочет и он с Кифереей прилежной трудиться.
Нет, Киферея богиня, дай отдых рукам утомленным!
Ветры пускай эту ткань разнесут, ты ж, в свой пояс облекшись,
Вновь позаботься о браках: ведь космос, источник рожденья,
Бродит в печали, а ты расшиваешь здесь пеплос ненужный».
И улыбнулись Олимпа владыки на шутку Гермеса.
Бросив хитон недотканый и нити основы порвавши,
От Синеокой на Кипр Киферея ушла пристыженной,
Сделалась снова, как прежде, кормилицей рода людского.
И многовидную жизнь чарующей пояса мощью
Снова стал сеять Эрот на ложах в круги мировые.
Так меж пирующих Левк сложил сладкозвучную песню.
В ней Афродиту воспев, рассказал, как, прясть не умея,
Вздумала вдруг состязаться с Афиной, ткачихой премудрой.

III. ОТЕЦ И ДОЧЬ
(XXVI, 101—144)

Лучник искусный Тектаф [12] пришел, к походу готовый.
Некогда смерти голодной он ждал, но в уста его тайно
Дочь его грудью своей излила поток животворный.
Кожа иссохла на нем, он подобен был трупу живому.
Был на него скиптроносец в ту пору жестоко разгневан,
Царь Дериад; заключил он Тектафа в тяжелые узы,
Связанным бросил в темницу и крепкими запер замками.
Пищи лишен был Тектаф и питья, истощен и измучен,
Солнца лучей он не видел и светлого круга Селены.
В недрах глубоких земли был скрыт этот муж злополучный,
Влаги ни капли, ни трапезы скудной, ни света не видя.
Кожа прилипла к костям; в пещерной тюрьме под скалою
В страшных он муках томился. Терзал его голод безмерный;
Он, задыхаясь, ловил губами иссохшими воздух,
Стал бездыханному трупу подобен, еще не умерший.
Начал он заживо гнить и его уже тленье коснулось.
Стражей отряд у дверей его сторожил неусыпно.
Но хитроумная дочь Тектафа лукавою речью
Их обманула. В ту пору была она юной женою,
Только недавно родившей; и стражей она умоляла:
«Не убивайте меня, сторожа! Ничего я не прячу.
Нет ни еды у меня, ни питья — чем отца мне утешить?
Слезы, лишь слезы одни я ему принесу. Поглядите,

Сатир на скале.

Рельеф I в. н. э.

Я же с пустыми руками пришла,— вы видите сами.
Если не верите мне, то скорей развяжите мой пояс
И, покрывало сорвав, ощупайте ткани хитона.
Нет у меня и напитков целебных. Меня, умоляю,
Вместе с отцом дорогим заприте в темнице подземной.
Что вам бояться меня? Пусть даже узнает владыка!
Кто запрещает о мертвых рыдать? К умирающим можно ль
Быть столь жестоким? Ужель не жалеете вы бездыханных?
Гаснут родителя очи — закрыть их меня допустите!
Смерти прошу — неужель даже этого дара вам жалко?
Дочь пусть погибнет с отцом! Пусть одна нас могила укроет!»
Стражей она убедила и, быстро в темницу вбежавши,
Словно как солнечный луч пред отцом во тьме просияла,
И животворный поток молока в иссохшие губы,
Страха не зная, влила. Услышав о подвиге дивном,
Царь Дериад изумился, и сам, ради дочери смелой
Узы отца развязав, ему жизнь возвратил и свободу.
Всюду об этом промчалась молва, и в стане индийском
Все восхваляли жены хитроумной целебное средство.
Ныне ж Тектаф меж Болингов [13] блистает вечерней звездою.
Так сквозь прозрачный эфир светозарный Геспер [14] сверкает,
Геспер, вещающий нам приближение мрака ночного.

IV. ПЛАЧ КАДМА

(XLVI, 240—271)

Кадм сокрушенный внимал похвальбе Агавы безумной.
Слово такое он молвил, его прерывая слезами:
«Зверя убила какого, Агава, несчастное чадо?
Зверя убила какого? Его ты во чреве носила!
Зверя убила какого? Ведь он — Эхионово семя!
Глянь же на льва твоего! Его, малютку, нередко
С радостью Кадм поднимал, рукой лаская питомца.
Глянь же на льва твоего! Качала Гармония часто
Этого зверя в объятьях, а ты его грудью кормила.
Сына зовешь ты теперь, чтоб пред ним похвалиться победой?
Как же позвать мне Пенфея, чью голову ввысь ты возносишь?
Как мне, откуда позвать? Его ты, не зная, убила.
Глянь на убитого зверя — ты сына узнаешь родного!
Это ль твой дар, Дионис, за то, что тебя воспитал я?
Это ли свадебный дар, нам с Гармонией посланный Зевсом?
Нет, мне Уранова дочь [15] и Арес этот дар ниспослали!
Скрылась в пучине Ино́, сожжена Кронидом Семела,
Плачет давно Автоная о смерти рогатого сына,

Ныне ж единое чадо Агава, не зная, убила;
Где-то в изгнанье скорбит Полидор, мой младший питомец.
Я лишь один остаюсь, я — труп не умерший; куда же
Ныне пойду я? Загублен Пенфей, Полидор — на чужбине.
Где мне приюта искать? Киферон, я тебя проклинаю!
Внуков обоих убил ты, опору бессильного Кадма,—
Тело Пенфея хранишь, Актеона останки скрываешь».
Кадма услышавши речь, застонал Киферон седовласый;
Хлынули слезы его потоками струй родниковых,
И зарыдали дубы, и напев погребальный запели
Нимфы и девы Наяды. Над стонами Кадма седого
Сжалился сам Дионис; и на лике его беспечальном
Слезы смешались с улыбкой; и разум вернул он Агаве,
Чтобы могла свое горе постичь и Пенфея оплакать.

V. СМЕРТЬ ЭРИГОНЫ

(XLVII, 187—255)

Кончился сон — и виденье на легких крылах улетело.
Девушка [16] в страхе проснулась; румяные нежные щеки
Стала ногтями терзать, ударами грудь поражала,
Длинные пряди волос рвала, по плечам разметавши.
Глядя на стадо свое, стоявшее возле утесов,
С жалобным воплем она, убиваясь, его вопрошала:
«Где же Икария тело? Скажите мне, милые горы!
Как мой родитель погиб? Быки, вы, быть может, видали?
Если убит мой отец, скажите, кто были убийцы?
О, дорогой мой родитель! Куда же он скрылся? Соседа,
Может быть, он обучает прививке деревьев плодовых?
С пахарем бродит в полях? с пастухом, с садоводом искусным,
Верно, сажает питомник и скромную трапезу делит!
Плачу я — где он, скажите,— и буду я ждать терпеливо.
Если еще он в живых, то юных деревьев отростки
Буду я в нашем саду поливать и жить в нашем доме.
Если же умер отец и к деревьям своим не вернется,
Долю его разделю и погибну с родителем вместе».
Это помыслив, она побежала на горные выси;
Всюду искала следов убийства иль свежей могилы.
Встретился ей козопас, но ей на вопрос не ответил;
В чаще лесной повстречался погонщик быков, но, жалея
Девушку, этих следов показать не хотел, хоть и видел.
Старший пастух промолчал — он знал, где тело зарыто.
В поисках долго напрасных бродила она; напоследок
Ей землепашец один ужасную повесть поведал.
И показал ей тот холм, где недавно отца схоронили.

Страшную весть услыхав, в безумии, разум утратив,
Косы терзая свои, Эригона у милой могилы
С плачем упала, одежды рвала на себе и горючих
Слез бесконечной струей хитон омывала, рыдая;
И на уста поклялась наложить молчанье навеки.
Следовал всюду за нею лишь пес, ее спутник надежный;
Жалобным визгом своим откликаясь на скорбные вопли,
Словно с ней вместе рыдал. Эригона, в уме помутившись,
Бросилась в лес; подбежав к одному из высоких деревьев,
С шеи повязку сняла, тугую петлю завязала
И, от земли оторвавшись, себя обрекла на погибель.
Дрогнули ноги, повиснув, и кровь уже в жилах не билась.
Так она смертным путем добровольно пошла. И уныло
Пес ее верный завыл, и печально откликнулось эхо;
Хлынули слезы рекой из очей разумного зверя.
Девушки тело в лесу не покинул он, сторож усердный;
Хищников диких, пантеру и льва, отогнал он отважно.
К путникам бросился он, что мимо брели по дороге,
Просьбой своей бессловесной повел он их к девушке мертвой,
В крепко сплетенной петле висевшей на ветке высокой.
Путники, пса пожалев, по следу за ним поспешили;
Там, в густолистном лесу, они сняли с высокой верхушки
Тело, не знавшее брака; на землю его опустили,
Заступы взяли свои и поблизости вырыли яму.
Пес это все понимал и вместе с ними трудился:
В землю врывался глубоко он крепкой привычною лапой,
И из-под острых когтей земля громоздилася кучей.
Путники тело умершей, все вместе оплакав, зарыли,
Дальше пошли, унося печаль тяжелую в сердце;
Каждый к делам неотложным вернуться хотел поскорее.
Пес лишь один не ушел и лег на могиле знакомой:
Он Эригону любил и в тоске по ней с жизнью расстался.
Сжалился Зевс, наш отец, и в светлые звездные своды
Он Эригону вознес и со «львом» ее рядом поставил [17];
Держит в руке она колос полей; гроздей виноградных
Взять не хотела она — ведь они ей отца погубили.
Старцу Икарию Зевс дал место с дочерью рядом,
К высшему звездному кругу вознес он его и названье
Дал «Волопаса» ему и назначил вести «Колесницу»
Возле Арктура; а «Пса» он послал преследовать «Зайца».
Яркой звездой он теперь бежит по сводам небесным,
Где выплывает, сияя, моря покорившая Арго [18].

МУСЕЙ

О жизни Мусея, автора небольшой поэмы «Геро́ и Леандр», никаких данных не имеется, а датировка поэмы не раз служила предметом дискуссий; было время, когда ее относили к эпохе эллинизма, исходя из лирико-эротического характера фабулы, напоминающей эпиллии александрийских поэтов; весьма возможно, что этот сюжет действительно был разработан уже в эллинистической литературе, поскольку он упоминается у некоторых римских поэтов (в «Георгиках» Вергилия, III, 258—263, в «Фиваиде» Стация, VI, 542—547); а в «Героиды» Овидия включены письма Леандра к Геро́ и Геро́ к Леандру, причем они помещены непосредственно после писем Аконтия и Кидиппы, которые — как теперь подтверждено данными папирусных находок — примыкают к рассказу об этой молодой паре в «Началах» Каллимаха; однако в настоящее время никаких данных о существовании эллинистической поэмы о Геро́ и Леандре нет, а поэмы Мусея по ряду признаков (явное соблюдение правил строения стиха, соответствующих метрической системе Нонна, наличие некоторых поздних фразеологических оборотов) не может быть отнесена ко времени ранее V в. н. э. или даже VI в.

Поэма Мусея из всех поэм поздней эпохи пользуется наибольшей известностью; ее сюжет не раз подвергался обработке и в средние века и в новое время: более всего известны баллада Шиллера «Геро́ и Леандр» и драма Грильпарцера «Волны моря и любви».

На русский язык она была переведена В. В. Латышевым. В данном сборнике она дается в новом переводе М. Дриневич (под редакцией М. Грабарь-Пассек).

ГЕРО И ЛЕАНДР

Спой о светильнике, Муза, свидетеле тайных свиданий,
И о бесстрашном пловце, спешившем по морю ночному
К тайному браку — его не зрела бессмертная Эос,
Об Абидосе и Сесте [1], где брак Геро́ совершился.
Слышу, Леандр плывет, и светильник трещит, разгораясь,
Тот, что один возвещал во мраке о власти Киприды
И лишь один озарял полночную свадьбу влюбленных.
Символом был их любви он. И должен владыка эфира [2]
Был бы за подвиг ночной его сопричислить к созвездьям,
Новой звездою назвав, помощницей тайного брака.
Только светильник тот знал терзанья и муки несчастных,
Он подавал им всегда и весть об их брачном свиданьи,
Прежде, чем ветер враждебный дыханьем его не коснулся.
Муза, мне спеть помоги, как бурная ночь погасила
Светоча яркий огонь и жизнь молодую Леандра.
Сест с Абидосом лежат — один напротив другого —
Оба у берега моря. Эрот же, свой лук натянувши,
В каждый из тех городов послав по стреле заостренной,
Деву и юношу ранил. По имени их называли:
Милым Леандром — его, а Геро́ — прекрасную деву.
Сест ее родиной был, Леандр обитал в Абидосе;
Звезды прекрасные, были они городов украшеньем,
Друг на друга похожи. И если в тот край ты направишь
Путь свой, тогда поищи ты башню около Сеста,
Где зажигала Геро́ по ночам путеводный светильник,
Или взгляни на пролив, где волны у стен Абидоса
Плачут еще до сих пор о любви и о смерти Леандра.
Как же случилось, что он, в Абидосе живя, а не в Сесте,
Страстью к Геро́ воспылал и зажег ее страстью взаимной?
Девой прекрасной была, по крови из рода бессмертных
Жрица Киприды Геро́; она, не ведая брака,
В башне предков старинной жила у самого моря;
Новой Кипридой казалась она; скромна и стыдлива,
Даже средь женщин подруг себе никогда не искала.
Не принимала она в хороводах веселых участья
В страхе навлечь на себя насмешку завистливых женщин;
Ведь красота, как известно, внушает женщинам зависть
Но постоянно она обращалась с мольбой к Киферее;
Часто она и Эрота с Кипридой небесной молила,
Жертвы неся им, недаром боясь огневого колчана;
Но не смогла избежать она его стрел огненосных.
День, посвященный Киприде, настал; торжеством всенародным
В Сесте справляли его, Адониса чтя с Кифереей;

И поспешили туда на праздник нарядной толпою
Жители всех островов, что морской омываются пеной,
Все, кто в горах Гемонийских живет и на Кипре далеком,
И в поселеньях Киферы из женщин никто не остался,
Некому было вести хоровод на душистом Ливане;
Также на праздник явились и те, что поблизости жили:
И обитатель фригийских краев, и сосед абидосец.
Много тут юношей было, любителей прелести женской,
Вечно влечет их туда, где о празднестве речи услышат;
И не спешат они так бессмертных почтить приношеньем,
Как принести свое сердце красавицам-девушкам в жертву.
В храм, посвященный Киприде, Геро́, его жрица, вступила.
Юной и чистой сияла она красотою так дивно,
Как при восходе луна серебристая в мраке вечернем.
Яркий румянец играл у нее на щеках белоснежных,
Были подобны они двум розам в бутонах, и с лугом
Роз ароматных, пожалуй, ты мог бы сравнить ее тело,
Так оно светлой красою блистало — подобные розам
Нежные ноги ее под белым хитоном мелькали.
Легкой толпою, казалось, ее окружали Хариты.
Древние знали троих, но если Геро́ улыбалась,
Сотня прелестных Харит являлась в смеющемся взгляде.
Истинно в ней обрела достойную жрицу Киприда.
Так красотою блистала Геро́ среди женщин-ровесниц,
Юная жрица Киприды Кипридою новой казалась,
Юношей пылких сердца своей красотою смущая.
Всякий бы муж пожелал разделить с нею брачное ложе.
Если скрывалась она в прекрасно построенном храме,
Многие взором за ней устремлялись, и мыслью, и сердцем,
И говорил в восхищенье какой-нибудь юноша пылкий:
«В Спарте не раз я бывал, Лакедемона город я видел,
Издавна там красотой спорят юные девы и жены.
Но не видал я нигде такой девушки милой и нежной.
Уж не одну ль из Харит взяла себе в жрицы Киприда?
Даже устал я смотреть, но взора не мог я насытить.
Смерть я согласен принять после ночи, с Геро́ проведенной;
Богом бессмертным я быть не хотел бы на высях Олимпа,
Если бы мог привести в свой дом я ее как супругу.
Но если жрицы твоей не имею я права касаться,
Ты мне, Киприда, пошли в супруги подобную деву».
Так говорили одни. Иных же своей красотою
Ранила в сердце Геро́ и даже ввергала в безумье.
Ты ж, злополучный Леандр, прекрасную деву увидев,
Сердце свое не хотел терзать напрасною мукой;
Огненной в сердце стрелой поражен внезапно Эротом,
Жить не хотел ты вдали от Геро́, безмерно прекрасной,

С каждым взглядом сильнее любовная страсть разгоралась
Непобедимым огнем в тебе юное сердце пылало.
Женщина может сразить своей красотой непорочной,
Сердце больней истерзать, чем раны от стрел оперенных.
Взор — это путь для любви — от стрелы, что послана взором,
Рана сильнее болит, и сердце мужское страдает.
В миг овладели Леандром восторг, и смущенье, и дерзость.
Сердце его трепетало — стыдливостью робкой охвачен
Был он сперва, но ее восхищенье и страсть победили,
Дерзость внушили ему и велели откинуть сомненья.
Медленно он подошел и стал перед юною девой,
Делая вид, что совсем на нее он не смотрит, украдкой
Молча кивал ей и тем смущал ее девичье сердце.
Хитрости эти Геро́ разгадать было вовсе не трудно,
Радостно было ей знать, что ее красоту он заметил.
Взоры прекрасных очей к земле опуская стыдливо,
Так же она незаметно и молча кивала Леандру
И отвернуться спешила. А он в душе веселился,
Видя, что дева его поняла и любовь не отвергла.
Так, пока ждал с нетерпеньем Леандр заветного часа,
Свет увлекла за собой на запад ушедшая Эос,
Геспер вдали засиял, посылая глубокие тени.
Тотчас Леандр, осмелев, подойти решился поближе,
Лишь увидал, что покрылась земля темно-синею мглою.
Девичьи пальцы, подобные розам, он сжал потихоньку,
Вздох испуская глубокий. Она же, как прежде, безмолвно.
Будто сердясь на него, свою нежную вырвала руку.
Вспомнил, однако, Леандр, как она ему тайно кивала,
Смело схватил он ее за хитон, прекрасно расшитый,
Деву стараясь увлечь во внутрь священного храма.
Медленным шагом за ним шла, колеблясь, Геро́, и казалось,
Будто она неохотно такие слова проронила,—
Словно грозила Леандру,— так делают женщины часто:
«Гость, эти шалости брось! Куда ты меня завлекаешь?
Прочь уходи, злополучный! Хитон отпусти поскорее!
Кары страшись — ведь отец мой и мать богаты и властны,
К жрице богини Киприды тебе прикасаться не до́лжно.
Девственно ложе ее — на него взойти ты не можешь».
Грозно она говорила, как девушкам всем подобает.
Девичьи слыша угрозы Геро́, подобные стрелам,
Понял Леандр,— это признак, что девушка просьбам уступит.
Знай, если грозною речью ответит юноше дева,
Грозные речи ее возвещают победу Киприды,
Начал Леандр целовать Геро́ благовонную шею,
Страсти стрелой пораженный, он ей нашептывал тихо:
«О Киприда моя, о вторая богиня Афина!

К женам земным приравнять я тебя никогда б не решился,
Только лишь дочери Зевса с тобою сравниться достойны.
Счастлив быть должен отец, тебя на свет породивший,
Счастлива мать, что тебя когда-то во чреве носила.
Выслушай, дева, мольбу, над моими страданьями сжалься!
Ты ведь жрица Киприды, познай же Киприды деянья,
В скрытых священных обрядах постигни брачную тайну.
Деве совсем не пристало прислужницей быть Афродиты,
Вовсе не девы Киприде угодны; и если захочешь
Чары богини постичь и в таинство страсти проникнуть,
Есть на то ложе и брак; если ж ты почитаешь Киприду,
То возлюби наслажденья и сладкие чары Эротов.
Спутником быть мне твоим прикажи, а захочешь — супругом.
Ведь для тебя сам Эрот поймал меня, ранив стрелою.
Некогда быстрый Гермес, золотой жезлоносец, заставил
Даже Геракла служить у Ярдановой дочери [3] в рабстве.
Я же не хитрым Гермесом к тебе, а Кипридою послан.
Помнишь ли девушку ты из аркадской земли, Аталанту?
Долго она избегала влюбленного Миланиона,
Девство желая сберечь,— лишь гнев навлекла Афродиты:
Прежде отвергнутый, стал для нее он безмерно желанным.
Ты же послушай меня, не гневи понапрасну богиню!»
Речью такой наконец победил он упрямую деву,
Душу смутив ей словами, любовь пробуждавшими в сердце.
Взгляд опустила Геро́ и в землю смотрела безмолвно;
Алым румянцем стыда залились ее нежные щеки,
Топала ножкой о землю она и в волненьи стыдливом
Часто хитон на обоих плечах поправляла руками.
Все это было предвестьем, что дева уже уступает;
Девы молчанье сулит наслаждения брачного ложа.
Сладостно-горькие стрелы любви ей в сердце вонзились,
В девственном сердце ее разгоралось сладкое пламя,
Вспыхнув внезапно в лучах красоты молодого Леандра.
В землю безмолвно она устремляла склоненные взоры;
Он же смотрел на нее и лицо его страстью пылало,
В девичью нежную шею свой взгляд он вперял неустанно.
Вновь обратилась к нему Геро́ уже с ласковой речью,
Но со стыда залилась по-прежнему ярким румянцем:
«Речью своей, чужестранец, пожалуй, ты тронешь и камень.
Кто же тебя научил обольстительной речи лукавой?
Горе мне, бедной! В родимый мой край кто путь твой направил?
Речи напрасны твои. Как можешь ты, гость иноземный,
Здесь никому неизвестный, со мною в любви сочетаться?
В брак, освященный обрядом, вступить мы с тобою не можем;
Будет родителям это моим неугодно; а если ты хочешь
В нашей остаться земле, как пришелец, и быть нашим гостем,

Скрыть ты не сможешь любовь и украдкой служить Афродите;
Злы языки у людей: ты молчишь и тайну скрываешь —
Скоро о тайне своей ты услышишь на всех перекрестках.
Имя свое мне открой, назови свою землю родную!
Верно, ты знаешь уже, что Геро́ — мое славное имя;
В башне высокой мой дом, восходящей до самого неба,
Там одиноко живу я с одной лишь моею служанкой,
Около Сеста, где волны у берега даже глубо́ки.
Моря пучина — сосед мой, по воле родителей строгих.
Нет и подруг у меня; хороводов и плясок веселых
Юноши там не ведут; и ночью, и днем беспрестанно
Шуму внимаю я волн, гонимых бушующим ветром».
Кончив, она опустила на щеки свои покрывало,
Вновь покраснела, стыдясь, себя за речь осуждая.
Юный Леандр, уязвлен острием любовного жала,
Здесь лишь помыслил о том, как с Эротом вступить в состязанье;
Но хитроумный Эрот, мужей поражая стрелою,
Раны их сам исцеляет. Тому, кто Эроту послушен,
Сам он приходит на помощь, ему совет подавая;
Так и Леандру помог он, к Геро́ вспылавшему страстью;
Речью ее огорчен, лукаво ей юноша молвил:
«Ради любви твоей, дева, и море готов переплыть я,
Если бы даже оно пылало огнем неприступным,
Я пред пучиной не дрогну, на ложе к тебе поспешая,
Не испугает меня своим шумом и рокотом море.
Волны морские пускай принесут к тебе ночью супруга;
Буду к тебе приплывать через быстрый поток Геллеспонта —
Плыть ведь не так далеко́ с абидосского берега к Сесту.
Только светильник зажги наверху, на башне высокой,
Пусть он мой путь озарит во мраке по бурному морю.
Буду ладьей я Эрота, светильник — звездой путеводной.
Путь по нему направляя, не стану искать Волопаса,
Ни Ориона [4], не стану следить за путем Колесницы,
Только бы пристани милой, отчизны твоей мне достигнуть.
Но берегись, дорогая, ты ветров дыханья жестоких:
Если светильник угасят они, я сейчас же погибну.
Пусть он хранит мою жизнь, как во мраке вождь светоносный.
Если же хочешь и ты теперь узнать мое имя —
Я называюсь Леандр, супруг я Геро́ увенча́нной».
Вместе решили они: что втайне в брак они вступят,
Скроют и ласки ночные, и весть о делах Гименея
Строго они охранят, лишь светильник свидетелем будет;
Светоч Геро́ разожжет, Леандр поплывет через море;
Брака бессонного бденье они обещали друг другу
И неохотно расстались теперь,— но пришлось распрощаться.

В башню Геро́ удалилась. Леандр, постаравшись запомнить
Башни ее очертанья, чтоб ночью не сбиться с дороги,
Вновь возвращаясь домой, отплыл в Абидос многолюдный.
Жаждали страстно они сокровенного бденья ночного
И умоляли не раз, чтобы мрак их спальню окутал.
Вот уже сумрак ночной раскинул свой плащ темно-синий,
Сон и покой всем он людям принес — но не сердцу Леандра.
Сидя на камнях прибрежных у грозно шумевшего моря,
Ждал он, когда загорится свидания свадебный вестник.
Зорко следил он и ждал, что вспыхнет далеко во мраке
Свет роковой и его призовет на тайное ложе.
Лишь увидала Геро́, что синим сумраком ночи
День побежден, как светильник зажгла. И лишь только он вспыхнул,
Тотчас зажег и Эрот любовью сердце Леандра:
Вместе пылали они. И около бурного моря,
Слушая грохот валов, о прибрежные бьющихся камни,
Вздрогнул сначала Леандр, но с духом собравшись, отважно
Стал он себя убеждать, ободряя такими словами:
«Страшен Эрот, а пучина безжалостна; волны ж морские —
Только вода, а Эрот до костей мое тело сжигает.
Сердце, пылай же огнем и не бойся морского простора
В путь поскорее, туда! там любовь! О чем размышляешь?
Разве не знаешь о том, что Киприда — волн порожденье?
Ей же подвластны они и подвластны ей наши страданья!»
Сбросил он, это сказав, с прекрасного тела одежду,
Ловким движеньем свой пеплос вокруг головы завязавши,
Бросился с берега прямо в объятья соленого моря.
К свету далекому в мраке спеша неустанно навстречу,
Был он один и гребцом, и кормчим, и быстрою лодкой.
В башне высокой меж тем Геро́ охраняла светильник,
С той стороны, где могло быть гибельным ветра дыханье,
Легким его прикрывая плащом, пока истомленный
Юный Леандр не взошел на прибрежье песчаное Сеста.
Молча обняв жениха, Геро́ повела его в башню.
Тяжко еще он дышал, измученный трудной дорогой,
Пена морская струилась с кудрей; в свою девичью спальню,
Ставшую брачным покоем, Геро́ впустила Леандра,
Тело его обсушила, из роз благовоньем душистым
Члены его умастила, чтоб запах развеять соленый,
И, покраснев, повела утомленного юношу к ложу.
Нежно его обнимая, любовные речи шептала:
«О, мой жених, претерпел ты, чего никому не случалось,
О, мой жених, претерпел ты так много!.. Забудь же о море
И о шумящих волнах пучины рыбообильной,
И на груди у меня отдохни от усталости тяжкой!»

Так говорила она, и он развязал ее пояс:
Вместе познали они обряд благосклонной Киприды.
Брак был свершен, но без плясок, и брачное ложе — без гимнов,
Геру, помощницу браков, певец своей песней не славил,
Факелов яркий огонь не сверкал вокруг брачного ложа,
Некому было кружиться в стремительной пляске веселой,
Брачной им песни не пели ни милая мать, ни родитель,
Постлано было для них в тот час, когда браки вершатся,
Ложе в молчании Ночи, и Тьма проводила невесту.
И не слыхали они гименея торжественных звуков.
Ночь освятила их брак и не видела Эос ни разу
Юного мужа Геро́ в ее башне на ложе любовном:
Он под покровом ночным домой в Абидос возвращался,
Полон желаний любви, еще не насытившись страстью.
И в своих длинных одеждах, забыв о родительской воле,
Днем была девой Геро́, а ночью — супругой Леандра.
Оба мечтали весь день, чтоб Эос к закату склонилась.
Так поневоле они, любовь похищая украдкой,
Тайно, порою ночной познавали радость Киприды.
Но недолго продлилась их жизнь, и недолго друг с другом
Вместе они наслаждались своею печальной любовью.
Скоро дохнула зима леденящим суровым дыханьем,
С севера с ней принеслись холодных вихрей порывы.
Бури до самого дна всколыхнули пучину морскую.
Ветер буруны вздымал, одни на другие толкая,
Море бичуя жестоко. От грозных ударов спасаясь,
Вытащить черный корабль на сушу моряк торопился,
Встречи стремясь избежать с коварною зимней пучиной.
Ты же ничуть не страшился сурового бурного моря,
Сильный душою Леандр! Ты светильник увидел на башне,
Знал ты, что́ он призывает тебя к наслажденьям брачным.
Свет тот заставил тебя презреть беснованье пучины,
Злое неверное море. О, лучше б Геро́ злополучной
Зимнюю пору прожить в разлуке с Леандром любимым,
Не зажигая звезды недолго сиявшей над ложем!
Но повелели и Мойра, и страсть — и горящий светильник
Ныне уже предвещал не усладу любви, а погибель.
Ночь наступила, и ветры своим дыханьем холодным,
Словно копьем, поражали ударами мощными море,
Грозно ревущей толпой на берег морской налетая.
Этой порою Леандр, в надежде на радость свиданья,
Быстро носился по гребням пучины, грозно шумевшей.
Волны катились на волны, вздымались валы водяные,
Небо и море смешались, окрестность наполнилась ревом
Ветров, столкнувшихся в битве: здесь Эвр боролся с Зефиром,
Нот налетал на Борея, ему угрожая свирепо.

Грохот стоял непрерывный над страшно бушующим морем.
Многострадальный Леандр, носясь в непокорной пучине,
То обращался с мольбой к Афродите, морем рожденной,
То призывал Посейдона, царя и владыку морского,
То он Борея молил о нимфе из Аттики вспомнить,
Были напрасны мольбы: Эрот над Мойрой не властен!
Волны, кругом громоздясь и бушуя, бросали и били
Тело Леандра. И сила в ногах у него иссякала,
И ослабели его утомленья не знавшие руки.
Волны сомкнулись над ним — и потоком влаги соленой,
Хлынувшей в горло его, захлебнулся Леандр злополучный.
Вихря порыв в этот миг загасил светильник неверный,
С ним же угасли и жизнь, и любовь страдальца Леандра.
Ночь, пока буря ревела, Геро́ простояла на башне;
Глаз не смыкая, терзалась она тревогой и скорбью.
Светлая Эос взошла, но супруга Геро́ не узрела.
Взором блуждала она по широкой моря равнине,
Видеть Леандра надеясь — быть может, он сбился с дороги
После того, как светильник погас. И у башни подножья
Тело супруга узрела, волнами прибитое к скалам.
Свой драгоценный хитон она на груди растерзала,
С башни высокой стремглав бросилась в бурные волны.
Так погибла Геро́ возле мертвого тела супруга,
Даже в погибели миг друг с другом они не расстались.

ОРФИЧЕСКАЯ АРГОНАВТИКА

Миф о походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном был не раз использован в античной литературе; уже в «Одиссее» упоминается «воспетый всеми корабль Арго»; этот же сюжет лег в основу «Медеи» Еврипида и нескольких греческих трагедий, не дошедших до нас; в эллинистическую эпоху ему посвятил большую поэму Аполлоний Родосский (III в. до н. э.), которую перевел на латинский язык Варрон Атацинский (I в. до н. э.); той же теме посвящена незаконченная поэма талантливого, рано умершего римского поэта Валерия Флакка (I в. н. э.). Дошедшая до нас «Орфическая Аргонавтика» является последним звеном в этой цепи; она относится, по ряду достаточно убедительных данных (лексике, метрике и т. п.), к IV или V в. н. э. и отличается от своих предшественниц некоторыми своеобразными чертами. Поэма написана не в третьем лице, что характерно для эпоса, а в форме воспоминаний мифического певца Орфея, который по преданию был участником похода аргонавтов; кроме этого, в ней отразились черты мистического орфического учения, распространявшегося параллельно с христианством со II в. н. э. и вошедшего как составной элемент в синкретические культы этой эпохи. Однако наряду с некоторыми сказочно-мистическими образами (например, волшебный сад, жертвоприношение Гекате и усыпление змея, сторожащего руно), имеются эпизоды, написанные в реалистических тонах (например спуск Арго на воду), и, как во всех поэмах, созданных во время и после эллинистических эпиллиев и буколик, в нее внесен и элемент сентиментальный (например, Пелей у Хирона); напротив, любви Медеи к Ясону, которой уделялось большое внимание и у Аполлония Родосского, и у Валерия Флакка, орфическая аргонавтика касается очень бегло.

ОРФИЧЕСКАЯ АРГОНАВТИКА

I. ВСТУПЛЕНИЕ

(ст. 1—16, 47—55)

Царь, властитель Пифойский, провидец, мечущий стрелы!
Ты на вершинах крутых обитаешь утесов Парнасских [1],
Доблесть твою восхвалю. Ты ж пошли мне громкую славу,
В сердце мое и в уста вложи мне правдивые речи,
Чтобы для смертных, повсюду живущих, я звонкую песню
Спел по велению Музы, ударив по струнам пектиды.
Ныне тебе, лиропевцу, создателю сладких напевов,
Дух мой меня побуждает о том рассказать, что доныне
Я не поведал еще; меня стрекалом разили
Вакх и царь-Аполлон, и метал я грозные стрелы,
Смертным даря исцеленье, сзывая участников таинств.
Хаос я древний тогда воспевал и Закон непреложный [2],
Крона, которым рожден из его беспредельного лона
Светлый Эфир и Эрот двуприродный, всесильный и славный,
Ночи извечной отец: стал позже зваться «Фанэтом»
Он меж людей потому, что некогда первым явился [3]...
Ныне же тело мое покинули острые жала
Стрел, разрезающих воздух, летящих в широкое небо.
То, что я прежде скрывал, теперь от меня ты услышишь:
Некогда край Пиерийский и скалы крутые Либетра [4]
Вождь посетил, призывавший к походу дружину героев [5]:
Начал меня умолять, чтобы, став ему спутником верным,
С ним на ладье мореходной поплыл я в чуждые страны;
Люди, живущие там, богаты и горды, и правит
Ими владыка Аэт, рожденный сияющим Солнцем.

II. СПУСК АРГО НА ВОДУ

(ст. 230—279)

Стали минийцы [6] вокруг корабля собираться толпою,
Стали друг друга они окликать и вступали в беседу.
Сели за трапезу все — приготовлен был пир изобильный.
После ж, когда и питьем, и едою насытили сердце,
Разом поднявшись с земли, пошли по прибрежью морскому:
Там, на глубоких песках, возвышался корабль мореходный.
Всех поразил он громадой своей; но Аргос [7] не медля
Отдал приказ, чтоб корабль, приподняв, спустили на волны.
Он же и средство нашел, как труд облегчить непосильный;
Круглые бревна подвел под корабль и канатом крученым
Крепко опутал корму, и героев к общей работе,
Их ободряя, призвал — и охотно они подчинились;

Сняли доспехи свои, канат на груди закрепили,
Плотно сплетенный. И каждый, все силы напрягши, стремился
Быстро на волны спустить ладью говорящую, Арго.
Но не поддался корабль; он врезался в берег песчаный,
Стебли растений морских его оплетая, сковали,
И непокорен он был рукам героев могучих.
Тут призадумался грустно Ясон; но вдруг, встрепенувшись,
Знак мне подал, чтобы я упорство, отвагу и силу
Песней своей, как обычно, вдохнул в людей утомленных.
Взял я формингу мою, натянул ее звонкие струны,
Стройный напев, что слыхал я от матери, тотчас припомнил
И полилась моя песня, исполнена радости светлой:
«Вы, о герои минийцы, вы, кровь отцов благородных:
Ну же, сильней на канат налегайте вы грудью могучей!
Разом упритесь ногами, свой след глубоко врезая
Крепкой пятою в песок. Напрягитесь в предельном усилье!
С радостным кличем спускайте корабль наш на светлые волны!
Ты же, что создана нами из сосен и крепкого дуба,
Арго, внимай моей песне! Ты ей уже раз покорилась,—
Помнишь, когда моим пеньем пленил я лесные трущобы,
Кручи обрывистых скал — и к пучине морской ты спустилась,
Горы родные покинув. Сойди же и нынче! Проложишь
Ты неизведанный путь; поспеши же на Фасис [8] далекий,
Нашей покорна кифаре и силе божественной песни!»
И, загремев, отозвался в ответ мне дуб томарийский [9].
Аргос в подводную часть основу из этого дуба
Крепко, по воле Паллады, включил; и корабль чернобокий
Вдруг приподнялся легко и к пучине морской устремился,
В море спуститься спеша; разлетелись и вправо, и влево
Круглые бревна, что киль подпирали: канат натянулся,
И закачалась ладья на ласковых водах залива;
Вспенились волны. И радость наполнила сердце Ясона.
Аргос вскочил на корабль, за ним последовал Тифис [10];
Подняли мачты они и канатами к ним привязали
Плотную ткань парусов; потом приладили прочно
Руль за высокой кормой, прикрутив его крепко ремнями.
После с обоих бортов прицепили быстрые весла
И поскорей на корабль велели минийцам подняться.

III. У ХИРОНА

(ст. 366—459)

Рано священный рассвет, поднявшись из струй Океана,
Отпер востока врата; вслед за ним и заря появилась,
Сладостный свет принесла и смертным она, и бессмертным.

Тотчас же скалы крутые открылись взору плывущих,
Склон Пелиона лесистый и берег, овеянный ветром.
Обе руки положив на кормило, сдержал его Тифис
И приказал, чтоб гребцы разреза́ли волну потихоньку.
К берегу быстро причалив, с обоих бортов корабельных
Сбросили крепкие сходни в спокойные воды залива.
Вышли герои-минийцы на берег, работу прервавши.
Слово такое им молвил Пелей, наездник искусный;
«Видите ль, други, вон там ущелье меж скал каменистых?
Скрыто в дубраве тенистой оно; там Хирон обитает
В дикой пещере своей; справедливостью он превосходит
Всех кентавров, живущих в Фолое и в Пинда [11] отрогах,
Он — справедливости страж и умелый целитель недугов.
Феба кифару нередко берет он рукою искусной
Иль на форминге играет, на звонком изделье Гермеса,
И поучает соседей, решенья свои возвещая.
Здесь наш единственный сын среброногой Фетидою отдан
На воспитанье Хирону; держа малютку в объятьях,
Мать принесла наше чадо в леса горы Пелионской.
Нянчит и любит детей Хирон, воспитатель разумный.
Нынче горит мое сердце желанием сына увидеть.
Шаг наш направим, друзья, к пещере скорей и посмотрим,
Как мой сынок там живет и каким обучается нравам».
Это сказав, он вперед поспешил и, ему повинуясь,
Скоро дошли мы до темной пещеры, жилища Хирона:
Там, на подстилке простой, положенной прямо на землю,
Ростом огромен, кентавр отдыхал и конским копытом
Крепко уперся в скалу, протянув свои быстрые ноги.
Тут же Пелея сынок и Фетиды стоял недалеко;
Лирой учился владеть он и радовал сердце Хирона.
Чуть лишь завидел Хирон гостей, царей знаменитых,
На́ ноги быстро вскочил и приветствовал всех поцелуем;
Трапезу начал готовить; налил он меда в амфоры,
Ложе из сена постлал, листвою с деревьев засыпав,
Всех возлечь пригласил; на простой циновке плетеной
Мяса куски разложил кабанов, быстроногих оленей,
Чаши наполнил вином — на вкус оно сладостней меда.
После, когда мы сердца насытили пищей обильной,
С рукоплесканьями стали меня умолять, чтоб сейчас же
Песню я спел под кифару, с Хироном вступив в состязанье.
Но не послушал я их — стыдом я был сильным охвачен:
Много моложе я был, не хотел я со старцем тягаться,
Только Хирон упросил меня и едва не заставил
В пенье померяться с ним — неохотно ему уступил я.
Первым ударил кентавр по струнам пектидой прекрасной,
Взявши ее из ручонок Ахилла; и в песне поведал

Он о сраженье жестоком кентавров, суровых душою:
Как их лапифы на праздник, себе на беду, пригласили,
Как даже против Геракла кентавры сражались упорно
Возле Фолои, упившись вином, свои силы удвоив.
Кончил он: после него заиграл я на звонкой форминге,
Слаще медовой струи полилася из уст моих песня.
Хаос древнейший сперва я прославил напевом суровым;
Как созидались стихии, поведал, и неба пределы,
Грудь необъятной земли и морей глубоких пучина.
Был первозданный Эрот мной воспет, кто мудрым решеньем
Все порожденья земли отделил одно от другого;
Я рассказал и о том, как после свирепого Крона
Царствовать стал над богами блаженными Зевс Громовержец.
И о Бримó [12], и о Вакхе поведал, о споре Гигантов,
И о рожденье несметных племен людей слабосильных.
Все рассказал я. Лилась моя песня под сводом пещеры,
Вторила ей «черепаха», искусная в сладких напевах [13].
И по вершинам крутым, по ущельям лесным Пелиона
Песня летела моя, достигая верхушек дубравы.
Вдруг, от корней оторвавшись, дубы ко мне поспешили,
Скалы откликнулись; звери лесные, заслышавши песню,
Возле пещеры теснились и словно застыли, внимая;
Птицы носились, кружась над загоном и хлевом Хирона,
Гнезда свои позабыв, напрягая усталые крылья.
Видя все это, дивился кентавр; он хлопал в ладоши
Громко, что силы хватало, и бил о землю копытом.
Кормчий наш Тифис, однако, велел поскорей возвращаться
Нам на корабль; и, ему покоряясь, я песню окончил.
С мест своих все повскакали и быстро надели доспехи.
Только наездник Пелей, держа ребенка в объятьях,
Нежно его целовал в головку и в светлые очи,
И улыбался сквозь слезы — Ахилл же смеялся беспечно.
Мне на прощанье кентавр поднес своими руками
В дар леопардову шкуру — подарок, почетный для гостя.
Стали, пещеру покинув, спускаться мы вниз; оглянувшись,
Вдруг увидали, что старец стоял на утесе высоком,
Руки воздев, он молился, ко всем богам обращаясь,
Чтобы минийцам они даровали великую славу
И защитили царей молодых от опасностей грозных.
Берега скоро достигнув, взошли на корабль мы — уселся
Каждый на место свое; поудобней приладивши весла,
Дружно ударили все по волнам — и уже удаляться
Начал от нас Пелион. Над широкой пучиной морскою
Пена взлетела, кипя, и волны кругом забелели.

IV. ПОХИЩЕНИЕ ЗОЛОТОГО РУНА

(ст. 887—1021)

После того, как Медея, покинув палаты Аэта,
Тайно пришла на корабль и здесь меж нами укрылась,
Стали раздумывать мы, что нам делать и как поскорее
С дуба священного снять и похитить руно золотое.
Многое мы замышляли, хотя и не знали в ту пору,
Сколь безнадежен успех и какие труды и печали
Нас ожидают. Пред нами разверзлась бедствий пучина.
Возле плотины речной, от царских палат недалеко,
Высилась грозно стена, во много локтей вышиною,
Башни стояли на ней; семикратным кольцом обвивали
Скрепы стальные ее; а в стене тройные ворота
Медью сверкали грозящей; тянулась стена между ними,
И украшали ее повсюду зубцы золотые.
Возле порога ворот кумир возвышался богини,
Видящей все и горящей огнем; средь колхов зовется
Грозной она Артемидой, хранящей входы в ворота.
Вид ее людям ужасен, еще страшней ее голос
Всякому, кто непричастен к обрядам святых очищений.
Ведомы были их тайны одной лишь Медее; свершала
Их чародейка сама и с нею кутейские девы [14].
Внутрь за ограду войти из смертных никто не решался;
Ни уроженец Колхиды, ни гость на порог не вступали,
Всем преграждало пути запрещенье жестокой богини,
Ярость вдыхала она в собак, охранявших ворота.
Там, за стеной недоступной, в глубоком и темном укрытье,
Роща густая была; в тени деревьев высоких
Лавры росли там, кизил созревал, и широкой листвою
Их осеняли платаны; трава меж корнями стелилась,
Рос асфодел, завивались душистые «женские кудри»,
Мята росла, и камыш, и чабрец, и цветы анемонов,
С ними божественный цвел кикламен, распускалась лаванда,
Ирис и дикий пион,— и раскинула пышные листья,
Их осенив, мандрагора и стебли сплелися диктамна.
Свой аромат источал кардамон и шафран; но взрастали
Там и другие растенья: вьюнка колючая заросль,
Черные маки, волчец, аконит, ядовитые клубни,
Множество гибельных злаков, землей порождаемых в недрах [15].
И, возвышаясь над чащей, раскинулся дуб необъятный,
Мощные сучья свои вздымая над рощей густою,
Нес он на ветви высокой руно золотое; сверкая,
Свесилось с дуба оно; и руна хранителем грозным
Змей был ужасный, для смертных людей несказанное диво.
Весь чешуей золотою покрыт; вкруг ствола обвивались

Кольца огромного тела; охраною был неустанной
Он золотого руна и святыни подземного Зевса [16]
Страж, пораженья не знавший; не ведая сна и дремоты,
Все озирал он вокруг лазурно-сверкающим взглядом.
Только лишь мы услыхали про все эти страшные тайны,
И о Гекате Мунихской, о змее, руно стерегущем
(Все это нам рассказала Медея, мудрейшая дева),
Стали раздумывать мы, как осилить нам труд этот тяжкий,
Как нам, снискав благосклонность богини-охотницы, в рощу
К страшному змею проникнуть, похитить руно золотое
И возвратиться с руном домой в родимую землю.
Дал, поразмыслив немало, совет всем прочим героям
Мопс [17] — он дар прорицанья имел и грядущее видел,—
Чтобы ко мне обратились с мольбами они и просили
Чарами змея смирить и гнев Артемиды утишить.
Так неотступно молили они, что я согласился;
Я повелел Эсониду [18] избрать на подвиг опасный
Юношей лучших двоих — конеборного Кáстора с братом,
Славным кулачным бойцом Полидевком — и Мопса-провидца
Вместе со мной лишь Медея пошла, от других отдалившись.
Скоро приблизились мы к обнесенной стеною святыне;
Там я на ровной лужайке тройную выкопал яму,
Взял можжевельника ветви и сучья засохшего кедра,
Терна колючего стебли, плакучего тополя листья,
Все возле ямы сложил я, костер воздвигая высокий.
Злаков волшебных немало Медея, искусная в чарах,
Мне помогая, дала, раскрыв свой ларец благовонный.
Я под плетеным покровом скатал ячменное тесто,
Кинул в зажженный костер и в жертву богиням подземным
Трех щенков я принес, без единой отметины, черных;
С кровью смешал купорос и сок айвы и кизила,
Дикий добавил шафран, подорожников лист безобразный,
Корни различных цветов, что содержат алую краску;
Этой смесью набил я желудок щенков и на угли
Их положил, а кишки водою обмыл и, вкруг ямы
На землю бросив, ударил в зловещую медную чашу;
Черный накинувши плащ, заклинанья запел; и немедля
Зов мой услышали те, кто живет в пустынной угрюмой
Бездне: их три — Тисифона, Алекто, Мегера богиня [19].
Факелов пламя в руках их сверкало блеском кровавым.
В яме вспыхнул огонь, затрещало страшное пламя,
Хворост сжигая, и дым, чернея, окутал окрестность.
Вот из Аида возникли, разбужены пламенем ярым,
Грозные призраки вдруг, беспощадные, страшные видом:
Первый — с ликом железным; дают ему смертные люди
Имя Пандоры; потом перед нами второй, многоликий

Призрак трехглавый предстал, наводящий неслыханный ужас,
Тартара чадо, Гекáта; на левом плече она носит
Конскую голову с гривой; на правом — свирепая видом
Злобная сука; меж ними — змея свивается в кольца;
В каждой руке она держит тяжелый меч заостренный.
Призраки стали кружиться над ямой то вправо, то влево,
Вслед за Гекатой Пандора, за ними — богини возмездья.
А за оградой кумир Артемиды, разжав свои руки,
Факел на землю поверг, на небо свой взор обращая;
Ласково псы завиляли хвостом и упали засовы
С мощных серебряных створов, и дивная дверь распахнулась
В крепкой стене, и очам открылась тайная роща.
Первым из всех на порог я шагнул, а за мною вступили
Чадо Аэта, Медея и сын Эсона прекрасный,
Следом вошли Тиндариды [20], за ними — Мопс-прорицатель.
Вот уже были мы все недалеко от дивного дуба;
Виден был жертвенник Зевса, защитника всех чужеземцев [21];
Но, вкруг ствола обвивая свои необъятные кольца,
Змей свою поднял главу и, открыв ядовитое жало,
Злобный свой свист испустил; отозвался раскатами грома
Вечный эфир, и деревья, от корня до самой верхушки,
Вдруг содрогнулись и вся зашумела тенистая роща.
Ужас меня охватил и сопутников; только Медея
Твердо в груди сохранила свой дух непреклонный, отважный,
Ей приходилось нередко сбирать чародейные травы.
Я же формингу мою на священную песню настроил,
Вызвал из нижней струны я звуки глубокие, тихо
Тайную песню запел, беззвучно губы смыкая.
К Сну я с мольбой обратился, владыке бессмертных и смертных,
Чтобы скорей прилетел он и змея ужасную силу
Чарам своим подчинил. Он внял мне,— в кутейскую землю
Вмиг он примчался и все успокоил: людей утомленных,
Неугомонное ветров дыханье и волны морские,
Вечных струю родников и рек шумящих потоки,
Птиц и зверей; и над всем, что живет на земле здесь и дышит,
Ласково он распростер золотые широкие крылья;
Он прилетел и в страну благовонную колхов суровых.
Очи жестокого змея сейчас же смежились дремотой,
Смерти подобно́й; и к шее чешуйчатой низко склонился
Он головой отягченной; и это увидев, Медея —
Тяжкий свой рок выполняя — прекрасному сыну Эсона
Снять повелела, не медля, с ветвей руно золотое.
Выполнил он приказанье Медеи и на́ плечи быстро
Вскинул златое руно, и с ним на корабль возвратился.
Радость наполнила сердце героев-минийцев; воздели
Руки к бессмертным они, к владыкам широкого неба.

ВАЛЕРИЙ БАБРИЙ

Имя поэта-баснописца Валерия Бабрия — италийское. Стихи его написаны на греческом языке. Жил он, по-видимому, в восточных провинциях: отсюда его интерес к сирийскому и ливийскому происхождению басен. Время жизни его можно отнести приблизительно к началу II в. н. э.: II веком датируется папирус, сохранивший несколько его басен, а особенности стиха показывают, что он писал после Марциала, скончавшегося около 102 г. н. э. О жизни его ничего неизвестно: только по намеку в одной из его басен можно заключить, что ему как-то приходилось сталкиваться с вероломством арабских племен.

Бабрию принадлежит стихотворный пересказ басен Эзопа, выполненный холиямбом — обычным ритмом сатирических стихотворений. Переложение прозаических басен в стихи практиковалось издавна как школьное упражнение; Каллимах в III в. до н. э. впервые обратился для такого переложения к холиямбу; но басни Каллимаха не дошли до нас, а его продолжатели, если таковые и имелись, нам неизвестны. Материалом для бабриева пересказа служили широко распространенные сборники басен, которые были в ходу в грамматических и риторических школах. Трудно судить, какие мотивы содержались в образцах, какие — привнесены поэтом; можно лишь отметить ироническое отношение автора к традиционным образам олимпийских богов — отношение, характерное для сатирической литературы поздней античности. Из поэтов-баснописцев древности Бабрий едва ли не лучший. Живая простота его рассказа выгодно отличается от прозаизмов Федра и от напыщенности Авиана. Его язык легок и изящен, хотя и не свободен от латинизмов; его стих отделан почти до педантической правильности, в которой заметны первые признаки зарождающегося тонического стихосложения.

Басни Бабрия составляли десять книг. Они были изданы не сразу, а по крайней мере, в два приема: один раз с посвящением некоему Бранху, другой раз — сыну царя Александра. По-видимому, Александр — это какой-то мелкий царек на греческом Востоке (в Киликии?), а Бранх — его сын и ученик Бабрия. Первоначальное издание вскоре было вытеснено другим, сокращенным до двух книг и приспособленным для школьного чтения: басни здесь расположены по алфавиту первых слов и снабжены не слишком удачно присочиненными моралистическими концовками. Уцелела только первая книга и начало второй, всего 123 басни, не считая 17 басен, известных из других источников.

Басни Бабрия имели шумный успех и сразу стали образцом для подражания. Интерес к нему продолжался вплоть до византийского времени. Басни перекладывались гексаметрами, дистихами и чистыми ямбами, вновь переделывались в прозу, переводились на латинский язык. Некоторые из этих парафраз дошли до нас и дают частичное представление о несохранившихся баснях Бабрия.

ПРОЛОГ К ПЕРВОЙ КНИГЕ

Мой милый Бранх! Вначале, в золотом веке,
Не зная кривды, жили на земле люди;
. . . . . .
За этим третий наступает век — медный,
И век героев, славою богам равных,
И, наконец, железный, хуже всех,— пятый,
А некогда, в те золотые дни, звери
Умели внятным голосом вести речи,
Сходясь на сходки в темной глубине леса;
И камень говорил и на сосне иглы,
И рыбаку понятен был язык рыбы,
И воробьиному внимал мужик слову.
Земля давала людям все плоды даром,
И меж богами и людьми была дружба.
Бранх, если ты захочешь,— обо всем этом
Тебе расскажет мудрый наш Эзоп-старец,
Друг своенравной музы и творец басен.
Я эти басни счастлив поднести Бранху
На память о себе, как сладкий сот меда,
Смягчая горечь слишком грубых стоп ямба.

8. АРАБ И ВЕРБЛЮД

Араб, навьючив на верблюда груз тяжкий,
Спросил его, как любит он ходить: в гору
Или с горы? Верблюд ему в ответ здраво
Сказал: «А разве ровного пути нету?»

15. АФИНЯНИН И ФИВАНЕЦ

Фиванец и афинянин, в пути встретясь,
Шли вместе, разговаривая друг с другом.
Текла непринужденно и легко речь их,
Покамест о героях не зашли споры.
Фиванец говорил: «Алкмены сын — лучший
Среди людей — в былом, среди богов — ныне».
Афинянин твердил: «Тесей стократ выше,
И с большим правом мы его зовем богом:
Ведь никогда он не был, как Геракл, в рабстве».
И переспорил: был он говорун ловкий.
Фиванец, хоть не мастер был вести споры,
С мужицкой остротой ему в ответ молвил:
«Твоя взяла; ну что ж, пускай кипит гневом
Тесей на нас, Геракл на вас: кому хуже?»

20. ПОГОНЩИК И ГЕРАКЛ

Крестьянин гнал телегу и волов в город,
Но, не доехав, глубоко засел в яме.
Тут надо бы помочь, а он стоял праздно
И лишь взывал к Гераклу, своему богу,
Которого превыше всех других чтил он.
Явился бог и молвил: «Раскачай воз свой,
Да подстегни волов: твои мольбы тщетны,
Пока ты сам не хочешь шевельнуть пальцем».

25. ЗАЙЦЫ И ЛЯГУШКИ

Была у зайцев дума порешить с жизнью
И утопиться сразу всем в пруду черном:
Ведь самые бессильные они в мире,
И только тем и живы, что быстры в беге.
Вот подошли к широкому они пруду
И видят: перед ними с берегов в воду
Лягушки длинноногие гурьбой скачут.
Остановились зайцы, и один молвил:
«Пойдемте прочь, нам незачем искать смерти:
Я вижу, есть еще слабее нас звери».

37. ТЕЛЕНОК И БЫК

Теленок, не изведавший ярма, молвил
Усталому быку, который влек соху:
«Бедняга, до чего твоя тяжка участь!»
Но бык молчал, сохою бороздя землю.
Сошлись крестьяне приносить богам жертвы,
Пустили старого быка пастись в поле,
Теленка же, связав ему рога, вводят,
Чтоб оросил он жертвенник своей кровью.
Увидя это, бык ему сказал вот что:
«Так вот зачем, не ведая забот, жил ты!
Теперь умрешь ты раньше старика, мальчик,
Склонив не под ярмо, а под топор шею».
Кто трудится — живет в чести; кто нет — гибнет.

49. БАТРАК И ТИХА

Однажды ночью задремал батрак рядом
С колодцем, и увидел он во сне Тиху [1].
Она ему сказала: «Полно спать, парень!
Ведь если ты спросонья упадешь в воду,
Меня, а не тебя за то ругать будут.
Ведь на меня вы любите валить беды,
В которых виноваты только вы сами».

60. МЫШЬ, ПОПАВШАЯ В ГОРШОК

Не доглядев, попала мышь в горшок супу,
И утопая, чуть дыша в густом жире,
Сказала так: «Поела, попила вволю,
Всласть пожила; теперь и помирать можно!»
И ты погибнешь, как обжора-мышь, если
Не отвратишься духом от услад вредных.

65. ЖУРАВЛЬ И ПАВЛИН

Павлин золотоперый и журавль серый
Затеяли однажды спор [2]. Журавль молвил:
«Тебе смешон убогий цвет моих крыльев,
Но я на них взлетаю к небесам с криком,
А ты своими золотыми зря машешь:
Тебя никто не видел никогда в небе».
Не лучше ли с почетом жить в плаще рваном,
Чем в драгоценном платье, но с дурной славой?

70. БРАКИ БОГОВ

Метнувши жребий, выбирали жен боги,
И бог войны, последним сделав свой выбор,
Последнюю невесту получил — Гордость,
И говорят, любил ее он так сильно,
Что даже по пятам за ней ходил всюду.
Так пусть не входит в наши города Гордость,
Готовая заигрывать всегда с чернью:
Жестокая война за ней идет следом.

74. ЧЕЛОВЕК, ЛОШАДЬ, БЫК И СОБАКА

Собака, конь и бык, утомлены стужей,
К жилищу человека подошли вместе.
Хозяин отворил им широко двери,
Впустил их, обогрел их у огня, жарко
На очаге пылавшего, и дал корму:
Коню — овса, работнику-быку — стручьев,
Собаку же пустил за стол с собой рядом.
За добрый тот прием они ему дали
От каждого по возрасту своей жизни:
Был первым конь, и потому из нас каждый
В начале жизни полон молодой спеси;
Второй даритель — бык: и вот, в годах зрелых
Мы тяжким мучимся трудом, копя деньги;
А третий, пес, нам злую подарил старость,
И оттого-то, Бранх, любой старик желчен,
И лишь к тому, кто есть ему дает, ласков,
Всегда ворчит и никогда не рад людям.

75. НЕУМЕЛЫЙ ВРАЧ

Жил-был на свете неумелый врач. Был он
К больному вызван. Ото всех больной слышал:
«Болезнь тяжка, но вылечить ее можно»,—
А этот врач вошел и заявил мрачно:
«Готовься к наихудшему и жди смерти:
Не обману тебя, не утаю правды:
Тебе осталось жить всего одни сутки».
Сказал и вышел, и не приходил больше.
Поправился больной, уже гулять начал,
Но бледен был и еле волочил ноги.
Его однажды встретя, врач сказал: «Здравствуй!
Как поживают мертвецы на том свете?»
Больной ответил: «Пьющие струю Леты
Не ведают заботы. Но на днях Кора
И сам Плутон, преследуя врачей гневом
За то, что те мешают умирать смертным,
Всех поименно в грозный их внесли список.
Хотели и твое они вписать имя,
Но я к ним подошел, коснулся их скиптров
И побожился им, что ты не врач вовсе,
И что тебя оклеветали зря люди».

97. ЛЕВ И БЫК

Задумав против дикого быка хитрость,
Лев пригласил его к себе на пир после
Того, как принесут они богам жертвы.
Беды не чуя, бык пообещал: «Буду!»
Вот он приходит к логовищу льва, смотрит
И видит: перед ним кипят костры жарко,
Блестят ножи и топоры, кругом пусто,
А перед алтарем лежит петух, связан.
Бык повернулся и скорей бежать в горы.
Однажды встретив, лев его корить начал,
А бык: «Я приходил, и докажу это:
Страшна была там кухня, да скромна жертва».

ПРОЛОГ КО ВТОРОЙ КНИГЕ

Сын Александра, славного царя! Басню
Открыли нам сирийцы тех времен давних,
Когда у них царями Нин и Бел были[3].
У эллинов рассказывать их стал детям
Мудрец Эзоп; а у ливийцев был первым,
Как говорят, Кибисс[4]. А я свои басни
Взнуздал блестящей золотой уздой ямба
И, словно гордого коня, подвел к Музе.
Но потекли в распахнутые мной двери
Поэты, чья гораздо мудреней лира:
Всегда они загадочно-темно пишут,
А сами все, что знают, у меня взяли.
Моя же речь прозрачна и проста будет,
Я понапрасну ямбам не точу зубы:
То закалив, то в меру притупив жало,
Веду рассказ я во второй моей книге.

109. РАК И ЕГО МАТЬ

«Ходи-ка прямо! — говорила мать раку,—
И не таскайся телом по сырым скалам».
А он: «Ступай, наставница моя, первой
Прямым путем, и я тотчас пойду следом».

119. СТАТУЯ ГЕРМЕСА

У мастера дубовый был Гермес в доме,
И каждый день ему он приносил жертвы,
Но жил убого. Как-то раз, вскипев гневом,
Схватил кумир он, да с размаху хвать о земь,
А из разбитой головы дождем — деньги!
Хозяин, подобрав их, говорит: «Эрмий,
Как видно, не умеешь ты ценить дружбу!
Молясь тебе, не видел я ни в чем толку,
А рассердился — сразу же ты стал щедрым.
Такого я обычая не знал прежде».
Эзоп к себе в рассказ самих богов вставил,
Желая этим вот что показать людям:
Добром ты не добьешься от глупца проку,
А поступи по-свойски — сразу толк будет.

ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА
II—V веков

Не кажется ли нам, что мы еще в живых,
Мы, эллины, упав под тяжестью невзгод
И жизни видимость считая бытием?
Иль мы еще живем, а жизнь уже мертва?
(X, 82, пер. Ю. Шульца).

Период II—V веков для жанра эпиграммы не был однородным. Жившие в начале этого периода Дионисий Родосский, Безантин, Птолемей и другие поэты оставили сравнительно небольшое эпиграмматическое наследие. Из поэтов II века наибольшее число эпиграмм дошло до нас под именем Лукиана (около 50). Но несомненно крупнейшим поэтом-эпиграмматистом данного периода был Паллад (около 360 — между 430 и 440 гг.). С именем этого последнего «языческого» поэта-эпиграмматиста связан поздний расцвет античной эпиграммы. Паллад был школьным учителем грамматики, бедствовал всю жизнь и лишь на склоне лет поступил на государственную службу. Должность мелкого чиновника, которую мог получить поэт, избавляла его от нищеты.

Вместе с эпиграммами других греческих поэтов произведения Паллада сохранились в составе «Палатинской Антологии» — огромного свода эпиграмматической поэзии, более чем за тысячу лет, в 16 книгах, не считая «Приложений» (appendices, сокращенно App.). В «Палатинской Антологии» около 150 эпиграмм Паллада. В них он предстает перед нами сторонником гибнущей эллинской культуры. К христианству он относится отрицательно. События, связанные с эдиктом Феодосия I (388 г.), обрекавшего на разрушение храмы и статуи древних богов, убийство толпой фанатиков-христиан женщины-философа Ипатии (415 г.), к кружку которой принадлежал Паллад,— все это вызывает глубокую печаль поэта.

По своим философским взглядам Паллад — эклектик, но мотивы эпикуреизма, этой «истинной философии Римской империи», занимают у него особое место. Поэт часто сетует на враждебность Судьбы. По его словам, даже само Счастье стало «несчастным» в его время (IX, 181). Но поэт также зовет к тому, чтобы наперекор печальному жребию «радость в душе ощутить».

Все 150 эпиграмм Паллада можно, пожалуй, разделить на три большие группы: 1) эпиграммы описательные, 2) увещательные, 3) сатирические. Паллад — блестящий мастер главным образом сатирической эпиграммы: его

стихи — вершина античного эпиграмматического творчества. Современники дали ему прозвище «Метеор», т. е. «Высокий», «Выдающийся».

Ряд сатирических эпиграмм Паллада посвящен грамматике и грамматикам. Во многих из них он ополчается на женщин: его знаменитое двустишие (XI, 381) Проспер Мериме взял эпиграфом к новелле «Кармен». Во многих эпиграммах поэт обрушивается на своих идейных противников (Гессия, Фемистия). Он высмеивает монашество, порицает богатство и алчность богачей, прославляет умеренность и скромность. Необычайно трогательная эпиграмма (IX, 400) посвящена Ипатии:

Я на тебя смотрю и слышу голос твой;
И вот передо мной пречистый звездный храм.
Ведь словно небеса чисты дела твои,
Ипатия, а ты — изысканности слов,
Ума и знания блестящая звезда.

(Пер. Ю. Шульца)

Оценивая роль Паллада в истории греческой эпиграммы, можно согласиться с мнением И. Ирмшера («Паллад», «Византийский временник», т. XI, стр. 270), что Паллад «заново открыл для своей эпохи эпиграмму... и подготовил расцвет этого жанра в период Юстиниана». Этот расцвет связан уже с именами Павла Силенциария и Агафия из Мирины.

ДИОНИСИЙ РОДОССКИЙ

(I—II века)

(VII, 716)

Юный, но всеми любимый в Иалисе [1] нашем, скончавшись,
В мрачную Леты волну канул навек, но успел,
Мало на свете прожив, ты мудрость постигнуть; над гробом
Совы, не знавшие слез, плачут теперь по тебе,
О Фенокрит! И пока на земле останутся люди,
Даже грядущим певцам так не прославить тебя.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ

(II век)

1 (App., IV, 46)

Ты не горюй, коль с тобою несчастье нежданно случилось.
Равно довольствуясь всем, что ниспошлет божество.
Даже мудрец Периандр, пав духом, угас невозвратно:
Он не добился того, чем захотел обладать.

2 (App., V. 38)

Ты, Аристон, и старец, и плешив; и вот
Подставил солнцу темя, чтобы спалить его.
Теплее стать, чем надо, видно, хочешь ты
И не желаешь хладным угодить в Аид.

ФИЛОСТРАТ

(III век)

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ РАНЕНОГО ТЕ́ЛЕФА

(XIV, 110)

Он — предводитель тевтранцев [2], он — Те́леф, не ведавший страха,
Грозные греков войска кровью в бою обагрил;
Даже мисийский Каик [3] окрасился кровью убитых;
Он же, достойный копье в битве с Пелидом скрестить,
Ныне, в бедро пораженный, скрывая мученья, не дышит,
Но, как живая, вокруг раны натянута плоть.
И пред поверженным, в страхе, смятенные духом ахейцы
Все поспешают отплыть прочь от тевтранских брегов.

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН

(IV век)

ОРГАН *(IX, 365)*

Странную я постигаю природу тростинок. Из медной
Почвы они рождены и, строптивые, нам не подвластны;
Наше дыханье не в силах звучанье из трубок исторгнуть.
Воздух, рванувшийся с силой из бычьего меха, однако,
От основанья тростинок в их глубь проникает. И может
Тот, кто усталости чужд и проворные пальцы имеет,
Встать, управляя законом созвучия трубок; они же
Кверху взлетают и нам отвечают сладостной песней.

ОРАКУЛ АПОЛЛОНА ПИФИЙСКОГО ВРАЧУ ОРИБАСИЮ [4]

(App., VI, 122)

Вы возвестите царю, что храм мой блестящий разрушен.
Нет больше крова у Феба и нет прорицателя — лавра;
Ключ говорящий умолк: говорливая влага иссякла.

ФЕОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

(конец IV — начало V века)

(IX, 41)

Щит, охранявший когда-то от вражеских копий, сумевший
Бурю кровавой войны, страха не зная, сдержать,
В час, когда дикое море вселило смятение в душу
И средь пучины морской гибли уже моряки,—
Щит не покинул владельца, но, словно неся дорогую
Ношу, как истинный друг, плыл он до гавани с ним.

ПАЛЛАД

(IV—V века)

1 (V, 257)

Я убедился, что Зевс не такой уж и влюбчивый, если
Ради такой красоты он превращаться не стал.
Ибо не хуже Европы она и не хуже Данаи,
Не уступает она в нежности Леде самой.
Может быть, Зевсу противны блудницы? Пожалуй.
Я знаю:
Царственных девушек он только и рад соблазнять.

2 (VII, 610)

Некто похитил жену, но и счастье у этого брака
Демон какой-то украл, многих на свадьбе сгубив.
Брак этот, хоть и один, двадцать пять породил погребений,
Этот единственный брак в смерть обратился для всех.
Пенфесилея — невеста, и ты, о Пенфей многослезный,
Брак ваш несчастный богат множеством был мертвецов.

3 (VII, 687)

Культа Аммонова ложь[5] едва лишь Гессий изведал,
Тотчас изгнанником он с жизнью простился навек.
Проклял он веру свою и науку, в которую верил,
Проклял невежество тех, кто вещунам доверял.

4 (VII, 688)

Гессия двое Калхантов[6] сгубили своей ворожбою;
Кресло ипатов[7] ему пообещали они.
Люди, пустые как ветер, себя же язвящие злобой,
В вечном невежестве вы вплоть до последнего дня!

5 (IX, 5)

Груша, ты сладостный труд моих рук; я летней порою,
Нежную взрезав кору, привил тебе новую ветку.
И прижилась она, став выше всех, и плоды заменила:
Снизу все те же дички, а вверху ароматные груши.

6 (IX, 119)

Если властитель желает льстецов со вниманием слушать,
Многих погубят тогда гнусные их языки.
Вот почему человек справедливый поистине должен
Всех ненавидеть льстецов, как и внимающих им.

7 (IX, 134—135)

Ныне прощайте, Судьба и Надежда: я выбрал дорогу.
Ваших услад мне уже не изведать. Уйдите же обе,
Вы, кто повинны бесспорно во многих людских заблужденьях.
Фантасмагории нам вы внушаете ложные, словно
Призраки сна, уверяя, что все наяву совершится.
Сгинь же, презренная дева, виновница мук! Уходите
Обе! Не мною играйте,— другими, кто явится после:
Кто и не ведает вовсе, о чем ему следует думать.

Счастье для каждого здесь — несомненно обман, ибо счастье
Слово пустое; вернее — ты в мире его и не сыщешь.

8 (IX, 169)

И для меня, кто учил грамматическим знаньям, причиной
«Гибельной» бедности был «гнев Ахиллеса». Когда б
Вместе с данайцами он и меня погубил, ополчившись,
Нежели голод убьет, спутник науки моей![8]
Ведь Агамемнон давно Брисеиду похитил; Елену
Раньше похитил Парис: мне уже нечего взять.

9 (IX, 174)

Здесь обучают все те, на кого разгневан Сарапис,
Кто начинают с азов «гибельный гнев» воскрешать.
Здесь — только месяц пройдет — ученик является с платой,
В книгу и в лист обернув жалкую бедность свою;
И, словно ладан богам, пред учителем, как на могилу,
Руку свою протянув, маленький сверток кладет.
Но ведь бывает: один похищает и малую плату,
К деньгам свинец подмешав, платит монетой такой.
Если ж иной обязался за год заплатить золотыми,
В месяц последний уйдя, сменит наставника он,
Нагло его обманув и нарушив договор прежний[9];
Целого года труды зря пропадают тогда.

10 (IX, 180)

Судьба людей, дурача, норовит надуть.
Ее непостоянен и коварен нрав;
Смятенье сея всюду и колебля всё,
Она теперь торговка — не богиня, нет.
И нрав ее подходит к ремеслу её.

11 (IX, 182)

Где, о Судьба-госпожа, ты взяла столь несчастное счастье?
Счастье дающая, как стала несчастною ты?
Бедствий пучину своих приучайся терпеть, и познаешь
Беды, которые ты людям приносишь другим.

12 (X, 48)

«Пусть никогда госпожою не станет служанка»,— такая
Есть поговорка. И я то же на это скажу:

Тот, кто в суде защищал, да не будет вовеки судьею,
Пусть Исократа в речах он превзошел самого.
Ибо привыкший за деньги служить наподобие шлюхи
Разве сумеет в суде честно дела разбирать?

13 (X, 51)

«Лучше завидуют пусть, чем жалеют»,— вот Пиндара слово [10].
Люди завидуют тем, кто беспечально живет;
Тех же, кто в жизни несчастен, жалеют. Но я не желаю
Лишнего счастья себе, как и участья людей.
Лучше всего — середина: высоко подняться — опасно;
Если же ниже других ты опустился — позор.

14 (X, 55)

Если ты всюду хвастливо кричишь, что жене не подвластен,
Вздор ты болтаешь; ведь ты, как говорится, не «сук
Крепкого дуба, не камень утеса» [11]. Тебе, как и многим,
Если не всем, суждено быть под началом жены.
«Если сандалией,— ты говоришь,— не дерется супруга,
Коль не распутна она, надо молчать и терпеть».
Да, у тебя, я согласен, не слишком тяжелая доля:
Продали в рабство тебя честной жене и не злой.

15 (X, 60)

Пусть ты богат. Ну так что же? Коль час твой последний настанет,
Разве сумеешь с собой деньги в Аид унести?
Тратишь ты дни, не жалея, на то, чтоб умножить богатства;
Как ни старайся, но дней ты не прибавишь себе.

16 (X, 62)

Не рассуждает Судьба, признавать не желает законов;
Не размышляя, она — деспот — царит над людьми.
Честных людей ненавидит, но любит зато нечестивых,
Этим являя свою смысла лишенную власть.

17 (X, 63)

Смертный бедняк никогда не живет и не ведает смерти:
Жил он, казалось, но был трупом при жизни живым.
Лишь для счастливых людей и стяжавших богатства без меры.
Только для них, говорю, смерть — это жизни конец.

18 (X, 73)

Если влечешься, Судьбою влеком, так влекись, не противясь;
Как ты ни рвись,— все равно будешь Судьбою влеком.

19 (X, 75)

Все мы, живущие в мире, вдыхаем колеблемый воздух,
Тянем ноздрями его, смотрим на солнечный блеск.
Все мы при жизни своей лишь орудья, что служат тому лишь,
Чтобы дыханьем своим жизнь сохранить на земле.
Если же кто-либо это дыхание рукою закроет,
Жизнь погубивши, в Аид сам он себя низведет.
Значит, мы люди — ничто; а еще преисполнены спеси
Мы, кто и живы-то все малостью воздуха в нас.

20 (X, 77)

О человек, не напрасно ль в стараниях ты и в волненьях,
Если с рожденья тебе рабство Судьбой суждено?
Лучше оставить все это и вовсе с Судьбой не бороться;
Долей довольный своей, в жизни покой возлюби.
Лучше однако всего, если только возможно, стараться
Жребию наперекор радость в душе ощутить.

21 (X, 78)

Брось же грустить и рыдать! Коль сравнить бесконечность могилы
С временем жизни твоей,— разница будет большой.
А потому до кончины, пока ты не съеден червями,
Душу не мучай свою, словно уже обречен.

МАРИАН СХОЛАСТИК

(V—VI века)

1. НА СОФИАНСКИЙ ДВОРЕЦ [12]

(IX, 657)

Где обрывается суша и в море вдается уступом,
Где, колыхаясь, пролив бьется в его берега,
Этот чертог золотой супруге своей и царице,
Софье преславной, воздвиг дивный властитель-супруг.
Рим всемогущий, красу, что достойна себя, созерцаешь
Ты из Европы своей в Азии перед собой.

2. НА ПРИГОРОД АМАСИИ, НАЗЫВАЕМЫЙ «ЭРОТ» [13]

(IX, 669)

Путник, прилечь поспеши в этой роще тенистой, и отдых
После неближних дорог телу усталому дай.
Здесь меж платанов текут, изливаясь, прозрачные воды;
Из родников без числа щедро струятся они.
Влаголюбивая здесь над весенней землею фиалка,
Благоухая, цветет вместе с бутонами роз.
Глянь! Покрывая равнину росистого, свежего луга,
Плющ густолиственный все зеленью буйной обвил.
Мимо заросших брегов протекает река, подмывая
Кромку долины, и все в ней вырастает само.
Это — «Эрот». И какое другое названье подходит
Месту, где всюду найдешь ты вожделенных Харит!

3. НА УВЕНЧАННОГО ЭРОТА

(XVI, 201)

Лук твой изогнутый где и стрелы куда подевались,
Что посылаешь всегда в сердце без промаха ты?
Крылья и факел, несущий так много страданий? Откуда
Эти четыре венка [14] — на голове и в руках?—
Ведь не Кипридой доступной, о гость, не землею рожден я,
И не от плотской любви я появился на свет.
Но зажигаю я в чистом уме человеческом пламя
Истинных знаний и ввысь душу веду к небесам.
Из добродетелей свил я четыре венка и увенчан
Мудростью — первым венком, а остальные — в руках.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

ПЛУТАРХУ

(App., III, 220)

Кто речь очистить жаждет, освежить свой ум,
Твою откроет книгу; словно ключ она,
Что через край обильно влагу льет свою.

ПАВЕЛ СИЛЕНЦИАРИИ

Поэт эпохи Юстиниана I (527—565 гг.), Павел Силенциарий служил при дворе «примикирием императорских силенциариев», т. е. начальником целого штата придворных, водворявших молчание по пути следования императора.

В «Палатинской Антологии» Павел Силенциарий представлен 80 эпиграммами, большей частью эротического содержания и крупным (в 190 стихов) стихотворением «На Пифийские горячие источники». Он же является автором стихотворного описания (в гексаметрах) храма святой Софии, восстановленного после землетрясения 557 года.

Современник Павла Силенциария, поэт и историк Агафий, известный еще под именем «Схоластика», что в те времена значило — адвокат, говорит о нем следующее:

«Он, состоя примикирием императорских силенциариев, украшенный славою своего рода и унаследовав от предков большое богатство, много уделял времени науке и красноречию, и этим еще более прославлялся и украшался. И написал он много и других поэтических произведений, достойных памяти и похвалы. Написанное же им о храме представляется мне сделанным с наибольшим старанием и искусством, поскольку и тема наиболее увлекательна». («О царствовании Юстиниана», V, 9; перевод М. В. Левченко).

Приводимое ниже стихотворение «На Пифийские горячие источники» интересно как свидетельство о естественнонаучных представлениях той эпохи; оно перекликается с целым рядом более ранних эпиграмм, посвященных различным источникам, в том числе и целебным. Оно говорит о большой начитанности Павла. Много сведений, сообщаемых им, мы находим в трудах Аристотеля, Павсания, Страбона, Диодора, а также Плиния, Витрувия, Сенеки и других авторов, касавшихся в своих трудах вопросов естественной истории.

НА ПИФИЙСКИЕ ГОРЯЧИЕ ИСТОЧНИКИ [1]

(App., IV, 75)

Ты хочешь знать о токе
Природных вод горячих,
Откуда всем болящим
Является бесплатно
Подарок светлый, чистый
И милая услада?
Я все тебе открою;
Наставлю в том охотно,
Что постигает мудрый,
Чему природа учит
И опыт подтверждает.
Внимай же, начинаю.
В земле, одни считают,
Есть узкие каналы.
И там вода, сливаясь
С бегущей ей навстречу,
Сжимается и, сжавшись,
Стерпеть не в силах жара.
Другие полагают [2],
Что под землею, в недрах,
Есть серные породы.
Вода, соседясь с ними,
Горячих руд достигнув,
Не в силах там остаться
И вся стремится кверху.
Ты с первыми согласен?
А я второе мненье
Считаю достоверным.
Ты знаешь,— есть ведь запах
Удушливый и с гнилью,—
Он чувствуется явно;
Вот так течет пред всеми
Поток с избытком жара.
Не врач, но — Гиппократ он,
Гален,— хоть не ученый.
Тому свидетель остров [3],
Где рвется кверху пламя,
Гудящее со стоном
И сильным сотрясеньем.
Испытывают это
Атитания ми́дян,
Персидская Питтака,
Страна лидийцев также,

Что золотом обильна.
Там, где столпы Геракла,
Металлов очень много.
А ближе, в Питекусах
И острове Липаре [4]
Ужасны изверженья.
Они сверкают ночью,
Швыряя с громом камни,
Курящиеся серой;
Все это видеть можно.
Такие ж есть поменьше
В сравнении с другими.
Один поток забвенье
Несет, другой — пьянит нас,
И льется маслом третий,
А молоком — четвертый.
Бежит поток — лекарство,
Пернатых исцеляя.
Другой источник пьяниц
Своей водою лечит.
В открытом море где-то
Пучиной взят источник
И глуби выдыхают
Пророческие звуки.
Земля иная наверх
Выводит нефть. Что это?
Из всех чудес вот чудо!
От брани ключ мутнеет,
От похвалы — сверкает.
Один,— твердят,— источник
Обман разоблачает;
Другой, твердят повсюду,
Из тела гонит влагу;
А третий,— добавляют,—
Нам закаляет тело.
Воде приносит горечь
Свет пламенного солнца,
Но ночь умеет снова
Их сладостными сделать.
И вот, потока благо —
Нести с собою кверху
И легкие породы
И тяжесть, как пылинку.
Иной источник малый
Ушибы тела лечит
И переломы также,

А тело поправляет.
Скажу, коль хочешь, больше:
Есть,— повествуют,— жидкость;
Поставь на вольный воздух
Ее в сосуде на ночь,—
К утру найдешь замерзшей.
Есть,— говорят,— другая:
Склонишься пить, и видишь,—
Как-будто убегает
В земные недра кто-то.
А есть поток (о чудо!),
Который, что ни примет,
Все превращает в камень
В теченье дней немногих.
А есть еще источник,
Воды дающий мало;
Когда ж сойдутся толпы,
Он воду льет обильно.
А где-то,— уверяют,—
Еще один: зимою
Он весь пересыхает,
А летом щедры струи.
Иной источник, слышно,
Течет обильный натром,
Чтоб не нуждались в мыле,
Кто в нем пришел помыться.
Есть водоем, в котором
Вода тепла, и звери
Не пьют ее: воняет,
Как гной иль гниль иная.
Там,— говорят,— немало
Есть тополей, дающих
Янтарь,— по виду — злато [5].
Он падает сначала
С ветвей, к земле склоненных,
Тягучею слезою,
А после — это камень,
Металл,— даешься диву!
Теперь скажу и дальше:
В каком-то месте малый
Есть водоем и круглый;
Захочешь в нем помыться,—
Он до краев наполнен.
Людей с полсотни могут
В нем вымыться отлично.
Но если очень многих

К нему приводят мыться,
Он, вырвавшись, сбивает
Блаженствующих в водах.
И дым ползет из грота;
Скрывая, обжигает,
Что ты зажжешь открыто,
Едва лишь капнув масла.
Другой же грот, пусть мал он,
Сам зажигает пламя;
В него вливая масло,
Ты тот огонь погасишь.
Нам сообщают книги:
Есть грот, глубокий летом;
Он кверху мечет пламя.
Зимой же льет оттуда
Вода, а с нею — камни.
Они горят, как факел,
Который ты смиряешь
И гасишь опахалом.
Но если брызнешь кровью,
Пылает пламя ярче.
А из другого жерла
Огонь с водою рвется;
И смесь «врагов» скрепляет
Четыре элемента [6].
Вот так владыка мира
Явления природы
Рождая, к нам приводит,
Царит и сочетает
И ясно открывает
Их всем на удивленье.
Его, назвавши богом,
Представь в глубинах сердца,
Не тщась придумать облик,
Коль хочешь быть правдивым.
Он — дух непостижимый,
Он — в деле несказанном
И дивное он диво.
Он тайным светом вечен,
Он не из нашей плоти,
Создавший жизнь и космос
На многомудром небе
В предвиденье правдивом.
Итак, одно я вижу,
Другое — дали книги,
А третье дал мне опыт.

Они же нам дарują
Из темноты — прозренье,
И малое в великом.
На чудо дел взирая,
Желать,— я знаю,— будешь
Ты тройственного света.
А пожелав, ты станешь
Искать. И в том обрящешь
Ты истинного бога.

РИМСКАЯ ПОЭЗИЯ

НЕМЕСИАН

Эпический поэт Немесиан жил во второй половине III в. н. э. Его имя упоминается только у Флавия Вописка, одного из «Писателей истории императоров». В кратком жизнеописании Нумериана, сына императора Кара, Вописк говорит, что Нумериан пользовался славой оратора, и считался настолько хорошим поэтом, что «состязался с Олимпием Немесианом, который написал поэмы о рыбной ловле, о псовой охоте и о мореплавании и блистал, увенчанный многими венками». Несмотря на то, что в рукописях первое имя Немесиана — не Олимпий, а Аверий, предполагают, что это одно и то же лицо.

Из упомянутых Вописком поэм Немесиана до нас дошло только начало (первые 325 стихов) поэмы «О псовой охоте», из которой наиболее интересно вступление. Здесь поэт, отказываясь от воспевания мифологических героев, призывает всех, кто утомлен бурями общественной жизни, последовать за ним в лесные чащи и насладиться охотой. Немесиан называет свою тему новой и нетронутой, но с этим никак нельзя согласиться: она было популярна еще во времена Ксенофонта (IV в. до н. э.), и ей уже были посвящены на латинском языке — поэма Граттия (I в. н. э.), на греческом — Оппиана (II в. н. э.). Поэму Немесиана можно точно датировать: она посвящена Нумериану и его брату Карину, сыновьям Кара, ставшим правителями в 282 г. после смерти отца; но уже через год Нумериан погиб, а еще через год и второй сын Кара, Карин, был разбит Диоклетианом.

Немесиану приписываются еще четыре буколические стихотворения (эклоги), помещенные в рукописях XV и XVI веков непосредственно после эклог Кальпурния, буколического поэта времени Нерона. Прежде их считали тоже принадлежащими Кальпурнию, но по метрике и лексике эти стихи значительно отличаются от стихов Кальпурния (со времени Нерона прошло двести лет), по художественным же достоинствам — несколько выше их и не переполнены безмерной лестью по адресу «власть имущих», как стихотворения Кальпурния. Тематика эклог, как обычно у буколических поэтов, однообразна; идиллии Феокрита использованы Немесианом больше, чем «Буколики» Вергилия. Наиболее удачной можно считать третью эклогу, описывающую сбор винограда Дионисом и его спутниками сатирами.

О ПСОВОЙ ОХОТЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

(1—25, 46—60, 86—102)

Сотни охотничьих троп и охотника труд беспечальный
Ныне пою; и о быстрой погоне, о вольных сраженьях
Все расскажу я — вонзились мне в грудь аонийские стрелы [1],
Жаром объята она. Меня Геликон посылает
В путь по широким полям; наполняет питомец кастальский [2]
Новую чашу струей из ручья и для жатвы обильной
В иго впрягает поэта; венок из плюща возложивший,
Гонит его по тропе непроезжей; доселе неведом
Был ей след колеса. О, как сладко быть богу послушным!
Мчать колесницу златую велит он по травам зеленым
И проноситься вперед по несмятому пышному моху.
Пусть Каллиопа при встречах на путь широкий, знакомый
Хочет меня заманить; я останусь в лугах и долинах,
Где заблестит колея бороздой глубокой впервые.
Кем не воспето уже неутешное горе Ниобы?
Кто не слыхал о Семеле? О том, как смертельное пламя
В брачном покое спалило ее, о сопернице хитрой? [3]
Кто не сумел бы поведать, в какой колыбели надежной
Вакх всемогущим отцом был укрыт, и как протекали
Месяцы вплоть до рождения его могучего сына?
Были воспеты и тирсы не раз, обагренные кровью,
Слишком все это знакомо — и цепи, сковавшие Дирку,
Ложе запретное девы писейской [4], и злого Даная
Грозную власть, и рассказы о страшных браках и свадьбах,
Где не царило веселье, а факел пылал погребальный...

Все это было воспето великих поэтов толпою,
Стали ходячею басней сказанья веков стародавних.
Мы ж по ущельям, по свежим лугам, по равнинам открытым
Бродим охотно и, шагом поспешным поля пробегая,
Мы с быстроногой собакой различную ловим добычу:
Робкого зайца поймать, овладеть трусливою ланью,
Дерзкого волка убить, заманить лисиц хитроумных —
Вот наша радость; о, как хорошо в тенистых затонах
Возле спокойной реки следы ихневмона [5] разведать
(Прячется он в тростниках) — и злую дикую кошку,
Длинным копьем поразив, свалить с вершины древесной;
Или ежа разыскать и клубок этот, в иглах колючих,
В дом отнести. Вот какими путями плывет моя лодка;
Мал мой челнок: он привык скользить по водам спокойным
Вдоль берегов неопасных, на веслах, по тихим заливам...

Ты, что в ущельях глубоких и в зарослях леса блуждаешь,
Чадо Латоны и Феба сестра, красавица-дева [6],

Труд свой привычный начни, возьми рукою искусной
Лук, а колчан расписной повесь на плечо; золотые
Стрелы свои собери, обуй белоснежную ногу
В алый котурн [7] и накинь свой плащ с золотою подкладкой.
Пышные складки скрепит, сверкая в камнях драгоценных,
Пояс, а кудри твои увенчает, блестя, диадема.
Пусть окружает тебя наяд цветущая юность,
Девы дриады и нимфы, потокам дающие влагу,
Пусть на призыв ореад откликается кроткая Эхо.
Ты, о богиня, веди поэта лесистой тропою.
Вслед я пойду; покажи, как живут, где прячутся звери,
Всякий, кто страстью к охоте охвачен, за мною последуй!
Если клянешь ты усобиц вражду и безумные смуты,
Коль от гражданских волнений бежишь, от громов военных,
И на морях ненадежных богатой наживы не ищешь.

ЭКЛОГА III

Летом однажды Никтил, Микон и красавец Аминтар
Скрылись от знойного солнца под тенью широкого дуба.
Этой порою под вязом прилег, устав на охоте.
Пан: ослабевшие силы хотел освежить он дремотой;
А над собою свирель он повесил на тонкую ветку.
Мальчикам вздумалось тайно похитить свирель и у Пана
Песню взамен попросить; и самим поиграть захотелось
Им на свирели богов, но ни вторить напевам знакомым,
Ни позабавить их песней своею свирель не хотела:
Вместо напева она издавала лишь свист и сипенье.
Мигом вскочил, поражен тростника охрипшего звуком,
Пан и промолвил: «Мальчишки, вам хочется песню послушать?
Лучше уж сам я спою — никому не позволю касаться
Я этих трубок: я воском скрепил их в пещерах Менальских [1]
Все о рожденье твоем, о первой лозе виноградной
Я расскажу, о Леней! [2] Я Вакха должен прославить».
Так начал Пан свою песню, в горах постоянно бродящий.
«Я воспеваю тебя! Ты с плющом, отягченным плодами,
Лоз виноградных побеги сплетаешь, зеленою ветвью
Тигров ведешь; как прекрасны твои благовонные кудри,
Отпрыск могучего Зевса! Когда погибла Семела,
Зевса узрев среди звезд, принявшего вид свой небесный,
Взял всемогущий отец еще нерожденное чадо,
Зная грядущие судьбы, ему уготовал рожденье.
Нимфы и старые фавны и дерзкое племя сатиров —
С ними и я — воспитали тебя в зеленеющем гроте.
С нежностью старец-Силен принимает малютку-питомца,

Греет его на груди и качает, лаская, в объятьях;
Он заставляет дитя улыбнуться, грозя ему пальцем,
Или дрожащей рукою трясет перед ним погремушку.
Жесткою шерстью Силена малютка со смехом играет,
Пальцами, сжатыми крепко, дерет его острые уши,
Лысину гладит ручонкой своей и тупой подбородок,
Вздернутый нос безобразный ласкает он пальчиком нежным.
Но подрастает ребенок — настала цветущая юность,
Меж золотистых кудрей на висках пробиваются рожки.
Только впервые тогда на лозе виноградной явились
Гроздья — собрались сатиры, дивятся на лозы Лиэя.
«Ну же, сатиры, скорее, срывайте созревшие гроздья,—
Бог им велит,— и на плод незнакомый нажмите покрепче!»
Сказано — сделано вмиг: сорвав виноградные кисти,
Быстро кидают Сатиры в корзины большие, и камнем
Сверху спешат придавить; и сбор винограда в разгаре
Всюду по склонам холмов; а сборщиков быстрые ноги,
Руки и голая грудь обрызганы соком пурпурным.
Рой шаловливых Сатиров хватает, где только заметит,
Кубки и чаши себе, а захватит — обратно не выдаст.
Этот забрал узкогорлый кувшин, тот — рог искривленный,
Этот — ладони покрепче сложил и пьет, как из чаши;
Есть и такие, что сок, на землю пролитый лакают,
Или глубоко кимвал погружают в бродящую влагу —
(Медь принимает напиток и к пляске зовет веселее);
Тот под лозой виноградной разлегся и спелые гроздья
Крепко сжимает, а сок ему льется на грудь и на плечи.
Всюду веселые игры, и песни, и вольные пляски.
Вместе с вином пробудилась и страсть; распалившись желаньем,
Нимф, убегающих в страхе, преследуют дерзко Сатиры;
То их ухватят за плащ, то держат за длинные кудри.
Плоскую чашу Силен впервые пурпурною влагой
Жадно наполнил и выпил,— но силы ему изменили.
День уже начался второй, но, нектаром сладким упившись,
Все еще дремлет старик,— на потеху питомцу Иакху.
Зевса божественный сын, великим владыкой рожденный,
Жезл из лозы вырезает и гроздья ногой своей топчет.
Или, наполнив кратер, вином свою рысь угощает».
Все это мальчиком Пан поведал в долине Менала.
Стало в ту пору темнеть; и овец, бродивших по лугу,
Время пришло загонять и доить поскорее, чтоб к сроку
Жидкий поток молока обратился в сыр белоснежный.

АВСОНИЙ

Децим Магн Авсоний родился в начале IV в. н. э. в Бурдигале (Бордо), где отец его был врачом. Свое образование он получил сперва в родном городе, потом в университете в Толозе, потом вновь в Бурдигале. Здесь, в родном городе, будучи уже профессором, он преподавал в течение 37 лет грамматику и риторику и пользовался настолько большим успехом, что в 364 г. император Валентиан вызвал его в Трир и назначил воспитателем своего сына и наследника Грациана. Двадцатилетняя придворная служба Авсония была весьма удачной, он сопровождал Валентиана в походе против аламаннов, а в правление Грациана управлял вместе со своим сыном Гесперием сперва Галлией, потом Италией, Иллирией и Африкой. После убийства Грациана в 383 г. Авсоний вернулся в Бордо и прожил там еще около десяти лет. Год смерти его точно неизвестен.

Произведения Авсония очень разнообразны и в то же время однообразны — в них видны огромные версификаторские способности без глубокого поэтического дарования. Авсоний свободно владеет различными размерами и охотно играет ими, меняя их несколько раз в одном и том же цикле стихотворений.

До нас дошло много его произведений: эпиграммы, письма в стихах и прозе, небольшая эпическая поэма «Мозелла», описывающая его путешествие по притоку Рейна (теперь Мозелю), и различные риторические шуточные стихотворения, которые он назвал греческим термином «technopaignion» («Шутки мастерства»). Сохранился и забавный образец так называемой «лоскутной» поэзии: «Свадебное торжество», целиком составленное из полустиший «Энеиды» Вергилия.

МОЗЕЛЛА

(ст. 1—74, 169—239, 438—483)

Быструю я перешел с туманным течением Наву [1]
И, подивившись стенам обновленным у древнего Винка
(Галлия некогда здесь уподобилась Каннам латинским [2],
Здесь на равнинах лежат не оплаканы бедные толпы),
Дальше пустынным путем иду по лесным бездорожьям
И, никакого следа не видя труда человека,
Через сухой прохожу, окруженный жаждущим полем
Думнис, Таверны [3], омытые вечным потоком, и земли,
Что поселенцам сарматским отмерены были недавно [4],
И, наконец, Нойомаг [5] на границе белгов я вижу,
Где Константином божественным славный был выстроен лагерь.
Чище тут воздух в полях, и Феб лучезарным сияньем
В ясном небе уже распростер олимпийский багрянец.
Ты понапрасну сквозь свод перепутанных веток древесных
В сумраке зелени ищешь глазами сокрытое небо;
Ровный однако же свет и блеск золотистый эфира
В вольном дыхании дня очам предстает без помехи.
Ласковых этих картин созерцанье напомнило живо
Мне Бурдигалу [6] родную с ее изысканной жизнью:
Крыши домов, вознесенных над кручей прибрежных обрывов,
И виноград на зеленых холмах, и приятные воды
С тихим журчаньем внизу под ногами текущей Мозеллы.
Здравствуй, река, что отрадна полям, поселянам отрадна!
Городом, власти достойным, тебе обязаны белги [7];
Ты по окрестным холмам виноград возрастила душистый,
А берега повсюду травою покрыла зеленой.
Ты, словно море, несешь корабли, покато струишься,
Словно поток, и озерам подобна зеркальною глубью;
Трепетом струй на ходу могла бы с ручьем ты равняться,
Влагой своей питьевой побеждаешь холодный источник.
Всем ты владеешь одна, что в ключе есть, в реке и в потоке,
В озере, в море с теченьем двойным — приливом, отливом.
Плавно ты воды несешь, не смущаясь ни шелестом ветра,
Ни разбивая струи у преграды подводного камня;
Не заставляют тебя ускорять до стремнины теченье
Мели, и нет посреди на тебе преграждающей путь твой
Суши нигде: справедливо рекой настоящей зовешься,—
Так не бывает, когда рассекает течение остров.
Два есть пути по тебе: когда попутным теченьем
Лодку несет по взбиваемым быстрыми веслами струям
Или когда с прибрежной тропы в неослабном напоре
Тянут плечи гребцов канат, привязанный к мачтам.
Сколько ты раз удивлялась сама, как извилисто русло,

И упрекала себя за то, что течешь непоспешно!
Берег не кроешь ты свой тростником, порождением тины,
Не заливаешь, ленясь, берега безобразною грязью:
Посуху можно вплотную к воде подойти человеку.
Лейся, река, рассевай по песку фригийские зерна [8],
Свой устилая просторный чертог пестромраморным полом:
Я ни во что не ценю людские доход и богатство,
Но неустанно дивлюсь роскошным твореньям природы,
Чья не грозит нищетою потомкам веселая щедрость.
Твердые здесь покрывают пески увлажненную землю,
Не сохраняют следы шагов отпечаток обычный.
Глазу до самого дна доступна стеклянная влага:
Тайн никаких не хранишь ты, река,— как воздух живящий,
Если открыт кругозор, раскрывается ясному взгляду,
И не мешает в пространство смотреть ласкающий ветер,—
Так, устремивши глаза в подводную глубь, далеко мы
Видим, и тайны глубин сокровенные все нам открыты
Там, где медлителен ток, и течение влаги прозрачной
Образы видеть дает, что рассеяны в свете небесном:
Как бороздится песок от медлительных струек теченья,
Как по зеленому дну, наклонившись, трепещут травинки
Возле бьющих ключей, потревожены влагой дрожащей;
Мечутся стебли травы; то мелькнет, то закроется снова
Камешек; зеленью мха оттеняется гравий подводный.
Схожий вид берегов знаком каледонским британцам [9]
В час, как отлив обнажит зеленые травы морские,
Алый коралл и белеющий перл, порожденье моллюска,
Людям столь дорогой, и когда из богатой пучины,
Кажется, бусы блестят, подобные нашим уборам.
Именно так под приветливой влагою мирной Мозеллы
Сквозь пестроту травы мерцает круглая галька.

Да и не только людей восхищают такие картины.
Я и в сатиров готов полевых и в наяд сероглазых
Верить, что к этим они берегам сбегаются часто;
А козлоногие Паны, пылая веселым задором,
Скачут по мелям и робких сестер под водою пугают,
И по текучей воде неумелым колотят ударом.
Часто, награбив с холмов виноградных кистей, Панопея [10]
В этой реке с толпой ореад, постоянных подружек,
От деревенских божков убегает, распущенных фавнов.
В час же, когда среди неба стоит золотистое солнце,
В заводи общей сатиры и сестры речные, собравшись
Вместе, ведут, говорят, хороводы свои: в это время
Зной им палящий дает от очей человека укрыться.

Тут на родимой воде, играя, прыгают нимфы,
Тащат сатиров на дно, и от этих пловцов неумелых
Вдруг убегают из рук, а те понапрасну хватают
Скользкие члены, и влагу одну вместо тела лелеют.
Этому, впрочем, свидетелей нет, и мне да простится,
Что говорю, не видав: пусть тайной останется тайна,
И божествам берега за доверье отплатят молчаньем.
Вот чем, однако же, все насладиться свободны: тенистый
В светлой реке отражается холм; зеленеет теченье
Влаги речной, и поток, сдается, порос виноградом.
Что за оттенок воде придает вечернею тенью
Геспер, когда опрокинет в Мозеллу зеленую гору!
Плавают все, качаясь, холмы; дрожит виноградник
Мнимый; в прозрачных волнах отражаются кисти, разбухнув.
Путник, поддавшись обману, считает лозу за лозою,
Путник, в долбленом челне скользящий по самой средине
Глади речной, где с потоком слилось отраженье прибрежной
Кручи, и в лоне реки сочетаются с берегом берег.
А какова красота и веселость праздничных зрелищ!
Выйдя на стрежень реки, состязаются верткие лодки,
Движутся взад и вперед, и скользя вдоль зеленых прибрежий,
Скошенных трав луговых молодые срезают побеги.
Как врассыпную гребут по реке безусые парни,
Попеременно то правым, то левым веслом загребая,
Любит смотреть селянин, забывая, что день на исходе [11]:
Труд уступает игре, разгоняет веселье заботу.
В Кумах [12] над ширью морской на такую же смотрит потеху
Вакх, миновав свои севы по скатам сернистого Гавра [13]
И виноградом поросший Везувий под шапкою дыма.
Августа здесь актийский триумф [14] торжествуя, Венера
Грозный разыгрывать бой приказала резвым амурам:
Бой, в котором канопский корабль с латинской триремой
В схватке сошлись под Левкадской скалой с Аполлоновым
храмом;
Или, быть может, гроза сраженья с Помпеем при Милах [15]
В кликах эвбейских гребцов повторилась над гулким Аверном [16] —
Натиск безвредных судов и морская потешная битва,
Как в сицилийских зыбях, на виду у мыса Пелора
Их изумрудной волной отразило лазурное море.
Облик точно такой придают задорным эфебам
Юность, река и с расписанным носом проворные челны.
Гиперион [17] в полдневном пути заливает их зноем,
И под лучами его в стекле отражаются водном
Тел, опрокинутых вниз головой, искривленные тени.
Юноши, ловко гребя и правой рукою и левой,
Попеременно на то и на это весело налегая,

Видят других подобья гребцов в расплывчатых волнах,
И, молодого веселья полны, двойников наблюдают,
Рады дивиться своим искаженным течением лицам.
Как, пожелав посмотреть на свои заплетенные косы
В зеркале, чей проницательный блеск в широкой оправе
Добрая няня впервые дала питомице милой,
Девочка, увлечена незнакомой доселе забавой,
Мнит, что она пред собой увидала родную сестрицу,
И безответный металл в поцелуе к устам прижимает [18],
Или заколку воткнуть в прическу пытается, или
Пальцем над самым лбом расправляет волнистые кудри,—
Тешатся так молодые гребцы игрой отражений,
Зыбко ласкающих взгляд то верным, то ложным обличьем.

Я, ведущий свой род от корня далеких вивисков [19],
Но и с белгийской страной старинною связанный дружбой,
Я, Авсоний, в чьем имени — Рим [20], чья родина — между
Галльских окрайных земель и высокого кряжа Пирены,
Где Аквитания нравы сынов умягчает весельем [21],—
Дерзкий, на скромной струне сложил эту песню, безгрешно
С током священным смешав возлияние скудное Музе.
Не о хвале — о прощенье молю. Немало поэтов
Пьют из священных ключей Аонид [22], и были бы рады
Всю осушить Аганиппу во славу реки благодатной,—
Все же и я, как ни мало во мне божественной влаги,
После того, как меня отрешат от почетной науки
Август-отец и сыны, о которых пекусь неустанно,
И, удостоен авсонских фаск и курульного кресла [23],
Буду в родном я гнезде доживать преклонные годы,—
Громче тогда возвещу я хвалу ее северным струям.
О городах расскажу, омываемых тихим потоком,
О крепостях, над рекой возвышающих древние стены;
Об укрепленьях скажу, воздвигнутых в смутную пору,—
Ныне же в них не войска, а житницы мирного белга;
И расскажу, как богат селянин на твоих прибережьях,
Как, оглашаясь с обеих сторон полевою работой,
Ты, размывая брега, рассекаешь тучные пашни.
Не превосходят тебя ни Лигер [24], ни быстрая в беге
Аксона, ни рубежом разделившая белгов и галлов
Матрона, ни Карантон, теснимый сантонским приливом,
Льющий с холодных вершин тебе уступит Дураний,
Галлия меньше горда златоносным течением Тарна;
Как ни безумствует в горном пути по скалистым раскатам,—
Только сначала почтив божество державной Мозеллы,
К темному морю Атурр донесет тарбелльские воды.

Пусть и чужие края твои токи прославят, Мозелла,
А не одни лишь места, где в верховьях свои рукава ты,
Словно бычачьи рога позолащенные [25], пышно являешь,
Или где тихие воды струишь по извилинам пашен,
Или где рядом с германскою пристанью [26] близишься к устью!
Если почет захотят оказать моей легкой Камене,
Если потратить досуг на мои стихи удостоят,
Ты на людские уста перейдешь в песнопенье приятном,
Станешь известна ключам, и живым водоемам, и темным
Речкам, и с древнею славою рощам. Почтит тебя Друна [27]
Вместе с неверной Друэнцей, свои берега разбросавшей,
Реки из Альп почтут и Родан, через град раздвоенный
Воды несущий и правому берегу давший названье,
Слух о тебе передам я темным озерам и шумным
Рекам, прославлю тебя пред широкой, как море, Гарумной.

РОЗЫ

Это случилось весной; холодком и колючим и нежным
День возвращенный дышал раннего утра порой.
Ветер прохладный еще, Авроры коней предваряя,
Опередить призывал зноем пылающий день.
По перекресткам дорожек блуждал я в садах орошенных,
И зарождавшимся днем думал ободрить себя.
Видел я льдинки росы, что на травах склоненных висели,
И на листах овощей видел я льдинки росы:
Видел — на стеблях широких играли округлые капли
И тяжелели они, влагой небесной полны.
Видел, как розы горели, взращенные Пестом [1], омыты
Влагой росы; и звезда нового утра взошла.
Редкие перлы блистали на инеем тронутых ветках;
С первым сиянием дня им суждено умереть
Тут и не знаешь,— берет ли румянец у розы Аврора
Или дарует его, красяя румянцем цветы.
Цвет у обоих один, и роса и утро — едины;
Ведь над звездой и цветком равно Венера царит.
Может быть, общий у них аромат? Но где-то в эфире
Первый струится; сильней дышит ближайший, другой.
Общая их госпожа — у звезды и у розы — Венера
Им повелела одеть тот же пурпурный наряд.
Но приближалось мгновенье, когда у цветов, зародившись,
Почки набухшие вдруг разом открыться должны.
Вот зеленеет одна, колпачком прикрытая листьев;
Виден сквозь тоненький лист рдяный наряд у другой
Эта высокою грань своего открывает бутона,

Освобождая от пут пурпур головки своей.
И раздвигает другая на темени складки покрова,
Людям готовясь предстать в сонме своих лепестков.
Разом являет цветок красоту смеющейся чаши,
Щедро выводит густой, сомкнутый строй лепестков.
Та, что недавно горела огнем лепестков ароматных,
Бледная ныне стоит, ибо опали они.
Диву даешься, как время грабительски все отнимает,
Как при рожденье своем старятся розы уже.
Вот говорю я, а кудри у розы багряной опали,
Землю усеяв собой, красным покровом лежат.
Столько обличий, так много рождений и все обновленья
День лишь единый явил и довершил один день!
Все мы в печали, Природа, что прелесть у розы мгновенна:
Дашь нам взглянуть,— и тотчас ты отбираешь дары.
Временем краткого дня одного век розы отмерен,
Слита с цветением роз старость, губящая их.
Ту, что Заря золотая увидела в миг зарожденья,
Вечером вновь возвратясь, видит увядшей она.
Что ж из того, что цветку суждено так скоро погибнуть,—
Роза кончиной своей просит продлить ее жизнь.
Девушка, розы сбирай молодые, сама молодая:
Помни, что жизни твоей столь же стремителен бег.

Из цикла «ПРЕПОДАВАТЕЛИ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Ныне я вас вспомяну: нас с вами не кровь породнила,
Нет,— но людская молва, к родине милой любовь,
Наше в науках усердье, забота о наших питомцах
Нас породнили,— но смерть славных мужей унесла.
Может быть, годы пройдут — моему подражая примеру,
Кто-нибудь, нас вспомянув, все наши тени почтит.

4. АТТИЙ ПАТЕРА, РИТОР

Ты старше был, чем те, кто мною названы.
Патера, муж известнейший [1],
Но в смежных поколеньях повстречались мы,
Ты — стариком, я — юношей,
И я не обойду тебя в стенаниях,
Учитель славных риторов.
Друидов Байокасских был ты отпрыском [2],
Коли не лжет предание;

Твой род — жрецы в кумирне бога Белена [3]:
Вот почему зовешься ты
Патерой — это имя Аполлонова
Служителя при таинствах.
Твои отец и брат по Фебу названы,
Сын — по его святилищу [4].
Никто не превзошел тебя из сверстников
Ученостью, речистостью;
Ты был изящен, ясен, плавен, сладостен,
Стремителен и памятлив,
Умерен в шутках, чуждых издевательства,
Неприхотлив в еде, питье;
Красив и весел, был и в седине ты схож
С конем, с орлом стареющим.

16. ЭЛИЙ МАГН АРБОРИЙ, РИТОР В ТОЛОЗЕ

Был ты оплакан уже, мой дядя, меж родственных теней — [5]
Ныне меж риторов будь мною помянут опять.
Там благочестье родства пребудет, а здесь — преклоненье
Перед мужами, чей труд город прославил родной.
Дважды прими двойную хвалу, родитель Арборий
(Ты — Арбория сын, ты же — Арбория внук).
Были из эдуев предки отца; рождена у тарбеллов [6]
Мавра, матерь твоя,— оба из лучших родов.
Знатную взял ты жену с приданным; и в доме, и в школе
Дружбу виднейших людей знал ты еще молодым
В дни, когда Константиновы братья в богатой Толозе,
Мнимым изгнаньем томясь, дни проводили свои [7],
Следом за тем на Фракийский Боспор, к Византийской твердыне
В Константинополь тебя слава твоя повела.
Там, в щедротах, в чести, как Цезаря чтимый наставник,
Ты и скончался, о Магн, не переживши отца.
Прах твой в родные места, ко гробницам предков и близких
Август, наш господин, благочестиво вернул.
С этих-то пор, что ни год, проливаем мы новые слезы,
Горестный дар любви в должные дни принося.

22. ВИКТОРИЙ, ПОМОЩНИК ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИЛИ ПРОСХОЛ

Ты, Викторий, проворным умом и памятью острой
В книгах, неведомых нам, тайн сокровенных искал.
Свитки, угодье червей, ты любил разворачивать больше,
Нежели дело свое делать, как должно тебе.

Все — договоры жрецов, родословья, какие до Нумы
Вел из древнейших веков первосвященник-сабин [8],
Все, что Кастор сказал о владыках загадочных, все, что,
Выбрав из мужниных книг, миру Родопа дала [9],
Древних уставы жрецов, приговоры старинных квиритов,
То, что решал сенат, то, что Дракон и Солон [10]
Дали афинянам, то, что Залевк — италийским локрийцам,
То, что людям — Минос, то, что Фемида — богам,—
Все это лучше знакомо тебе, чем Вергилий и Туллий,
Лучше, чем то, что хранит Лаций в анналах своих.
Может быть, ты и до них дошел бы в своих разысканьях,
Если бы парка тебе не перерезала путь.
Мало почета тебе принесла нашей кафедры слава:
Только грамматики вкус ты ощутил на губах.
Большего ты не достиг, и в Кумах скончался далеких,
Путь совершивши туда из Сицилийской земли.
Но, упомянутый мною в ряду именитых и славных,
Радуйся, если мое слово дойдет до теней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прощайте же, о тени славных риторов,
Прощайте же, ученые,
История ли вас или поэзия,
Дела ли шумных форумов,
Платонова ли мудрость, врачеванье ли
Вовеки вас прославили.
И если мертвым от живущих радостно
Внимание и почести,
Мою примите эту песню скорбную,
Из слез и жалоб тканую.
Покоясь мирно под плитой могильною,
В людской живите памяти,
Доколе не наступит, богу ведомый,
День, в коем все мы встретимся.

ИЗ ЦИКЛА «КРУГЛЫЙ ДЕНЬ»

1. ПРОБУЖДЕНИЕ

Утра ясный свет проникает в окна,
Бодрая шуршит над гнездом касатка,
Ты же, Парменон [1], как заснул, досель
Спишь беспробудно.

Если сони [2] спят напролет всю зиму —
Это потому, что не сыщут корма;
Ты же — оттого, что питьем и снедью
Давишь желудок.

В завитки ушей не проникнут звуки,
Спит в оцепененье обитель духа,
И не потревожит очей сомкнутых
Зарево утра.

Есть рассказ о том, как Луна когда-то
В череде сменявшихся дня и ночи
Продлевала юноше год за годом
Сон непрерывный [3].

Встань, лентяй, не жди, чтобы взял я розгу!
«Встань, да не придет вечный сон, откуда
Ты не ждешь!» [4] Воспрянь, Парменон, скорее
С мягкого ложа!

Может быть, тебе навевает дрему
Сладкий звук сапфического размера?
Разгони же негу лесбийских песен,
Ямб острозубый!

7. К РАБУ-СКОРОПИСЦУ

Эй, мальчик, поспеши сюда,
Искусный в быстрых записях,
Раскрой дощечки парные,
Где речи изобильные,
В немногих знаках стиснуты,
Единым словом выглядят.
Возьму я свитки толстые,
И, словно град над нивою,
Слова мои посыплются.
Твой слух надежен опытный,
Твои страницы сглажены,
Рука скупа в движениях
По восковой поверхности.
Вот речь моя сплетается
В пространные периоды,
А ты, лишь слово вымолвлю,
Тотчас его на воск берешь.
О, если б мог я мыслями
Настолько быть проворнее,

Насколько бег руки твоей
Мою опережает речь!
Кто выдал тайну помысла?
Раскрыл тебе заранее,
О чем хотел поведать я?
Что выкрала из недр души
Твоя рука летучая?
И как до слуха умного
Дошли слова, которых мой
Язык еще не высказал?
Наука здесь беспомощна,
И до сих пор ничья рука
Так не была стремительна;
От бога и природы в дар
Ты получил умение
Моими мыслить мыслями,
Моею волить волею.

8. СНЫ

(ст. 1—21, 34—43)

[В наши спокойные сны врываются страшные чуда[5],
Коим дивимся мы так, как если в высоком эфире
Тучи, встречаясь в пути, сочетаются в разные виды]
Четвероногих и птиц, и сливают в едином обличье
Чудищ земных и морских, пока очищающий ветер
Не разметет облака, растворив их в прозрачных просторах.
То мне тяжбы и суд, то зрелища в полном театре
Видятся; с конным полком крошу я разбойничью шайку;
Или когтями терзают лицо мне дикие звери;
Иль под мечом гладиатора бьюсь я в крови на арене;
Шествую пеший по бурным морям; миную проливы,
Прыгнув; и по небу мчат меня обретенные крылья.
Больше того: несказанных утех нечистую сладость
Ночью мы познаем, о трагических грезя соитьях.
Нет избавленья от них, пока череду сновидений
Стыд не рассеет, прорвав забытье, и от мороков мерзких
Вновь очнется душа; опомнившись, шарят по ложу
Руки, чуждаясь греха; отступает позорная скверна
От изголовья, и сон летит, унося преступленья.
Вот я плещу в триумфальной толпе; а вот, безоружный,
За колесницей влачусь в цепях меж пленных аланов;
Храмы богов, святые врата, золотые чертоги
Передо мною встают; возлегаю на пурпур тирийский,
И через миг клонюсь на скамью в закопченной харчевне...
Прочь, неспокойные сны! Улетайте к покатостям неба,

Где грозовые ветра разгоняют бродячие тучи,
Вейтесь на лунной оси! Зачем вы крадетесь к порогу
Тесной спальни моей, под полог скромного ложа?
Прочь! оставьте меня проводить бестревожные ночи
Вплоть до звезды, что в рассветных лучах возвращается к людям.
Если зато не смутят никакие меня привиденья,
И безмятежный сон обоймет меня мягким дыханьем,—
Эту зеленую рощу, мое осенившую поле,
Вам я готов посвятить для ваших полуночных бдений.

ГРИФ О ЧИСЛЕ ТРИ

Пей или три или трижды три: в том вящая тайна!
Так указует обычай: кто пьет или три, или втрое,
Девять раз повтори нечетные тройки до куба [1].
Сила в девятке и тройке одна, и все ей покорно:
Облик зародыша в чреве, рождение зрелого плода [2],
Длительность жизни людской — в ней девять девятилетий.
Трое у Опы сынов [3], три дочери следом за ними —
Веста, Церера, Юнона, одна рождена за другою.
Держит Юпитер трехжалый перун, а Нептун — троезубец;
Цербер трехглав; из тройного яйца родились Тиндариды [4].
Трижды Несторов век обновлялся пурпурною пряжей [5];
Втрое против него живет свои сроки ворона;
Если бы даже она трижды девять жила поколений,
Все же ее пережил бы олень на четвертые девять.
Ворон, вещун Аполлона, живет оленьи три века;
В девять раз превосходит его индийская птица —
Та, что сияет челом, в киннамонном гнезде восседая.
Три существа у Гекаты, три лика у девы Дианы [6],
Трое Харит, трое Парок, три голоса, три элемента [7];
Трое Сирен в треугольной земле [8], три части у каждой:
Дева на треть, и птица на треть, и богиня на треть же.
Трижды трое Камен [9] состязались с ними за пальму
Ртом, дыханьем, рукой — на струне, на флейте и в песне.
Три пунийских войны; три суть в философии части [10];
По три месяца длятся четыре времени года;
Трижды сменяется стража в ночи; три раза Авроре
Песню поет запоздалый клеврет плененного Марса [11].
Тот, кого мать зачала в утреннем сумраке ночи [12],
Трижды четыре трофея воздвиг для урочной добычи.
Девять лирных певцов по числу дочерей Мнемозины [13]:
Некогда только троих держала рука Аполлона — [14]
Втрое против того Киферон изваял их из меди,

Верный заветам отцов, шестерых не желая обидеть.
Трижды в году по три ночи Тарентские празднества длятся [15];
Фивы в трехлетие раз чтят дважды рожденного Вакха [16];
Трижды в порядке тройном сражались впервые фракийцы,
В жертву себя принося над прахом отца Юниадов [17].
Та, что в брачный чертог [18] завлекала тройною загадкой —
«Кто бывает двуногим, трехногим и четвероногим?» —
Сфинкс, аонийцев гроза, была птицею, львом, человеком:
Крыльями птица, лапами зверь и женщина ликом.
Три божества на Тарпейской скале сияют во храме [19].
Трех родов ремесла созидает жилье человеку [20]:
Этот стену кладет из камней, тот крышу возводит,
Третий стены и кров покрывает последней отделкой.
Вакхов отселе сосуд, отселе медимн сицилийский [21]:
Этот на три, тот на дважды три разлагается части.
Три родовых начала вещей: бог, материя, форма,—
Первый родитель, вторая рождает, третья родится.
Делятся по сторонам треугольники на три разряда:
Равносторонний — один, другой — равнобедренный, третий —
Разносторонний. Три части числу придают совершенство [22].
Трижды тройной состав разрешается трижды трояко.
В трех впервые найдешь и нечет, и чет, и средину [23] —
Ту единицу, что став на изломе числа, разрывает
Троек сплошную чреду, довершая куб из квадрата,
И, отделив по краям единицы от средней триады,
Три образует четных числа: четверку, шестерку
С дважды четверкой, и общей для всех серединою служит.
Трижды четыре доски [24] освятили право тройное:
Частное право, священный закон и общий обычай.
Три интердикта [25] гласят о владеньи: «Откуда исторгнут
Силой» — один, «Где бы ни был» — другой, и «Каких
достояний».
Три к свободе пути [26] и три есть лишенья свободы [27].
Слог красноречья тройной: возвышенный, скромный и третий,
Соткан из нитей простых. Как три медицинские школы [28]
(Им же дают имена эмпирия, логос и метод)
Учат здоровье хранить, болезнь отвращать и лечиться,—
Так у ораторов три есть школы; одна, где владычит,
Став над Родосом, колосс; другая в приморских Афинах;
Третью к судейской скамье низвела с театральных
подмостков
Азия, в прозе речей подражая хорическим ритмам [29].
Суша, вода и огонь составляют Орфеев треножник [30].
Три есть признака звезд: положение, дальность и яркость.
В музыке лад тройной [31], и трояко ее проявленье:
Слышится в слове, таится в звездах и зрится на сцене [32].

Всадники, плебс и сенат — три сословия в Марсовом Риме;
Имя отсюда и триб и с горы Священной трибунов [33].
Всадники делятся на три полка; три имени носит
Знать; [34] три тона у струн [35]; три дня у месяца главных [36].
Был Герион трехтелым; тройным был облик Химеры [37];
Сцилла из трех состояла пород: псица, дева и рыба;
Три Горгоны-сестры [38], три Гарпии [39], три Евмениды [40],
Три вещуньи-Сивиллы, носившие общее имя [41],
Чьи роковые речения в трех записаны книгах,
В книгах, трижды пяти мужей попеченьем хранимых [42].
Трижды пей! В этом все! Три ипостаси в боге едином!
Пусть же безделка моя бессильных чуждается чисел:
Трижды тридцать стихов составят в ней девять десятков.

ЭПИГРАММЫ

33. СКУЛЬПТУРНАЯ ГРУППА: «СЛУЧАЙНОСТЬ» И «РАСКАЯНИЕ» [1]

Кто изваял это? — Фидий. Тот Фидий, который Палладу
Сделал, Юпитера; я — третье созданье его.
Я божество «Случайность». Немногим и редко известна.—
На колесе ты зачем? — Стать мне на месте нельзя.—
Крылья зачем на ступнях? — Я летуча; Меркурия помощь
В счастье могу задержать, если того захочу.—
Кудрями скрыто лицо...— Чтоб меня не заметили.— Что же
Лыс твой затылок совсем? — Чтоб не поймали меня.—
Спутница кто у тебя?— Она скажет.— Откройся же, кто ты?
Я божество, но меня и Цицерон не назвал.
Я божество: за дела и за то, что не сделано, кары
Требую, лишь бы карать. Я «Метаноей» зовусь.—
Ну, а зачем же оно с тобою? — Когда улетаю,
С теми, кого обошла, все ж остается оно.
Ты вопрошатель, и сам, коли ты с вопросами медлишь,
Скажешь, что я у тебя здесь ускользнула из рук.

34. К ГАЛЛЕ, УЖЕ СТАРЕЮЩЕЙ ДЕВУШКЕ

Я говорил тебе: «Галла! мы старимся, годы проходят:
Пользуйся счастьем любви: девственность старит скорей!
Ты не вняла, и подкралась шагами неслышными старость,
Вот уже воротить дней, что погибли, нельзя!
Горько тебе, и клянешь ты, зачем не пришли те желанья
Прежде к тебе, иль зачем нет больше прежней красы!

Все ж мне объятья раскрой и счастье, не взятое, даруй:
Если не то, что хочу,— то, что хотел получу!

65. ЛАИСА, ПОСВЯЩАЮЩАЯ ЗЕРКАЛО ВЕНЕРЕ [2]

Зеркало я посвящаю Венере, старуха Лаиса:
Вечную службу нести вечной ты вправе красе.
Мне же ты ни на что не нужно: ибо видеть
Что я теперь — не хочу, чем я была — не могу.

О МЕДНОЙ ТЕЛКЕ МИРОНА [3]

68

Телка я. Медной резцом родитель Мирон меня сделал,
Но не изделье себя,— созданной я признаю:
Бык покрывает меня, мычит соседняя телка,
Тянется жадный телок вымя мое пососать.
Не удивляйся, что я ввожу в заблуждение стадо:
Стада хозяин и сам в паствe считает меня.

69

В вымя холодное что ж ты матери медной, теленок,
Тычешься, и молока просишь у меди зачем?
Я и его бы дала, когда бы меня изваяли
В части наружной Мирон, в части же внутренней бог.

70

Что понапрасну, Дедал, изощряешься в тщетном искусстве?
Лучше в меня заключи ты Пасифаю свою.
Если быка приманить настоящей ты хочешь коровой,
Самой живою тебе создал корову Мирон.

71

Медная, право, мычать могла бы корова Мирона,
Но опасается тем мастера снизить талант.
Ведь, как живую, ваять,— это истинно жизни ценнее,
Ибо не бога совсем, мастера дивны дела.

72

Медной стояла я здесь; убили корову Минервы,
Но перелила в меня душу богиня ее.

Стала теперь я двойной: частью медной, а частью живою:
Это — художник создал, то, говорят,— божество.

73

Бык, тебя вид обманул: зачем ты меня покрываешь?
Не Пасифаино я сооруженье тебе.

74

Еще не село солнце, но уж под вечер,
Когда пастух домой вел телок с пастбища,
Свою оставя, он меня гнал как свою.

75

Одну случайно телку потерял пастух,—
А счетом надо всех вернуть,—
И вот он жаловаться стал, что вслед другим
Идти я заупрямилась.

ИЗ ЦИКЛА «БИССУЛА»

ЖИВОПИСЦУ О ПОРТРЕТЕ БИССУЛЫ

Биссулы не передашь ни воском, ни краской поддельной;
Не поддается ее природная прелесть искусству.
Изображайте других красавиц, белила и сурик!
Облика тонкость руке недоступна ничьей. О художник,
Алые розы смешай, растворы их в лилиях белых:
Цвет их воздушный и есть лица ее цвет настоящий.

ИЗ ЦИКЛА «ТЕХНОПЕГНИОН»

12. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Кто обвиненного взял под залог в ожиданьи суда? Друг.
Если ответчик скроется, что поручителя ждет? Штраф.
Кто на левшу-ретиария в латах выходит на бой? Галл.
Имя какое имеет Меркурий у честных людей? Вор.
Что мы приносим богам, кроме вин и курения? Прах жертв.
Как называется остров, на коем рожден Гиппократ? Кос.

Бык или трон волновали сильней Гелиосову дочь? Бык [1].
В туче плывущий, во что превращен феакийский корабль?
В холм.
Чем питается соня, когда кончается корм? Сном.
Что скрепляет поверхности кож, обтянувшие щит? Клей.
Sponte — творительный, как именительный будет падеж?
Spons.
Кто, кроме птиц, подает при гадании знак вещуну? Мышь.
Что заставляет смолу плыть в море, а в речке тонуть? Вес.
Что на дважды шесть разделяется равных частей? Фунт.
Если отнимется восемь, какая останется часть? Треть.

6. ДЕСЯТЬ СЕДЬМИЦ ЖИЗНИ

Мальчика возраст ты знаешь, коль новый получит в семь лет
зуб.
Скоро мужчиной он станет, и голосом сильным звучит речь.
Ветром овеян и зноем спален загорелый бойца лоб.
Крепки и жилы и мышцы, но крепче всего у мужей кость.
Нежностью сердце трепещет, сжигает его, как огонь, страсть.
Чувства еще горячи, но владыкой над ними их царь — ум.
Слово вложивши в закон, произносит немало речей рот.
Возраста мера заметна уже, тяжела и черна желчь.
Тело худеет и сохнет, и бедрам все легче нести вес,
Путь сокращается наш, и уже не хватает нам сил ног.

СТИХИ, КОНЧАЮЩИЕСЯ И НАЧИНАЮЩИЕСЯ ОДИНАКОВЫМИ ОДНОСЛОЖНЫМИ СЛОВАМИ

Все непрочное в мире родит и ведет и крушит Рок,
Рок, неверный и зыбкий, но манит нас льстивых надежд рой,
Рой, что с нами всю жизнь, и с кем разлучит нас одна смерть,
Смерть ненасытная, кою адская кроет в свой мрак ночь.
Ночь в свой черед умирает, едва воссияет златой свет,
Свет, этот дар богов, пред кем впереди предлетит Феб,
Феб, от кого не укрылся с Венерой одетый в доспех Марс,
Марс, что рожден без отца: его чтит фракийцев слепой род,
Род проклятый мужей, что свой в преступлениях зрит долг,
Долг убивать, как жертву, людей: таков той страны нрав —
Нрав свирепых племен, что законов признать не хотят власть,
Власть, что в мире возникла из вечных природы людской прав,
Прав, благочестия дщерей, прав, где сказался богов ум.
Ум этот чувством небесным кропит достойный того дух,
Дух, подобие мира, всей жизни начало, упор, мощь,
Мощь, бессильная, впрочем, затем, что все — шутка, ничто все!

КЛАВДИАН

Последним замечательным поэтом позднего периода римской литературы является Клавдий Клавдиан. Он был уроженцем Александрии, и родным языком его был греческий; до нас дошли отрывки его поэмы на греческом языке («Гигантомахия») и несколько эпиграмм. По-видимому, он рано переехал в Италию, и с этих пор его судьба тесно связана с судьбой Западной римской империи. Он стал придворным поэтом при императоре Гонории и пользовался покровительством фактического правителя Западной империи, вандала Стилихона, императорского опекуна. Год рождения Клавдиана неизвестен: самое раннее его стихотворение относится к 395 г., самое позднее — к 404 г. По всей вероятности, Клавдиан погиб в 404 г., когда Стилихон был низвергнут.

Главную часть литературного наследия Клавдиана составляют стихотворные панегирики в честь разных лиц и инвективы против государственных деятелей Восточной римской империи (Евтропия и Руфина). Несмотря на прекрасно построенный звучный стих, ни панегирики, ни поздравительные стихотворения не имеют больших художественных достоинств, а инвектива против Руфина, временщика при дворе восточно-римского императора Аркадия (родного брата Гонория), убитого в 397 г., производит неприятное впечатление своими издевками над уже мертвым врагом.

Из эпической поэмы «О войне с Гильдоном», носившей тоже политический характер, сохранилось только начало (Гильдон был наместником Африки, препятствовавшим подвозу хлеба в Рим). Более ценна с литературной точки зрения мифологическая поэма «Похищение Прозерпины», в которой есть подлинно художественные места, например изображение царства мертвых в речи Плутона, обращенной к рыдающей девушке; это — как бы «гимн смерти», носящий на себе печать безысходного пессимизма, который не мог не охватить умы тех, кто видел своими глазами надвигающуюся гибель Рима.

До нас дошло еще несколько небольших стихотворений Клавдиана, напоминающих «Сильвы» Стация, и эпиграммы.

ПОХИЩЕНИЕ ПРОЗЕРПИНЫ

I. ЖАЛОБЫ ПРОЗЕРПИНЫ

(II, 247—310)

На колеснице крылатой все дальше летит Прозерпина,
Кудри ей Нот разметал; и в грудь ударяя, с рыданьем
К тучам небесным она мольбы воссылает, но тщетно.
«Ах, почему ты меня не сразил копьем смертоносным,
Тем, что Циклопы сковали, отец? [1] За что посылаешь
В край беспощадных теней? За что изгоняешь из мира?
Жалость тебя не смягчает? Неужто отцовского чувства
В сердце не ведаешь ты? О, чем я тебя прогневила?
Разве, когда мятежом пылали флегрейские земли [2],
Я на богов ополчилась? И разве же с помощью нашей
Оссы холодной ледник грозил снеговому Олимпу?
Был ли когда мной нарушен закон? И кого оскорбила
Так тяжело я, что нынче влекут меня в бездну Эреба?
О, сколь счастливей меня те девушки, чей похититель
Их меж людей оставлял, не лишая их света дневного!
Я ж вместе с девством навеки и небо, и солнце утрачу,
Света и чести лишусь. Покину я милую землю,
Пленницей стану, рабой в стигийском жилище тирана [3]
Горе мне! Я на беду так любила цветы, что презрела
Матери мудрый совет! [4] О, козни Венеры искусной! [5]
Мать моя! Где б ни была ты,— в долинах на Иде Фригийской,
Где мигдонийский напев [6] распевает точеная флейта,
Или в Диндимском краю [7], на кровавом празднестве галльском [8],
Слушаешь дикие вопли, глядишь на оружье куретов,
О, помоги мне скорей! Усмири разъяренного мужа!
Руку его удержи, завладей смертоносной уздою!»
Горестной речью такой и слезами владыка жестокий
Был побежден — и впервые любовь его сердца коснулась;
Девушке слезы отер темно-синим своим покрывалом,
Ласковой речью пытаясь смягчить ее тяжкое горе:
«Мрачной тоской и печалью себя не терзай, Прозерпина!
Страх свой напрасный забудь! Овладеешь ты мощной державой,
Брачные факелы ты зажжешь с достойным супругом;
Знай же — Сатурна я сын и подвластно мне все мирозданье,
Мощь безгранична моя, я безмерным владею пространством.
Ты не рассталась со светом дневным. Иные светила
Светят у нас: ты увидишь иные миры, и сияньем
Более чистого солнца в Элизии ты насладишься.
Узришь ты сонм благочестный. Там жизнь ценней и прекрасней,
Меж поколений златых [9]; всем тем мы владеем навеки,
Что на земле мимолетно. На мягких лугах ароматных

Скоро поймешь ты, что там, под веяньем лучших зефиров
Вечные дышат цветы — таких не найдешь ты на Энне [10].
В рощах тенистых растет там древо красы несказанной,
Листья сверкают на нем зеленым блеском металла.
Все это будет твоим; и всегда лучезарная осень
Будет тебя осыпать в изобилье златыми плодами.
Больше скажу я: все то, чем воздух владеет прозрачный,
Все, что рождает земля, все то, что множится в море,
Все, что в потоках кишит, и все, что болота питают,
Все, что несет в себе жизнь, твоему будет царству покорно.
Лунному шару подвластен сей мир; семикратным вращеньем
Он отделяет от смертных бессмертные вечные звезды.
Будут лежать пред тобой и владыки, носившие пурпур,
Сняв свой роскошный убор и смешавшись с толпой неимущих.
Все перед смертью равны. И ты осудишь преступных,
Чистым — подаришь покой; ты — судья! И того, кто виновен,
Ты же заставишь сознаться в деяньях, бесчестно свершенных.
Будут тебе подчиняться и Парки близ Леты глубокой,
Судьбами ведать ты будешь одна!» Так он молвил и к цели
Быстрых погнал он коней и спустился под своды Тенара [11].
Души бесчисленным сонмом слетелись. Так Австр беспощадный
Листья срывает с деревьев и капли струит дождевые,
Зыбью потоки рябит и песчинок тучи вздымает.

II. РЕЧЬ ЮПИТЕРА

(III, 1—54, 66)

Этой порою дает Юпитер приказ Таумантиде [12]—,
Чтобы она отовсюду богов созвала на собранье.
И полетели зефиры пред ней на крылах разноцветных.
Мигом скликает она богов из моря, торопит
Нимф и потоки речные из влажных пещер вызывает.
В трепете все и с волненьем спешат — какая причина
Их нарушает покой и о чем такая тревога?
Вот раскрывается звездный чертог — и гости садятся;
Место дается по чести: небесные боги — на первом;
Старшим морским божествам предоставлено место второе:
Кроткий садится Нерей, с ним рядом Форк [13] седовласый,
С краю подальше в ряду — сиденье двуликого Главка [14];
С ним и Протей,— но он здесь лишь в одном пребывает обличье.
Также и старцам речным дозволено сесть, а за ними
Тысячи юных потоков стоят, как плебеи в собранье;
Влажные девы, наяды, приникли к отцам водоносным
И на светила небес дивятся в молчании фавны.

Став на Олимпе высоком, промолвил великий родитель:
«Должен я, знаю, теперь позаботиться снова о смертных;
Мало я думал о них с тех пор, как старца Сатурна
Кончился век, приучивший людей к безделью и к лени.
Долго под властью отца в отупенье дремали народы,
Я же решил пробудить их к жизни, тревожной и бодрой;
Чтоб не взрастал урожай для них на непаханной ниве,
Мед бы не капал с деревьев и не был бы каждый источник
Винной струей и в реках вино не плескалось, как в чашах.
Но не по злобе я так порешил — (не завистливы боги,
Людям я вовсе не враг!), но честности роскошь враждебна,
И человеческий ум от богатства гниет и тупеет.
Пусть же ленивую душу людей разбудят лишенья,
Бедность заставит искать путей неизведанных, новых;
Ловкость родит ремесло, а привычка его воспитает.
Но на решенье мое Природа сетует горько,—
Будто хочу я людей погубить, и тираном жестоким
Часто меня называет, тоскуя о веке отцовском;
Скуп, беспощаден Юпитер, презревший богатства Природы.
Поле пустынно — зачем? Для чего же хочу я в трущобы
Все превратить? Почему нам осень плодов не приносит?
Прежде для смертных Природа являлась матерью нежной,
Ныне же мачехой злой она обернулась внезапно.
Стоило ль ум им давать, чтобы он в небеса устремлялся,
Ввысь обращать их глаза, если ныне, как скот бесприютный,
Бродят по дебрям они и пищей им желуди служат [5].
Что им за радость скитаться в лесах? И в чем же различье
Между людьми и зверями? Как часто жалобы эти
Слышу от матери [16] я! И нынче смягчу мое сердце,
Род я людской отвращу от жизни Хаонии дикой [17].
Вот мое слово: Церера еще о несчастье не знает,
С матерью мрачной [18] и с львами сокрылась в пещере
Идейской.
По морю пусть и по суше, рыдая, пусть дочь свою ищет;
Вплоть до поры, когда след найдется исчезнувшей девы,
Пусть она всюду плоды раздает! Проезжая по дебрям,
Пусть вкруг себя возрастит незнакомые людям колосья,
И под Цереры ярмо согнут свою шею драконы» [19]...
Молвил — и дрогнули звезды под грозным его мановеньем.

МАГНИТ

Кто беспокойным умом исследует мира строенье,
Ищет начала вещей и причину лунных ущербов,
Хочет узнать, почему бледнеет сияние солнца,
Путь разыскать смертоносных комет с пурпурною гривой,
Знать, где рождаются ветры, какие удары колеблют
Недра земли и откуда родится сверкание молний,
Гром, сотрясающий тучи, и радуги блеск разноцветный,
Тот, кто может умом постигнуть истину, пусть же
Мне мой вопрос разрешит: есть камень, зовется Магнитом,
Темный, бесцветный, лишенный красы. Украшеньем не служит
Он ни для царских венцов, ни для белой девичьей шеи,
Он не блестит в поясах, замыкая их пряжкой нарядной.
Если ж ты чудо увидишь, которое камешек черный
Может свершить, то поймешь — он прекрасней камней
драгоценных
Или того, чего ищут в пурпурных растеньях индийцы.
Он у железа заимствует жизнь, и сила железа
Пищею служит ему, и пиром, и пастбищем тучным;
Черпает новую мощь он в железе; в суставы вливаясь,
Эта суровая пища дает ему тайную силу;
Но без железа он гибнет; его истощенные члены
Голод снедает и жаждой томятся открытые жилы.
Марс, кто десницей кровавой во прах города низвергает,
С нежной Венерой, в тоске и заботах дарующей отдых,
Вместе в святилище пышном стоят позлащенного храма.
Видом несходны они: железом блестящим окован
Марс, а Венеры кумир украшен камнем магнитным.
Жрец совершает по чину их брачное таинство в храме:
Кружится в блеске огней хоровод; и листвою, и миртом
Двери увиты: цветов лепестками усыпано ложе.
За покрывалом пурпурным чертог скрывается брачный.
Здесь и свершается чудо. Навстречу летит Киферея
К мужу сама, повторяя свой брак, в небесах заключенный;
С нежною лаской она обвивает могучие плечи,
Шею его охватив, за шлем его грозный руками
Крепко берется и Марса сжимает в любовных объятьях.
Он, задыхаясь от страсти и долгим томим ожиданьем,
Пояс жены распускает, за камень на пряжке схватившись.
Брак их свершает Природа сама; и железного мужа
Мощная тяга влечет. Так боги союз свой скрепляют.
Как же в два металла вливается жар обоюдный?
Как же приходят к согласью и к миру суровые силы?
В камне рождается пыл к веществу иному, он к другу
Рвется — и счастьем любви наполняет изделье халибов [1].

Так же Венера всегда смягчает владыку сражений
Нежной улыбкой своей, если он, разгоревшись внезапно
Яростью страшной, за меч заостренный хватается в гневе.
Диких коней усмиряет она, и гневную бурю
Пламенем нежной любви она успокоить умеет.
Мир и покой его душу объемлют; забыв о сраженьях,
Голову в шлеме склонив, он устами к устам приникает.
Мальчик жестокий[2], скажи, над кем же ты в мире не властен?
Молнии ты побеждаешь; и ты Громовержца заставил,
Ставши быком и спустившись с небес, по морю промчаться[3].
Даже холодной скале, лишенной чувства живого,
Жизнь ты даешь; и суровый утес твои стрелы пронзают,
В камне огонь твой горит, поддается соблазну железо,
Даже и в мраморе твердом твое господствует пламя.

ГАЛЛЬСКИЕ МУЛЫ

Ты посмотри на послушных питомцев бушующей Роны,
Как по приказу стоят, как по приказу бредут,
Как направленье меняют, услышав шепот суровый,
Верной дорогой идут, слыша лишь голоса звук.
Нет на них упряжи тесной, вожжей они вовсе не знают,
Бременем тяжким у них шею ярмо не гнетет.
Долгу, однако, верны и труд переносят с терпеньем,
Варварский слушают звук, чуткий свой слух навострив,
Если погонщик отстанет, из воли его не выходят,
Вместо узды и бича голос ведет их мужской.
Издали кликнет — вернутся, столпятся — опять их разгонит,
Быстрых задержит чуть-чуть, медленных гонит вперед.
Влево ль идти? и свой шаг по левой дороге направят.
Голос изменится вдруг — тотчас же вправо пойдут.
Рабского гнета не зная, свободны они, но не дики;
Пут никогда не неся, власть признают над собой.
Рыжие, с шкурой лохматой, повозку тяжелую тащат
В дружном согласье они, так что колеса скрипят.
Что ж мы дивимся, что звери заслушались песни Орфея,
Если бессмысленный скот галльским покорен словам?

О СТАРЦЕ, НИКОГДА НЕ ПОКИДАВШЕМ ОКРЕСТНОСТЕЙ ВЕРОНЫ

Счастлив тот, кто свой век провел на поле родимом;
Дом, где ребенком он жил, видит его стариком.
Там, где малюткою ползал, он нынче с посохом бродит;
Много ли хижине лет — счет он давно потерял.
Бурь ненадежной судьбы изведать ему не случалось,
Воду, скитаясь, не пил он из неведомых рек.
Он за товар не дрожал, он трубы не боялся походной;
Форум, и тяжбы, и суд — все было чуждо ему.
Мира строенья не знал он и в городе не был соседнем,
Видел всегда над собой купол свободный небес.
Он по природным дарам, не по консулам [1], годы считает:
Осень приносит плоды, дарит цветами весна.
В поле он солнце встречает, прощается с ним на закате;
В этом привычном кругу день он проводит за днем.
В детстве дубок посадил — нынче дубом любуется статным,
Роща с ним вместе росла — старятся вместе они.
Дальше, чем Индии край, для него предместья Вероны,
Волны Бенакских озер [2] Красным он морем зовет.
Силами свеж он и бодр, крепки мускулистые руки,
Три поколенья уже видит потомков своих.
Пусть же другие идут искать Иберии дальней,
Пусть они ищут путей — он шел надежным путем.

Подземное царство

Изображение на апулийском кратере IV в. до н. э.

Похищение Прозерпины.
Стенка саркофага, римской работы

РУТИЛИЙ НАМАЦИАН

Клавдий Рутилий Намациан происходил из знатного галльского рода и владел в Галлии большими поместьями. Жил он в Риме и занимал высокие придворные посты. В 416 г. ему пришлось покинуть столицу и вернуться на родину, чтобы его имения не были захвачены вторгнувшимися в Галлию вестготами.

Эта поездка была описана им в поэме «О своем возвращении» в двух книгах, сохранившихся неполностью. Дороги в Италии были в ту пору небезопасны, и Рутилию пришлось долго ехать морем на небольшом судне, с частыми остановками у берегов; это дало ему возможность ознакомиться с прибрежными местностями, и он приводит в поэме интересные зарисовки ландшафтов. Особенно сильное и тяжелое впечатление произвели на него печальные картины разорения и запустения италийских берегов: со времени нашествия Алариха прошло только восемь лет, и Рутилий повсюду видел разрушенные дома, храмы и мосты, опустошенные поля.

Но это не мешало ему надеяться на лучшее будущее великого города (I, 121—122). Рутилий — поклонник Рима и его доблестного прошлого; он питает ярую ненависть ко всем другим народам и ко всему, что враждебно Риму. Так, он ненавидит готов, с которыми римляне были вынуждены вести постоянные переговоры; руководил этими переговорами Стилихон, всесильный правитель Западной римской империи при императоре Гонории, и за это Рутилий гневно называет Стилихона, к этому времени уже казненного, «предателем государства» (II, 42). Не менее страстно ненавидит он евреев и христиан: убежденный и даже фанатичный язычник, он верит, что Риму всегда покровительствовали древние боги, оградившие его от врагов Альпами и Апеннинами.

Рутилий — последний поклонник древнеримской доблести, воплощенной в республике; но главным предметом его преклонения является сам «вечный город».

О СВОЕМ ВОЗВРАЩЕНИИ

I. ПРОЩАНИЕ С РИМОМ

(I, 47—164)

Слушай меня, прекраснейший царь покорного мира,
К сферам небесных светил гордо вознесшийся Рим,
Слушай меня, родитель людей и родитель бессмертных,—
Древние храмы твои нас приближают к богам.
Мы не устанем тебя воспевать до последнего срока:
Страха не ведает тот, кто не забыл о тебе.
Раньше в преступном забвенье погаснет сияние солнца,
Нежели наши сердца чтить перестанут тебя.
Ибо, как солнце лучи, так и ты рассыпаешь щедроты
Вплоть до краев, где течет, мир обогнув, океан.
Встав из твоих же земель, к твоим же опустится землям
Феб, колесницу свою мча для тебя одного.
Ни огненосный ливийский песок для тебя не преграда,
Ни семизвездных пространств мечущий стрелы мороз [1].
Где ни простерлась меж двух полюсов живая природа —
Доблести славной твоей всюду открыты пути.
Для разноликих племен ты единую создал отчизну:
Тем, кто закона не знал, в пользу господство твое.
Ты предложил побежденным участие в собственном праве:
То, что миром звалось, городом стало теперь.
Нашими предками мы почитаем Венеру и Марса —
Рода Энеева мать и Ромулидов отца.
Победоносная кротость смягчает жестокость оружья:
С тем и с другим божеством твой согласуется нрав.
Вот почему и борьба и победа равно тебе милы:
Ты покоряешь врага, а покоренному — друг.
Чтим мы богов, подаривших оливу и сок винограда,
Юношу чтим, что вонзил в землю впервые сошник [2];
Есть у искусства врачей алтари по заслугам Пеона,
Славе обязан Алкид тем, что причислен к богам [3],—
Ты же, весь мир охватив торжеством справедливых законов,
Общий для всех положил жизни совместной устав.
Вот почему божеством тебя почитают повсюду
И добровольную гнут шею под римским ярмом.
Звезды, в их вечном пути обо всем сохранившие память,
Нет, не видали вовек мощи, подобной твоей.
Можно ль с твоими сравнить ассирийских мечей достоянья?
Мидяне брали в полон только соседей своих.
Даже владыки парфян и цари македонских династий
Лишь ненадежную власть в смене судеб обрели [4].
Не многолюдством, не силою рук превзошел ты народы —
Нет, справедливость и ум дали победу тебе.

Слава твоя возросла оттого, что в мирное время
Был ты надменности чужд, в войнах — за правду стоял.
Дело не в том, что царишь, а в том, что достоин царенья:
Больше, чем роком дано, доблестью ты совершил.
Не перечислить трофеев твоих, увенчанных славой:
Легче было бы счесть звезды в ночных небесах.
Блеском храмов твоих ослепленные, взоры блуждают:
Мнится, истинно здесь вышних обитель богов.
Что же сказать о потоках, летящих по аркам воздушным
В высь, где Ирида сама вряд ли сияла росой? [5]
Молвишь: не горы ли это воздвиглись к небесным светилам?
Эллин прославил бы их, делом Гигантов назвав [6].
Реки ты смог перекрыть и в свои заключаешь их стены,
Воды целых озер льются в купальнях твоих.
Впрочем, зелень садов орошаешь ты собственной влагой:
Возле валов городских слышно журчанье ключей;
Свежим дыханьем они умеряют палящее лето,
Чистым течением струй — влагу готовы унять.
Мало того: горячий поток пробрызнул когда-то
Возле Тарпейской скалы, путь преграждая врагам [7].
Если бы тек он всегда, я решил бы, что это случайность,—
Нет, он на помощь пришел, чтобы исчезнуть опять.
Что же сказать о лесах, обнесенных стеной расписною,
Где доморощенных птиц льется веселая песнь? [8]
Здесь уступают весне остальные три времени года:
Прелесть веселий твоих даже зима бережет.

Вскинь же, о Рим, венчанное лавром чело, и святую
Преобрази седину в юную свежесть кудрей!
Пусть золотая горит диадема на башенном шлеме [9],
И с золотого щита вечные брызжут огни!
Пусть забвенье невзгод сокроет события тягость!
Пусть твои раны целит стойкость, презревшая боль!
Ведь не впервые тебе в несчастье предчувствовать счастье:
Скрыт и в ущербе твоем нового блеска залог.
Звезды угаснут и вспыхнут, закатом восход обновляя,
Месяц на убыль идет и обновляется вновь.
Был победителем Бренн, но не спасся победой от кары,
И за крутой договор рабством самнит заплатил;
Пирром разбитый не раз, обратил ты разбившего в бегство;
Даже сам Ганнибал свой же оплакал успех [10].
То, что не тонет в воде, всплывает с новою силой,
И с глубочайшего дна снова стремится на свет.
Факел, склоненный к земле, опять загорается ярче —
Так, очищен бедой, к новым ты высям паришь.
Сей же для римских веков живущие вечно законы:

Лишь для тебя не страшна пряжа сестер роковых!
Пусть и тысячу лет и шестнадцать десятилетий
И восьмилетье затем ты отсчитал до конца [11],—
Сколько осталось веков впереди, не вымерить мерой:
Стой, пока тверди стоят, стой, пока звезды горят!
Ты укрепляешься тем, чем рушатся прочие царства:
В бедствиях силы набрав, ты к возрожденью идешь.
Пусть же падет, искупая свой грех, нечестивое племя,
Пусть вероломный гот в трепете шею пригнет!
Пусть богатую дань принесут умиренные земли,
Пусть добычей врагов полнится лоно твое!
Пусть для тебя разливается Нил и Рейн плодоносит,
Пусть изобильный мир кормит кормильца-отца!
Щедрая Африка пусть посылает тебе урожаи:
Солнцем дарит их она, ты — поливаешь дождем [12].
Пусть и латинские пашни наполнят житницы хлебом,
И гесперийский сок жирно течет из топчил!
Даже Тибр, чело увенчав камышом триумфальным,
Пусть послушной струей римлянам служит теперь
И в безопасных несет берегах богатые грузы
Вниз по теченью — из сел, вверх — из заморских земель [13].

Рим, открой же мне вход в укрощенное Кастором море,
Ты, Киферея, веди в путь по спокойным волнам [14],—
Если я был справедлив, служа законам Квирина,
Если сенатор от нас знал и почет и совет.
Если, вдобавок, мой меч никогда не карал преступлений,—
Этим гордиться не мне: в этом — народу хвала.
Мне суждено ли в родимой земле доживать свои годы
Иль, быть может, моим вновь ты предстанешь очам,—
Будет блаженство мое превыше всех чаяний, если
Ты удостоишь меня памяти вечной твоей.

II. ЗОЛОТО И ЖЕЛЕЗО

(I, 349—370)

Утром пошли мы на веслах: казалось, не двигались с места,
Но за кормой корабля берег в туман уходил.
Ильва [15] перед нами — рудой знаменита, как страны халибов;
Даже и нориков край меньше железа родит,
Край битуригский не больше руды в печах расплавляет,
И на Сардинской земле сталь не обильней течет.
Больше приносит нам благ земля, что рождает железо,
Чем возле Тага реки златом богатый песок.
Золото страшно — оно порождает и зло и пороки,
К золоту ярая страсть всех к беззаконьям влечет.

Золото гасит нередко огни супружеств законных,
Капли златого дождя девушек властны купить [16].
Золотом сломлена верность, оплот городов укрепленных,
Золото вслед за собой подкуп ведет и соблазн.
Сколько заброшенных нив оживило, напротив, железо!
Жизненный путь на земле людям открыло оно.
В пору, когда полубоги не знали жестокого Марса,
Людям защитой оно было от хищных зверей.
Да, человека рука, не имея оружья, бессильна,
Если железо ему руку иную не даст.
Так размышлял я, пока лениво покоился ветер
И под различный напев перекликались гребцы.

III. СОЛОНЧАК

(I, 475—490)

Я посетил «солончак» возле виллы, пока мы стояли,—
Так называется здесь связанный с морем затон.
Волны втекают в него по каналам, прорытым наклонно,
И разливаются там в множество мелких прудов.
Летом, когда зажигает огни свои Сириус ярый,
Сохнет, бледнея, трава, жаждой томятся поля,
Замкнуты шлюзов затворы, волнам прекращается доступ,
И на иссохшей земле влага твердеет тогда.
Соль засыхает в крупицы под жаркими Феба лучами,
В знойные дни все сильней толстая крепнет кора.
Так же в холодную зиму во льдах застывает суровый
Истр, без труда на себе груз колесницы неся.
Кто же поймет, почему столь разное действие может
Вызвать в одном веществе солнца горячего пыл?
Воды, что скованы льдом, от тепла превращаются в жидкость
И застывают опять в солнца палящих лучах.

IV. ОПИСАНИЕ ИТАЛИИ

(II, 11—40)

Вырвались мы, наконец, из тумана, скрывавшего море,
И на широкий простор вышли из гавани Пиз.
Гладь улыбалась морская, колышась под солнца лучами,
Воду корабль бороздил, тихо шептала волна.
Вот и хребта Апеннин показались крутые отроги,
Где об отвесный утес волны Фетида дробит.
Если б владычицу мира, Италию, взором окинуть
Кто-нибудь мог, и ее видеть очами ума,
Сходство он в ней бы нашел с листком извилистым дуба [17],
Только с обеих сторон вогнута глубже она.

Тысячу тысяч шагов [18], в длину измеряя, положишь
Ты от лигурских краев вплоть до сиканской волны.
В сушу глубоко проникли, в нее заливы врезая,
Буйный тирренский прибой и Адриатики мощь.
Там же, где ближе всего друг к другу моря подступают,—
Тысяч шагов в ширину разве что тридцать да сто [19].
Горы к обоим морям свои посылают отроги —
Там зарождается день, здесь он нисходит ко сну.
Там, в обиталище Эос, бушует Далматское море,
Здесь голубая волна бьет об этрусский утес.
Если создался весь мир по какой-то мысли разумной,
Если строенье его — дело божественных рук,
То Апеннинский хребет поставлен, как страж для латинян:
Замкнуты входы в их край гор недоступной тропой.
Северных грозных врагов опасалась природа и Альпам
В помощь воздвигла она новый гористый оплот.
Так же, как в теле она оградила источники жизни,
Все, что ценила она, плотным укрывши щитом.
Так искони она Рим обнесла многократной стеною:
Был под охраной богов даже несозданный Рим.

ДИСТИХИ «КАТОНА»

Уже в греческой литературе создалась особая литературная форма — «гномы», краткие моральные сентенции в стихотворной форме, по большей части в одном или нескольких элегических дистихах. В латинской литературе этот жанр представлен сборником дистихов, дающих ясное представление о моральных взглядах среднего обывателя в поздней империи. Имя Катона присоединено к сборнику произвольно, по-видимому, ввиду того, что имя обоих Катонов (позднее время уже ясно не различало их) стало ходячим обозначением для строгого моралиста.

Точно определить время составления сборника не удалось, но известно, что в IV в. н. э. он уже существовал. Хотя предписания христианской морали в нем ничуть не отразились, он пользовался большим успехом в средневековых школах и дошел до нас не только во множестве латинских рукописей, но и в переводах на старофранцузский, древнеанглийский и другие языки и даже малоизвестные диалекты.

Сборник разделен на четыре книги (в двух рукописях имеется еще «Приложение»), но по содержанию дистихи не сгруппированы; общие мысли о мире, жизни и смерти даны вперемежку с чисто практическими сентенциями. Отличительное качество всего сборника — скептицизм, рационализм и сухая мораль житейского благоразумия.

I. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СУДЬБА

II, 2

Правят ли нами бессмертные боги, узнать не старайся.
Помни, ты — смертный и должен заботиться только о смертном.

IV, 38

Богу кури фимиам, а бычки полезней для плуга.
Думаешь ты неужель, что богам убийство приятно?

I, 33

Жизнь непрочна и хрупка — верны одни лишь невзгоды.
День, что истек без потерь, ты должен записывать в прибыль.

III, 22

Накрепко помни всегда, что смерти страшиться не надо.
Если она и не благо, она — окончание бедствий.

IV, 22

Что тебе рок принесет, об этом не думай заране.
Смерти страшиться не станет, кто жизнь презирать научился.

II, 3

Смерти не надо бояться: подумай, насколько нелепо,
Смерти боясь, отказаться от радостей жизни цветущей.

I, 19

Жизнь, которой владеем, то — дар непрочный и хрупкий.
Пусть никогда тебе смерть чужая не будет на радость.

Прилож., 1

Радуйся жизни своей, а о смерти чужой не кручинься.
Что ты болеешь о том, кто боли уже не доступен?

III, 23

Ты не сердись на судьбу, если в гору идет недостойный,
Злым потакает Фортуна, чтоб после их глубже низвергнуть.

IV, 26

Если нежданно погибнет злодей, то не радуйся слишком.
Часто ведь гибнет и тот, чья жизнь протекла беспорочно.

IV, 3

Если ты сам неразумен и дело ведешь неразумно,
Что ты Фортуну слепою зовешь? Нет Фортуны на свете.

II, 31

Ты сновиденьям не верь: чего на яву ты желаешь
Это же самое ночью ты видишь во сне пред собою.

II. ОТНОШЕНИЕ К ЛЮДЯМ

IV, 11

Если ты страхом объят перед зверем диким, то вспомни:
Страшно одно — человек; его лишь и надо бояться.

III, 10

Во́время всем уступай, кто тебя, как ты знаешь, сильнее:
Знай, победитель нередко бывал побежден побежденным.

III, 26

То, что на пользу тебе, упускать никогда ты не должен.
Случай сегодня кудряв, а завтра, глядишь, облысеет.

III, 16—17

Если тебя не по праву обидят — пусть суд выручает.
Сами законы хотят, чтоб за помощью к ним обращались.
Ты по заслугам наказан? Неси приговор терпеливо.
Если ты сам виноват, умей себе быть и судьею.

IV, 31

Тех, кто мысли таит, кто много молчит, опасайся.
Мирно струится река, но глубокие гибельны воды.

II, 9

Если кто телом тщедушен, его презирать не подумай.
Мудростью часто богат, кто телесною силою беден.

I, 10

С многоречивым не вздумай в речах состязаться и спорить
Речь дарована всем, а мудрость духа — немногим.

II, 12

Россказням глупым не верь, не будь передатчиком слухов.
Многим во вред болтовня — никому не вредило молчанье.

III, 19

Между пирующих будь на язык и сдержан, и скромен,
Если не быть болтуном, а изысканно-тонким ты хочешь.

II, 21

Коль набуянил в хмелю, себе не ищи оправданья:
«Я-де был пьян»; неповинно вино; ты, пивший, виновен.

I, 26

С тем, кто неверен тебе, кто лжет душой и словами,
Можешь быть лживым и ты; пусть с ловкостью ловкость поспорит.

Прилож., 4

Ты оскорблен и не смог отомстить — ты должен таиться.
Тот, кто месть затаит, тот будет для всякого страшен.

III. ЛИЧНАЯ И СЕМЕЙНАЯ МОРАЛЬ

III, 9

Помни, не слишком заботься о счастья дарах мимолетных.
Добрая слава дается не деньгам твоим, а поступкам.

IV, 33

То, что доступно тебе, то и сделать пытайся, и челн свой
Ближе веди к берегам — не пускайся в открытое море.

II, 6

Лишних вещей избегай; запомни — будь малым доволен.
Лодка плывет безопасно по водам реки незаметной.

I, 21

Помни, природа тебя родила нагим и бессильным.
Бедности гнет потому ты должен нести терпеливо.

IV, 48

Если ты много учился и знаньем обширным владеешь,
Дальше учись,— и жизнь тебе знаний немало прибавит.

IV, 19

Что-нибудь делать умей; если счастье внезапно покинет,
Ввек не покинет уменье и жизнь облегчит человеку.

I, 28

Если имеешь детей, но беден — учи их ремеслам.
Смогут себя защитить и со скудною жизнью бороться.

III, 25

Чти одинаково свято обоих родителей милых:
Мать не посмей обижать, желая к отцу подольститься.

III, 12

Ты не гонись за приданым невесты: тем легче, женившись,
Сможешь разделаться с ней, когда тебе станет противна.

III, 20

Помни — ни гневу жены, ни слезам поддаваться не надо:
Знай, что женщина, плача, уже замышляет коварство.

I, 8

Если жена недовольна служанками, лучше не верить:
Тех, кого любит супруг, жена никогда не полюбит.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

IV, 49

Странно тебе, что стихи пишу я словами простыми.
Краткость родит их: одной они мыслью увязаны в пары.

ЭПИТАФИЯ МИМА ВИТАЛИСА, СЫНА КАТОНА

Смерть, что мне делать с тобой? Ты щадить никого не умеешь.
Чуждо веселье тебе, шутки тебе не милы;
Я же ими как раз стяжал всемирную славу,
Ими я дом приобрел, ими и в ценз был внесен.
Был я веселым всегда — в нашем мире, и шатком и лживом,
Много ль ты проку найдешь, если веселье отнять?
Только войду я — и разом утихнет гневная распря,
Слово скажу я — и вот скорбь рассмеялась уже.
Гложут иного заботы — при мне они жечь перестанут,
И ненадежной судьбе он не поддастся тогда.
Тот, кто со мною бывал, не страшился угрозы и кары,
Счастлив и светел ему каждый и день был и час.
Был я движеньем и словом, трагической длинной одеждой
Каждому мил — ведь я знал средства, чтоб грусть разогнать
Как я умел передать наружность, повадки и речи!

Словно в язык мой и рот сотня вселилась людей.
Даже тому, чье обличье умел я искусно удвоить,
Мнилось, как будто в моем сам он явился лице.
Часто я женщин дразнил, подражая их женским ухваткам,—
Видят, краснеют, молчат — будто отнялся язык.
Ныне же образы всех, кто в теле моем обитали,
Сгинули вместе со мной в черный погибели день.
Вот почему обращаюсь я сам с печальной мольбою
К тем, кто на камне моем здесь эту надпись прочтет:
«Был ты веселым, Виталис,— скажите, с грустью вздохнувши,—
Пусть же даруют тебе боги такую ж судьбу!»

ПОЭТЫ «ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ»

Заглавие этого раздела — условное. Античность не оставила нам такого полного и систематизированного свода латинской «легкой» поэзии», каким в греческой литературе является известная Палатинская Антология. Латинские эпиграммы, рассеянные по множеству рукописных сборников, были собраны воедино лишь учеными нового времени. Это собрание и принято называть «Латинской антологией». Ядро ее образует так называемый Салмазиевский сборник — открытая в 1615 г. французским филологом Клавдием Салмазием неполная копия обширного свода мелких стихотворений, составленного в начале VI в. н. э. в Африке, при дворе вандальских королей. В значительной части этот сборник состоит из стихов африканских поэтов вандальского времени во главе с талантливым версификатором Луксорием. Но в нем немало также произведений предшествующих веков. Впрочем, датировка отдельных стихотворений Антологии сплошь и рядом представляет непреодолимые трудности.

Эпиграмма была едва ли не самым популярным поэтическим жанром античности. Малый объем, привычные темы и приемы, а также превосходные образцы в греческой поэзии способствовали широкому распространению эпиграмматического творчества. Поэтому эпиграмма быстро стала достоянием дилетантов, имена которых не сохранились в истории литературы. Отсюда обилие безымянных произведений в Антологии. Но даже наличие имени автора редко что-нибудь дает для понимания стихотворений. Так, мы знаем, что поэт Анний Флор был придворным императора Адриана, обменивался с ним шутливыми стишками; может быть, этот Флор и историк Флор являются одним и тем же лицом. Поэт Тибериан, вероятно, тождествен с Тиберианом, крупным провинциальным чиновником, который в 335 г. был наместником Галлии. «Брату Пентадию» посвятил одно из своих сочинений знаменитый Лактанций, христианский писатель конца III — начала IV в. н. э., но нет уверенности, что этот Пентадий и поэт Антологии — одно и то же лицо. Странствующим ритором был Веспа, учеными грамматиками — Симфосий и «Двенадцать мудрецов» с их звучными именами. Вот все, что мы знаем о представленных здесь поэтах. Тукциан, Регианн, Модестин, Сульпиций Луперк и многие другие остаются для нас только именами.

Состав «Латинской антологии» пестр и разнообразен. Наряду с обычными краткими эпиграммами в нее входят довольно обширные лирические стихотворения и целые поэмы. Содержание большей части этих стихотворений традиционно: это стихи на случай, разработки мифологических и любовных тем. Поэты упадка подражали поэтам расцвета, и лишь местами в их

гладких стихотворных упражнениях угадываются следы породившей их эпохи. Таковы анонимные эпиграммы о разорении древних храмов и библиотек. Такова «Хвала Солнцу», в которой отразился культ Непобедимого Солнца, пользовавшийся широким распространением в империи, особенно при Северах. Таково чувство красоты природы в «Ночном празднестве Венеры» и в стихах Тибериана — чувство, незнакомое классической поре древности. Таково ироническое отношение к традиционным формам — героикомическая поэма Веспы — и поиски нового материала для поэтической обработки — сборник загадок Симфосия. Таков интерес к сложным стихотворным экспериментам: «змеиные стихи» с повторяющимися полустишиями, «анацикличе-ские стихи», которые можно читать от начала к концу и от конца к началу, стихотворение о Пасифае, составленное из строк всех размеров, какие встречаются в произведениях Горация, и т. д.

В этих небольших стихотворениях явственнее, чем где-нибудь, выступают характерные черты поэзии поздней античности: с одной стороны, упадок самостоятельного творческого духа, и, с другой стороны, замечательное мастерство использования классического наследия.

ВСТУПЛЕНИЕ [1]

Все, с чем резвилось дитя, чем тешился возраст любовный,
В чем пиерийскую соль сеял болтливый язык,
Все в эту книгу вошло. И ты, искушенный читатель,
Перелистав ее всю, выбери, что по душе.

ХВАЛА СОЛНЦУ [2]

В оное время, когда природа зиждила тверди,
Солнце день даровало земле и, косматые тучи
Свеяв с небес, явило свой лик озаренному миру
И в светоносном полете рассыпало ясные звезды.
Хаос был бессолнечной мглой. А ныне впервые
Свет мы познали дневной и тепло животворное неба.
Вот из розовых волн подъемлются дивные кони,
Грудь широка, из раздутых ноздрей сияние пышет,
Солнце гонит мрак, загораясь на рдяном востоке
И по эфирным браздам рассевает огнистые светы.
Роды людей и скотов — от семени этих посевов,
Роды отселе зверей и птиц и тварей подводных,—
Все, что небо и все, что земля и море лелеют.
Жар отселе течет, проницающий все мирозданье,
Жизни сладостный дар несущий в медовом потоке.
Путь продолжает Титан, восходя по небесному своду,—
Все раскрывается въявь, что таилось в молчании ночи,
И зеленеют леса и луга и цветущие нивы.
Море недвижно лежит, успокоились в вешнем разливе
Реки: свет золотой бежит по трепещущим водам.
Солнце власть над миром вершит, времена размеряет,
В горний эфир возвышая чело от окраинной зыби.
Чуют крепость блещущих уз крылоногие кони,
Златом кована ось, колесница златом сверкает,
Блеском своим драгоценным подобясь сиянию Феба.
Бог, сильнее которого нет, его любо увидеть:
Благоговея, следят его бег цветущие нивы.
О, безмерно добро, творимое дивною мощью:
Пламенем солнце своим и свет дарует и чувства,
Плоть отселе и жизнь отселе, подвластная солнцу.
Этому феникс пример [3], который, рассыпавшись пеплом,
Вновь обретает жизнь, обновленный касанием Феба.
В смерти жизнь для него, в злой участи новые силы;
Был он рожден умереть, умирая рождается снова;
Столько же, сколько смертей, он знает рождений и жизней.

Сев на высокой скале, впивает он фебово пламя,
Пламя, несущее жар, какого и смерть не сильнее.
Солнце, чей пурпурный свет заливает земные пределы,
Солнце, пред кем земля ароматами вешними дышит,
Солнце, пред кем луга зеленеют сочной травою,
Солнце, зерцало небес, подобие божеской мощи,
Солнце, лик мирозданья, округлая храмина неба,
Солнце, юный бог, колесничным правящий бегом,
Солнце — Либер [4], Солнце — Церера, Солнце — Юпитер,
Солнце — Тривии [5] брат, у коей тысяча прозвищ,
Солнце, чья четверня разливает сиянье в полете,
Солнце и гиперборейскую ночь сменяет рассветом,
Солнце, Олимпа краса, выводит нам дни зоревые,
Солнце — лето, осень, зима и весенняя сладость,
Солнце — час и день и месяц и год и столетье,
Солнце — эфирный шар, золотое сиялище мира,
Солнце — друг поселян, надежда пловца в океане,
Солнце, все миновав, ко всему возвращается снова,
Солнце, пред кем бледны на кругах своих ясные звезды,
Солнце, которому понт ответствует ровным сверканьем,
Солнце всему очищенье несет стремительным жаром —
Солнце, на чьем восходе поют ливийские волны,
Солнце, на чьем закате моря насыщаются жаром,
Солнце, мира и неба краса, для всех ты едино,
Солнце — бог ночей и дней, конец и начало.

ХВАЛА ЛУНЕ [6]

Гордость мира — Луна, наибольшее в небе светило,
Солнечный блеск отраженный — Луна, сиянье и влажность,
Месяцев матерь — Луна, возрожденная в щедром потомстве.
Небом, подвластная Солнцу, ты звездной упряжкою правишь,
Ты появилась — и родственный день часы набирает;
Смотрит отец-Океан на тебя волной обновленной;
Дышит тобою земля, заключаешь ты Тартар в оковы;
Систром [7] звуча, воскрешаешь ты зимнее солнцестоянье.
Кора, Исида, Луна! Ты — Церера, Юнона, Кибела!
Чередованию дней ты на месяц даруешь названье;
Месяца дни, что на смену идет, опять обновляя;
Ты убываешь, когда ты полна; и сделавшись меньше,
Снова полнеешь; всегда ты растешь и всегда убываешь.
Так, появись и пребудь благосклонной к молениям нашим,
Кротких тельцов размести по сверкающим в небе созвездьям,
Чтобы вращала судьба колесо, приносящее счастье.

Артемида.

Римский рельеф по греческому оригиналу. IV в. до н. э

ХВАЛА ОКЕАНУ [8]

Волн повелитель и моря творец, владеющий миром,
Все ты объемлешь своей, Океан, волною спокойной,
Ты для земель назначаешь закон границей разумной,
Ты созидаешь моря и источники все и озера;
Даже все реки тебя своим отцом называют.
Пьют облака твою воду и нивам дожди возвращают;
Все говорят, что свои берега без конца и без края,
Ты, обнимая, сливаешь с густой синевой небосвода.
Феба упряжке усталой ты отдых даруешь в пучине
И утомленным лучам среди дня доставляешь питанье,
Чтобы сверкающий день дал ясное солнце народам.
Если над морем царишь ты, над землями, небом и миром,
То и меня, их малую часть, услышь, досточтимый,
Мира родитель благой; я с мольбою к тебе обращаюсь:
Где б ни велели суровые судьбы довериться морю,
Морем твоим проходить, и по грозно шумящей равнине
Путь совершать, сохрани корабль на пути невредимым.
Глубь голубую раскинь по спокойной спине беспредельной;
Пусть лишь, колеблясь слегка, лазурью кудрявятся воды,
Только б надуть паруса и веслам отдых доставить.
Пусть возникают теченья, которые силу имеют
Двигать корабль; их я рад бы считать, и рад их увидеть.
Пусть же борта корабля в равновесье всегда пребывают,
Вторит журчанье воды кораблю бороздящему море.
Счастливо дай нам, отец, ты плаванье наше закончить;
На берегу безопасном доставь в желанную гавань
Спутников всех и меня. И поскольку ты это даруешь,
Я благодарность тебе принесу за дар твой великий.

НОЧНОЕ ПРАЗДНЕСТВО ВЕНЕРЫ [9]

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Вновь весна, весна и песни; мир весною возрожден.
Вся любовь весной взаимна, птицы все вступают в брак.
Дождь — супруг своею влагой роще косы распустил.
И Диона, что скрепляет связь любви в тени ветвей,
Обвивает стены хижин веткой мирта молодой.
На высоком троне завтра будет суд она вершить.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Из высоко бьющей крови волн пенящихся своих,
Средь морских просторов синих и своих морских коней
Из дождей — супругов создал Понт Диону в плеске волн.

Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Ведь сама богиня красит цветом пурпурным весну,
Теплым ветра дуновеньем почки свежие растит,
Распускает их на ветках, и сверкающей росы
Рассыпает капли — перлы, этой влажной ночи след.
И дрожа слезинки блещут, вниз готовые упасть.
Вот стремительная капля задержалась на лугу
И, раскрывшись, по́чки пурпур, не стыдясь, являют свой.
Влажный воздух, что ночами звезды светлые струят,
Утром с девушек-бутонов покрывала снимет их.
Всем Диона влажным розам повелела в брак вступить.
Создана Киприда кровью, поцелуями любви,
Создана она из перлов, страсти, солнечных лучей.
И стыдливость, что скрывало покрывало лишь вчера,
Одному супруга завтра мужу явит не стыдясь.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Нимфам всем велит богиня к роще миртовой идти.
Спутник дев, шагает мальчик, но поверить не могу,
Что Амур не занят делом, если стрелы носит он.
Нимфы, в путь! Оружье бросил и свободным стал Амур;
Безоружным быть обязан, обнаженным должен быть,
Чтоб не ранил он стрелою и огнем не опалил.
Все же, нимфы, берегитесь! Ведь прекрасен Купидон.
Ибо он, и обнаженный, до зубов вооружен.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Целомудренно Венера посылает дев к тебе.
Об одном мы только просим: ты, о Делия, уйди [10],
Чтобы лес звериной кровью больше не был обагрен.
И сама б тебя просила, если б упросить могла,
И сама тебя позвала б, если б ты могла прийти.
Ты могла б три ночи видеть, как ликует хоровод;
Собрались народа толпы, чтобы весело плясать
Средь увитых миртом хижин, на себя надев венки.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Трон убрать цветами Гиблы повелела нам она:
Будет суд вершить богиня, сядут Грации вблизи.
Гибла, всех осыпь цветами, сколько есть их у весны!
Гибла, рви цветов одежды, Эннский расстели ковер!
Нимфы гор сюда сойдутся, будут здесь и Нимфы сел,
Кто в лесной тиши и в рощах и в источниках живет.
Мать-богиня всем велела им с Амуром рядом сесть,
Но ни в чем ему не верить, пусть он даже обнажен.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Пусть она в цветы оденет зеленеющую сень;
Завтра день, когда впервые сам Эфир скрепляет брак [11].
Чтобы создал год весенний нам отец из облаков,

В лоно всеблагой супруги ливень пролился — супруг.
Слившись с нею мощным телом, он плоды земли вскормил;
А сама богиня правит и рассудком и душой,
Проникая в нас дыханьем сил таинственных своих.
Через небо, через землю, через ей подвластный Понт
Напоила семенами непрерывный жизни ток,
Чтобы мир пути рожденья своего познать сумел.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Ведь она сама троянских внуков в Лаций привела,
Из Лаврента деву в жены сыну отдала сама.
Вскоре Марсу даст из храма деву чистую она,
И сабинянок, и римлян ею был устроен брак;
От него квириты, рамны, внуки Ромула пошли [12];
И отец и юный цезарь тоже ею рождены.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Села полнятся блаженством, села все Венеру чтут:
Сам Амур, дитя Дионы, говорят, в селе рожден.
И его, лишь он родился, поле приняло на грудь,
И, приняв, дитя вскормило поцелуями цветов.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!
Выше дроков, на полянах бычьи лоснятся бока;
Без помехи жаждет каждый брачный заключить союз.
Овцы скрылись в тень деревьев, с ними их мужья — самцы.
Птицам певчим повелела петь богиня — не молчать,
Оглашаются озера резким криком лебедей,
В пышной тополевой сени Филомела [13] вторит им.
Верь, любви волненье слышно в музыкальной песне уст
И на варвара-супруга в ней не сетует сестра.
Вот запела. Мы умолкли. Где же ты, весна моя?
Словно ласточка, когда же перестану я молчать!
Музу я сгубил молчаньем, Феб не смотрит на меня.
Так Амиклы [14] их молчанье погубило навсегда.
Пусть полюбит нелюбивший, кто любил, пусть любит вновь!

ТУКЦИАН [15]

Песни рождают любовь, и любовью рождаются песни:
Пой, чтоб тебя полюбили, люби, чтоб тебя воспевали.

ПЕНТАДИЙ

О ПРИХОДЕ ВЕСНЫ [16]

Вижу, уходит зима; над землею трепещут зефиры,
Воды от Эвра теплы: вижу, уходит зима.
Всюду набухли поля и земля теплоту ожидает,
Зеленью новых ростков всюду набухли поля.
Дивные тучны луга и листва одевает деревья,
Солнце в долинах царит, дивные тучны луга.
Стон Филомелы летит недостойной, по Итису, сыну,
Что на съедение дан, стон Филомелы летит.
С гор зашумела вода и по гладким торопится скалам,
Звуки летят далеко: с гор зашумела вода.
Сонмом весенних цветов красит землю дыханье Авроры,
Дышат Темпеи луга сонмом весенних цветов.
Эхо в пещерах звучит, мычанию стад подражая;
И, отразившись в горах, Эхо в пещерах звучит.
Вьется младая лоза, что привязана к ближнему вязу,
Там, обрученная с ним, вьется младая лоза.
Мажет стропила домов щебетунья-ласточка утром:
Новое строя гнездо, мажет стропила домов.
Там под платаном в тени забыться сном — наслажденье;
Вьются гирлянды венков там под платаном в тени.
Сладко тогда умереть; жизни нити, теките беспечно;
И средь объятий любви сладко тогда умереть.

НАРЦИСС [17]

Тот, чьим отцом был поток, любовался розами мальчик,
И потоки любил тот, чьим отцом был поток.
Видит себя самого, отца увидеть мечтая,
В ясном, зеркальном ручье видит себя самого.
Тот, кто дриадой любим, над этой любовью смеялся,
Честью ее не считал тот, кто дриадой любим.
Замер, дрожит, изумлен, любит, смотрит, горит, вопрошает,
Льнет, упрекает, зовет, замер, дрожит, изумлен.
Кажет он сам, что влюблен, ликом, просьбами, взором, слезами,
Тщательно целуя поток, кажет он сам, что влюблен.

МОГИЛА АЦИДА [18]

Ацида здесь, на вершине горы, ты видишь гробницу,
Видишь бегущий поток там, у подножья холмов?
В них остается доныне память о гневе циклопа,
В них и печаль и любовь, светлая нимфа, твои!
Но, и погибнув, лежит он здесь, погребен, не без славы:
Имя его навсегда шумные воды стремят.
Здесь он еще пребывает, и кажется нам, он не умер:
Чья-то лазурная жизнь зыблется в ясной воде.

ХРИСОКОМА [19]

Хрисокома спаслась от меча грозившего мужа,
Свой покрыла она грех соучастьем судьи.

О ЖЕНСКОЙ ВЕРНОСТИ [20]

Бурному морю доверь корабли, но не женщине душу,
Ибо морская волна верности женской верней.
Жен добродетельных нет,— а если какую и встретишь,
Все же, неведомо как, злом обернется добро.

МОДЕСТИН

СПЯЩИЙ АМУР [21]

Как-то младенец Амур, побежден легкокрылой дремотой,
В зарослях мирта лежал на траве, увлажненной росою.
Тут-то, скользнув из пропастей Дита, его обступили
Души, которых когда-то терзал он жестокою страстью.
«Вот он, вот мой охотник! связать его!» — Федра вскричала.
Злобная Сцилла в ответ: «По волосу волосы вырвать!»
«Нет, изрубить на куски!» — Медея и сирая Прокна,
«Душу исторгнуть мечом!» — Дидона и Канака просят,
«Бросить в огонь!» — Эвадна, «Повесить на дереве!» — Мирра,
«Лучше в реке утопить!» — Аретуса кричит и Библида.
Тут, проснувшись, Амур: «Ну, крылья, на вас вся надежда!»

РЕГИАН

КУПАНЬЯ В БАЙЯХ [22]

Прежде, чем в Байские воды войти, благая Венера
Сыну Амуру велела с факелом в них окунуться.
Плавая, искру огня обронил он в студеные струи.
Жар растворился в волне: кто войдет в нее, выйдет влюбленным.

ПРЕКРАСНЫЙ ЛУГ [23]

Марс, владыка войны, любезный Венере соложник,
Здесь спокойно люби. Вот место для нежных объятий:
Влага — преграда Вулкану, а тень — защита от Солнца.

ЛИНДИН

О ВОЗРАСТЕ [24]

Если хочешь ты жизнь прожить счастливо
И Лахеса дала б увидеть старость,—
В десять лет ты резвись и забавляйся,
В двадцать должен отдаться ты наукам,
В тридцать лет ты стремись вести процессы,
В сорок лет говори изящной речью,
В пятьдесят научись писать искусно,
В шестьдесят насладись приобретенным;
Семь десятков прошло,— пора в могилу;
Если восемь прожил, страшись недугов;
В девяносто рассудок станет шатким,
В сто и дети с тобой болтать не станут.

ФЛОР

О ТОМ, КАКОВА ЖИЗНЬ [25]

* * *

Грушу с яблоней в саду я деревцами посадил,
На коре пометил имя той, которую любил.
Ни конца нет, ни покоя с той поры для страстных мук:
Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв.

* * *

Два есть бога-огненосца: Аполлон и Дионис.
Оба в пламени повиты, дух в обоих огневой.
Оба жар приносят людям: тот лучами, тот вином.
Этот гонит сумрак ночи, этот сумерки души.

* * *

Злой не может уродиться злым от чрева матери,
Но становится злодеем, кто со злыми водится.

* * *

Презирай чужие нравы, много в них зазорного.
Лучший в мире образ жизни — гражданина римского.
Мне один Катон милее, чем Сократов тысяча.
Всякий это заявляет, но никто не делает.

* * *

Плохо, если ты без денег; плохо, если при деньгах.
Плохо, если ты смиренен; плохо, если ты наглец.
Плохо, если ты безмолвен; плохо, если говорлив.
Плохо, если нет подружки; плохо, если есть жена.

* * *

Каждый год приносит новых консулов, проконсулов;
Лишь поэт и царь родятся далеко не каждый год.

ЭПИГРАММА ФЛОРА НА ИМПЕРАТОРА АДРИАНА

Цезарем быть не желаю,
По британцам всяким шляться,
[По германцам] укрываться,
От снегов страдая скифских.

ОТВЕТ ИМПЕРАТОРА АДРИАНА ФЛОРУ

Флором быть я не желаю,
По трактирам всяким шляться,
По харчевням укрываться,
От клопов страдая круглых.

ВЕСПА

ПРЕНИЕ ПЕКАРЯ С ПОВАРОМ [26]

Трижды трое сестер, наставницы всякого знанья,
С гор Пиерийских сойдите и правьте моею рукою!
Тот я Веспа молюсь, которому милостью вашей
Многих народ городов дарил вниманье и славу.
Больший замыслил я труд, слагаю сладчайшую песню:
Будет не только в ней мед, но и нечто от мудрости права.
Подал в суд хлебопек; соперником выступил повар;
Им судия — Вулкан, которому ведомы оба.
Первым пекарь выходит и первую речь начинает
(Вся у него голова от пыли мучной поседела):
«Мощью Цереры клянусь, клянусь Аполлоновым луком,
Дивно, воистину дивно: едва могу я поверить,—
Как это кухарь посмел держать ответ предо мною?
С мужем, чьи руки творят хлеба для всех на потребу,
Как он дерзнул тягаться о том, кто полезнее людям?
Право мое подтвердят календы нового года,
С ними же все, кто меня испытали в дни сатурналий [27],
В дни, когда для пиров я готовлю отменные яства.
Вспомни, вспомни, Сатурн, твоих участника празднеств,
И за усердье мое укрепи мне манием душу!
Ты нам открыл муку́ и с ней — века золотые;
Если бы ты не послал Церере священного дара,
Грыз бы и до сих пор под дубом желуди повар!
Каждому надобен хлеб: никто его не отвергнет:
Чем бы стали без хлеба пышнейшие пиршества наши?
Хлеб нам силы дает, хлеб в первую голову нужен;
Сеет его земледел, лелеет эфир высочайший;
Хлеб родитель Эней к нам вез от берега Трои [28];
И без него — ничто поварские твои притязанья!
Ты захотел, новобранец, сражаться со мной, ветераном,
С тем, кого научил мастерству выделывать хлебы
Сам Цереал из Песта, наставник всякого знанья? [29]
Или не ведаешь ты, каковы Пифагора заветы?
Да не дерзнет никто вкушать кровавого мяса!
Если убьете овец, говорил он, кто вас оденет?
Если убьете волов — без пользы останутся плуги,
И не подарит земля плодородная щедрою жатвой.
Впрочем, тебя равняя со мной, я себя унижаю,
Ибо я властью моей самим небожителям равен!
Грозен громом Юпитер — а я грохочу жерновами.
Марс кровавым ярмом гнетет земные народы —

Я же бескровно во прах повергаю желтую жатву.
Есть у Кибелы тимпан — а я решетом потрясаю.
Тирс у Вакха в руках — а я орудую скалкой.
Вакху сопутствует Пан — и хлеб называется «панис».
Все, что я в руки беру, исполняется сладости дивной:
Мы, не жалея сил, для народа печем кулебяки,
Жарим сочни в жиру, готовим канопские сласти,
Янусу дарим печенье, супругам лепешки на сусле [30].
Истинно, ведома всем пирожных сладость изделий,
Так же, как ведома всем поварских жестокость деяний:
Ты пировать во мраке заставил беднягу Фиеста [31],
Ты, нечестивец, Терею зарезал Тереева сына,
Из-за тебя соловей тоскует в вечерней дубраве,
И под застрехой касатка лепечет о страшном убийстве.
Нет, ничего не свершил, ничего не внушил я такого:
Первое место — мое, и мне причитается пальма».
Кончил речь хлебопек; и повар, ответствуя, начал
(Весь от усердья в золе, а лицо измазано сажей):
«Если права поваров посмел оспаривать пекарь,
Сам торгующий дымом и сам сознающийся в этом,—
Веры ему не давай, потому он на выдумки мастер,
И оттого, как Сисиф, всегда ворочает камень
Он, который сумел из муки, орехов и меда
Столько повыдумать блюд. Таково ли мое достоянье?
Лес дает нам зверей, рыб — море, небо — пернатых;
Бромий [32] дарит вино, Паллада приносит оливу,
Шлет кабанов Калидона [33], чьих ланей солю я и перчу;
Я потрошу куропаток, и часто Юнонина птица [34]
Блещущий перьями хвост предо мной расстилает покорно.
Хлеб, которым ты чванишься, хлеб, который ты славишь,
Сам этот хлеб, поверь, без всего, что при нем подается,
Будь он медовым насквозь, никому не придется по вкусу.
Кто не восхвалит меня, возлагателя рыбы на блюдо,
Видя, как ромб [35], едва из воды, блестит на подносе!
Мало того: докажу, что с богами я более сходен!
Вакх Пенфея сразил — мне бык заменит Пенфея [36].
В пламени умер Алкид — и пламя меня опаляет.
Словно Нептун, заставляю кипеть я воду в кастрюле.
Феб Аполлон касается струн искусной рукою —
Тех же бычьих кишок мои касаются пальцы.
Я холощу петухов, как галлов Великая Матерь [37].
Всяк у меня на пиру получит желанную долю:
Ноги — страдалец Эдип [38], Прометей истерзанный — печень,
Голову — оный Пенфей, а Титий — опять же печенку;
Тантал, от голода сух, наделить его просит желудком;
Дам Актеону оленины, дам Мелеагру свинины,

Пелию — мясо баранье, Аянту — мясо говяжье;
Я предложу кишки Орфею, мышцу — Леандру;
Матка — Ниобы удел, языком Филомелу утешу;
Перья отдам Филоктету, а крылья, по чести, Икару;
Бычий окорок дам Европе, другой — Пасифае;
Рыбку я дам золотую Данае и лебедя Леде;
Но приговор судьи да положит конец словопренью!»
Молвив, повар умол. И Мульцибер [39] так заявляет:
«Повар, ты нравишься мне; но и ты мне по вкусу, пирожник.
Равными вас признаю: мне, богу, вы ведомы оба.
Пагубен добрым раздор: да будет меж вами отныне
Мир,— а не то погашу я огонь в очагах у обоих!»

ТИБЕРИАН [40]

* * *

По долине, по поляне пробегал, звеня, ручей.
Затканный в цветы, смеялся искорками камешков.
Ветерок над ним, играя, ласково повеивал,
Темной лавра, светлой мирта шелестящий зеленью.
А кругом цвела цветами мурава зеленая
И румянилась шафраном, и белела лилиями,
И фиалки ароматом наполняли рощицу.
А среди даров весенних, серебрящихся росой,
Всех дыханий благовонней, всех сияний царственней,
Роза, пламенник Дионы, возносила голову.
Стройно высились деревья над росистою травой,
Ручейки в траве журчали, пробиваясь там и тут,
И во мшистые пещеры, оплетенные плющом,
Просочась, точили влагу каплями хрустальными.
А по веткам пели птицы, пели звонче звонкого,
Вешнее сливая пенье с нежным воркованием.
Говор вод перекликался с шелестами зелени,
Нежным веяньем зефира сладостно колеблемой.
Зелень, свежесть, запах, пенье — рощи, струй, цветов и птиц —
Утомленного дорогой радовали путника.

* * *

Птица, влажной застигнутая тучей,
Замедляет полет обремененный:

Ни к чему непрестанные усилья,
Тягость перьев гнетет ее и давит —
Крылья, прежней лишившиеся мощи,
Ей несут не спасение, а гибель.
Кто, крылатый, стремился к небосводу,
Тот низвергнут и падает, разбитый.
Ах, зачем возноситься так высоко!
Самый сильный, и тот лежит во прахе.
Вы, с попутным несущиеся ветром
Гордецы, не о вас ли эта притча?

СУЛЬПИЦИЙ ЛУПЕРК СЕРВАСИЙ МЛАДШИЙ

О ТЛЕННОСТИ [41]

Суждена всему, что творит природа,
Как его ни мним мы могучим,— гибель.
Все являет нам роковое время
Хрупким и бренным.

Новое русло пролагают реки,
Путь привычный свой на прямой меняя,
Руша пред собой неуклонным током
Берег размытый.

Роет толщу скал водопад, спадая,
Тупится сошник на полях железный,
Блещет, потускнев, украшенье пальцев —
Золото перстня...

СИМФОСИЙ

ЗАГАДКИ [42]

1. ГРИФЕЛЬ [43]

Гладок мой верхний конец, а нижний вовсе не гладок.
Ловкой руке то одной, то другой стороной я полезен.
То, что создаст одна моя часть, уничтожит другая.

11. РЕКА И РЫБЫ

В мире есть дом; его голос звучит и шумит постоянно;
Те же, что в доме живут, всегда молчаливы, безгласны.
В вечном движении дом и жители в вечном движенье.

13. ЛАДЬЯ

Длинная, быстрая, мчусь, порожденная пышной дубравой.
Полое тело мое наполняют несчетные толпы.
Много я знала дорог, но нигде не оставила следа.

14. ЦЫПЛЕНОК В ЯЙЦЕ

Первые дни моей жизни являют великое чудо.
Я еще не был рожден, но уже я покинул утробу.
Так родила меня мать, но рожденного вы не видали.

15. КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Буквы кормят меня, хоть я и читать не умею.
Век прожив среди книг, не стал оттого я ученей.
Всех причастился муз, но прибыли в этом немного.

25. МЫШЬ [44]

Домик мой мал, но зато в нем дверь постоянно открыта.
Чем я живу? Я воришка, но самую малость ворую.
Имя — гордость моя, так консулы римские звались.

37. МУЛ

Ни на отца, ни на мать не похож моим я обличьем.
Смешанной кровью живу, двух родов недостойный потомок.
Сам я рожден, как и все, от меня же никто не родится.

38. ТИГР [45]

Имя реки я ношу, а быть может, она мое носит.
С ветром в браке живу, сама быстрее, чем ветер.
Он моим детям отец, и другого не надо мне мужа.

48. МИРРА [46]

Слезы меня породили, слезам я стала заменой.
Прежде текла из очей, теперь из коры на деревьях,—
Прелесть веселой листвы и образ горького горя.

49. СЛОНОВАЯ КОСТЬ

Я — исполинский зуб, известный народам Восхода.
Ныне, разрублен на части, я стал из единого многим.
Прежняя сила ушла, красота неизменной осталась.

53. ЛОЗА

Брачных не ведаю уз, хоть мила мне супружняя доля.
Мужа не знает постель, без отца порождается отпрыск.
Я не хочу погребенья, но знаю, что буду зарыта.

69. ЗЕРКАЛО

Нет у меня лица, но ничье лицо мне не чуждо.
Дивный блеск изнутри ответит упавшему свету,
Но ничего не покажет, пока пред собой не увидит.

70. КЛЕПСИДРА [47]

Щедрая мера словам и строгая мера молчанью,
Алчным закон языкам, бесконечным конец словопреньям,
Влага течет, пока речи текут, в ожиданье покоя.

77. КОЛЕСА

Четверо мчатся сестер, похожих одна на другую,
Словно бегут вперегонки, хоть общее делают дело.
Все они рядом бегут, но друг друга никак не догонят.

89. БАНЯ [48]

Все строенье насквозь безвредным проникнуто жаром.
Страшный огонь в середине, но он никого не пугает.
Пышно разубран чертог, но люди в нем ходят нагие.

91. ДЕНЬГИ

Были мы прежде землей, сокрыты в подземных темнотах.
Ныне дал нам огонь другое имя и цену.
Мы уж теперь не земля, но за нас ты и землю получишь.

99. СОН

Я прихожу, к кому захочу, в различных обличьях,
Страхом томлю пустым, за которым опасности нету;
Но не увидит меня никто, коли глаз не закроет.

ВАРИАЦИИ ДВЕНАДЦАТИ МУДРЕЦОВ НА ТЕМУ ЭПИТАФИИ ВЕРГИЛИЯ[49]

ТЕМА

В Мантуе был я рожден, у калабров умер, покоюсь
В Парфенопее: я пел пастбища, села, вождей.

ВАРИАЦИИ

АСКЛЕПИАДИЙ

Я, Марон, воспевал пастуха, посевы и брани.
В Мантуе был я рожден, в Парфенопее лежу.

ЕВСФЕНИЙ

Здесь Вергилий лежит, который прославил стихами
Пастбища, труд на полях, мужа фригийского брань.

ПОМПИЛИАН

Кто воспевал стада, поля и битвы героев,
Тот в калабрийской земле умер и здесь погребен.

МАКСИМИН

Песнями славя стада, и села, и брань, и героя,
Я, Вергилий, стяжал славное имя в веках.

ВИТАЛИС

Родина — Мантуя, имя — Вергилий, песни — дубравы,
Села и буйная брань, Парфенопея мне — гроб.

БАСИЛИЙ

Тот, кто украсил стихом дубравы, поля и сраженья,
Здесь под плитою лежит: это писатель Марон.

АСМЕНИЙ

Я — пастуший поэт, но пел и села и битвы.
Ныне здесь я лежу, горьким покоем объят.

ВОМАНИЙ

Рощи покинув, к полям, поля покинув, к сраженьям
Дивный песенный дар музу Маронову влек.

ЕВФОРБИЙ

Песни я пел пастухам, советы давал земледельцам,
Битвы облек в стихи; умер, и здесь погребен.

ЮЛИАН

Здесь обретает покой Вергилий, что сладостной песней
Пана, труд полевой пел и жестокую брань.

ГИЛАСИЙ

Я воспевал пастухов, научил возделывать поле,
Битвы вождей описал, ныне лежу под землей.

ПАЛЛАДИЙ

Здесь Вергилий почил — поэт, чья сельская муза,
Рощи забыв и поля, пела героя и брань.

ЛУКСОРИЙ

О САДЕ, ГДЕ БЫЛИ ПОСАЖЕНЫ ВСЕ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ [50]

Средь исполинских строений, вздымающих стены высоко,
Дивный раскинулся сад, он и хозяину мил.
Здесь из различных семян растут жизненосные травы;
Свойства лечебные их нам исцеленье несут.
Все здесь наука имеет для Феба с Асклепием; явно
Здесь от недугов любых средство открыто тебе.
Я полагаю, что сад — это неба частица, где правят
Боги: ведь травам дано самую смерть победить.

ПОХВАЛА САДУ ЕВГЕЦИЯ [51]

Сад, где легкой стопой текут Напеи,
Где дриады шумят зеленым сонмом,
Где Диана царит средь нимф прекрасных;
Где Венера таит красы сверканье,

Где усталый Амур, колчан повесив,
Вольный, снова готов зажечь пожары,
Анидальские где резвятся девы;
Там зеленой красы всегда обилье,
Там весны аромат струят амомы [52],
Там кристальные льет источник струи
И по лону из мха играя мчится,
Дивно птицы поют, журчанью вторя.
. . . . . .
Тирских всех городов любая слава
Пред таким уголком склонись покорно.

О РУЧНОМ ВЕПРЕ, ВСКОРМЛЕННОМ ПРИ ОБЕДЕННОМ ЗАЛЕ [53]

Вепрь, для бога войны рожденный жить на кручах гор,
В чащах круша дерева, шумящие под бурями,
Корм принимает из рук в чертогах раззолоченных,
Буйный смиряя нрав привычкою к покорности.
Он беломраморных стен не тронет бивнем пенистым,
Комнатных пышных убранств копытом не запачкает —
Так он жмется и льнет к руке господской ласковой,
Словно в служители взят не Марсом, а Венерою.

НА ПЬЯНИЦУ, КОТОРЫЙ НИЧЕГО НЕ ЕЛ, А ТОЛЬКО ПИЛ [54]

Столько чаш один осушил ты, сколько
Остальные все,— и не тронув яства:
Дар Цереры, видно, тебе противен;
Нет иных забот — раздобыть вина бы.
Не могу тебя человеком, Нерфа,
Я назвать: бутыль ты с широким горлом!

НА ПОДАГРИКА, УВЛЕКАЮЩЕГОСЯ ОХОТОЙ [55]

Диких коз, кабанов и легких ланей
Он на быстрых конях, согбенный, гонит,
Но напрасно их гонит и хватает.
Быть с юнцами он хочет, зваться Бавдом;
Сам же стонет от жалкого недуга,
Сил лишившись совсем. Чего ж он хочет?
Хочет в скачке себе свернуть он шею,
Хоть ему умереть в постели б надо.

НА СЛЕПЦА, КОТОРЫЙ ОЩУПЬЮ УЗНАВАЛ КРАСИВЫХ ЖЕНЩИН [56]

Света не видя лбом сиротливым,
Слепо блуждая, пылкий любовник
Женское тело гладит руками
И осязает нежные члены,
Краше и чище белого снега,
Право же, вряд ли он пожелает
Сделаться зрячим: что ему зренье?
Похотью движим, видит он зорче.

О ЖЕНЩИНЕ ПО ИМЕНИ МАРИНА [57]

Некто, страстью горя, схватив нагую Марину,
В море, в соленой волне с нею сошелся, как муж.
Не порицаний — похвал достоин любовник, который
Помнит: Венера сама в море была рождена!

О САРКОФАГЕ, УКРАШЕННОМ НЕПРИСТОЙНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ [58]

Бальб на гробнице своей изваянья бесстыдные сделал:
Чем он срамил небеса, тем же и Тартар срамит.
Горе! Жизни лишась, не лишился он мерзкого нрава:
Нет и в Аиде конца наглому блуду скульптур.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

ИЗРЕЧЕНИЯ СЕМИ МУДРЕЦОВ [59], ИЗЛОЖЕННЫЕ СЕМЬЮ СТИХОТВОРНЫМИ РАЗМЕРАМИ

БИАНТ ПРИЕНСКИЙ

В чем величайшее благо? В уме справедливом и честном.
В чем человека погибель? Она лишь в другом человеке.
Кто обладает богатством? Довольный. Кто нищ? Ненасытный.
В чем наилучший у женщины дар? В целомудренной жизни.
Кто целомудренна? Та, пред которой молва умолкает.
Свойственно что мудрецу? Хоть и мог бы вредить, да не хочет.
Что отличает глупца? И не может вредить, но стремится.

ПИТТАК МИТИЛЕНСКИЙ

Сказать не сможет, кто не знал молчания.
Коль хвалит честный,— лучше, чем злодеев тьма.
К счастливцам гордым глупый полон зависти.
Смеется глупый над людским несчастием.
Законам, чтя их, должен подчиняться ты.
Когда ты счастлив, много у тебя друзей;
В несчастье, из друзей с тобой немногие.

КЛЕОБУЛ ЛИНДСКИЙ

Пусть, чем больше дано, меньше бы нам желать.
Разве в злобе судьбы сам виноват бедняк?
Счастье только на миг, коль преступленье в нем.
Можешь многим простить, но не прощай себе.
Всякий злого щадит, честного рад сгубить.
Не прославят теперь даже больших заслуг,
Но и за пустяки частый удел — позор.

ПЕРИАНДР КОРИНФСКИЙ

Польза вечно с пристойностью в согласье.
Беспокойный в душе и счастлив больше.
Плохо — смерти желать, бояться — хуже.
Только то исполняй, что сделать должен.
Пусть страшится других, кто страшен многим.
Если счастлив удел,— к чему тревоги;
Если счастия нет,— к чему стараться.

СОЛОН АФИНСКИЙ

Назову я жизнь счастливой, если ход ее свершен.
Коль ровня супруги,— вместе, не ровня, так значит,— врозь.
За случайную услугу не видать тебе заслуг.
Подбирай ты друга втайне, но хвали его при всех.
Лучше, если благородным ты воспитан,— не рожден.
Если жребий предначертан, избегать тогда чего?
Если все неверно в мире, то чего бояться нам?

ХИЛОН СПАРТАНСКИЙ

Пусть не внушу младшему страх и неприязни старшим.
Помня про смерть, жизнь проводи и о здоровье помня.
Беды свои все побеждай, духом силен иль другом.

Если добро ты совершил, помнить о том не надо;
Помни всегда ты о добре, что для тебя свершили.
Нам по душе старость, коль та молодости подобна;
Молодость та тягостна нам, если она как старость.

СКИФ АНАХАРСИС

Бойся, чтоб тайный навет вдруг не коснулся тебя.
Жизнь пронеслась, но ее слава вовек не умрет.
То, что задумал свершить, не торопись объявлять.
Если ты страхом объят,— быть побежденным тебе.
Коль справедливо бранишь,— враг, ты полезен тогда;
Ложно похвалишь,— тогда, будучи другом, вредишь.
Лишку ни в чем: перейти мера в чрезмерность спешит.

ПЕСНЯ ГРЕБЦОВ [60]

Эйа, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: Эйа!
Моря бескрайнего бог, улыбаясь безоблачным ликом,
Гладь широко распростер, успокоив неистовство бури,
И усмиренные, спят неспокойно тяжелые волны.
Эйа, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: Эйа!
Пусть заскользит, встрепенувшись, корабль под ударами весел.
Небо смеется само и в согласии с морем дарует
Нам дуновенье ветров, чтоб наполнить стремительный парус.
Эйа, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: Эйа!
Нос корабельный, резвясь как дельфин, пусть режет пучину;
Дышит она глубоко, богатырскую мощь обнажая
И за кормой проводя убеленную борозду пены.
Эйа, гребцы! Пусть эхо в ответ нам откликнется: Эйа!
Слышится Кора [61] призыв; так воскликнем же громкое: Эйа!
Море запенится пусть в завихрениях веселых: Эйа!
И непрерывно в ответ берега откликаются: Эйа!

ХРАМ ВЕНЕРЫ, РАЗРУШЕННЫЙ ДЛЯ ПОСТРОЙКИ СТЕН [62]

Дивный древний храм разрушен ударами лома,
И на потребу войны кровы святые идут.
Сброшены камни во прах, и влекутся тяжкие груды,
Чтобы на новых местах грозной сложиться стеной.
Марс Амура низверг, и его же о помощи просит:
Ныне Венера свой храм ищет в стене городской.

БИБЛИОТЕКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В ОБЕДЕННЫЙ ЗАЛ [63]

Ныне владеет им Вакх и называет своим.
Там, где столько хранится трудов писателей древних,
Стала богиня любви тешиться сладким вином.
Без попеченья богов не останется эта обитель:
Был здесь хозяином Феб, стал здесь хозяином Вакх.
Кров сей был посвящен девяти сопутницам Феба,

ВОДОНАЛИВНОЕ КОЛЕСО [64]

Черпает воду и льет; подымает, чтоб снова низвергнуть;
Пьет из реки, изрыгая, что выпито. Дивное дело!
Воду несет, водою несомо. Волна через волны
Льется, и древнюю влагу новая плещет машина.

НА ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ САМ СЕБЕ МОЛОЛ МУКУ [65]

Ты по дешевой цене без труда приобрел бы осленка,—
Ведь не впервые ослам жернов о жернов тереть.
Так почему же настолько ты скуп, что, себя унижая,
Сам предпочел под ярмо шею подставить свою?
Брось жернова, прошу! Наняв раба-мукомола,
Ты бы имел без хлопот точно такую муку.
Ты же, трудясь над дарами Цереры, не меньше страдаешь,
Чем и Церера сама в поисках Коры своей.

ВЛЮБЛЕННЫЙ АМУР [66]

Что за огонь меня жжет? Доселе вздыхать не умел я.
Бог ли какой нашелся сильней Амурова лука?
Или богиня-мать, злому року покорствуя, брата
Мне родила? Или стрелы мои, разлетевшись по свету,
Ранили самое небо, и ныне мир уязвленный
Кару мне изобрел? Мои знакомы мне раны:
Это пламя — мое, и оно не знает пощады.
Жжет меня страсть и месть! Ликуй в надмирных пределах
Ты, Юпитер! Скрывайся, Нептун, в подводные глуби!
Недра казнящего Тартара пусть ограждают Плутона!—
Сброшу я тяжкий гнет! Полечу по оси мирозданья,
Через пространства небес, через буйный понт, через хаос,
Скорбных обитель теней; адамантные створы [67] разверзну;
Пусть отшатнется Беллона с ее бичом ядовитым!
Кару, мир, прими, цепеней, покорись, задыхайся!
Мстит свирепый Амур и, раненый, полон коварства!

К ДУЛЬЦИИ [68]

Счастливы мать и отец, тебя подарившие миру!
Счастливо солнце, что видит тебя в пути повседневном!
Счастливы камни, каких ты касаешься белой ногою!
Счастливы ткани, собою обвившие тело любимой!
Счастливо ложе, к которому Дульция всходит нагая!
Птицу ловят силком, а вепря путают сетью;
Я же навеки пленен жестокою к Дульции страстью.
Видел, коснуться не смел; снова вижу и снова не смею;
Весь горю огнем, не сгорел и гореть не устану.

ОТКАЗ ОТ СЕРЬЕЗНОЙ ПОЭЗИИ [69]

Время пришло для любви, для ласки тайной и нежной.
Час веселья настал: строгая Муза, прощай!
Пусть же входит в стихи Аретуса с грудью упругой,
То распустив волоса, то завязав их узлом!
Пусть на пороге моем постучится условленным стуком,
Смело во мраке ночном ловкой ступая ногой.
Пусть обовьют мне шею знакомые нежные руки,
Пусть белоснежный стан гибко скользнет на постель!
Пусть на все лады подражает игривым картинам,
Пусть в объятьях моих все испытает она!
Пусть, бесстыдней меня самого, ни о чем не заботясь,
Неугомонно любя, ложе колеблет мое!
И без меня воспоют Ахилла, оплачут Приама!
Час веселья настал: строгая Муза, прощай!

СОН ПЬЯНИЦЫ [70]

Феб во сне мне вещал: не касайся даров Диониса.
Чтоб не грешить во сне, вот я и пью наяву.

ГРОЗДЬ [71]

Мстит виноградная гроздь за то, что она испытала:
Сок, что давили ногой, валит давившего с ног.

КНИГИ ЭНЕИДЫ, СЪЕДЕННЫЕ ОСЛОМ [72]

Свитки стихов илионских сожрал ничтожный осленок.
Сколь плачевна судьба Трои! то конь, то осел.

КЕНТАВР ХИРОН[73]

Хирон о двух телах стоит, ни единым не полный.

ПАСИФАЯ[74]

В дочери Солнца
Новый пылает огонь,
И она, обезумев,
Все стремится к быку в луга.
Брачное ложе стыда в ней не будит,
Ей не помеха ни царская честь, ни страх перед мужем,—
Только, только на быка
Хотят глядеть ее глаза,
Она завидует Претидам[75]
И славит Ио — не за мощь Исиды[76],
Но за рога, чело ее венчавшие.
А добьется когда встречи желаемой,—
Обнимает грубую бычью шею,
Рога цветами красит весенними,
Тянется сблизить уста с устами
(Видно, сил придают нежной душе стрелы Амуровы!),
Рада любви запретной.
Телку из досóк сколотив, в ней укрывает тело,
Чтоб, забыв стыд, утолить пыл, ибо зла страсть.
Грешной похоти плод, рождается сын с двумя телами —
Тот, что дланью сражен потомка Эрехфеева[77],
Которого из страшных стен вывела кносянки нить.

АНАЦИКЛИЧЕСКИЕ СТИХИ[78]

Волн колыхание так наяд побеждает стремленье,
Моря Икарова вал как пламенеющий Нот.
Нот пламенеющий как вал Икарова моря,— стремленье
Побеждает наяд так колыхание волн.

ЗМЕИНЫЕ СТИХИ[79]

СУД ПАРИСА

Суд Приамида привел Елену в славную Трою;
Трою к злому концу суд Приамида привел.

ГЕРО И ЛЕАНДР

Путь проложила любовь Леандру сквозь бурные волны —
К скорбной смерти ему путь проложила любовь.

ДОЛОН И АХИЛЛ

Славной добычей Долон прельстился — упряжкой Ахилла;
Сам, зарезанный, стал славной добычей Долон.

НИС И ЭВРИАЛ

Дружества сладкий удел да будет тебе драгоценен:
Жизни великая часть — дружества сладкий удел.

К АПОЛЛОНУ И К ЧИТАТЕЛЮ

Благодаренье тебе, Аполлон, вдохновитель поэтов!
Друг-читатель, прощай: благодаренье тебе.

ЭПИТАФИЯ

Смерть не погубит меня: по себе оставляю я память.
Ты только, книга, живи: смерть не погубит меня.

«ПТИЦА ФЕНИКС»

Небольшая поэма (эпиллий) «Птица Феникс» написана неизвестным автором, вероятно, в IV веке. Необычайно популярная в эпоху средних веков, она дошла до нас в нескольких рукописных списках, древнейший из которых относится к VIII веку. В большинстве манускриптов она приписывается христианскому проповеднику Лактанцию (III—IV века), автору «Божественных наставлений», однако его авторство сомнительно. Уже Э. Беренс, поместивший этот эпиллий в III томе своих «Малых латинских поэтов», отметил, что поэма в целом чужда христианскому мировоззрению. И хотя элементы христианских представлений проступают в заключительных дистихах поэмы, ее языческая сущность сказывается прежде всего в том, что Феникс — птица, посвященная в таинства Феба, языческого бога солнца, культ которого был особенно широко распространен в последние века существования Римской империи (сравни «Хвалу Солнцу» неизвестного автора). Свидетельство Григория Турского (540—594 гг.), подтверждающее авторство Лактанция, Беренс относит к другой, не сохранившейся поэме на тот же сюжет, ибо в ряде мест изложение Григория Турского не согласуется с дошедшей до нас поэмой «Птица Феникс». Поэма написана элегическим дистихом.

ПТИЦА ФЕНИКС

Есть счастливейший край; он лежит далеко на Востоке,
Там, где распахнуты вширь вечного неба врата;
Он от пределов далек, где царствуют лето и стужа,
С неба весеннего там льется сверкающий день.
Там по равнине широкой открыты пути без препятствий,
Не возвышается холм и не зияет овраг,
Но над горами, чей кряж мы зовем неприступною кручей,
Ввысь на двенадцать локтей к небу тот край вознесен.
Солнца здесь роща лежит, в ней деревья сплетаются в чащу,
Лес густолистный одет в вечнозеленый наряд.
Даже когда небосвод запылал от огней Фаэтона [1],
Этого места ничуть ярый не тронул огонь.
В Девкалионовы дни [2] весь мир затопили потоки,
Но над просторами вод верх одержало оно.
Бледных недугов ты там не найдешь и старости жалкой,
Смерти безжалостной нет, страха, гнетущего нас.

Страшного нет беззаконья и страсти безумной к богатству,
Гнева и ярости нет, пышущих жаждой убийств.
Нет ни жестоких скорбей, ни нужды, облеченной в лохмотья,
Нет и бессонных забот, голода лютого нет.
Там не бывает ни бурь, ни свирепого грозного ветра,
Там ледяною росой землю не кроет зима.
Там не видать облаков, что клубятся, плывя над полями,
Буйные струи воды с неба не падают там.
Есть там источник один, который «живым» называют:
Тихий, прозрачный, течет, сладкой обилен водой;
Он, разливаясь лишь раз на краткое время, двенадцать
Месяцев влагой своей рощу питает всегда.
Там возрастают стволы высоких и стройных деревьев,
Нежные зреют плоды, но не спадают с ветвей.
В этих лесах, в этой роще лишь птица одна обитает,
Феникс, что смертью своей жизнь возвращает себе.
Кротко за Фебом идет эта дивная спутница бога:
Милость дарована ей эта природой самой.
Чуть начинает алеть, восходя, золотая Аврора,
Розовым светом стремясь с неба созвездья изгнать,
Феникс в священные волны двенадцать раз погружает
Тело и столько же раз пьет из струи родника.
После садится, взлетев, на вершине могучего древа,
Что, возвышаясь главой, сверху на рощу глядит.
И, повернувшись туда, где Феб возрождается снова,
Феникс в сияньи зари ждет его ярких лучей.
Только лишь Солнце раскроет ворот пылающих створы,
И, озарив небосвод, первые вспыхнут лучи,
Птица напевов святых разливать начинает созвучья,
Свет возрожденный встречать голосом дивным своим.
Ни соловьиные трели, ни музыку флейты Киррейской [3],
Славной напевами, ты с песней ее не сравнишь.
Лебедя песнь перед смертью — и та не сравняется с нею,
Лиры Килленской напев ей подражать не дерзнет [4].
После, когда устремит коней к вершине Олимпа
Феб и весь мир до краев светом своим озарит,
Птица ударами крыл троекратно приветствует Феба
И умолкает, почтив пламенный Фебов венец.
Но отмечает она часов быстротечных движенье
Звуками ночью и днем — нам их постичь не дано.
Феб, твою рощу хранит и, как жрица, трепет внушает
Птица и только она таинства знает твои.
После того, как ее исполняется тысячелетье
И вереница годов в тягость становится ей,
Чтоб на закате своем возвратить ускользнувшие годы,
Милое ложе свое в роще бросает она.

И, к возрожденью стремясь, покидает священную рощу,
В мир направляет полет, где самовластвует смерть.
В Сирию быстро свой путь устремляет дряхлая птица —
Встарь Финикией она эту страну назвала.
Над бездорожьем пустынь, над молчаньем лесов пролетает,
Там, где в ущельях крутых чащи густые видны.
Пальму она выбирает, вершиной взнесенную к небу,
«Фениксом» греки ее, также, как птицу, зовут.
Хищная птица иль червь этой пальмы коснуться не могут,
И не посмеет обвить ствол ее стройный змея.
Ветры тогда замыкает Эол в небесных чертогах,
Чтоб дуновением их пурпур не ранить небес,
Чтобы в просторах небесных от них облака не сгустились
И не закрыли лучей солнечных птице во вред.
Птица гнездо себе вьет, иль, может быть, строит гробницу:
Сгибнет она, чтобы жить, смертью себя возродит.
Соки и смолы в гнездо она носит, каких ассириец
Ищет усердно себе или богатый араб.
Ценит их племя пигмеев [5] и жители Индии дальней,
Их порождает земля в тучной сабейской [6] стране.
Здесь киннамон и амом [7], разливающий запах чудесный,
Там с ароматным листом [8] смешан душистый бальзам,
Нежной корицы цветы, благовонные ветви аканфа
И фимиама слеза каплей густою блестит;
Птица к ним добавляет верхушки цветущего нарда [9],
И, Панацея [10], твоей мирры волшебную мощь.
После, устроив гнездо, опустив в животворное лоно,
Дряхлое тело свое, ждет перемены судьбы.
В клюв свой берет благовонья и ими себя осыпает,
Словно свершает сама свой погребальный обряд.
Так, в ароматах уснув, она прощается с жизнью
И умирает,— но нет страха при этом у ней.
Смерть ей рожденье несет, и тело, объятое смертью,
Жар принимает в себя и возгорается вдруг:
И от светила небес восприяв эфирное пламя,
Феникс сгорает дотла, испепеленный в огне;
Но этот пепел от влаги как будто сбивается в сгусток
И, наподобье семян, силу скрывает в себе.
В нем, говорят, возникает сперва личинка без членов
Видом подобна червю, цветом белей молока.
После же куколки вид принимает: на ниточке к скалам
Лепятся часто они — бабочкой станут в свой срок.
Также сгущается пепел, потом постепенно твердеет,
Форму находит свою, схожую с круглым яйцом,
Он принимает затем очертания прежние птицы
И, оболочку прорвав, Феникс выходит на свет.

В мире у нас не найдется для птенчика пищи привычной,
Нет никого, кто бы грел в детстве его и питал.
Нектар небесный — вот пища его и амбросии росы:
Чистые, пали они с неба, обители звезд.
Росы сбирает птенец, впивает в себя ароматы,
Птицею взрослою стать скоро приходит пора.
Только лишь юной красой она расцветать начинает,
Тотчас готова лететь, к дому родному стремясь.
Прежде, однако, все то, что от тела ее сохранилось,
— Кожа иль пепел иль кость,— эти останки сберет;
Мазью бальзама густой, фимиамом тягучим и миррой
Вкруг облепляет, скатав клювом священным своим.
Шар этот в лапах неся, устремляется к городу Солнца,
В храме на жертвенник там ношу слагает свою;
Вид ее — диво для глаз и внушает почтительный трепет:
Столько у птицы красы, столько величия в ней.
Цвет необычен ее: под палящим созвездием Рака
Кожицей кроет такой зерна пунийский гранат;
Цвета такого же листья у дикого мака, когда он
Новым багряным цветком свой раздвигает покров.
Цветом таких же у ней и грудь и плечи блистают,
Этим же цветом горят шея, спина, голова.
Хвост распускает она, сверкающий желтым металлом,
В пятнах пылает на нем пламенем ярким багрец.
Радужны перья на крыльях: подобным цветом Ирида [11]
В небе пестрит облака, их озаряя собой.
Зелень смарагда с чудесной слилась у нее белизною,
Клюв самоцветный отверст в блеске его роговом.
Скажешь — глаза у нее — это два гиацинта огромных
И в глубине их, горя, ясное пламя дрожит.
На голове золотистой изогнут венец лучезарный,
Этим почетным венцом Феб ее сам увенчал.
Бедра в чешуйках у ней, золотым отливают металлом,
Но на когтях у нее розы прелестнейший цвет.
В облике Феникса слиты обличье павлина, и образ
Птицы фасийской [12] — такой красками пишут ее.
Величиной ни одно из животных земли аравийской
С ней не сравнится — таких нет там ни птиц, ни зверей.
Но не медлителен Феникс, как птицы с телом огромным:
Вес их гнетет — потому шаг их ленив и тяжел;
Птица же Феникс быстра и легка и по-царски прекрасна,
И пред людьми предстает, дивной блестя красотой.
Чтоб это чудо увидеть, сбегается целый Египет:
Редкую птицу толпа рукоплесканьями чтит.
В мраморе облик ее изваяют тотчас же священном
И отмечают на нем надписью памятной день.

Все поколенья пернатых слетаются к этому месту,
Хищник добычу забыл, страха не знает никто.
Хор заливается птичий, она же парит в поднебесье,
Следом за нею толпа благоговейно идет.
Но лишь достигнет в полете небесных потоков эфира,
Как исчезает из глаз, к дому родному летя.
Птица завидной судьбы и кончины счастливой, родишься
Волей божественной ты — и от себя же самой.
Самка ты или самец иль иное — ты счастлива, Феникс,
Счастлива — можешь не знать тяжких Венеры оков!
Смерть — наслажденье одно и единая в смерти услада.
Чтобы родиться опять, смерти ты жаждешь своей:
Чадо свое ты и свой же отец и свой же преемник,
Свой ты кормилец и свой вечный воспитанник ты.
Та же всегда, но не та же, такая ж и все же иная,
Благо — кончина твоя, в ней — твоя вечная жизнь.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Латинские эпиграфические стихотворения, сохранившиеся на каменных плитах, на стенах домов, на предметах утвари и т. д., составляют особый вид литературного жанра, крупнейшим представителем которого в Риме был Марциал. Это либо посвятительные надписи божествам или живым людям, либо надгробные надписи, либо надписи на предметах хозяйственного обихода (ложках, тарелках и т. п.). Особого вида надписи — стихи на стенах.

Стихотворных надписей времен республики сохранилось сравнительно мало. Надписи, помещенные в настоящем сборнике, относятся к императорскому времени, но точная датировка их в большинстве случаев затруднительна. Надгробные надписи обычно составлялись по шаблонам, и поэтому, даже при возможности сколько-нибудь точной их датировки, все-таки нельзя решить, к какому времени восходит тот или другой шаблон. Но есть и такие эпитафии, которые составлены применительно к определенному случаю. Такие надписи (ср., например, надгробие Непоту или эпитафию коню императора Адриана) наиболее интересны, как по содержанию, так и по своим поэтическим достоинствам. Авторов надписей мы не знаем, но некоторые из них сочинены людьми, несомненно обладавшими подлинным поэтическим дарованием.

ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ [1]

1

Гению божества Приапа сильного, мощного, непобедимого Юлий Агафемер, отпущенник Августа старанием друзей по внушению сна.

Славься, вышний Приап, родитель мира!
Подари ты мне в юности веселье,
Наколдуй, чтоб мальчишкам и девчонкам
Я нахальным бы взглядом полюбился,
Чтобы шутка и радостная песня
Облегчала гнетущие заботы,
Не пугала бы тягостная старость,
Не сжималось бы горло страхом смерти,
Уводящей в обители Аверна,

Где томятся таинственные Маны,
И откуда никто не возвращался.
Славься, вышний Приап, родитель, славься!

Все сюда, все сюда, красотки-нимфы,
О священной пекущиеся роще,
О священных пекущиеся струях!
Все сюда, и согласно величайте
Голосами певучими Приапа:
«Славься, вышний Приап, родитель мира!»
Приложитесь к Приапову величью,
Увенчайте венком благоуханным
Божью мощь и опять провозгласите:
«Славься, вышний Приап, родитель мира!»
Это он, отгоняя нечестивцев,
Вам позволил резвиться по тенистым
Тихим рощам, не ведающим скверны;
Это он от источников священных
Гонит тех, кто преступною ногою
В них вступает, мутя святую влагу,
Кто в ней руки полощет и при этом
Не помолится вам, красотки-нимфы.
«Будь же милостив!» — молвите вы богу,—
«Славься, вышний Приап, родитель, славься!»

О Приап, благодетель мощный, славься!
Зачинателем звать тебя, творцом ли,
Называть ли Природой или Паном?
Ибо в силе твоей берет начало
Все живое на суше, в море, в небе,
Все, что славит великого Приапа!
Сам Юпитер по твоему веленью,
Отлагая палящие перуны,
Покидает свой трон, пылая страстью.
Ты — любимец Венеры благодатной,
Нежных Граций и пылкого Амура,
И Лиэя, несущего веселье:
Без тебя нам и Грации не милы,
И Венера, и Купидон, и Бахус.
О Приап, благодетель мощный, славься!
Девы чистые шлют тебе моленья —
Развязать их девичьи поясочки;
Молят жены, да будут их супруги
Сил полны и в любви неутомимы.
Славься, вышний Приап, родитель, славься!

2

Из всеродящей, всеплодной земли поднимаются всходы,
Солнцем согретая днесь их рожает искусница-почва,
Радует все, веселит, зеленеют леса, расцветают
Свежие всюду цветы в плодотворном дыхании вешнем.
Дружно поэтому все воздадим мы отчую почесть
Богу Сильвану, кому поют и ручьи и дубравы,
Роща из камня растет, разрастаются ветви деревьев.

Вот в твою честь жертвуем здесь резвую мы овечку,
Вот в твою честь — волей отца с острым серпом — козленок,
Вот в твою честь милый тебе свежий венок сосновый.

Так вещает мне жрец верховный бога.
Веселитесь, фавны и дриады,
Веселитесь, пойте здесь во храме,
Из моей выходя, наяды, рощи.

Фавн играть будет здесь на свирели своей,
И парнасский напев будет громко звучать,
Бассариды пускай громко флейта поет,
Сдержит пусть Аполлон бег ретивых коней
. . . . . .

3

Нимфа здешних я мест, охраняю священный источник,
Дремлю и слышу сквозь сон ропот журчащей струи.
О, берегись, не прерви, водоем беломраморный тронув,
Сон мой: будешь ли пить, иль умываться, молчи.

НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ

4

Жил покуда, пил я вволю. Пейте, кто остался жив!

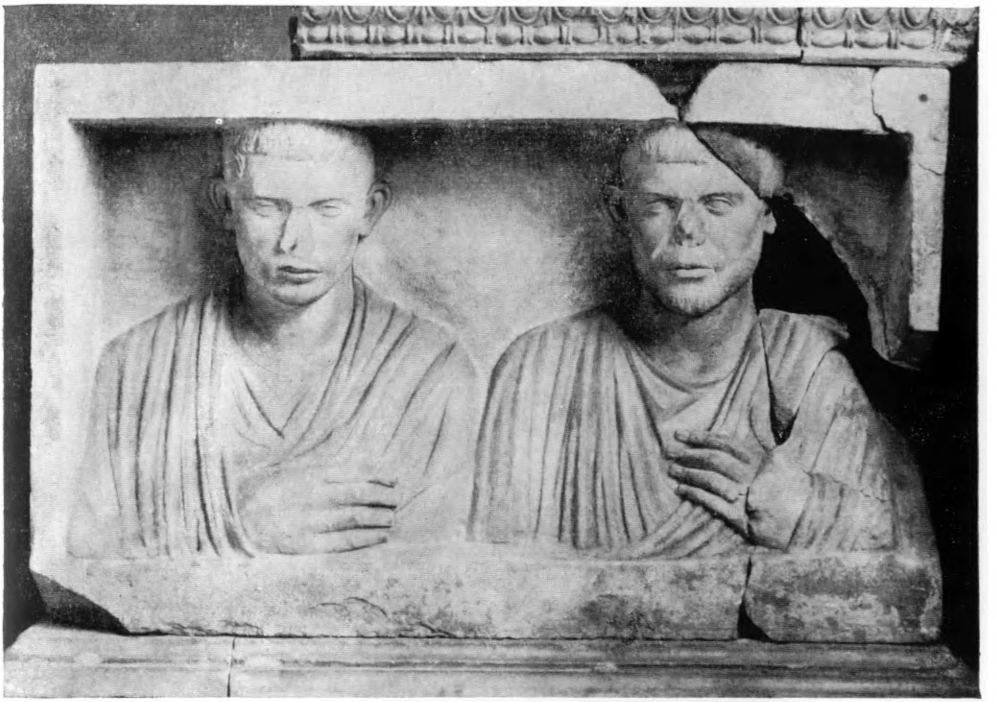
5

Тот я, кто некогда был по всей Паннонии славен.
Первенство мне присудил Адриан, когда из Батавской
Тысячи храбрых мужей удалось мне Дуная глубины
Преодолеть, переплыв его воды при полном доспехе.

Я и стрелу налету, как повиснет она и обратно
В воздухе падает вниз, расщеплял своею стрелою;
Да и в метанье копья ни римский воин, ни варвар
Не побеждали меня, ни в стрельбе из лука парфянин.
Увековечены здесь дела мои памятным камнем.
Видевший это пускай моим подвигам следует славным,
Мне же примером служу я сам, совершивший их первым.

6

Скорбно когда я рыдал о похищенном смертью Непоте,
Воплем унылым кляня Парок прогнившую нить,
И безутешно стенал об участи юности горькой,
Сердце мое же томил тягостный новый недуг,
Плакал я о себе одиноком, покинутом, жалком
Так, что потоками слез тронуть и камни я мог,—
В час предрассветный, когда Светоносец росистый огнями
Все озарял, восходя на окрыленном коне,
В звездном сиянии я увидел сверкающий образ,
С неба спускавшийся вниз. Был это вовсе не сон:
Истинный был у него и облик и речь, но осанкой
Превосходил он своей юношу, милого мне.
Взором пылающих глаз и плечами ярко блистая,
Он обратился ко мне с речью из розовых уст:
«Родич почтенный, зачем напрасно по мне, вознесенном
К звездам, тебе горевать? Бога оплакивать брось,
Чтоб, по неведенью, ты, о взятом в обители неба
Горько скорбя, не влек гнева божеств на себя.
Нет, не свергнут меня к угрюмым Тартара волнам,
Не повлекут мою тень по Ахеронтову дну,
Нет, я не буду веслом подталкивать темную лодку,
Не устрашусь твоего жуткого лика, Харон,
И не осудит Минос меня престарелый; по мрачной
Не побреду я земле, не утону я в воде.
Матери, встань, расскажи, чтоб не плакала денно и нощно
Так обо мне, как скорбит в Аттике Итиса мать.
Ведать мне смерти края запретила святая Венера
И водворила меня в светлые выси небес».
Я поднимаюсь, мне дрожь охладелые члены объяла,
Благоуханием все было наполнено здесь.
Благословенный Непот! Иль, Амуров толпой окруженный,
Как Адонис ты играть весело будешь теперь,
Или в кругу Пиэрид наслаждаться, иль в свите Паллады,—
Сонм небожителей всех радостно примет тебя.
Если захочешь ты тирс плющом плодовитым украсить
И виноградной лозой голову,— будешь ты Вакх.



Надгробная плита с двумя портретами.

Начало II в. н. э.

Саркофаг с изображением битвы II в. н. э.

Если отпустишь власы и лавром увьешь их, а в руку
Лук ты с колчаном возьмешь,— будешь ты Феб-Аполлон.
Коль с рукавами наденешь тунику фригийскую,— Аттис
Новый в Кибеле зажжет страстное пламя любви.
Если удил острие в устах ты вспененных почуешь,
Киллар, верхом на тебе будет красавец сидеть.
Кем бы ни стали, Непот, величать тебя — богом, героем,
Сын твой, и мать, и сестра пусть будут счастливо жить!
Это — чудеснейший дар, прекрасней венков, благовоний,
Не уничтожат его время и пламя костра.

7

Сам я, Виталий, себе при жизни сделал гробницу
И, когда мимо иду, читаю я сам свои вирши.
Исколесил я весь округ пешком со своей подорожной,
Зайцев собаками брал, и лисиц случалось травить мне.
Кроме того, я непрочь подчас был и чарочку выпить:
Юности я потакал во многом, будучи смертен.
Юноша умный! поставь себе ты при жизни гробницу.

8

Он, кто всю свою жизнь, ему данную, прожил, как скряга,
Был и к наследнику скуп, да и себя не щадил,
Здесь, по кончине, велел на веселом пиру возлежащим
Изобразить он себя мастеру ловкой рукой,
Чтобы хоть в смерти он мог найти покой безмятежный
И без тревог и забот, им наслаждаясь, лежать.
Справа сидит его сын, который в походе военном
Пал еще до похорон скорбных отца своего.
Но разве можно помочь усопшим веселой картиной?
Лучше гораздо для них было бы в радости жить.

9

Веселись, живущий в жизни, жизнь дана в недолгий дар:
Не успеет зародиться — расцветет и кончится.

10

То, что должна была дочь отцу начертать на гробнице,
Дочери это отец вместо того начертал.

11

Я, кому строгий закон не давал гражданской свободы,
В смертной доле теперь вечной свободы достиг.

12

Надпись читающий здесь, не забудь, что и ты тоже смертен.

13

Были мы смертными, стали ничем. Посмотри же, прохожий,
Как недалек наш путь от ничего к ничему.

14

Эй ты, прохожий, видно, ты устал идти,
Пусть долог путь твой, но он здесь окончится.

15

Я наживался и вновь растрачивал все нажитое;
Смерть наступила, и вот нет ни наживы, ни трат.

16

Вырвался я, убежал. Судьба и Надежда, прощайте!
Нет мне дела до вас: вы надувайте других.

17

Ты, кто здесь имена наши прочел, будь здоров.

18

Горько, прохожий, оплачь человека печальную участь:
Помни, тебе предстоит та же судьба, что и мне.
Мне предоставлен землей этот дом и могила для праха,
Червь ненасытный грызет бренное тело мое:
Кто всемогущим творцом поселен был в обители рая,
Грех несказанный тому тленье в удел присудил.
Мать и отец называли меня когда-то Счастливым,
Всю свою жизнь посвятил я врачеванью людей:
Многих излечивать мог я от их тяжелых недугов,
Сам же болезни своей так и не смог одолеть.

19

В Галлии я родилась; от богатого жемчугом моря
Имя мое: красоте это достойная честь.
Смело в дремучих лесах умела я рыскать по следу
И по высоким холмам зверя пушистого гнать.
Не приучали меня ходить на своре несносной,
Да и не били совсем по белоснежной спине.
Мягко мне было лежать у хозяев моих на коленях
И на постельке своей сладко усталой дремать.
Молча могла бы сказать я больше всякой собаки
И не пугала ничуть лаем своим никого.
Но погубили меня роковые несчастные роды,
И на могиле мой прах мрамором скромным покрыт.

20

Борисфенит Аланский,
Цезаря конь проворный,
По полю и болотам
И по холмам этрусским
Носившийся, как птица,
За кабаном паннонским;
И вепрь его в погоне
Белым клыком поранить
Ни разу не решился,
Хотя б из уст слюною
Хвост он ему обрызгал,
Что происходит часто.
Но в цвете лет и силы
И невредимый телом,
Своим настигнут роком,
Здесь погребен он в поле.

АВИАН

«Когда я колебался, превосходнейший Феодосий, какому роду литературы доверить память о моем имени, пришел мне на ум басенный слог: ведь басни не чуждаются изящного вымысла, не обременяют непременным правдоподобием. В самом деле, кто мог бы говорить с тобою о риторике или о поэзии, если и в том и в другом ты превосходишь афинян греческой ученостью, а чистотою латинского языка — римлян? Итак, узнай же, что моим предводителем в избранном предмете был Эзоп, который по внушению оракула дельфийского Аполлона первый начал забавными выдумками утверждать образцы должного. Эти басни в качестве примера вставил Сократ в свои божественные поучения, и приспособил к своим стихам Флакк, потому что в этих баснях под видом отвлеченных шуток скрывается жизненное содержание. Бабрий переложил их греческими ямбами и сжал в двух томах, а Федр развернул некоторые из них на пять книжек. Из них-то я и собрал сорок две басни в одну книгу и издал, попытавшись изъяснить элегическими стихами то, что было изложено грубой латынью. И вот, перед тобой сочинение, которое может потешить твою душу, навострить разум, разогнать тревогу и безо всякого риска раскрыть тебе весь порядок жизни. Я наделил деревья речью, заставил диких зверей ревом разговаривать с людьми, пернатых — спорить, животных — смеяться: все для того, чтобы каждый мог получить нужный ему ответ хотя бы от бессловесных тварей. [Прощай.]»

Таково предисловие Авиана к сборнику его басен. Оно нуждается в пояснении. «Грубая латынь», послужившая материалом для стихов Авиана,— это, по-видимому, сочинение Юлия Тициана, ритора III в., который перевел басни Бабрия латинской прозой. Действительно, почти все басни Авиана имеют параллели в книге Бабрия; единичные исключения объясняются тем, что сборник Бабрия дошел до нас неполностью. Ученый Феодосий, к которому обращается Авиан, быть может, тождествен с Макробием Феодосием, известным автором «Сатурналий». Было бы очень соблазнительно отождествить Авиана с Авиеном, одним из собеседников «Сатурналий», но такое отождествление мало вероятно. Дело в том, что имя Авиена носил другой писатель — Руф Фест Авиен, автор астрономических и географических поэм: он-то, вероятно, и выведен в сочинении Макробия. Оба поэта жили в конце IV века, и уже современники путали их имена.

Судя по предисловию, басни были первым опытом начинающего поэта, и опыт оказался не слишком удачным. Авиану не удалось добиться органической связи формы и содержания своих произведений. Четкая строфика элегического дистиха нарушает плавное течение басенного повествования; традиционная возвышенность слога, насыщенного реминисценциями из Вергилия, не вяжется с бытовой простотой предметов. Кроме того, в языке

поэта то и дело проскальзывают вульгаризмы поздней эпохи, а его метрика допускает вольности, неизвестные классической поре.

Тем не менее басни Авиана оставили след в европейской культуре. Наряду с баснями Федра они были тем источником, из которого средневековье черпало античную басенную традицию. Их по многу раз перекладывали прозой и стихами; сохранилось два сборника под названием «Новый Авиан», в которых книга Авиана целиком была переложена рифмованными (так называемыми леонинскими) дистихами. Басни Авиана обросли моралистическими вступлениями и заключениями; сборники подобных вступлений и заключений имели хождение независимо от самих басен. Вот примеры таких, довольно неуклюжих, средневековых морализаций: первый образец написан ритмическим стихом, второй — леонинским:

ВОРОНА И ВАЗА

Кто не сладил силою — хитростью получит
Все, чего захочется: так нас басня учит,
Где ворона умная, если жажда мучит,
Набросавши камешков, в вазе воду вспучит.

ПУТНИК И САТИР

Молвив одно, не молви иного: блюди свое слово,
Ибо двоякая речь ненависть может навлечь.
Так и питомцу дубравы пришелся совсем не по нраву
Гость, чье дыханье несло сразу и хлад и тепло.

10. ЛЫСЫЙ ЕЗДОК

Лысый ездок прикрывал свое плешивое темя
И накладные носил волосы на голове.
Как-то на Марсово поле явясь в блестящих доспехах,
Стал он коня объезжать, правя надежной уздой.
Всаднику прямо в лицо повеял северный ветер
И обнажил ему плешь на посмеяние всем.
Голый лоб засиял, не прикрытый косматым убором
И не похожий ничуть на улетевший парик.
Он, догадавшись о том по многоголосому смеху,
Так остроумно сказал, чтобы от шуток спастись:
«Что ж удивляться тому, что чужих волос я лишаюсь,
Ежели даже своих я не сумел сохранить?»

21. ПТИЧКА [1] И ЖАТВА

Вывела птичка-малютка птенцов средь широкого поля,
Где на зеленых стеблях желтое зрело зерно.
Время пришло отделять зерно от хрупкой соломы,
Стал крестьянин просить помощи у земляков.
Страх обуял доверчивых птенчиков, чуть оперенных:
Им уж хотелось бежать прочь из родного гнезда.
Мать, вернувшись домой, помешала опасному бегству,
Молвив: «Может ли быть толк от чужого труда?»
Снова крестьянин позвал на помощь любезных соседей,
Снова осталась в гнезде мать, ничего не боясь.
Лишь увидав, что за жатву берутся надежные руки,
И догадавшись, что сам взялся крестьянин за серп,
«Бедные детки, пора покидать любимое поле,—
Молвила,— нынче мужик трудится сам для себя».

22. ЖАДНЫЙ И ЗАВИСТЛИВЫЙ

Феба Юпитер послал с высот небесного свода,
Чтобы получше узнать темные души людей.
Двое молящих к богам возносили несхожие просьбы:
Первый завистником был, был скопидомом второй.
Феб, на них поглядев и выслушав речи обоих,
Взялся посредником быть и обратился к ним так:
«Боги хотят вам помочь; вы оба равно им любезны:
То, что дадут одному, вдвое получит другой».
Скряга, не в силах насытить безмерную жадность утробы,
Слыша такие слова, взял свои просьбы назад,
Чтобы именье свое приумножить чужою молитвой
И получить вдвойне общую милость богов.

Краснолаковый сосуд с рельефным изображением цапли.
Времл Августа

Павлин.

Глиняный светильник из Херсонеса

Тот, увидав, что сосед желает на нем поживиться,
Сам был рад пострадать, лишь бы ему досадить,
И попросил Аполлона лишить его левого глаза,
Чтобы противник зато сразу на оба ослеп.
Это узнав, Аполлон посмеялся над участью смертных,
И воротясь на Олимп, всем рассказал, какова
Злобная зависть, которая, ради чужого несчастья,
Будет охотно сносить собственный горький удел.

27. ВОРОНА И ВАЗА

Сильною жаждой томясь, ворона увидела вазу,
В вазе на самом дне было немного воды.
Ею желая унять безмерную жажду, ворона
Долго старалась поднять влагу поближе к краям,
Но, увидав, что силою здесь не добиться удачи,
Негодованья полна, птица на хитрость идет:
Камешки в воду бросая, она дождалась, чтобы стала
Выше в сосуде вода, и без труда напилась.
Это нас учит тому, что разум надежнее силы:
Даже и птица с умом цели добьется своей.

29. ПУТНИК И САТИР

В дни, когда злая зима осыпала снегом равнины,
И цепенели поля, твердым окованы льдом,
Был человек задержан в пути пеленою тумана;
Сбившись с верной тропы, дальше не смел он идти.
Тут-то его, говорят, пожалел, довел до пещеры
И у себя приютил Сатир, хранитель дубрав.
Диву дался при взгляде на гостя питомец деревни,
В трепет его привела мощь человеческих сил:
Тот, чтобы к жизни вернуть морозом сведенные члены,
Жарким дыханием рта руки свои согревал.
Но, наконец, стряхнувши мороз, исполнясь веселья,
Сел он, готовый вкусить яств от хозяйских щедрот.
Сатир, желая похвастаться благами сельского быта,
Потчевать путника стал лучшим, что было в лесу,
И преподнес ему чашу, горячим полную Вакхом,
Чтоб, разгоняя озноб, в теле тепло разлилось.
Тот, не смея губами коснуться огненной влаги,
Хочет ее остудить вновь дуновением рта.
Оцепенел хозяин, двойным напуганный чудом,
Вывел из чащи лесной гостя и дальше послал.
«Пусть,— говорит,— никогда к моей не подходит пещере
Тот, чье дыханье несет сразу и холод и жар».

«КВЕРОЛ»

Комедия «Кверол», или «Горшок»— единственное драматическое произведение, дошедшее до нас от поздней античности. В средние века она считалась произведением Плавта и пользовалась значительной известностью. После того, как в эпоху Возрождения был открыт подлинный Плавт, эта комедия перестала привлекать внимание и скоро забылась. Между тем она не лишена интереса.

Кем, когда и где была написана комедия, неизвестно. В посвящении к ней автор обращается к некоему Рутилию — человеку знатному, богатому, высокопоставленному и образованному. Напрашивается отождествление этого Рутилия с поэтом Рутилием Намацианом, галлом по происхождению,— автором «Возвращения», который был префектом Рима и оставил столицу в 416 г. В комедии встречается упоминание о событиях в Галлии — именно, о каких-то разбойниках, живущих на Луаре и не признающих никаких законов (по-видимому, имеются в виду багауды — рабы и крестьяне, восстания которых не прекращались в Галлии с III века; в начале V века против них воевал родственник Намациана историк Эксуперанций). Если это отождествление правильно, то комедия была написана в начале V века каким-нибудь клиентом Намациана. Предназначалась ли она для чтения или для постановки, домашней или публичной,— сказать невозможно.

«Сегодня мы представим Комедию о горшке, не древнюю, а свежую, по следам Плавта разысканную»,— говорит неизвестный автор в своем прологе. И далее: «Мы не посмели бы шагнуть на сцену нашими неуклюжими ногами, если бы здесь не прошли перед нами великие и славные предшественники».

Комедия Плавта «Горшок», которую наш автор берет за образец, относится к числу лучших произведений древнего комедиографа. Ее герой — бедняк Эвклион, которому посчастливилось найти клад — горшок с золотом — и которого с этих пор обуяла жадность: он никому не говорит о находке, косится на всех соседей и прячет свой горшок в новые и новые места. Соседский раб подсмотрел за ним и похитил горшок: Эвклион в отчаянии. Но оказывается, что хозяин этого раба когда-то обесчестил дочь Эвклиона и теперь хочет загладить вину, взяв ее в жены. После ряда недоразумений все кончается благополучно, брак совершается, а золото старик дарит молодым в качестве приданого.

Неизвестный сочинитель V века очень свободно обошелся со своим образцом. Собственно, от Плавта у него остались только имя Эвклиона да сам мотив клада. Герой его комедии — Кверол («брюзга»), сын Эвклиона. Скупой отец, ничего не сказав сыну, закопал под алтарем дома клад, скрыв

его в погребальной урне, и для отвода глаз даже написал на ней имя мнимого покойника. После этого он уехал в путешествие и умер на чужой стороне. Перед смертью он открыл местонахождение клада своему новому параситу Мандрогеронту с тем, чтобы тот честно передал это Кверолу. Мандрогеронт, конечно, предпочел присвоить сокровище: с двумя приятелями он явился к Кверолу и, выдавая себя за колдуна, проник в его дом, вырыл и унес клад. Но, увидев погребальную урну, мошенники сочли себя обманутыми; со зла Мандрогеронт швыряет урну через окно в дом Квероля; урна разбивается, и перед Кверолом рассыпается золото. Так наследство достается наследнику, а Мандрогеронту остается только стать параситом у Квероля.

Философское осмысление этого происшествия предлагается во вступительной сцене комедии: здесь Кверол, оправдывая свое имя, горько жалуется на свое сиротство и безденежье, а Лар, бог — покровитель домашнего очага, убедительно доказывает ему неосновательность этих жалоб на судьбу. Смысл этих рассуждений сводится к двум не очень оригинальным положениям: во-первых, добродетель в конце концов торжествует, а порок наказывается, и во-вторых, от своей судьбы никуда не уйдешь («гони судьбу в дверь, она влетит в окно» — пословица, в случае с Кверолом исполнившаяся буквально). Автор предупредительно сообщает, что эти идеи он почерпнул из философских бесед своего покровителя Рутилия.

К языческим богам автор комедии относится иронически, но следов христианства в ней незаметно. Столь же иронически поданы россказни Мандрогеронта о темных силах, властвующих над миром,— любопытная мешанина античных и восточных суеверий, очень характерных для этой эпохи. Необычайно интересны и важны для историка рассуждения о тяжкой участи имперских чиновников и речи Пантомала о жизни и чаяниях рабов.

Комедия написана ритмической прозой. Ритмизованные концовки фраз были в ходу издавна; но в классическую эпоху прозаики стремились придавать им ритм, отличный от стихотворного, а с упадком красноречия, напротив, стали все больше уподоблять их окончаниям стихотворных строк. Поэтому проза «Квероля» то и дело звучит как ямбические и хореические стихи. Попытка передать этот своеобразный ритм сделана в нашем переводе.

КВЕРОЛ, ИЛИ ГОРШОК

Сцена 2

Керол, домашний Лар

. . . . . .

Лар. Что же, Керол? Так как ты не доказал, что ты несчастен, докажу теперь я, что счастлив ты. Скажи, пожалуйста, Керол, ты здоров?

Керол. Я думаю, да.

Лар. А во сколько ты это ценишь?

Керол. Как, ты и это ставишь в счет?

Лар. Ах, Керол, ты здоров, и не считаешь это счастьем? Не пришлось бы тебе слишком поздно понять, каким ты был счастливчиком.

Керол. Я уж сказал: сам по себе я хорошо живу, а по сравнению с другими — плохо.

Лар. Но сам-то по себе — хорошо?

Керол. Да, говорю я.

Лар. Чего ж тебе больше?

Керол. А почему же хуже других?

Лар. Это уже называется: зависть.

Керол. Зависть, но справедливая: мне живется хуже, нежели тем, кто хуже меня.

Лар. Ну, а если я докажу, что ты счастливей тех, о ком ты говоришь?

Керол. Тогда не будь я Кверолом-брюзгой, если кто при мне посмеет брюзжать.

Лар. Для краткости и ясности отбросим рассуждения. Ты назови судьбу, какая тебе нравится, и я тебе тотчас подарю тот удел, который сам ты выберешь. Но запомни: из того, что ты возьмешь, ни на что уж нельзя будет жаловаться и ни от чего нельзя отказываться.

Керол. Такой выбор мне нравится. Дай же мне хотя бы отведать богатств и почестей воинских.

Лар. Это мне по силам; но подумай-ка, по силам ли тебе?

Керол. А что?

Лар. Ты умеешь вести войну, рубиться мечом, прорываться сквозь строй врагов?

Керол. Нет, этого сроду не умел.

Лар. Уступи же тем, кто умеет, и добычу, и почести.

Керол. Ну, тогда удели мне что-нибудь хоть по жалкой гражданской службе.

Лар. Ты, как вижу, очень хочешь во все вникать и за все платить?

К в е р о л. Ай, ай, ай, позабыл об этом! Нет, ни того, ни другого не хочу. Если можно, Лар мой домашний, пусть я буду человеком частным, но могущественным.

Л а р. А какого хочешь ты могущества?

К в е р о л. Обирать тех, кто мне не должен, избивать тех, кто мне не подчинен, а соседей и обирать и избивать.

Л а р. Ха, ха, ха, так это будет не могущество, а разбой. Право уж, и не знаю, как это сделать для тебя. Впрочем, придумал: получай, что просишь. Ступай, на Лигере [1] поселись.

К в е р о л. Ну, и что же?

Л а р. Люди там живут по естественному праву. Там нет начальства, там суд выносит приговоры с дубового пня и записывает на костях, там мужики произносят речи и судят без чиновников, там все дозволено. Если будешь ты богатым, назовут тебя «пахус» [2], как говорят у нас в Греции. О леса, о глушь, и кто вас назвал привольными? Я о многом еще не сказал, но пока и этого достаточно.

К в е р о л. Не такой уж я богатый, и не желаю судить с дубового пня. Не хочу лесных законов!

Л а р. Так попроси чего-нибудь полегче, если суд тебе не мил.

К в е р о л. Дай мне место того адвоката, которого ты так облагодетельствовал.

Л а р. Вот уж это проще простого. Это можно, даже ежели нельзя. Хочешь, это место будет твоим?

К в е р о л. Да, и больше мне ничего не надобно.

Л а р. Об остальном умолчу; но ты надень одежду, для зимы короткую, для лета толстую; обуй шерстяные чулки, где нога как в темнице, что вечно сваливаются, разлезаются под дождем, набиваются пылью, становятся липкими от грязи и пота; обуй башмаки, низкие и некрепкие, которых от земли не оторвать, а цветом от грязи не отличить. Летом кутайся до пят, зимой ходи с голыми ногами, по холоду — в сандалиях, по жаре — в сапогах с голенищами. Работа неведомо какая, на свиданья бегай до света, судье устраивай пиры то утром, то вечером, потчуй то горячим, то холодным, будь то веселым, то серьезным. Продавай голос, продавай язык, сдавай в наймы гнев и ненависть. И при всем при этом — бедность: будешь приносить домой мало денег и много неприятностей. Я сказал бы и больше, да стряпчим лучше льстить, чем их бранить.

К в е р о л. Нет, и этого не хочу. Дай мне богатств, какие себе наживают писцы над бумагами.

Л а р. Тогда возьми на себя бессонные труды тех, кому ты завидуешь. В молодости гонись за деньгами, в старости — за клочком земли; новичок на пашне, ветеран на форуме, искусный счетовод и неумелый хозяин, знаток чужих дел и сам чужой для соседей, терпи всеобщую ненависть всю свою жизнь,

чтобы заработать на пышные похороны; а там бог пошлет тебе наследников, вот и старайся ради них! Часто, Кверол, добыча волка достается жадным лисицам.

К в е р о л. Ладно, не хочу быть писцом. Тогда, по крайней мере, дай мне мошну вот этого купца, приехавшего из-за моря.

Л а р. Тогда взойди же на корабль, доверь себя и близких ветру и волне.

К в е р о л. Такого я желанья не высказывал. Ну что ж, хотя бы дай мне ларчик Тита.

Л а р. А с ним возьми и подагру Тита.

К в е р о л. Ни за что!

Л а р. Так не видать тебе и ларчика.

К в е р о л. Ну, не надо. Дай мне арфисток и хорошеньких наложниц, как у этого скупого приезжего ростовщика!

Л а р. Все, чего душе угодно! Получай, каких сам выберешь, и впридачу целый хор! Бери Пафию, Киферу, Брисеиду, но сначала обзаведись и грыжею этого Нестора [3].

К в е р о л. Ха, ха, ха, зачем она мне?

Л а р. Есть же она у человека, чьей судьбе ты завидуешь. Эх, Кверол, разве ты не слышал: «Никто задаром не хорош». Или возьми и то, и другое, или и то, и другое оставь.

К в е р о л. Наконец, я понял, что мне нужно! Надели меня хоть наглостью!

Л а р. Превосходно, клянусь! Ты просишь именно того, чего не следует. Но уж если хочешь, чтобы целый форум слушался тебя,— будь наглецом, но зато лишись рассудка.

К в е р о л. Почему?

Л а р. Потому что умные не бывают наглыми.

К в е р о л. Убирайся, Лар мой домашний, со своими спорами!

Л а р. Сам ты, Кверол, убирайся со своим брюзжанием!

К в е р о л. Неужели не изменится горькая судьба моя?

Л а р. Никогда, пока ты жив!

К в е р о л. Значит, нет на свете счастливцев?

Л а р. Есть, но не те, о ком ты думаешь.

К в е р о л. Как? Вот я покажу тебе человека здорового и богатого,— и ты не скажешь, что он счастлив?

Л а р. Что такое богатство, ты знаешь. Ну, а что такое здоровье?

К в е р о л. Это если тело крепкое.

Л а р. Ну, а если душа больна?

К в е р о л. Вот уж этого не знаю.

Л а р. Ах, Кверол, Кверол, только тело слабым вам и кажется; а насколько его слабей душа! Надежда, страх, желанье, алчность, отчаяние не дают ей быть счастливой. Что, если на лице у человека одно, а на душе другое? Что, если он на людях

весел, а у себя в дому грустит? Не говорю о более важном: но что, если он не любит жену? что, если слишком любит жену?

Кверол. Если нет на свете счастливых, значит, нет и праведных?

Лар. И на это я отвечу. Я согласен, есть на свете люди, почти праведные, но они-то как раз и есть самые несчастные. Что еще узнать ты хочешь?

Кверол. Клянусь, больше ничего. Оставь уж мне мою судьбу, коли лучше ничего не найти.

. . . . . .

Сцена 4

Кверол, Сарданапал, Сикофант

Сарданапал. Тише: вот он. (*Громко, притворяясь.*) О, послушать бы мне человека, с которым я только что встретился! Знал я магов, знал математиков, а такого — никогда. Вот что значит предсказатель! не то, что всякие шутники.

Кверол (*в стороне, про себя*). О каком это предсказателе говорят они?

Сарданапал. Небывалое дело видел своими глазами я. Только лишь он тебя приметит, сразу назовет по имени, а потом перечислит и родителей, и домочадцев, и рабов, словно сам с ними знаком. И расскажет все, что ты делал на своем веку, и все, что будешь делать впредь.

Кверол. Поистине чудный незнакомец. Это стоит внимания.

Сарданапал (*Сикофанту*). Слушай: давай-ка подойдем к нему под каким-нибудь предлогом. Ах я глупый, ах неразумный, что сразу с ним не поговорил!

Сикофант. Клянусь, и я не прочь, да знаешь, у меня нет времени.

Кверол. Отчего бы не разузнать всего? (*Подходя.*) Привет, приятели!

Сикофант. Привет и тебе, приветствующий.

Кверол. Что у вас? Какая-то тайна?

Сарданапал. Для людей тайна, для мудрых не тайна.

Кверол. Слышал что-то я о маге.

Сарданапал. Точно: речь шла о человеке, который все предсказывает. Да не знаю, кто он такой.

Кверол. А такие бывают?

Сарданапал. Еще бы! Так вот. Сикофант, как я сказал, ради тебя же и твоих же прошу тебя: пойдем к нему со мной!

Сикофант. Только что я тебе ответил, что и сам бы рад пойти, кабы время было.

Сарданапал. Погоди немножко!

Кверол. Приятель, я прошу, не торопись. Мне ведь тоже интересно, что это за человек, о котором вы говорили.

Сикофант. Вот еще, словно уж и дела у меня другого нет! Дома давно меня ждут друзья и родственники.

Сарданапал. Вот уж человек упрямый и неподатливый! Погоди, говорю, не ждут тебя ни друзья, ни родственники.

Кверол (*Сарданапалу*). Друг, прошу: если вы не против, то и я с вами пойду к нему, посоветуюсь.

Сарданапал. Только как бы он не зазнался, увидев стольких просителей.

Сикофант (*Сарданапалу*). Дело, дело! Искал ты спутника, вот тебе спутник, так отстань же от меня.

Кверол (*Сарданапалу*). Приятель, слушай: если ему охота, пусть уходит, а мы с тобой вдвоем пойдем.

Сарданапал. Нет, без него мы не обойдемся: он ведь видел и знает человека этого.

Кверол (*Сикофанту*). Окажи нам, друг, услугу в нашем положении!

Сикофант (*показывая на Сарданапала*). Клянусь Геркулесом, он сам его знает лучше меня и ближе меня!

Кверол. Так хотя бы расскажите, кто он и откуда он?

Сикофант. Слышал, что звать его Мандрогеронтом; больше не знаю ничего.

Кверол. Замечательное имя! Сразу чувствуется маг.

Сикофант. Он сперва расскажет о прошлом; если не к чему будет придраться, то откроет и будущее.

Кверол. Вот поистине великий человек! И ты не хочешь с ним поговорить?

Сикофант. И хотел бы, да времени нет.

Кверол. Уж окажи друзьям услугу, а за это требуй от нас, чего хочешь.

Сикофант. Ладно, идет: пусть будет так, коли вы хотите. Но послушайте, что я скажу: люди такого сорта — обманщики.

Кверол. Вот и я хотел сказать о том же. Он ведь ходит без жезла и без толпы приспешников!

Сикофант (*показывая на Сарданапала*). Ха, ха, ха! клянусь Геркулесом, вот у кого спросить бы совета этому любопытному!

Сарданапал. Пусть он брешет, сколько угодно: мне до речей его дела нет.

Сикофант. Если хотите, давайте, я первый расспрошу его на все лады и все повыведаю. Если он мне на все ответит, будьте уверены: это прорицатель или маг.

Сарданапал. Славно придумано. Но вот и сам он идет: как я хотел, так и сделалось. Что за величие в походке, что за важность на лице!

Сцена 5

Кверол, Мандрогеронт, Сикофант, Сарданапал

Кверол. Привет, Мандрогеронт!

Мандрогеронт. И вам привет.

Кверол. Будь здоров, о жрец величайший, заслуживший хвалу и почет!

Сикофант. Знаешь, Мандрогеронт, о чем хотели мы спросить тебя?

Мандрогеронт. О чем? Может быть, и знаю.

Сикофант. Мы хотим кой-каких спросить советов и познакомиться с твоей великой мудростью.

Мандрогеронт. Я не ждал; но если хотите, спрашивайте — дам ответ.

Сикофант. Просим, чтобы благосклонно оказал ты помощь нам: есть у нас немало сомнений.

Мандрогеронт. Говорите, что вам нужно.

Сикофант. Прежде всего, скажи, пожалуйста: какие священнодействия надежней всего и легче всего?

Мандрогеронт. Силы бывают двоякого рода: властвующие и содействующие. Они-то и царят надо всем. У высших сил могущества больше, но милость низших часто полезнее. Впрочем, о высших силах бесполезно мне говорить, а вам внимать. Поэтому, чтобы избегнуть трат и зависти, полагайтесь на низшие.

Сикофант. Как же должны мы угождать им?

Мандрогеронт. Сейчас скажу. Первейших суть три: планеты могучие, гуси злые и псоглавцы свирепые. Образы их в капищах и храмах чти молитвой и жертвою: и ничто не сможет тебе противиться.

Сикофант. Не о тех ли ты говоришь планетах, которые мере подчиняют все?

Мандрогеронт. Да, о них: увидеть их трудно, умолить еще трудней; они атомы вращают, исчисляют звезды, мерят моря и только не могут изменить своей судьбы.

Сикофант. Слыхал и я, что всем они правят, словно кормчие.

Мандрогеронт: Ха, ха, ха! если это, по-твоему, кормчие, то корабль их на скалы не налетит! Где они знают о недороде, там они соберут людей и укажут, как спастись от смерти, опустошая чужие края. Грозные бури по их веленью уносят урожаи с полей, и какие-нибудь негодяи забирают плод чужих трудов.

Сарданапал (*Сикофанту*). Разве ты не знал, как бури уносят урожаи?

Мандрогеронт. Вид и обличье всего на свете могут они менять, как захочется. Сколько перемен, сколько превращений! Из одного делают другое: на глазах вино становится хлебом, а хлеб вином. Желтое ячменное поле сотворят из чего угодно без труда. А бросать людские души то в царство живых, то в царство теней,— это им проще простого.

Сарданапал (*Сикофанту*). Видишь теперь, как полезно снискать их милость!

Мандрогеронт. Ха, ха, ха! Немногим это дано. Их святыни слишком надменны и стоят слишком дорого. Если хотите меня послушаться, приносите жертвы только в небольших святилищах.

Сикофант. И где же лучше всего искать такие оракулы?

Мандрогеронт. Где угодно: здесь и там, справа и слева, на суше и на море.

Сикофант. Но какой несчастный в силах остановить блуждающие звезды или к ним приблизиться?

Мандрогеронт. Подойти к ним трудно, уйти невозможно.

Сикофант. Почему?

Мандрогеронт. Твари охраняют вход многовидные, таинственные, нам одним известные: гарпии, псоглавцы, фурии, упыри, нетопыри. Гидры сдерживают тех, кто поодаль; лозы хлещут тех, кто вблизи: и вдали стоять невозможно, и опасно приблизиться. Гонят толпы и манят толпы. Чего тебе больше? Если боги к тебе благосклонны, то чуждайся этих сил!

Сикофант. Да, почтенный священнослужитель, эти таинства мне не по сердцу. Но расскажи и поведай о втором, о гусином роде: может быть, он добрее к нам?

Мандрогеронт. Это те, кто молится за смертных у алтарей и жертвенников. Головы у них и шеи лебединые. Кормятся остатками трапез. Изо всех вещунов они самые обманчивые. Только и всего, что толкуют людские желания, да и то скверно; и возносят молитвы, но ответы получают лишь бессвязные.

Сарданапал. Лебеди, говоришь ты? В здешних храмах гусей я видел много, лебедей — ни одного. Головы у них на длинных шеях, крылья у них вместо рук. Сперва они шипят меж собою, тройные высунув языки, а когда один из них закричит, то остальные крыльями бьют со страшным гоготом.

Мандрогеронт. Их нелегко насытить. Хлеба они не знают и не хотят; любят ячмень, тертый и влажный, а иные и колосья жрут. Некоторым крупа по вкусу и мясо гниловатое.

Сикофант. Вот еще пустые траты!

Мандрогеронт. Это о них сказал когда-то великий Туллий: «Гуси едят за счет государства, псы кормятся в Капитолии!» [4]

Сикофант. О, порода многоликая и многообразная! Не иначе, как был им отцом Протей, а Цирцея — матерью.

Сарданапал. Нет, и эти мне не нравятся. Расскажи теперь о псоглавцах, если они лучше, по-твоему.

Мандрогеронт. Это те, кто в капищах и храмах стережет пороги и пологи. Голова и шея у них собачьи, брюхо большое, руки крючковатые. Это стражи и прислужники. Некогда Гекуба, в псицу превращенная, родила их от Анубиса, бога нашего лающего,— по десятку на каждый храм и каждое святилище. Все они двухтелые: ниже груди это люди, выше груди — животные. И когда незнакомый проситель к ним вступает в храм, все они его оглушают громким лаем со всех сторон. Чтобы приблизиться, дай вот столько; чтобы молиться, больше дай. Из святыни они делают для людей тайну, для себя выгоду: то, что всем дано и всем доступно, они за деньги продают. Хоть немногим, хоть чем можешь, а задобрить надо их. Вспомните, как слабы людские силы, и строго не судите нас. Верьте: все-таки легче дойти до бога, чем до иного судьи.

Сикофант. Хватит! и этих не желаю. Изо всех, о ком ты рассказывал, это, по-моему, самые мерзкие.

Мандрогеронт. Ваше счастье, что вам не приходится дела иметь с псоглавцами. Я же видел самого Цербера там, откуда и Энея вывела лишь золотая ветвь.

Сикофант. А как насчет обезьян? [5]

Мандрогеронт. Это те, что пишут о будущем — ведут протокол, по-вашему,— и на легких на листочках запечатлевают судьбы людей. Эти животные хоть и не опасны, но докучны и неприятны. Если бросишь им денег,— какие они будут корчить рожи, какие кидать тебе цветы! А прибавишь орехов и рябиновых ягод,— и считай все их стадо своим.

Сикофант. Извини, ты забыл еще гарпий — вечных грабителей и похитителей.

Мандрогеронт. Это те, что следят за людскими обетами и почитанием богов. Они требуют не только обычных приношений богам, но и особенных даров, и поминания родителей. Если что не сделано к должному сроку,— терзают, пока не сделаешь. Туда и сюда, по всему миру носятся они над самой землей. Навострив на добычу кривые и страшные когти, они всегда прилетают на пиры. Что схватят, унесут, что оставят, испачкают. Лучше кормить этих чудищ, чем с ними встречаться, а лучше вовсе их не знать.

Сарданапал. Ты не сказал о ночных бродягах — быстрых, козлоногих, козлобородых.

Мандрогеронт. Нет числа таким чудовищам; но они трусливы, и не стоят внимания. Одного лишь бога Пана чтят они и слушаются.

Сикофант. Всех вещунов ты нам опорочил; но что же сам ты предречешь?

Мандрогеронт. Ваши вопросы бесхитростны; так узнайте же — родиться счастливым, вот самое лучшее.

Керол. Это мы знаем; но как нам лучше задобрить и почтить судьбу?

Мандрогеронт. Я скажу: почитайте Гениев [6], ибо в их руках — решенья судьбы. Их ублажайте, им молитесь; если же в доме скрыто какое злосчастье, свяжите его и вынесите.

Керол. Клянусь, говоришь ты славно! Но чтобы мы тебя лучше послушались, докажи нам на опыте силу твою и мудрость твою. Ты рассказал нам о том, что знаешь; теперь, если можешь, расскажи о том, чего не знаешь ты.

Мандрогеронт. Это так просто не делается. Все же, послушайте немногое, и по нему судите об остальном. Кто вы такие, и как вы живете, мне ведь неоткуда знать?

Сарданапал. Ну, конечно!

Мандрогеронт. Ты, Сарданапал,— бедняк.

Сарданапал. Точно так, но не хотел бы, чтобы об этом знали многие.

Мандрогеронт. Низкого происхожденья.

Сарданапал. Так.

Мандрогеронт. Потому тебе и дали царское имя [7].

Сарданапал. Так говорят.

Мандрогеронт. Ты обжора, ты задира, ты человек зловреднейший.

Сарданапал. Эй, Мандрогеронт, разве я о том просил тебя, чтобы ты мои пороки расписывал?

Мандрогеронт. Лгать я не могу. Ты хочешь, чтоб я дальше говорил?

Сарданапал. Право, лучше бы ты не говорил и этого! Если хочешь продолжать, то продолжай с приятелями.

Сикофант. Умоляю, Мандрогеронт, расскажи мне, что со мной будет, но не все, а лишь хорошее.

Мандрогеронт. Я могу начинать лишь с начала. Ты, Сикофант, происхожденья знатного и славного.

Сикофант. Так.

Мандрогеронт. Мошенник с самого детства.

Сикофант. Признаюсь, и до сих пор.

Мандрогеронт. Тебя гнетет бедность.

Сикофант. Именно.

Мандрогеронт. Часто грозит тебе опасность от огня, от меча, от реки.

Сикофант. Клянусь, обо всем говорит он верно: словно сам он жил со мной.

Мандрогеронт. Твой удел — не иметь ничего своего

Сикофант. Понятно.

Мандрогеронт. Зато чужого — в изобилии.

Сикофант. Этого с меня довольно. А теперь прошу тебя, дай ответ и вот этому милейшему человеку.

Мандрогеронт. Да будет так. Эй, приятель, тебя Кверолом зовут?

Керол. Именно так, да хранят тебя боги.

Мандрогеронт. Который час теперь?

Сикофант. Седьмой [8].

Керол. Безошибочно: можно подумать, это часы, а не человек. Что же дальше?

Мандрогеронт. Марс в треугольнике, Сатурн против Венеры, Юпитер в квадрате, Марс с ним в ссоре, Солнце в кругу, Луна в пути. Вот, Керол, все твои планеты. Ах, злосчастье тебя гнетет.

Керол. Не отрицаю.

Мандрогеронт. Отец не оставил наследства, а друзья не дают взаймы.

Керол. Истинно так.

Мандрогеронт. Хочешь все услышать? У тебя дурной сосед и еще того хуже раб.

Керол. Согласен.

Мандрогеронт. Хочешь, имена рабов назову тебе?

Керол. Я слушаю.

Мандрогеронт. Пантомал — один твой раб.

Керол. Так.

Мандрогеронт. А другому имя — Зета [9].

Керол. Так оно и есть.

Сикофант. О божественный прорицатель!

Мандрогеронт. Хочешь еще? Ведь я не знаю твоего дома?

Керол. Конечно, нет.

Мандрогеронт. По правую руку от входа там портик, с другой стороны — святилище.

Керол. Все совершенно верно.

Мандрогеронт. В святилище — три изображения.

Керол. Так.

Мандрогеронт. Одно — Тутелы [10], два — Гениев.

Керол. Довольно, довольно! Ты доказал и мощь свою, и знания. Теперь укажи исцеленье от бед.

Мандрогеронт. Разве давать советы — дело легкое и быстрое? Твое святилище, конечно, стоит поодаль от всего?

Керол. Да.

Мандрогеронт. И конечно, в нем ничего не спрятано?

Керол. Только изображения.

Мандрогеронт. Там надо некий совершить обряд. Но при нем нельзя присутствовать ни тебе, ни твоим домочадцам.

К в е р о л. Как угодно.

М а н д р о г е р о н т. Чужие люди должны совершить обряд.

К в е р о л. Пусть будет так.

М а н д р о г е р о н т. Но кого же мы сможем найти так быстро? Лучше всего и удобней всего, если вот эти двое согласятся тебе помочь.

К в е р о л (*Сикофанту и Сарданапалу*). Друзья, прошу вас, сделайте дело доброе и благочестивое. И я тоже буду к вашим услугам, если окажется надобность.

С и к о ф а н т. Нет, об этом мы и не думали; но если так нужно, пусть будет так.

С а р д а н а п а л. Если просят помощи, бесчеловечно отказывать.

М а н д р о г е р о н т. Славно сказано! оба вы молодцы.

К в е р о л. Вот несчастье! словно нарочно, никого нет под рукой. (*К дому.*) Эй, Пантомал, лети немедленно к Арбитру, соседу нашему, и где бы ты его ни нашел, скорей тащи его сюда! Впрочем, я тебя знаю... Так ступай и шляйся сегодня по кабакам!

М а н д р о г е р о н т. Ты знаешь, Квeрол, что решенья судьбы зависят от удачной минуты?

К в е р о л. Так что же?

М а н д р о г е р о н т. Светила сошлись, время самое подходящее. Если мы тотчас не приступим к делу, то незачем было приходить сюда.

К в е р о л. Войдем же в дом.

М а н д р о г е р о н т. Ступай вперед, мы за тобой. Ах, о чем я позабыл: есть у тебя пустой сундук?

К в е р о л. И не один.

М а н д р о г е р о н т. Достаточно и одного: в нем мы вынесем из дому очищение.

К в е р о л. Тогда я дам вам и замок, чтоб запереть злосчастие.

М а н д р о г е р о н т. Все в порядке! Этому дому — всякого счастья, удачи и благополучия! Вот и мы!

С ц е н а 6

Пантомал

Нет на свете хороших хозяев — это известно всякому. Но я достаточно убедился, что самый скверный — это мой. Человек-то он безвредный, только рохля и ворчун. Если, положим, что-то в доме пропало, он так и сыплет проклятиями, словно это неведомо какое преступление. Если вдруг обман заметит, без перерыву кричит и ругается, да как! Если кто-нибудь толкнет в огонь стул или стол или кровать, как это бывает при

нашей спешке, он и на это плачется. Если крыша протекает, если двери сбиты с петель, он скликает весь дом, обо всем допрашивает,— разве ж такого можно стерпеть? Все расходы, все расчеты записывает собственной рукой, и если в чем не отчитаешься, то деньги требует назад.

А уж в дороге до чего он несговорчив и невыносим! Выехать надо до рассвета; мы себе пьянствуем, потом спим; а он уж и на это сердит! А потом, за пьянством и сном, пойдут другие поводы: в толпе толкотня, мулов не сыскать, погонщиков след простыл, упряжка не слажена, сбруя наизнанку, возница на ногах не стоит,— а он, словно сроду никогда не ездил, все это ставит нам в вину. Когда так бывает у другого, то немножко терпения — и все постепенно наладится. А у Квирола наоборот: за одной бедой он ищет другую, придиркой за придирку цепляется; не хочет ехать с пустой коляской или с больною лошадью, и все кричит: «Почему ты мне раньше об этом не сказал!» — словно сам не мог заметить. Вот уж самодур! А если заметит какую оплошность, то скрывает и молчит, и только тогда затевает ссору, когда и сослаться не на что, когда уж не отговоришься: «Так я и хотел сделать, так я и хотел сказать». А когда, наконец, потаскаемся туда-сюда, то надо еще и вернуться в срок. И вот вам еще одна повадка этого негодника: чтобы мы спешили к сроку, он дает нам про запас один только день,— разве ж это не значит искать повода, чтобы гнев сорвать? Впрочем, что бы там ему ни взбрело в голову, мы всегда сами себе назначаем день для возвращения; так что хозяин, чтобы не попасть впросак, если кто ему нужен в календы, тому велит явиться накануне календ.

А как вам нравится, что он терпеть не может пьянства и сразу чует винный дух? И что за вино, и много ли пил,— по глазам и по губам он с первого взгляда угадывает. Мало того: он не хочет, чтобы с ним хитрили и водили за нос, как водится! Кто же смог бы такому человеку служить и слушаться его? Не терпит воды, коль она пахнет дымом, ни чашки, коль засалена: что еще за прихоти! Если кувшин поломан и потрескался, миска без ручек и в грязи, бутылка надбитая и дырявая, заткнутая воском тут и там,— он на это спокойно смотреть не может, и еле сдерживает желчь. Не могу себе представить, что такому дурному человеку может понравиться? Как вино отопьешь и водой разбавишь — он заметит всякий раз. Нередко случается подмешивать и вино к вину: разве ж это разврат, если, облегчив кувшин от старого вина, дольешь его молодым? А Квирол и это считает страх каким преступлением, и что самое скверное, сразу обо всем догадывается.

Дай ему самую маленькую серебряную монетку, легонький такой кружочек, и он уже думает, что ее подменили или подпи-

лили, потому что однажды так оно и было. И какая тут разница? ведь один и тот же цвет у всякого серебра! Все сумеем подменить, а это — никак. То ли дело солиды [11]: тысячи уловок есть, чтоб их подделывать. Если чеканка одна и та же, то попробуй-ка их различить! Где на свете больше сходства, чем между солидом и солидом? Но и в золоте есть различия: внешность, возраст, цвет лица, известность, происхождение, вес [12],— на все на это смотрят у золота внимательней, чем у человека. Поэтому, где золото, там все для нас. Кверол этого раньше не знал. Но дурные люди портят хороших людей!

Вот уж мерзавец этот самый наш сосед Арбитр, к которому я сейчас иду! Он пайки рабам убавил, а работы свыше всякой меры требует. Кабы мог, он бы и мерки завел другие ради своей бесчестной выгоды [13]. И вот, когда он, случайно или нарочно, повстречает моего хозяина, тут-то они и вразумляют друг друга. И все-таки, ей-ей, сказать по правде, если уж надо выбирать, то выбираю своего. Хоть какой он ни есть, а, по крайней мере, держит нас без скупости. Да беда, что слишком часто дерется и всегда кричит на нас. Так пусть уж лучше и того, и другого накажет бог!

А мы не так уж глупы и не так уже несчастны, как некоторые думают. Нас считают сонливцами за то, что днем нас клонит ко сну: но это потому бывает, что мы зато по ночам не спим. Днем наш брат храпит, но сразу просыпается, как только все заснут. Ночь, по-моему, самое лучшее, что сделала природа для людей. Ночь для нас — это день: ночью все дела мы делаем. Ночью баню мы принимаем, хоть и предпочли бы днем; моемся с мальчиками и девками — чем не жизнь свободного? Ламп зажигаем столько, чтобы свету нам хватало, а заметно бы не было. Такую девку, какой хозяин и в одежде не увидит, я обнимаю голую: щиплю за бока, треплю распущенные волосы, подсаживаюсь, тискаю, ласкаю ее, а она меня,— не знавать такого хозяевам! А самое главное в нашем счастье, что нет меж нами зависти. Все воруем, а никто не выдаст: ни я тебя, ни ты меня. Но следим за господами и сторонимся господ: у рабов и у служанок здесь забота общая. А вот плохо тем, у кого хозяева до поздней ночи все не спят. Убавляя ночь рабам, вы жизнь им убавляете. А сколько свободных людей не отказалось бы с утра жить господами, а с вечера превращаться в рабов! Разве, Кверол, тебе не приходится ломать голову, как заплатить налог? а мы тем временем живем себе припеваючи. Что ни ночь, у нас свадьбы, дни рождения, шутки, выпивки, женские праздники. Иным из-за этого даже на волю не хочется. Действительно, откуда у свободного такая жизнь привольная и такая безнаказанность?

Но что-то я здесь замешкался. Мой-то, наверное, вот-вот закричит, как водится. Не грех бы мне так и сделать, как он сказал, да закатиться к товарищам. Но что получится? Опять получай, опять терпи наказание. Они хозяева: что захотят, то и скажут, коли в голову взбрело, а ты расплачивайся. Боги благие, ужель никогда не исполнится давнее мое желание: чтобы мой дурной и злой хозяин стал адвокатом, канцеляристом или местным чиновником? Почему я так говорю? Потому что после свободы тяжелее подчинение. Как же мне не желать, чтобы сам испытал он то, чего никогда не знавал? Пусть же он наденет тогу, пусть пороги обивает, пьянствует с судейскими, пусть томится пред дверями, к слугам пусть подслуживается, пусть, оглядываясь зорко, шляется по форуму, пусть вынюхивает и ловит свой счастливый час и миг, утром, днем и вечером. Пусть преследует он лестью тех, кому не до него; пусть свиданья назначает тем, кто не является; пусть и летом не вылезает он из узких башмаков!

Сцена 7

Мандрогеронт, Кверол

Мандрогеронт. Можешь, Кверол, сбросить с плеч эту ношу тяжкую: все обряды ты исполнил, сам же из дому ты вынес собственное злосчастие.

Кверол. Ах, Мандрогеронт, признаюсь: я ведь и не надеялся! Сразу видно, как всесильны власть твоя и твой обряд: только что я один легко принес тебе вот этот сундук, а теперь он и для двоих тяжел!

Мандрогеронт. Разве ты не знаешь, что нет ничего тяжелей злосчастия?

Кверол. Конечно, знаю: еще бы не знать.

Мандрогеронт. Боги да хранят тебя, человече! Я и сам не надеялся на такой счастливый исход. Никогда никакого дома не очищал я так тщательно. Все, что в нем было горя и бедности, все сокрыто здесь.

Кверол. И откуда столько весу?

Мандрогеронт. Этого рассказать нельзя. Но нередко бывает, что такое горе не могут сдвинуть с места даже несколько быков. Но теперь-то мои помощники сбросят в реку все, что мы отсюда вычистили. Ты же слушай со всем вниманием то, что я тебе скажу. Злосчастье, которое мы вынесли, попытается воротиться в дом.

Кверол. Пусть не дадут ему этого боги! Пусть уходит раз и навсегда!

Мандрогеронт. Так вот, трое суток есть опасность, что злосчастье попробует вернуться к тебе. Все эти трое суток сиди ты дома, взаперти, и ночью и днем. Ничего не выноси из дому,

ничего не вноси в дом. Всех родных, друзей, соседей, как нечистых, прочь гони. Нынче даже если само Счастье постучится в дверь твою, пусть никто его не слышит. А когда пройдут три дня, то к тебе уж не вернется то, что ты сам из дома вынес. Ну, ступай скорей домой!

Квер о л. С удовольствием и радостью, и пусть будет стена меж мною и злосчастием.

Мандрогеронт. Быстро я его спровадил. Эй, Квер о л, запри покрепче дверь!

Квер о л. Готово!

Мандрогеронт. Задвинь засовы, навесь цепочки.

Квер о л. Уж я позабочусь о себе.

Сцена 8

Мандрогеронт, Сикофант, Сарданапал

Мандрогеронт. Клянусь, дело двигается славно! Отыскали человека, обчистили и заперли. Но где же нам посмотреть находку, где взломать сундук и спрятать, чтобы кража не оставила следов?

Сикофант. Где же, если не где-нибудь у реки?

Сарданапал. Знаешь, Мандрогеронт, от радости я и взглянуть на нее не посмел.

Сикофант. И я.

Мандрогеронт. Так и надо было делать, чтобы, замешкавшись, не вызвать подозрения.

Сикофант. Действительно.

Мандрогеронт. Первое дело было — отыскать сокровище; теперь второе — уберечь.

Сикофант. Мандрогеронт, говори, что хочешь, но пойдем куда-нибудь: сам себе не поверю, пока не увижу золота.

Мандрогеронт. Да и я, не скрою, тоже. Так пойдемте же.

Сикофант. Хоть туда, хоть сюда, лишь бы в место неприметное.

Мандрогеронт. Ах, беда, на дорогах стража, на берегу полно зевак. Все равно, пойдемте скорей куда-нибудь.

Сцена 9

Арбитр, Пантомал

Арбитр. Эй, Пантомал, что слышно у вас? Что хозяин поделывает?

Пантомал. Сам знаешь, неважно.

Арбитр. То есть брюзжит?

Пантомал. Вовсе нет, да хранят его боги здоровым и милостивым к нам.

Арбитр. Но ведь у него всегда дурное настроение!

Пантомал. Что ж делать! Жизнь такова. Разве на небе всегда все в порядке? Иной раз и солнце в тучу прячется.

Арбитр. Отлично, любезный Пантомал! Вряд ли кто другой умеет так разговаривать при господах.

Пантомал. Говорю одно и то же и при вас, и не при вас.

Арбитр. Как же, знаю: ты славный малый!

Пантомал. Нам всегда живется славно, благодаря тебе: ты ведь добрые даешь советы нашему хозяину.

Арбитр. Верно, давал, и всегда даю.

Пантомал. Ах, если бы наш хозяин был похож на тебя, если бы с нами был он так же терпелив и кроток, как с твоими рабами — ты!

Арбитр. В первый раз, Пантомал, я слышу такие речи: что-то слишком ты меня расхваливаешь.

Пантомал. Мы-то это отлично знаем, потому и хвалим тебя. Да пошлют тебе боги все, чего тебе желаем мы, рабы!

Арбитр. И тебе, и всем вашим костям и шкурам желаю того же, чего и ты мне.

Пантомал. Ах, зачем все толковать так дурно? Разве ты чем-нибудь в тягость нам?

Арбитр. Ничем, но ведь вы, естественно, ненавидите без разбору всех господ.

Пантомал. Да, мы многим зла желаем, и нередко, и не таясь, но только плутам и негодяям, ты ведь это знаешь сам.

Арбитр. Так я тебе и поверил! Но чем же, говоришь ты, занят хозяин твой?

Пантомал. Он затеял священный обряд. Там колдун с двумя помощниками: они только что вошли туда.

Арбитр. Но почему же, как я вижу, двери заперты? Наверное, творят священнодействие. Ну-ка, кликни кого-нибудь.

Пантомал. Эй, Феокл! эй, Зета, эй, кто-нибудь, скорей сюда! Что же это такое значит? Полное молчание: никого!

Арбитр. Раньше в этом доме привратники не были такими сонями.

Пантомал. Клянусь, не иначе, как это из-за обряда, чтобы не мешали им. А зайдем-ка мы туда с черного хода: мне отлично он знаком.

Арбитр. Ну, а если и он закрыт?

Пантомал. Когда я веду тебя, не бойся: это наш обычный ход. Пусть он заперт для кого угодно, а для нас всегда открыт.

Сцена 10

Мандрогеронт, Сикофант, Сарданапал

Мандрогеронт. О, я бедный!

Сикофант. О, я несчастный!

Сарданапал. О, крушение всех надежд!

Сикофант. О, Мандрогеронт, о, наш учитель!

Сарданапал. О, Сикофант мой!

Мандрогеронт. О, папаша Сарданапал!

Сарданапал. Облачимся в траур, друзья мои бедные, и окутаем головы! Не человека мы потеряли, хуже: убыток оплакиваем! Что ж теперь делать, богачи? что скажете о сокровище? В прах обратилось золото! Кабы так случилось и с каждым, у кого есть золото,— то-то были бы мы богатыми!

Мандрогеронт. Сложим скудное, бесполезное бремя и оплачем погребение. О, обманчивое сокровище, я ли не гнался за тобою навстречу ветру и волне? ради тебя переплыл я море, ради тебя пошел на все! Для того ли я стал колдуном и магом, чтобы меня обманывали покойники? Я другим предсказывал будущее, а своей судьбы не знал. Ах, теперь-то я понимаю, что означали все наши сны! Точно, нашел я драгоценность, но для другого — не для меня [14]. Злая судьба наша все изменила: нашли мы сокровище, да нам оно ни к чему. Все пошло наоборот! Над своим добром никогда я не плакал, а нынче плачу над чужим. Только тебя самого, о Кверол, не коснулось горе твое.

Сарданапал. Что за болезнь тебя убила, о жестокое золото? Что за костер обратил тебя в пепел? Что за колдун унес тебя? О сокровище, ты лишило нас наследства. Куда пойти нам, отлученным? Какой кров нас примет? Какой горшок накормит нас? [15]

Мандрогеронт (*Сикофанту*). Друг, давай, осмотрим урну еще и еще разок.

Сикофант. Нет, приятель, ищи другой надежды, а этой уж и след простыл.

Мандрогеронт (*Сарданапалу*). Прошу, прочти еще раз надпись над прахом и все, что здесь написано.

Сарданапал. Умоляю, прочти сам, а то мне страшно дотронуться до покойника: пуще всего я этого боюсь.

Сикофант. Экий ты трус, Сарданапал: давай-ка, я прочту. «Триерин, сын Трициптина, здесь похоронен и зарыт». Горе мне, горе!

Мандрогеронт. Что с тобой?

Сикофант. Дыханье теснит. Слышал я, что золото пахнет,— а это даже и смердит.

Мандрогеронт. Как же так?

Сикофант. В свинцовой крышке здесь частые дырочки: вот из них и тянет мерзким запахом. Никогда не знал я раньше, что от золота такая вонь. От нее любому ростовщику станет тошно.

Мандрогеронт. И какой же запах у пепла?

Сикофант. Дорогостоящий и скорбный, требующий уважения.

Мандрогеронт. Будем же почтительны к этому праху, коли от него и до сих пор несет достоинством.

Сикофант. Ах, не попал бы я впросак, кабы прислушался к вещему галочьему гомону!

Сарданапал. Ах, не попал бы я в ловушку, кабы понял, какой мне куцая собака давала знак!

Мандрогеронт. Какой же знак?

Сарданапал. Когда выходил я в переулок, она искусала все ноги мне.

Мандрогеронт. Чтоб у тебя совсем отсохли ноги, чтоб ты с места не сошел! О, Эвклион злокозненный, разве мало, пока жив был, поглумился ты надо мной? И из могилы меня ты преследуешь? Ах, сам я это заслужил, доверившись вероломному, который и смеяться-то не умел! Даже умирая, издевался он надо мной.

Сикофант. Эх, и что же теперь нам делать?

Мандрогеронт. Что же, как не то, о чем мы говорили только что? Надо хоть сыну его Кверолу отомстить как следует. То-то славно мы над ним, над суеверным, потешимся! Вот этот горшок мы потихоньку пропихнем к нему в окошко, чтобы и он оплакал то, над чем мы слезы пролили. (*Сарданапалу.*) Подойди-ка на цыпочках и послушай, что там Кверол делает?

Сарданапал. Эта мысль мне нравится!

Мандрогеронт. Подойди же, говорят тебе, да загляни одним глазком.

Сарданапал. Как, что я вижу? Там вся челядь наготове с палками и с розгами.

Мандрогеронт. Клянусь, не иначе, как Злосчастья ожидают эти суеверные! Подойди-ка, нагони на них страху: говори, что ты — Злосчастье, и грозись вломиться в дом.

Сарданапал. Эй, Кверол!

Кверол *(из дому)*. Кто там?

Сарданапал. Отвори скорее дверь!

Кверол. А зачем?

Сарданапал. Хочу вернуться я к себе домой!

Кверол. Эй, Пантомал, эй, Зета, заходите справа, слева! Убирайся прочь, Злосчастье, туда, куда жрец унес тебя!

Сарданапал. Эй, Кверол!

Кверол. Зачем ты зовешь меня?

Сарданапал. Я твоя судьба, и маг тебе предсказывал, что я вернусь!

Кверол. Убирайся! Нынче даже самого Счастья не пущу к себе я в дом!

Мандрогеронт. Ты, Сикофант, отвлеки их к этой двери, а я тем временем заброшу нашу урну к ним в окно.

Сикофант. Отворите эти двери!

Кверол. Эй, скорее, все сюда!

Мандрогеронт (*бросает урну в окно*). Вот тебе, Кверол, получай Эвклионово сокровище! Чтоб не знавать других сокровищ ни тебе, ни детям твоим! Дело сделано: скорей на корабль, чтобы с нами снова не стряслось какой беды!

Сарданапал. Ах, как видно, все равно уж сегодня от беды нам не уйти! Подойду-ка я поближе: больно любопытно, что там скажет наш Кверол? Человек он суеверный, и труслив до крайности. Каково-то перепугает его наш покойничек? Ну-ка, навострю я ухо!.. Как? Что я слышу? весь дом ликует, все прыгают от радости. Я погиб! Прислушаюсь еще раз... Конечно! В дом их счастие пришло! Горе нам, горе! Тащат мешки, ларцы, сундуки, считают золото, позвякивают солидами. О, я несчастный! Жизнь скрывалась там, где смерть мы видели! Ах, оплошали мы, горемыки, да как! оплошали, и не раз! Совершилось превращенье: взяли прах, а вернули золото. Что же мне делать? Бежать, да и только, чтоб не схватили, как вора! Пойду к моим товарищам, чтобы такое дело — вот уж поистине, погребение! — не мне одному оплакивать.

ГРЕЧЕСКАЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

ФЛЕГОНТ

Биографические сведения о Флегонте крайне скудны: мы знаем, что он жил в первой половине II в. н. э., был уроженцем малоазийского города Траллы и вольноотпущенником императора Адриана. Главный его труд — история Греции и Рима, изложенная хронологически, по олимпиадам; фрагменты ее сохранились у византийских писателей Фотия и Синкелла, а также на оксиринхских папирусах. Фрагменты из двух сочинений характерны для эпохи второй софистики: первое под названием «О долголетии» (точнее «О людях, проживших долго») дает сухой перечень имен людей, умерших в возрасте выше ста лет, причем вполне правдоподобные сведения (103, 105 лет) даны вперемежку с астрономическими цифрами; второе — «О невероятных явлениях» — представляет собой сборник кратких сообщений, свидетельствующих о господстве диких суеверий в эту, казалось бы, культурную и просвещенную эпоху: призраки умерших, чудовища и уроды, оборотни, пожирающие людей, пророчествующие отрубленные головы — обо всем этом Флегонт повествует в спокойном эпическом тоне, по-видимому, не подвергая эти сведения никакому сомнению. Наиболее известный рассказ, из которого Гете почерпнул тему своей баллады «Коринфская невеста», облечен в форму должностного донесения.

Из приводимых ниже фрагментов особенно интересен № 32, в котором сквозь форму фантастического рассказа о сумасшествии и пророчествах военного трибуна Публия ясно проступает чувство национальной вражды греков против римских владык и их надежда на гибель Рима.

О НЕВЕРОЯТНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

Фрагмент 40.

Несколько лет тому назад в Мессене, как говорит Аполлоний [1], после сильных бурь и наводнения был обнаружен расколотый каменный пифос (кувшин) и из него выпала голова, втрое больше, чем обычная человеческая. Во рту было два ряда зубов. Когда стали расследовать, чья же эта голова, то нашли высеченную в камне надпись: «Ид». Мессенцы на общественные средства сделали новый пифос, положили в него голову и с почтением относились к останкам этого героя: они поняли, что он — тот самый, о котором Гомер сказал:

> И могучего Ида [2], храбрейшего меж земнородных
> Оных времен: на царя самого, стрелоносного Феба,
> Поднял он лук за супругу свою, легконогую нимфу.

Фрагмент 43.

Также и в Сицилии немало городов пострадало от землетрясения, в том числе и окрестности Регия; почувствовали это землетрясение даже некоторые племена, живущие возле Понта. И в трещинах, образовавшихся в земле, стали видны огромнейшие мертвые тела; жители, пораженные их величиной, побоялись сдвинуть их с места и в качестве образца послали в Рим зуб, извлеченный у одного из мертвецов; зуб этот был длиной не меньше, а, пожалуй, даже больше одной пяди. После, показав этот зуб Тиберию, спросили его, не хочет ли он перенести к себе тело героя, которому этот зуб принадлежит. Тиберий же рассудил весьма разумно: он не захотел лишить себя возможности узнать величину найденного трупа и в то же время хотел избежать опасности осквернить могилу. Поэтому он позвал к себе одного известного геометра, Пульхра, которого он очень уважал за его искусство, и велел ему вылепить голову, соответствующую по размерам величине этого зуба. Пульхр измерил зуб и вычислил, какова должна быть величина всего тела и лица. Он быстро закончил свою работу и принес ее императору; а император сказал, что он вполне удовлетворен тем, что видел, велел отослать зуб обратно и вставить его туда, откуда его вынули.

Фрагмент 44.

Не следует также относиться с недоверием к рассказам о том, что и в Египте есть местность, называемая Литры, где показывают мертвые тела, не меньшие по размеру, чем те, о которых было сказано. Однако эти тела не погребены в земле, а ле-

жат открыто, у всех на виду. Члены их не сдвинуты и не перемещены, а положены в полном порядке: всякий, подойдя к ним, сразу ясно увидит, где бедренные кости, где кости голени, где другие члены. Не верить этому нет оснований, ибо надо принять во внимание вот что: сперва природа, сильная и цветущая, порождала произведения, подобные богам; а когда она стала увядать, то и величина ее порождений увяла вместе с ней.

Фрагмент 46.

Говорят также, что возле Афин есть остров, который афиняне хотели обнести стенами; а при закладке фундамента они натолкнулись на гробницу, длиной в сто локтей: в ней лежал скелет такой же величины, а на гробнице была надпись:

Макросирид лежит на острове большом:
Пять целых тысяч лет он прожил на земле.

Фрагмент 63, 64.

В Сауне, городе в Аравии, был найден гиппокентавр, живший на очень высокой горе, изобилующей смертельным ядом; яд называется так же, как и город, и из всех ядов он самый страшный и быстро действующий. Когда царь захватил этого гиппокентавра живым, он решил послать его вместе с другими дарами Цезарю в Египет. Гиппокентавр питался мясом; но, не вынесши перемены климата, умер, и наместник Египта набальзамировал его и послал в Рим. Гиппокентавра сперва показывали на Палатине: лицо у него было, хотя и человеческое, но очень страшное, руки и пальцы волосатые, ребра срослись с верхней частью бедер и животом. У него были крепкие конские копыта и ярко-рыжая грива, хотя от бальзамирования она почернела так же, как и кожа. Роста он был не такого огромного, как его рисуют, но все же не малого.

...Говорят, что в этом городе встречались и другие гиппокентавры. А если кто не верит, то он может увидеть воочию того, который был прислан в Рим; он находится в императорских хранилищах, набальзамированный, как я уже сказал.

Фрагмент 32.

Вот о чем повествует Антисфен, философ-перипатетик[3]: консул Ацилий Глабрион с легатами Порцием Катоном и Луцием Валерием Флакком[4] натолкнулись в Фермопилах на войско царя Антиоха; Ацилий храбро сражался и заставил воинов Антиоха положить оружие. Самому Антиоху пришлось с пятьюстами своих приверженцев бежать в Элатею[5], а оттуда в Эфес.

Ацилий послал Катона в Рим с вестью о победе, а сам направился в Этолию и, подойдя к Гераклее [6], овладел ею без всякого труда. Во время сражения против Антиоха в Фермопилах римлянам явилось множество удивительных знамений. Когда Антиох бежал, римляне на следующий день занялись розысками тех, кто пал, сражаясь на их стороне, а также начали забирать доспехи и оружие убитых и захватывать пленников. И вот, был некий начальник конницы Буплал, родом сириец, пользовавшийся у царя Антиоха большим почетом: он пал, отважно сражаясь. Когда же римляне собрали все оружие — дело было около полудня,— Буплал вдруг восстал из мертвых и, неся на себе двенадцать ран, появился в римском лагере и слабым голосом произнес такие стихи:

Тотчас грабеж прекрати! И тех, что в Аиде, не трогай!
Зевс покарает Кронид нечестивые злые деянья,
Сильно разгневан убийством мужей и твоим преступленьем.
Много отважных племен на твои он пределы обрушит,
Власти ты будешь лишен и за все, что свершил ты, ответишь.

Военачальники, потрясенные этими словами, немедленно собрали все войско на собрание и стали держать совет, что значит это явление: было решено сжечь тело Буплала, умершего сейчас же после того, как он изрек предсказание, и похоронить его прах; войско подверглось обряду очищения, принесли жертвы Зевсу, «отвращающему беды», а в Дельфы отправили послов вопросить бога, что надо делать. Когда послы дошли до Пифийского святилища и задали вопросы, что следует делать, Пифия изрекла такие слова:

Римлянин, стой! И отныне всегда соблюдай справедливость!
Пусть не подвигнет тебя Паллада на битвы Ареса,
Гибель несущего градам. А ты, безумец, вернешься
В дом после многих трудов, утратив и власть и богатства.

Услыхав это предсказание, римляне отказались от мысли учинить нападение на какой-либо из народов, населяющих Европу, и, снявшись с лагеря, отправились из упомянутой местности в Навпакт, город в Этолии, где находится общегреческое святилище; там они приняли участие в общественных жертвоприношениях и принесли богам первины этого года, как требовалось по обычаю [7]. Во время празднества военачальник Публиций впал в безумие, утратил разум и, неистовствуя, стал выкрикивать предсказания, то стихами, то речью неразмеренной. Когда весть об этом дошла до войска, все сбежались к палатке Публиция: сокрушаясь и предаваясь печали оттого, что такое несчастье постигло одного из лучших и опытнейших военачальников, они в то же время хотели послушать, что он будет говорить:

и людей собралось столько, что несколько человек даже задушили в давке. И вот что изрек Публиций стихами, еще находясь внутри палатки:

Родина, горе тебе! Ниспошлет жестокие войны
Дева Афина, когда, изобильные Азии страны
В прах низложив, ты вернешься домой, в италийскую землю,
В грады, венчанные славой, в Тринакрию [8], остров прелестный,
Созданный Зевсом. Но рать, с душой беспощадной, отважной
В Азии встанет, в далеком краю, где солнце восходит.
Явится царь; он пройдет через тесный пролив Геллеспонта,
Вступит он в крепкий союз с владыкой Эпирского края,
В Азию он приведет дружину несметную; войско
Он соберет из Азийских краев, из Европы цветущей,
Шею твою он согнет под ярмо, и пустынными станут
Стены твои и дома. Свободу ты сменишь на рабство.
Так покарает тебя оскорбленная дева Афина.

Произнеся эти стихи, он в одной тунике выскочил из палатки и сказал, речью уже неразмеренной: «Возвещаем вам, воины и граждане, что вы, перейдя из Европы в Азию, победили царя Антиоха и на море и на суше, завладели всей страной вплоть до Тавра и всеми городами, основанными в ней; вы изгнали Антиоха в Сирию и эту страну с ее городами передали сыновьям Аттала [9]; уже и галаты, населяющие Азию, побеждены вами, а их жен и детей и все имущество вы захватили и переправили из Азии в Европу; но фракийцы, обитающие в Европе на побережье Пропонтиды и Геллеспонта, нападут на вас, когда вы отстанете от своего войска возле границ энианов [10], многих убьют и отнимут часть добычи; а когда те, кому удастся спастись, вернутся в Рим, с царем Антиохом заключат мир; он будет платить дань и уступит часть своих владений».

Сказав все это, Публиций громко возопил: «Вижу рати с железными сердцами и царей объединившихся и многие племена, идущие из Азии на Европу, слышу топот коней и звон копий, вижу битвы кровопролитные и разорение страшное, падение башен и разрушение стен и опустошение всей земли». И сказав это, он опять заговорил стихами:

Вижу я день, когда в сруе златой серебристые кони,
Стойла покинув свои, сойдут на землю в Нисее [11].
Некогда Эетион Дедал [12] в закрепление дружбы
Этих коней сотворил в сиракузян граде богатом.
Медные ясли им сделал, сковал их крепкою цепью,
Гиперионова сына отлил он из чистого злата,
В светлом блеске лучей и с очами, сверкавшими ярко
В день этот, Рим, на тебя обрушатся страшные беды:

Явится мощное войско и всю твою землю погубит:
Площадь твоя опустеет, огонь города уничтожит,
Кровь переполнит потоки, затопит недра земные.
Горького мрачного рабства судьбу ты в тот день испытаешь.
И после битвы не встретит жена победителя-мужа;
Только подземный угрюмый Аид в свое черное царство
Примет погибших отцов и малых детей с матерями.
Тот, кто останется жив, чужеземцам станет слугою.

Сказав это, Публиций умолк. Потом, выбежав из лагеря, он взобрался на дерево. Когда он увидел, что множество людей идет за ним, он подозвал их к себе и сказал: «Мне, римские мужи и прочие воины, суждено сегодня умереть — рыжий волк растерзает меня; а вы поверите, что все предсказанное мною сбудется — и появление этого зверя и моя гибель докажет, что я по божественному внушению сказал вам правду».

Кончив эту речь, он велел всем отойти в сторону и не препятствовать волку подойти к нему: если они прогонят волка, им самим придется худо; толпа повиновалась его словам и через малое время появился волк. Публиций, увидев его, сошел с дерева, упал навзничь, и волк загрыз и растерзал его на глазах у всех и, пожравши все его тело, кроме головы, убежал в горы. Когда все бросились к останкам и хотели поднять их с земли и похоронить, как подобает, голова, лежащая на земле, изрекла такие стихи:

Не прикасайся к моей голове! Закон воспрещает
Тем, кто навлек на себя проклятье могучей Афины,
К этой священной главе прикасаться. Не двигайся с места!
Слушай мои предсказанья! ты истины слово услышишь.
Этой землей завладеет Арес беспощадный и мощный,
Многих бойцов он пошлет в Аида черную бездну,
Башни из камня низвергнет, разрушит высокие стены,
Наши богатства и наших супруг и детей неповинных
Схватит и в Азию всех увезет через волны морские.
Все это Феб Аполлон тебе предрекает неложно,
Мощного вестника он за мною послал и уводит
Ныне в жилища блаженных меня, где царит Персефона.

Все слышавшие это, немало были поражены. Воздвигнув на этом месте храм Аполлону «Ликейскому» («волчьему») [13] и поставив жертвенник там, где лежала голова, они поднялись на корабли и отплыли — каждый к себе на родину. И сбылось все, что предсказал Публиций.

ЛУКИАН

Лукиан родился в сирийском городе Самосате около 120 г. н. э. в семье бедного ремесленника. Получив общее и риторическое образование, Лукиан выступал со своими речами в городах Сирии, в Риме и Афинах. Впоследствии он осмеивает риторическую «мудрость», изучает философию, но не становится последователем ни одной из философских школ. После долгих лет странствований, в течение которых он живет на доходы от своих речей и созданных им литературных произведений, Лукиан получает должность императорского судейского чиновника в Египте.

Под именем Лукиана до нас дошло 84 отдельных произведения, из которых некоторые считаются подложными. Первыми его произведениями были риторические упражнения-декламации, часто совершенно оторванные от жизни. Образцом такой декламации является, например, речь Лукиана «Лишенный наследства», или «Тиранноубийца». С годами Лукиан становится все более в оппозицию к софистике и в его творчестве делаются заметнее сатирические тенденции: он переходит к жанру комического диалога. Им создаются большие циклы, как: «Разговоры богов», «Разговоры гетер», «Морские разговоры».

В 60-х годах Лукиан совсем отходит от софистики и начинает использовать философию в борьбе против суеверий и религиозно-моральных предрассудков. Сатира Лукиана принимает философский характер, причем, он вводит в философский диалог комический элемент в стиле сатир Мениппа.

В этот период Лукиан создает большое количество антирелигиозных сатир, высмеивающих богов и низводящих их на уровень пошлых и тупых людей, а также сатир, направленных против философов и клеймящих их грубость, жадность и чревоугодие.

Лукиан не был оригинальным мыслителем, но свой незаурядный талант он отдал борьбе с суевериями и шарлатанством. В последний период его литературной деятельности тематика произведений Лукиана делается более современной. Он отходит от формы диалога и переходит к письму — памфлету — яркой сатире на христианство («О кончине Перегрина» или «Александр или Лжепророк») и к памфлетам по чисто литературным вопросам («Учитель красноречия»), а также к созданию ряда пародий на различные литературные произведения.

Прогрессивное значение творчества Лукиана — в критике религиозных суеверий и философского обмана, направленных против народных масс.

ТИМОН [1], ИЛИ МИЗАНТРОП

Тимон. О, Зевс Милостивец и Гостеприимец, Дружелюбец и Домохранитель, Громовержец, Клятводержатель, Грозоносец, и как еще иначе тебя называют восторженные поэты, в особенности, если у них не выходит размер стиха, так как тогда ты своими многочисленными именами поддерживаешь падающий стих и заполняешь зияние в ритме.

Где же теперь у тебя многошумная молния, где тяжелогремящий гром и раскаленный, сверкающий, страшный перун? Ведь все это, оказывается, бредни, просто дымка поэзии, ничто, кроме громких названий. А твое прославленное, далеко разящее и послушное оружие потухло и охладело, не знаю каким образом, и не сохранило даже малейшей искры гнева против неправедных. Право, собирающийся нарушить клятву скорее испугается вчерашнего фитиля, чем всесокрушающего пламени перуна. Ведь окажется, будто ты ему угрожаешь простой головешкой, которая не дает ни огня, ни дыма, и такой человек знает, что от твоего удара он только замарается сажей. Потому-то уже Салмоней осмелился подражать твоему грому, не совсем безуспешно противопоставив Зевсу, столь холодному в гневе, свой жар и гордость. Да и как могло быть иначе? Ведь ты спишь, словно под влиянием мандрагоры, не слыша ложных клятв и не следя за несправедливыми; ты страдаешь глазами, слепнешь, не различая происходящего перед собой, и оглох, точно старик. Вот, когда ты был еще молод и пылок душой, ты бывал велик в гневе и совершал многое против несправедливых и насильников. Ты никогда не заключал с ними священного перемирия, твой перун всегда был в деле, и эгида сотрясалась от ударов, гремел гром и непрерывно падала молния, словно копья во время боя; земля дрожала, как решето, снег падал сугробами, град валился, словно камни. И чтобы тебе сказать грубость — дожди шли бурные и сильные, каждая капля становилась рекой! В одно мгновенье земля потерпела такое кораблекрушение при Девкалионе, что все погрузилось в водную бездну; только один небольших размеров ковчег, хранивший в себе кое-какие искорки человеческого семени для нового поколения, еще более худшего, чем первое, едва спасся, наткнувшись на Ликорей [2].

И вот, ты несешь от него заслуженное воздаяние за свою беспечность, так как никто теперь не приносит тебе жертв и не украшает твоих изображений венками; разве только в Олимпии случайно кто-нибудь сделает это; да и тот не считает это очень нужным, а только выполняет какой-то старинный обычай. И в скором времени, благороднейший из богов, из тебя сделают Крона и лишат всякого почета.

Я уж не говорю, как часто бывал ограблен твой храм; даже у тебя самого обломали руки в Олимпии, а ты, высокогремящий, поленился поднять собак на ноги или призвать соседей, чтобы, сбежавшись на крики, они захватили грабителей, приготовлявшихся бежать. Но, благородный Титаноборец и Гигантоборец, ты сидел, держа в правой руке перун в десять локтей, пока они обстригали тебе кудри!

Когда же, наконец, о изумительный, прекратится подобная небрежность и невнимание? Когда же ты покараешь такое беззаконие? И сколько для этого потребуется Девкалионов и Фаэтонов, теперь, когда жизнь переполнена дерзости и обиды?

Но оставим в стороне общие дела; поговорим о моем собственном положении. Скольких афинян я возвысил и сделал из беднейших богатыми; одним словом, я целиком излил свое богатство в благодеянии друзьям. Когда же благодаря этому я стал нищим, они меня и знать больше не хотят, и даже не глядят на меня. И это те, кто прежде унижались предо мной, кланялись мне и ждали только моего кивка. А теперь, если бы я встретил когонибудь из них случайно на дороге, они прошли бы мимо, не узнавая меня, словно проходили мимо какой-нибудь гробницы забытого мертвеца, покосившейся и пострадавшей от времени. А иные, заметив меня издали, свернули бы в сторону, считая несчастливым и дурным знаком увидать того, кто был еще недавно их спасителем и благодетелем. Все эти несчастия заставили меня удалиться сюда, в отдаленные места; одетый в овчину, я обрабатываю землю за вознаграждение в четыре обола [3], рассуждая в этом уединении с моей мотыгой. Здесь, мне кажется, я выгадываю по крайней мере то, что не замечаю многих незаслуженно счастливых людей — ведь это мне очень прискорбно. Но теперь, сын Крона и Реи, стряхни же с себя этот глубокий и приятный сон — ведь ты переспал даже Эпименида [4]; раздуй свой перун или зажги его от Эты и, получив великое пламя, яви гнев мужественного и юного Зевса, если неправда то, что критяне болтают о тебе и твоей у них могиле.

Зевс. Кто этот крикун, Гермес, который орет из Аттики у подножья Гиметта? Он грязен, худ и одет в овчину. Кажется, он, согнувшись, роет землю. Болтливый и дерзкий человек. Конечно, это какой-нибудь философ, потому что иначе он не вел бы о нас таких безбожных речей.

Гермес. Что ты говоришь, отец? Разве ты не узнаешь Тимона, сына Эхекратида из Коллита? Это тот, кто часто при совершении жертвоприношений угощал нас целыми гекатомбами, недавний богач, у которого мы обыкновенно так пышно праздновали Диасии.

Зевс. Увы, какая перемена! Он, прекрасный, богатый человек, окруженный множеством друзей! Какие несчастия сделали

его таким? Как стал он грязным, жалким, по-видимому, батраком, обрабатывающим землю тяжелой мотыгой?

Гермес. Его извела, так сказать, доброта, человеколюбие, и жалость ко всем нуждающимся, а, если говорить правду, неразумие, добродушие и неразборчивость в друзьях. Тимон не понимал, что угождает воронам и волкам, и, когда у несчастного печень клевало уже столько коршунов, он все-таки считал их друзьями и приятелями, которые радуются еде из расположения к нему. Когда же они обнажили и тщательно обглодали его кости и весьма старательно высосали имеющийся в них мозг, тогда они ушли, оставив Тимона высохшим и с подрезанными корнями; друзья не узнают его больше, не глядят на него — к чему в самом деле — и не помогают ему, не давая ему со своей стороны ничего. Вследствие этого, покинув от стыда город, он в овчине и с мотыгой, как мы видим, обрабатывает теперь землю за плату, тоскуя о своих несчастьях, когда разбогатевшие благодаря ему горделиво проходят мимо, даже забывая, что его зовут Тимоном.

ФИЛОСТРАТЫ

Среди дошедших до нас памятников второй софистики довольно большое число сочинений разных жанров принадлежит нескольким представителям семейства филостратов. Время жизни первого Филострата-софиста, насколько можно судить по его диалогу «Нерон», падает на конец II в. н. э. В первой половине III в. н. э. широкую известность приобретает его сын Флавий Филострат, называемый обычно Старшим, от которого сохранились сборник литературных писем, сборник биографий древних и новых софистов, диалог «О «героях» и роман «Жизнь Аполлония Тианского». Уроженец острова Лемноса, Флавий Филострат посещал школы риторов в Афинах, затем, переселившись в Рим, стал близок к кружку Юлии Домны, жены императора Септимия Севера (193—211 гг.), образованной дочери восточного жреца. По ее поручению Флавий Филострат составил жизнеописание Аполлония, уроженца Тианы в Каппадокии, философа-неопифагорейца I в. н. э. Одни превозносили его до небес, ставили в один ряд с Пифагором, Сократом (Евнапий, Аммиан Марцелин, Иоанн Малала), другие видели в нем лишь мага и шарлатана (Лукиан, Иоанн Златоуст). Роман Филострата, наш единственный источник биографических сведений об этом философе, звучит как апология Аполлония, как утверждение образа идеального мудреца. Идеализация героя, подробное описание перипетий его странствований, благополучное преодоление встречающихся на пути препятствий, постоянное стремление к единой цели, элемент чудесного — все это позволяет считать «Жизнь Аполлония Тианского» скорее философским романом, чем биографией. Филострат описывает всю жизнь Аполлония, рисует своего героя бескорыстным, кротким, всецело погруженным в поиски мудрости, ради которой он отправляется в Индию, Египет, Эфиопию. Советами и чудесами Аполлоний приносит много добра. Он пользуется всеобщим уважением, однако сталкивается и с завистью беспринципных философов — искателей наживы, и с враждебным отношением к себе правителей-тиранов. За явное неодобрение тирании Аполлоний оказывается в тюрьме, однако чудесным образом выходит оттуда. Таинственностью окутана и его смерть. В романе встречаются рассуждения о политике, искусстве, о природе. Если в космологических положениях у Филострата лишь повторены мысли Пифагора и Платона, то в изложенных им взглядах на искусство и политику отразился, несомненно, дух его времени. Главным источником своих сведений Филострат называет записки спутника Аполлония Дамида, которому в романе отведена роль второго рассказчика. Данные археологических раскопок подтверждают правдивость сообщаемых Филостратом описаний дворцов Вавилона и Индии и тем самым позволяют признать реальность личности Дамида. Вместе с тем в «Жизни Аполлония» немало таких географических

подробностей, которые не могут восходить к запискам очевидца и заимствованы, возможно, из сочинений Ктесия. Роман Филострата знаменует собой зарождение особого литературного жанра — ареталогии,— получившего столь большое распространение в византийский период.

Под именем Филострата Старшего дошли до нас две книги «Картин». Но автором этого труда был, вероятно, не он, а его зять или племянник, называемый Филостратом Лемносским. Хотя до сих пор не совсем ясно, существовали ли на самом деле все описанные Филостратом картины, несомненно все же, что они воплощают характерные черты современной Филострату живописи. Филострату IV, внуку Филострата III, принадлежит сборник «Картины Филострата Младшего», во введении к которому формулируются требования автора к живописи. Наконец, вместе с «Картинами» двух Филостратов обычно издается маленькое сочинение «Статуи», относящееся к тому же жанру описаний и принадлежащее софисту по имени Каллистрат. Об этом авторе более ничего не известно; жил он, по-видимому, в III—IV вв. н. э.

ФИЛОСТРАТ СТАРШИЙ

ЖИЗНЬ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО

Книга I

АПОЛЛОНИЙ В АСПЕНДЕ *(гл. 15)*

15. Нелегко мирным и убедительным словом заставить город, измученный голодом, переменить мысли и забыть гнев. Аполлонию же удавалось сделать это даже молча. Прибыл он в Аспенд памфилийский, который расположен на берегу реки Эвримедонта и по значению своему занимает третье место среди городов Памфилии. Жители питались там горохом и малосъедобными вещами, потому что хлеб богачи держали в закромах для вывоза и продажи за границей. И вот население всех возрастов возмутилось против префекта и угрожало ему огнем, хотя он припал к статуе императора, которая была тогда страшнее и священнее Зевса Олимпийского, потому что изображала Тиберия, при котором, говорят, один человек был обвинен в оскорблении величества за то, что побил своего слугу, имевшего в тот момент при себе серебряную драхму с портретом Тиберия. Итак, подойдя к префекту, Аполлоний знаками [1] спросил его, в чем дело, и услыхав в ответ, что тот ни в чем не виноват, но также страдает, как и население, и погибнет вместе с ними, если не получит слова, повернулся к стоявшим вокруг и кивком головы приказал выслушать, они же не только умолкли из уважения к нему, но и факелы возложили на жертвенники. Тогда, воспрянув духом, префект сказал: «Вот этот и вот тот,— многих назвал он,— виновники наступившего голода: захватив хлеб, они по всей стране прячут его». Когда же аспендийцы стали подговаривать друг друга отправиться на поля, Аполлоний кивком головы велел не делать этого, но призвать скорее виновных и получить хлеб с их согласия. Когда они пришли, он чуть не закричал на них, такое страдание причинили ему слезы народа, ведь и дети и женщины плакали, и старики стенали, предчувствуя скорую гибель от голода, но он, чтя обет молчания, написал порицание на табличке и дал прочесть префекту. Написано там было следующее: «Аполлоний аспендийским хлеботорговцам. Земля — мать для всех, и она справедлива, вы же, несправедливые, сделали ее матерью только для самих себя, и я не позволю вам стоять на ней, если вы не измените своего поведения». Устрашенные этим, торговцы наполнили рынок хлебом, и город тот ожил.

Книга V

АПОЛЛОНИЙ У ВЕСПАСИАНА *(гл. 31—36)*

31. На следующий день Аполлоний пришел ко дворцу на рассвете и спросил телохранителей о том, что делает император [2]. Они же ответили, что он давно не спит и занят перепиской. Услыхав это, Аполлоний ушел, сказав Дамиду [3]: «Этот человек будет править». Снова придя после восхода солнца, он встретил у дверей Диона и Евфрата [4], жаждавших послушать о беседе, и пересказал им апологию [5], которую слышал от императора, о своем же впечатлении умолчал. Его позвали первым. «Император,— обратился он,— давно известные тебе Дион и Евфрат стоят около дверей и интересуются твоими делами. Позови же и их для участия в нашей беседе: оба они мудрые люди».— «Двери моего дома,— ответил Веспасиан,— всегда открыты для мудрых. Для тебя же, поверь, и сердце мое отверсто».

32. А когда их призвали, Веспасиан сказал: «Вчера я оправдался перед благородным Аполлонием в тех действиях, которые я намерен совершить». «Мы слышали про твое оправдание,— возразил Дион,— оно разумно».— «Сегодня же давайте, милый Дион, поговорим о принятом решении, чтобы все мои поступки были прекрасны и служили благу людей. Вот перед моим мысленным взором встает Тиберий, сделавший власть жестокой и бесчеловечной, за ним идет Гай [6], в вакхическом безумии носивший лидийскую одежду и побеждавший несуществующих врагов, во всех государственных делах проявивший свое постыдное исступление, затем добрый Клавдий [7], в своей покорности женщинам забывший не только об управлении страной, но и о своей жизни, ведь он погиб, говорят, от их руки; а зачем мне еще порицать Нерона после краткого и меткого слова Аполлония о распущенности и жестокости, которыми Нерон омрачил свое правление? Что сказать о затеях Гальбы, который нашел свою смерть посреди форума, где собирался усыновить Отона и Пизона, доставлявших ему утехи любви? Если бы мы позволили властвовать и Вителлию [8], еще большему негодяю, то это был бы второй Нерон. Итак, видя, что из-за этих тиранов власть стала ненавистна, я советуюсь с вами, как мне навести порядок, когда люди уже потеряли доверие к власти».

На это Аполлоний ответил: «Флейтист послал самых умных из своих учеников к плохим флейтистам, чтобы научить их, как не надо играть; ты, государь, научился у тех, кто плохо правил, именно тому, как не надо управлять, о том же, как надо править, давайте поговорим серьезно».

33. Евфрат втайне уже завидовал Аполлонию, замечая, что доверия к нему у императора больше, чем бывает у людей, при-

ходящих за прорицанием к оракулу. С излишней важностью он возвысил тогда голос и произнес: «Не следует ни потакать страстям, ни безумно увлекаться вместе с теми, кто необуздан в своих поступках, но нужно соблюдать меру, если мы на самом деле философы. Ведь следовало обсудить, должен ли ты действовать, ты же приказываешь говорить о том, как надо действовать, не узнав, допустимо ли действие. По-моему, Вителлий должен быть уничтожен (я знаю его как человека мерзкого, распутного), но я не согласен, чтобы ты — муж добрый, отличающийся благородством, исправлял ошибки Вителлия, а про себя самого ничего не знал. О бесчинствах, сопутствующих монархическому правлению, мне нет надобности говорить: ты сам их назвал, но знай, что юность, рвущаяся к тирании, поступает, как ей свойственно: ведь добиваться власти для юношей то же, что пить, что любить, и юноша, добившийся власти, еще не плох, если он, будучи тираном, кажется убийцей, жестоким и необузданным. А если к власти пришел старец, то подобные наклонности ему сразу ставят в вину, когда же он проявляет человеколюбие и порядочность, они приписываются не ему, а его возрасту и опытности. Кроме того, будет долго казаться, что он уже давно, еще с молодых лет стремился к этому, но терпел неудачу. А подобные неудачи люди относят, как за счет злой судьбы, так и за счет трусости. Ведь кажется, будто он либо оставил мысль о власти, не веря в свою судьбу, либо уступил ее другому, несомненно испугавшись противника. О злой судьбе не будем говорить, но как опровергнуть обвинение в трусости, когда противником оказывается Нерон, самый робкий и самый нерешительный? То, что затевал против него Виндекс [9], к тебе, клянусь Гераклом, имело прямое отношение. У тебя было войско, и силы, которые были брошены против иудеев [10], с большим успехом покарали бы Нерона. Ибо иудеи давно удалились не только от римлян, но и от всех людей. Ведя замкнутую жизнь, не имея общих с людьми возлияний, еды, молитв, жертв, они от нас дальше, чем Сузы, Бактры и даже индусы, так что за отпадение от нас иудеев наказывать не следовало: ими лучше было бы не владеть. Но кто не счел бы для себя лестным убить собственной рукой Нерона, чуть ли не пившего человеческую кровь и услаждавшегося пением среди убийств? Я прислушивался к рассказам о тебе, и когда оттуда приходил кто-либо с известием о гибели от твоей руки тридцати тысяч иудеев, а затем и пятидесяти тысяч в следующей битве, я отводил человека в сторону и расспрашивал его наедине: «Что это за муж? Нет ли известия более важного, чем это?» Раз ты воюешь против Вителлия, видя в его образе Нерона, совершай, что замыслил; это дело прекрасное, но после пусть будет так: римлянам очень дорого демократическое правление, и при этой форме правления

они завладели многим из того, что принадлежит им. Уничтожь монархию, о которой ты говорил, дай римлянам народную власть, сам стань основоположником их свободы».

34. Видя, что Дион соглашается со словами Евфрата (он это обнаруживал и киванием и возгласами одобрения), Аполлоний сказал: «Дион, не прибавишь ли ты чего-нибудь к сказанному?» — «Да, — ответил тот,— кое в чем я согласен, кое в чем нет. И я тебе, думаю, говорил, что было бы гораздо лучше уничтожить Нерона, чем усмирять иудеев, ты же был похож на боровшегося за то, чтобы его никогда не свергли. Ведь приводя в порядок его расстроенные дела, ты восстанавливал его силы на беду всем, для кого он был невыносим. Выступление против Вителлия похвально. Важнее, на мой взгляд, не дать проявиться тираннии, чем уничтожить уже укоренившуюся [11]. Демократию я приветствую (если эта форма общественного устройства и хуже аристократии, то для людей благоразумных она предпочтительнее, чем тиранния или олигархия), но боюсь, что долголетняя тиранния уже развратила римлян и они стали неспособны жить свободно и опять видеть демократию, как вышедшие из темноты не могут взирать на яркий свет. Поэтому нужно устранить от дел Вителлия и чем скорее, тем лучше. Мне кажется, надо готовиться, как на войну, но объявить не войну, а наказание ему, если он не откажется от власти. Когда победишь его, что, конечно, не составит для тебя труда, предоставь римлянам самим выбрать себе форму правления. Если они предпочтут демократию, согласись. Ведь для тебя это почетнее многих тиранний, почетнее многих побед на олимпийских играх; повсюду в городе будет написано твое имя, повсюду будут стоять твои медные изваяния, для нас ты станешь героем рассказов, в сравнении с которыми повесть о Гармодии и Аристогитоне ничто. Если бы они выбрали монархию, то кому бы, кроме тебя, все отдали бы власть? Охотнее всего они вручат ее именно тебе, после того как ты, уже обладая ею, уступишь ее гражданам».

35. После этих слов наступило молчание, и лицо императора выдавало внутреннюю борьбу, потому что этот совет удалял его от всего того, что он собирался предпринимать и делать в качестве самодержца. Тут начал говорить Аполлоний: «Мне кажется, вы ошибаетесь, отговаривая императора от дел уже решенных, предаваясь глупой и неуместной болтовне. Если бы в моих руках была такая же власть, как у него, и я бы советовался о том, какое добро сделать людям, а советниками были бы вы, возможно, ваше слово имело бы успех (ведь философские мысли наставляют слушателей-философов), но вы даете совет наместнику провинций [12], привыкшему управлять, которому, в случае лишения власти, уготована гибель. Зачем бранить его,

если он не отказывается от посланного судьбой, а принимает охотно и советуется о том, как разумно использовать то, чем он владеет? Представьте себе, если мы увидим мужественного, высокого, хорошо сложенного атлета, через Аркадию уже идущего в Олимпию, если подойдем и станем ободрять его перед соревнованием, а когда он одержит победу на Олимпийских играх, возбраним ему объявить о своей победе через глашатая и надеть на голову венок из ветвей маслины, то не покажется ли, что мы болтаем вздор или насмехаемся над чужими трудами? Итак, принимая во внимание количество сверкающей меди, количество копий, окружающих нашего мужа, великое множество коней, его порядочность и благоразумие, его пригодность к тому, что он замышляет, пошлем его туда, куда он уже направился, пожелаем счастья и будем поощрять к еще большим успехам. Ведь вы не забывайте и того, что он отец двух сыновей [13], которые уже командуют войсками и которые станут его злейшими врагами, если он не передаст им власти. Что ему в этом случае сулит будущее, как не войну против собственной семьи? Приняв же на себя верховную власть, он будет окружен заботой со стороны собственных детей, будет опираться на них, а они на него. у него будут свои телохранители, не нанятые за плату, клянусь Зевсом, не притворяющиеся по необходимости преданными, но самые усердные и самые любящие. Для меня форма правления безразлична, потому что я живу под властью богов, но я не желаю, чтобы человеческое стадо гибло за неимением справедливого и благоразумного пастыря. Ведь как человек, отличающийся доблестью, заставляет демократическое правление казаться властью одного самого лучшего, так и власть одного, направленная на благо всего общества, есть народное правление. Он не сверг, ты говоришь, Нерона. А ты, Евфрат? А Дион? А я? Однако никто нас не порицает за это, не считает трусливыми за то, что мы не думали о принятии мер для защиты свободы, тогда как до нас философы свергли тысячи тиранний. Я, впрочем, даже выступал против Нерона, произнося много враждебных речей, в лицо браня свирепого Тигеллина [14], а своей помощью Виндексу на западе [15] я, несомненно, строил крепость против Нерона. Но я не стану утверждать, что благодаря этому низверг тирана, и вас, не делавших этого, не буду считать более снисходительными к пороку, чем прилично философу. Итак, философ выскажет то, что у него на уме, но постарается, думаю, не говорить ничего глупого и бессмысленного, а наместник провинций, замышляющий низложить тиранна, должен в первую очередь все обдумать, чтобы начать дело неожиданно, он должен также иметь благовидный предлог, чтобы не показаться клятвопреступником. Ведь, если он собирается поднять оружие против того, кто объявил его полководцем и кому он поклялся в вер-

ности, то, конечно, должен в свое оправдание перед богами сказать, что нарушает клятву справедливо; нуждается он также в большом количестве друзей (такие ведь дела нельзя делать незащищенному и неукрепленному) и в больших деньгах для привлечения на свою сторону власть имущих, особенно, когда предпринимает это против человека, овладевшего всеми богатствами земли. Какая тут нужна опытность, сколько потребно времени! Воспринимайте это как хотите. Незачем пускаться в исследование того, что им уже, по всей вероятности, обдумано и чему судьба благоприятствует без всяких усилий с его стороны. Что вы скажете на это? Ведь увенчанному вчера городами в святилищах императору, блестяще проявившему себя в умелом решении общественных дел, вы предлагаете с сего дня объявить всенародно о том, что он собирается остальную жизнь провести как частное лицо, а к власти пришел в припадке безумия. Доведя до конца задуманное, он привяжет к себе преданных телохранителей, полагаясь на которых он и замыслил это, отказавшись же от предпринятого и обманув их надежды, он будет иметь в их лице врагов».

36. С удовольствием выслушав его, император сказал: «Ты не выразил бы яснее задуманного мною, даже взглянув в мою душу. Я, конечно, послушаюсь тебя; ведь божественным считаю все, исходящее от тебя; научи теперь, как должно поступать хорошему государю». А Аполлоний ему на это: «Ты просишь меня о том, чему нельзя научить. Умение царствовать — величайшее из человеческих искусств, но обучить ему невозможно. Я, впрочем, объясню, конечно, какие поступки мне кажутся правильными. Богатством считай не то, что лежит спрятанным, ведь чем оно лучше кучи песка? И не то, что поступает от людей, стонущих под бременем налогов: золото, полученное из слез, фальшиво и темно. Ты лучше всех царей распорядишься богатством, если нуждающимся поможешь, а у имущих оставишь богатство неприкосновенным. Остерегайся своего полновластия, и ты станешь использовать его более разумно. Не срезай высоко выдающихся колосьев, Аристотель ведь неправ [16], лучше вырывай с корнем вражду, как терние с хлебного поля; будь страшен для замышляющих переворот не тогда, когда ты наказываешь, а когда собираешься наказывать, пусть и над тобой закон сохраняет свою силу. Более разумные законы издашь ты, если не станешь презирать их. Богов чти больше, чем раньше: много получил ты от них и о многом молишься. В том, что касается власти, веди себя как царь, в том, что касается твоего тела,— как частное лицо. Об игре в кости, о пьянстве, о любовных забавах и о ненависти к подобным вещам зачем мне напоминать, когда ты, говорят, и в молодости не увлекался этим? Детей у тебя, государь, как сказывают, двое и превосходных.

Держи их в самом строгом повиновении. Ведь их проступки тебе, несомненно, ставятся в вину. Грози им, что не передашь власти, если они не пребудут благородными и честными, чтобы власть они считали не уделом, а наградой за совершенство. Ставшие обычными в Риме развлечения нужно, государь, мне кажется, мало-помалу прекращать. Трудно сразу заставить народ стать благоразумным, следует постепенно приводить умы в надлежащее состояние, одно исправляя открыто, другое тайно. Вольноотпущенников и рабов, над которыми ты получаешь власть, давайте отучим от нахальства и приучим их вести себя тем скромнее, чем важнее у них хозяин. О чем еще поговорить, как не о наместниках провинций? Я имею в виду не тех, кого ты сам станешь посылать,— ты ведь вверишь управление достойным,— а тех, кому власть достанется по жребию [17]. Необходимо, на мой взгляд, при направлении их в доставшиеся им провинции, по мере возможности, принимать во внимание их пригодность к делу. Пусть говорящие по-гречески управляют греками, а говорящие по-латыни — теми, кому понятен этот язык. Расскажу, что навело меня на эту мысль. Когда я был в Пелопоннесе, Грецией правил человек, ничего не смыслящий в делах Греции, и которого греки совершенно не понимали. Он, разумеется, ошибался, и его самого очень часто вводили в заблуждение. Заседатели, участвующие при обсуждении решения суда, превратили процессы в источник наживы и смотрели на правителя, как на невольника. Так, император, мне представляется сегодня. Если еще что-нибудь другое придет мне в голову, мы снова встретимся. А теперь принимайся за исполнение своих обязанностей властителя, чтобы не показаться слишком ленивым в глазах подчиненных».

Книга VI

АПОЛЛОНИЙ И ТИТ (*гл. 29—32*)

29. После взятия Иерусалима [18], когда повсюду лежали мертвые тела, соседние народы стали увенчивать Тита, но он не счел себя достойным (ведь не сам совершил он это, но доверил свои руки разгневанному богу). Аполлоний одобрил его поступок: нежелание быть увенчанным за кровопролитие обнаруживало в этом человеке ум, понимание человеческих и божественных вещей и великое благоразумие. В письме, которое было вручено через Дамида, он писал так: «Аполлоний приветствует Тита, римского полководца. Ты не захотел быть прославляемым ни за битву, ни за пролитую кровь врагов, и я присуждаю тебе победный венок благоразумия, потому что ты знаешь, за что следует быть увенчанным. Будь здоров». Весьма обрадо-

вавшись письму, Тит сказал: «И я и отец мой благодарны тебе. Я не забуду этого; ведь я пленил Иерусалим, а ты меня».

30. Провозглашенный в Риме императором и удостоенный триумфа за эту победу, Тит отправился в путь, чтобы стать соправителем отца, но сознавая, насколько ценно хотя бы краткое время пробыть в обществе Аполлония, он просил последнего прибыть в Аргос [19]. Когда тот пришел, Тит, обнимая его, произнес: «Отец рассказал мне, как он обо всем советовался с тобой, и вот письмо. В нем он называет тебя своим благодетелем и тебе воздает благодарность за все то, чем мы стали. Мне тридцать лет и, удостоенный того же, чего отец в шестьдесят, я призван властвовать, еще не зная, умею ли повиноваться; мне страшно, не берусь ли я за дело, которое выше того, что надо для меня». Пощупав его шею, а она была крепкая, как у всех атлетов, Аполлоний ответил: «И кому удастся одеть ярмо на быка с такой шеей?» — «Тому, кто растил меня теленком»,— возразил Тит, разумея своего отца и то, что подчиняется одному ему, с детства приучившему его слушаться себя. «Я рад,— сказал тогда Аполлоний.— Во-первых, потому что нахожу тебя готовым следовать отцу, управлением которого довольны и не родные ему дети, и потому, что ты намерен уважать того, с кем будешь разделять почет. Какая лира, какая флейта передаст сладчайшую и полную гармонию юности, приступающей к правлению вместе со старостью? Ведь более старое вступит в согласие с новым, благодаря чему и старость станет сильна, и юность будет избавлена от легкомыслия?»

31. «А мне, тианец, что ты посоветуешь относительно власти и царствования?» — «Именно то, в чем ты сам себя убедил: повинуясь отцу, ты, естественно, станешь подобен ему. Хорошо сказал Архит, его слова стоит запомнить. Архит был тарентинец, последователь пифагорейского учения. О воспитании детей он писал так: „Пусть отец служит примером добродетели для своих детей, ведь отцы усерднее будут идти по пути добродетели, если дети станут вырастать похожими на них“. А к тебе я приставлю Деметрия [20], моего товарища, который, когда бы ты ни пожелал, будет находиться при тебе и растолкует, что должно делать хорошему человеку».— «В чем же, Аполлоний, мудрость этого человека?» — «В его полной откровенности, в том, что он говорит правду и никого не боится: у него сила киника». Титу не понравилось слово «киник».— «Гомер,— возразил Аполлоний,— полагал, что юноша Телемах нуждается в двух собаках, и он послал их на площадь итакийцев [21] сопутствовать отроку, хотя они и были бессловесны. У тебя же будет пес, который, защищая тебя от других и от тебя самого, если ты впадешь в ошибку, станет лаять мудро и не бессловесно».— «Так давай мне в спутники этого пса, пусть он даже кусает меня, если

почувствует, что я поступаю несправедливо».— «К нему уже написано письмо, живет же этот философ недалеко от Рима»,— «То, что написано, пусть остается так, а я бы хотел, чтобы и тебе кто-нибудь написал обо мне, и ты стал бы нашим спутником по дороге в Рим».— «Я приеду, когда обоим нам это будет нужно».

32. Удалив присутствующих, Тит произнес: «Тианец, мы остались одни. Можно мне задавать вопросы о самом для меня главном?» — «Спрашивай,— ответил тот,— и будь тем смелее, чем важнее вопрос».— «О жизни моей и о тех, кого мне следует больше всего остерегаться, буду я спрашивать, если не покажется трусостью, что уже сейчас я напуган этим».— «Ты осторожен и предусмотрителен: об этом нужно проявлять самую большую заботу». И, подняв глаза к солнцу, Аполлоний поклялся солнцем, что сам, не дожидаясь вопроса, собирался говорить с ним об этих вещах. Ведь боги велели ему предупредить Тита, чтобы он опасался злейших врагов отца при его жизни, а после смерти — своих ближайших родственников.— «А умру я как?»,— спросил тот.— «Так же, как Одиссей. Говорят ведь, что к нему смерть пришла из моря».

Это предсказание Дамид толкует так, что ему надо было опасаться иглы морского ската, которая, говорят, поразила Одиссея, и что через два года после смерти отца Тит, облеченный властью, умер от рыбы, называемой морским зайцем. Неизвестные соки этой рыбы действуют губительнее, чем любой яд на земле или в море, и Нерон своим злейшим врагам подавал этого зайца как приправу. Домициан же угостил им своего брата Тита, ужасным считая не то, что ему приходилось делить власть с братом, а то, что брат его был кротким и дельным.

После этой частной беседы Тит и Аполлоний обнялись в присутствии всех, и уходящему Титу Аполлоний сказал вслед: «Император, побеждай врагов оружием, отца превосходи добродетелями».

Книга VIII

СУД НАД АПОЛЛОНИЕМ (*гл. 4—5*)

4. Судилище было украшено, как для слушания торжественной речи, присутствовала вся знать, так как Домициану важно было на процессе перед множеством собравшихся уличить Аполлония в причастности к делу тех людей [22]. Аполлоний же настолько презирал императора, что даже не смотрел на него, а когда обвинитель стал поносить его за эту гордость и велел ему смотреть на бога всех людей, он поднял свои глаза к потолку, показывая, что смотрит на Зевса, а любящего нечестивую лесть считает хуже льстеца. Предъявлял обвинитель и такие требования: «Император, измерь воду [23]; если ты дашь ему мно-

го времени, он удушит нас. Вот у меня записаны все обвинения, о которых ему надо говорить, пусть отвечает на каждое в отдельности».

5. Похвалив его за совет и приказав Аполлонию защищаться так, как советовал сикофант [24], император опустил некоторые статьи обвинения как маловажные и сосредоточил свои вопросы вокруг четырех статей, на которые, думал он, тот затруднится ответить. «Почему,— спросил он,— ты носишь не обычную для всех одежду, но свою собственную [25] и особую?» — «Потому,— последовал ответ,— что кормилица-земля одевает меня, и я не обижаю несчастных животных».— «Из-за чего люди называют тебя богом?» — «Потому что всякий человек, считающийся добрым, получает в знак уважения прозвание бога». Откуда он заимствовал эту мысль, я уже показал в рассказе об Индии [26]. Третий вопрос был задан относительно чумы в Эфесе. «По какой причине, на основании каких совпадений ты предсказал Эфесу болезнь?» — «Император, питаясь более скудно, чем остальные, я первый почувствовал беду; если хочешь, я перечислю причины заразных болезней». Тот же, по-моему, испугавшись, как бы он не приписал возникновение этих болезней нечистым бракам [27], беззаконию и его неразумным поступкам, ответил: «Мне не нужно ответа на этот вопрос». Четвертый вопрос касался тех людей [28], и он не сразу перешел к нему, но после длительного времени, многое продумав, и как будто в каком-то замешательстве стал спрашивать не так, как все того ожидали. Ведь думали, что он, перестав притворяться, не удержится и назовет тех мужей по имени и будет страшно кричать по поводу жертвоприношения. Он же повел речь совсем иначе, подступая к вопросу незаметно: «Скажи мне,— спросил он,— когда ты вышел из дому в тот день и отправился на поле, кому принес ты в жертву [29] ребенка?» Но Аполлоний, как на мальчишку, закричал на него: «Замолчи! Если я вышел из дому, то я пришел на поле, если это так, то я принес жертву, если принес жертву, то и съел. Но пусть об этом расскажут люди, достойные веры». При этих словах послышалось одобрение, большее чем дозволяется в императорском судилище; Домициан, считая, что присутствующие свидетельствуют в пользу Аполлония, и под каким-то впечатлением от его умных и здравых ответов, сказал: «Я снимаю с тебя обвинение, но ты останешься здесь, пока мы не встретимся с тобой частным образом». Тот же, воспрянув духом, воскликнул: «Тебе, император, спасибо, а вот из-за этих преступников [30] погибли города, острова наполнены беглецами, материк — рыданием, войско — трусостью, сенат — подозрительностью. Если хочешь, можешь не удерживать меня. Если же нет, то пошли взять мое тело; душу ведь взять невозможно, да даже и тела моего ты не сможешь захватить.

Но отступи, не убьешь ты меня, не причастен я смерти».

Книга II

О ПОДРАЖАНИИ И ВООБРАЖЕНИИ *(гл. 22)*

В то время, как они находились в храме (а времени прошло немало, пока царю докладывали о прибытии чужеземцев); Аполлоний спросил Дамида: «Скажи мне, Дамид, существует ли нечто, что мы называем „живописью"?» — «Конечно,— ответил Дамид,— она существует, раз существует истина».— «А что делает это искусство?» — «Оно,— сказал Дамид,— смешивает все имеющиеся краски — синюю с зеленой, белую с черной, ярко-алую с бледно-желтой».— «А зачем она их смешивает? — опять спросил Аполлоний — неужели только для того, чтоб бросаться в глаза своей пестротой, как поступают женщины, пользующиеся притираньями?» — «Нет,— ответил Дамид,— она делает это в целях подражания, чтобы изобразить пса, коня, человека, корабль, одним словом, все, что Гелиос видит перед собой; она изображает даже и самого Гелиоса, иногда на колеснице, запряженной четверкой коней — именно так он изображен здесь — иногда озаряющим все небо, если художник хочет написать жилище богов в эфире».— «Значит,— сказал Аполлоний.— живопись, Дамид, есть не что иное, как подражание?» — «А что же другое?» — ответил Дамид.— Если бы она была чем-либо иным, то она была бы смешна, так как зря тратила бы краски».— «А те образы, которые видны подчас на небе в просветах между облаками,— то кентавры, то олени, то, клянусь Зевсом, даже волки и кони,— разве они тоже созданы путем подражанья?»

— «По-видимому, так»,— сказал Дамид.— «Следовательно, по-твоему, Дамид, бог — художник? Порой он сходит со своей колесницы, на которой он объезжает вселенную, управляя делами божественными и человеческими, садится и начинает для забавы чертить разные фигуры, как делают дети, рисуя на песке?»

Дамид покраснел, видя, что его утверждения привели к такой нелепости. Аполлоний заметил это — он даже в споре никогда не бывал резок — и промолвил: «Ты, может быть, хотел сказать, что эти явления на небе не имеют для бога никакого значения и являются случайно, а мы, которым подражание свойственно от природы, как бы сопоставляем их в известном порядке и таким образом создаем „образцы"».— «Да,— ответил Дамид,— это, конечно, будет правильнее, Аполлоний, и гораздо лучше».

«Итак, Дамид, по-видимому, подражание имеет двойственный характер: оно, как мы полагаем, способно воспроизводить образы либо и рукой и мыслью, а это и есть живопись, либо — только мыслью».— «Нет,— возразил Дамид,— оно отнюдь не

двойственно: но более совершенным его видом мы должны считать живопись, которая способна воспроизводить образы и рукой и мыслью, а другой вид его считать частью первого; ведь представлять себе что-либо и воспроизводить это в мысли может любой человек, не будучи художником, но изобразить это, пользуясь своей рукой, он не может».— «А почему? — спросил Аполлоний.— Может быть, рука у него отнялась от ушиба или от болезни?» — «Да нет, клянусь Зевсом,— ответил Дамид,— просто потому, что он никогда не держал в руках чертежной палочки и не умеет пользоваться ни каким-либо иным инструментом, ни красками,— он же никогда не учился рисовать».

«Значит, мы с тобой оба в полном согласии пришли к такому выводу: подражание присуще человеку от природы, а живопись — результат обучения и упражнения; по-видимому, то же самое относится и к скульптуре. Однако под живописью ты, конечно, подразумеваешь не один только вид искусства, который пользуется красками; ведь древнейшие мастера обходились лишь одной краской и только впоследствии в живописи стали применяться четыре, а потом и большее число красок; простой, не раскрашенный рисунок, пользующийся только светотенью, можно тоже назвать живописью: и в нем можно воспринять и сходство, и общий облик, и выражение лица — ум, скромность, смелость,— хотя все изображение лишено красок и мы не видим ни румянца, ни блеска волос и бороды; рисунок, сделанный в одном тоне, подобен светловолосому бледному человеку: но даже если ты белой краской начертишь образ жителя Индии, он покажется тебе темнокожим: его вздернутый нос, торчащие волосы, выдающийся вперед подбородок — все это как бы окрашивает его облик в черный цвет, и всякий, кто вглядится в него, сразу поймет, что перед ним индус. Поэтому я сказал бы, что уменье воспроизводить образ нужно даже тем, кто смотрит на картины. Никто не станет хвалить нарисованного коня или быка, если он не представляет себе этих животных; никто не будет восхищен Аянтом Тимомаха [31], написавшего «Аянта-безумца», если он заранее не вообразил себе мысленно образа Аянта и не представил себе, как он, перебив троянские стада, в отчаянии замышляет самоубийство. А творения Пора мы не можем назвать ни произведениями исключительно литейного искусства — они подобны картинам, ни живописью — они отлиты из бронзы; мы видим, что их создал искусный художник, соединивший в своем лице литейщика и живописца, какого описывает нам Гомер в образе Гефеста, кующего щит Ахилла; ведь и у Пора ты видишь перед собой победителей и побежденных, и тебе кажется, что земля залита кровью, а между тем она — из бронзы».

Книга VI

БЕСЕДА АПОЛЛОНИЯ С ГИМНОСОФИСТОМ ФЕСПЕСИЕМ

(гл. 19)

«Прежде всего,— сказал Аполлоний,— я расспрошу вас о ваших богах. Что вы думали, когда поставили перед глазами людей, здесь живущих, такие нелепые и смехотворные изображения богов, за исключением немногих; что я говорю — немногих? Нет, лишь ничтожнейшее число их изображено разумно и соответственно их божественной природе, а остальные ваши храмы кажутся посвященными не богам, а скорее неразумным и бессловесным животным». Феспесий, рассерженный, спросил: «А у вас, скажи на милость, какой же вид имеют кумиры богов?» — «Такой,— ответил Аполлоний,— в каком только и можно изобразить богов,— они прекрасны и внушают благоговение».

«Ты, очевидно, говоришь,— возразил Феспесий,— о Зевсе Олимпийском, об Афине, о богинях Книдской и Аргосской и о некоторых других, отличающихся красотой и прелестью».— «Не только о них,— сказал Аполлоний.— Я вообще утверждаю, что другие народы изображают богов, как должно и пристойно, а вы скорее издеваетесь над божеством, чем поклоняетесь ему»... «Что же, разве ваши Фидии и Праксители восходили на небо, вылепили там образы богов и претворили их в художественные произведения, или было нечто иное, что побудило их изобразить богов?» — «Нечто иное,—сказал Аполлоний,— и притом нечто, преисполненное мудрости».— «Что же это? Ты, конечно, не сможешь назвать ничего иного, кроме подражания».— «Нет,— ответил Аполлоний, эти образы создало воображение, творец более мудрый, чем подражание: ведь подражание может изобразить только зримое, а воображение — и незримое, ибо оно создает свои образы, перенося их с того, что действительно существует; к тому же подражание нередко наталкивается на препятствия, воображению же не мешает ничто, оно беспрепятственно устремляется к тому, что оно само создает. Художник, задумав изобразить Зевса, должен как бы узреть его на небе, среди Ор и звезд; так устремил к нему свой взор Фидий; а тот, кто собирается изобразить Афину, должен представить себе ее воинское убранство, ее ум, ее искусность во многих делах, а также и то, как она родилась от самого Зевса. А если ты изобразишь коршуна, сову или волка и принесешь их в храм вместо Гермеса, Афины или Аполлона, то на долю зверей и птиц выпадет завидная слава, но за то боги лишатся большой доли чести, подобающей им.— «Ты, как видно,— сказал Феспесий,— судишь о наших делах, не понимая их сути: ибо египтяне приняли мудрое решение — они не дерзают изображать облики бо-

гов, а создают их символы, постигаемые умом, и боги представляются поэтому еще более заслуживающими поклонения».

На это Аполлоний, рассмеявшись, возразил: «Ну и люди! Великую пользу вы можете извлечь из мудрости египтян и эфиопов, если собака, ибис и козел станут казаться вам заслуживающими поклонения и богоподобными,— так я понял слова мудреца Феспесия. Да разве в этих существах есть величие, которое внушало бы благоговейный страх? Ведь всякие клятвопреступники, святотатцы и толпы богохульников станут скорее презирать таких богов, чем страшиться их. Если же богов следует постигать умом, то египетские боги казались бы внушающими большое благоговение, если бы изображений их вовсе не было, а ваше учение о богах было бы иным, более мудрым и, так сказать, тайным и неизреченным, вы могли бы воздвигать им храмы и устанавливать, какие жертвы подобает приносить им и какие не следует, и в какие сроки и с какой целью, с какими молитвами и обрядами,— но не ставить в храмах никаких изображений, а предоставлять тем, кто входит в храм, воображать себе облик богов; ибо ум рисует и запечатлевает эти образы лучше, чем художество. А вы отняли у ваших богов возможность быть прекрасными и для зрения, и для ума».

На это Феспесий возразил: «Однако был такой афинянин Сократ, и он, уже будучи стариком, был столь же неразумен, как и мы. Он считал богами и собаку, и гуся, и платан — он ведь клялся ими».— «Ничуть он не был неразумен,— сказал Аполлоний.— Напротив, он был боговдохновенным и поистине мудрым человеком: он клялся ими не потому, что считал их богами, а чтобы не клясться именем богов».

ФИЛОСТРАТ МЛАДШИЙ

КАРТИНЫ

ВВЕДЕНИЕ

Прекрасно и очень важно дело художника; ведь кто хочет действительно овладеть мастерством, тот должен уметь хорошо наблюдать природные свойства людей, быть способным подметить черты их характера даже тогда, когда они молчат, заметить, о чем говорит цвет щек, очертание бровей и как смена душевных чувств отражается в глазах,— одним словом, все, что должно относиться к духовной жизни людей. Если он в достаточной мере овладеет этой способностью, он все примет во вни-

мание, и его рука прекрасно передаст действие, присущее каждому душевному состоянию, придется ли ему изображать безумного или гневного, задумчивого или веселого, возбужденного или нежно любящего, и он напишет то, что полностью соответствует каждому характеру. Обман в этом деле для всех приятен и не заслуживает упрека. Подойти к вещам несуществующим так, как будто бы они существовали в действительности, дать себя им увлечь так, чтобы считать их как бы живыми, не терпя при этом никакого ущерба, разве этого не достаточно, чтобы наполнить душу восторгом, не вызывая против себя никаких нареканий?

ФИЛОСТРАТ ЛЕМНОССКИЙ

КАРТИНЫ

I, 3. БАСНИ

Басни пришли в гости к Эзопу — они любят его за его заботы о них; пользовались ими, правда, и Гомер, и Гесиод, да и Архилох [1] прибегал к их помощи, выступая против Ликамба: но только Эзоп претворил в басни все, что присуще людям, и вложил в животных разум, чтобы наделить их разумной речью. Он то бичует корысть, то преследует дерзость и лживость, и все это он показывает в образах то льва, то лисицы, то коня и — клянусь Зевсом — даже черепаха у него не лишена дара слова. От всех этих животных дети научаются житейской мудрости.

И вот, прославившись благодаря Эзопу, басни пришли к дверям этого мудреца, чтобы украсить его повязками и увенчать свежей зеленью. А Эзоп, мне кажется, сочиняет какую-то новую басню — он улыбается, а глаза вперил в землю: ведь живописец понимал, что создание басен требует душевной сосредоточенности; на этой картине в изображение самих басен вложена глубокая мысль — ибо звери на ней уподобляются людям: их облик взят из творений самого Эзопа, и все они окружают его целым хором; корифеем хора выступает лиса, ведь именно ее Эзоп выводит главным действующим лицом в большинстве своих басен, так же как в комедиях эту роль играет Дав [2].

II, 12. ПИНДАР

Мне кажется, ты восхищен тем, как тщательно написаны пчелы, как ясно видны их хоботки, и лапки, и крылышки; и тельце их окрашено так, что они точь-в-точь как живые; художник искусно расцветил все эти мелкие черточки.

Почему же эти умницы не у себя в ульях? Почему они в городе? Они ведут хоровод около дверей Даифанта [3] — ведь, как ты видишь, родился Пиндар, и они хотят воспитывать его с самого детства, чтобы он стал мастером в пении и музыке, и вот они уже и берутся за это дело. Малютка лежит на ветвях лавра и мирты; отец предчувствует, что сын его будет причастен божеству, ибо при рождении его в доме зазвучали кимвалы и тимпаны Реи. И нимфы, говорят, водили в честь его хороводы, и Пан весело запрыгал; а когда Пиндар сам стал сочинять песни, то даже Пан перестал прыгать, а начал петь гимны Пиндара.

У дверей стоит статуя Реи: можно подумать, что она изваяна, живопись здесь настолько уподобилась скульптуре, как будто над ней работал резец. Нимфы покрыты капельками свежей росы, словно только что вышли из своих родников, Пан пляшет, как видно, точно соблюдая особый размер, вид у него сияющий и около носа нет нахмуренных морщин.

Пчелы внутри дома суетятся вокруг ребенка, они кормят его медом и втягивают свои хоботки, боясь ужалить его. Они, наверное, прилетели с Гиметта и из «великолепных, прославленных в песнях»... [4] эти слова, я думаю, были внушены Пиндару ими.

КАЛЛИСТРАТ

ОПИСАНИЕ СТАТУЙ

ВАКХАНКА

Не только творенья поэтов или ораторов бывают овеяны священным наитием, нисходящим на их уста по воле богов, но и руки художников бывают охвачены еще бóльшим художественным вдохновением и в экстазе они творят чудесные вещи, полные неземной красоты. Вот и Скопас [1], осененный каким-то наитием, сумел передать статуе ниспосланное ему от богов вдохновение. Почему бы не начать мне рассказ вам с самого начала об этом вдохновенном творении искусства?

Скопасом была создана статуя вакханки из паросского мрамора; она могла показаться живою: камень, сам по себе оставаясь все тем же камнем, казалось, нарушил законы, которые связаны с его мертвой природой.

То, что стояло перед нашими взорами, было собственно только статуей, искусство же в своем подражании ее сделало как будто обладающей жизнью. Ты мог бы увидеть, как этот твердый по своей природе камень, подражая женской нежности, сам

стал как будто бы легким, и передает женский образ, когда его женская природа исполнена резких движений. Лишенный от природы способности двигаться, он под руками художника узнал, что значит носиться в вакхическом танце и быть отзвуком бога, низошедшего в тело вакханки.

Созерцая это лицо, безмолвно стояли мы, как будто лишившись дара речи,— так ярко во всякой детали написано было проявление чувства, там, где, казалось, не было места для чувства. Так ясно выражен был на лице вакханки безумный экстаз, хотя ведь камню не свойственно проявленье экстаза; и все то, что охватывает душу, уязвленную жалом безумия, все эти признаки тяжких душевных страданий были ясно представлены здесь творческим даром художника, в таинственном сочетании.

Волосы как бы отданы были на волю зефира, чтобы ими играл он, и камень как будто бы сам превращался в мельчайшие пряди пышных волос. Это было выше всякого понимания, выше всего, что можно представить себе: будучи камнем, этот мраморный образ сумел передать всю легкость волос; послушный искусству художника, он представил кольца свободно вьющихся кудрей; безжизненный камень, казалось, обладал какой-то жизненной силой.

Можно было бы сказать, что искусство само себя превзошло, настолько невероятным было то, что мы видели, но все же мы его видели своими глазами. И руки художник изобразил в движении: она не потрясала вакхическим тирсом, а несла на руках жертвенное животное, как бывает уже при криках «Эвоэ», что служит признаком более сильного экстаза. Это было изображение козы с кожей бледного цвета: даже состояние смерти камень сумел передать нам. Один и тот же материал послужил художнику для изображения жизни и смерти; вакханку он представил перед нами живою, когда она стремится к Киферону, а эту козу уже мертвой. Вакханка в своем неистовстве ее умертвила — и угасла у ней сила жизненных чувств.

Таким образом, Скопас, создавая образы даже этих лишенных жизни существ, был художником, полным правдивости; в телах он смог выразить чудо одушевленных свойств, как Демосфен, который, создавая в своих речах чеканные образы, показал нам в отвлеченных творениях своей мысли и ума почти что живой образ самого слова, силою волшебных чар искусства. И тотчас поймете вы, что стоящая здесь для всеобщего созерцания статуя от природы не лишена даже способности двигаться; она пленяет зрителя и вместе с тем спасает от забвения имя своего творца.

ЛОНГ

Об авторе романа «Дафнис и Хлоя» у нас нет никаких достоверных сведений, так же как и о точном времени написания романа. Риторичность языка, а также перенесение буколических мотивов и настроений из идиллий в прозаический «роман» Лонга придает ему своеобразные черты, столь характерные для времени расцвета второй софистики. Анализ языка и стилистических приемов романа позволяет датировать его приблизительно III в. н. э.

В отличие от других софистических любовных романов в «Дафнисе и Хлое» главную роль играют не приключения, а переживания влюбленной четы, развертывающиеся на фоне идиллического пейзажа.

Роман отличается своей художественной выразительностью. В нем дается ряд ярких картин повседневной жизни крестьян, приводятся красочные описания сбора винограда, зимней охоты на птиц, деревенской пирушки и т. п. Наряду с этим многие сцены из «Дафниса и Хлои» представляют собой законченные декламации, как, например, описание сада, гимн Эроту и др., где ясно видно применение риторических приемов и правил, связанных с определенной стилистической манерой.

Роман Лонга пленяет читателей своим изяществом и музыкальностью; высокую оценку давал ему Гете, восхищаясь этим замечательным произведением древности.

ДАФНИС И ХЛОЯ

ДАФНИС И ХЛОЯ НА СБОРЕ ВИНОГРАДА *(II, 102)*

Уже осенняя пора достигла полного расцвета, наступило время сбора винограда, и все в полях принялись за работу: кто точила [1] чинил, кто бочки очищал, а кто корзины сплетал; иной хлопотал о коротких серпах, чтоб срезать виноградные грозди, иной — о камне, чтоб давить из гроздей сок, иной рубил сучья сухие, чтобы можно их было ночью зажечь и при огне переносить молодое вино.

Забыв своих коз и овец, Дафнис и Хлоя пришли им на помощь и тоже руки к делу приложили; Дафнис в корзинах таскал виноградные грозди, в точила [1] бросая, давил и по бочкам вино разливал; Хлоя готовила пищу тем, кто виноград собирал, им для питья наливала вино прошлогоднее и обрезала низко растущие грозди: ведь на Лесбосе весь виноград низкорослый, не тянется кверху, по ветвям деревьев не вьется; но низко стелются лозы и, как плющ, ползут по земле: даже ребенку, чьи от пеленок руки только что стали свободны, легко до гроздей дотянуться.

Как бывает всегда на празднике Диониса, когда родится вино, женщины, с окрестных полей приглашенные на помощь, на Дафниса поглядывали и похваливали его красоту, говоря, будто подобен он Дионису; а из более смелых иная Дафниса и целовала и этим его волновала, Хлою же сильно огорчала. Мужчины же, на точилах работавшие, с Хлоей заигрывали; как сатиры перед вакханкой, они скакали, словно обезумев, и клялись, что готовы сделаться овцами, лишь бы она их пасла; и тут уж она веселилась, а Дафнис огорчался. И оба они с нетерпением ждали, чтоб поскорее кончился сбор винограда и они бы вернулись к привычным местам и вместо буйного крика слушали звуки свирели, блеяние коз и овец. Когда ж через несколько дней был уже собран весь виноград, бочки вином молодым налиты и уж не было больше нужды в таком множестве рук, вновь Дафнис и Хлоя погнали свои стада на луга. И, полные радости, они преклонились перед нимфами, им в дар принося виноградные грозди на лозах, сбора начатки. И в прежнее время ни разу не проходили они мимо нимф без внимания: всегда пастьбу начиная, к ним с мольбой обращались, и, с пастьбы возвращаясь, пред ними они преклонялись. И всегда им что-нибудь в дар приносили: или цветок, или плод, или зеленую ветвь, или молоком возлиянье совершали. За это потом они были с избытком богинями вознаграждены. Тогда же, словно щенята, спущенные с цепи, они прыгали, на свирели играли, песни распевали, с козлами, с баранами бодались.

ЗИМА *(III, 3—6)*

Наступила зима, и была она для Дафниса с Хлоей горше самой войны. Внезапно выпал глубокий снег, завалил все дороги, а всех поселян запер в домах. Бурно потоки низвергались; льдом покрывшись, замерзла вода; деревья поникли, словно надломленные; под снегом скрылась земля и видна была только возле ключей и ручьев. Уже никто не гнал своих стад на пастбища, никто не показывал носа за дверь, но, разведя огонь, лишь только запоют петухи, одни лен прясть начали, козью

шерсть другие сучили, иные птичьи силки мастерили. В это время только одна забота была: в ясли мякины на корм быкам подложить, в стойла козам и овцам — веток с листвой, свиньям в закуты — разных сортов желудей.

Все поневоле дома сидели; землепашцы и пастухи — те были рады, что хоть на короткое время свободными стали они от трудов: по утрам хорошо они ели, долго и крепко спали, так что зима, на их взгляд, была куда слаже и лета, и осени, даже и самой весны. А вот Хлоя и Дафнис, вспоминая минувшие радости, как они целовались, как обнимались, вместе как пили и ели, теперь проводили печально бессонные ночи и ждали весенней поры, как ждут воскресенья из мертвых. Огорчались они, даже сумку увидя, когда под руку им попадалась: из нее ведь, бывало, вместе пищу они вынимали; или — подойник,— ведь из него вместе пили; или свирель, без вниманья лежащую, дар любви. Нимфам молились они и Пану — их от этих мучений избавить просили и вновь показать и им, и стадам их горячее солнце. Но, молясь, в то же время они средство придумать старались, как бы вновь увидеться друг с другом. Но Хлоя вовсе выхода не видела, да и придумать ничего не могла: та, что считалась ей матерью, всегда была с нею, она учила ее чесать шерсть, крутить веретена и то и дело о свадьбе ей поминала. Дафнис уже был свободен и на выдумки более ловок, чем девушка; потому он придумал хитрость такую, чтоб Хлою увидеть.

Перед двором Дриаса, у самого забора, давно уж росли большие два мирта и плющ: мирты стояли близко один от другого, а между ними вился плющ; раскинув, как виноградная лоза, свои побеги на оба мирта, листвой своей густо сплетенной подобье пещеры он создал, и крупные ягоды, будто виноградные грозди, висели на нем. Потому-то здесь собиралось много зимующих птиц — ведь пищи им зимой не хватало; много тут было черных и серых дроздов, были дикие голуби, были скворцы и разные прочие птицы, что ягоды плюща любят клевать. Будто бы ради охоты на этих птиц и пошел сюда Дафнис, а чтоб всякий ему поверил, набрал в сумку медовых лепешек и с собой захватил птичий клей и силки. Расстоянье было не более десятка стадиев, зато снег, еще не расстаявший, много труда и препятствий ему доставлял; но нет для любви пути непроходимого — пусть пролегает он чрез огонь или воду, иль скифские даже снега.

Бегом добежав до двора Дриаса, с ног стряхнувши весь снег, он расставил силки и клеем намазал длинные ветки. Так он сидел, с волненьем и птиц поджидая и Хлою. Что до птиц, то многое множество их прилетело, и ловить их было легко, так что пришлось ему немного потрудиться, их собирая, убивая и перья ощипывая...

САД ЛАМОНА *(IV, 1—3)*

Из Митилены пришел один раб, тому же хозяину принадлежавший, что и Ламон, и сообщил, что незадолго до сбора винограда хозяин хочет приехать сюда посмотреть, не нанес ли его полям какого вреда набег метимнейцев. Уже лето кончалось, и осень приближалась, и готовил Ламон своему господину такой прием, чтоб душа его радовалась. Он ручьи очищал, чтоб вода была чистая, вывез навоз со двора, чтоб тяжелый запах хозяина не раздражал, а за садом ухаживал, чтоб был он прекрасен на вид.

И верно, прекрасен был сад у него и на царский похож. Растянулся он на целый стадий, лежал на месте высоком, а шириною был плетра четыре. Сравнить его можно с лугом широким. Были в нем всякого рода деревья: яблони, мирты, груши, гранаты, фиги, маслины; виноградные лозы высоко вились по грушам и яблоням, и зрелые грозди чернели, как будто с плодами соревнуясь. Такие-то были там деревья плодовые. Но были и кипарисы и лавры, платаны и сосны; на них вместо лоз виноградных плющ вился. Большие пучки его ягод темным цветом своим были похожи на виноградные грозди. Деревья плодовые в середине сада росли, словно под чьей-то охраной. А вокруг них стояли деревья, плодов не дающие, будто стена, руками людей воздвигнутая. Все это место было терновой изгородью обнесено. Было все разделено и размерено в точном порядке, и ствол от ствола на равном был расстоянье, а наверху ветви сходились друг с другом, переплетаясь листвою. И то, что сделала природа, казалось, создано было искусством. Здесь были и грядки цветов; одни цветы рождены землею, другие — искусства творенье: розы, лилии и гиацинты — дело рук человека, а первоцветы, фиалки, нарциссы растила земля сама. Летом была здесь тень, весной — цветы, осенью — плоды, и в каждую пору года негою полнилось все.

Отсюда была хорошо равнина видна, и можно было разглядеть пастухов, пасущих стада, хорошо были видны и море и мореходы, мимо плывущие. И это тоже не мало прелести саду придавало; а в самой его середине, где длина и ширина его пополам разделялись, был Диониса храм и алтарь, ему посвященный. Плющ обвивал алтарь, а виноградные лозы — самый храм. Внутри же храма изображена была жизнь бога: Семела рождающая, Ариадна засыпающая, Ликург, в цепи закованный, Пенфей, на клочья растерзанный. Были тут и индийцы побежденные, и тирренцы, в рыб превращенные[2]. И везде сатиры, точила топчущие, везде вакханки пляшущие. И Пана тут не забыли: сидел он на скале, на свирели играя, как будто под песню его и сатиры точила топтали и вакханки плясали.

ХАРИТОН

«Повесть о любви Херея и Каллирои» — один из образцов возникшего в эпоху эллинизма нового повествовательного жанра — так называемого античного романа. Папирусы с текстом повести датируются II в. н. э.

Текст начинается словами автора, который заявляет, что он, Харитон из города Афродисии, собирается рассказать об одной любовной истории, местом действия которой являются Сиракузы. Вся повесть проникнута тонким психологизмом и живым интересом к внутреннему миру героев, причем автор с одинаковой симпатией рисует нам переживания как свободных, так и рабов: между теми и другими для него существует неравенство лишь юридического порядка. Эта черта романа, свидетельствующая об ослаблении системы рабства, вводит нас в атмосферу современной автору эпохи, несмотря на то, что действие романа происходит в конце V в. до н. э. и в нем фигурируют реальные исторические лица. Любовное изображение «маленького человека» заставляет предполагать, что повесть рассчитана на читателя из низших слоев общества.

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ ХЕРЕЯ И КАЛЛИРОИ

ЛЮБОВЬ И ПОМОЛВКА (*I, 1*)

Гермократ, сиракузский стратег, знаменитый победитель афинян [1], имел дочь, Каллирою по имени, девушку замечательную, гордилась которою вся Сицилия. Ибо не человеческой, а божественной была она красоты, не красоты даже нереиды, или какой-нибудь нимфы гор, а красоты самой Афродиты-девы. Повсюду бежала об ее наружности слава, и стекались женихи в Сиракузы к ней, властители и сыновья тираннов, и не из одной лишь Сицилии, но и из Италии и из Малой Азии.

Но возжелал, однако, Эрот связать ее узами брака по собственному выбору.

Каким скульпторы и живописцы изображают нам Ахилле са, Нирея [2], Ипполита или Алкивиада, таким выглядел и выдававшийся среди всех сиракузян красотой своей юный Херей, отец которого Аристон по важности положения занимал в Сиракузах второе после Гермократа место. Между Аристоном и

Афродита в садах.

Римская работа по греческому оригиналу V в. до н. э.

Вакх и его спутники

Рельеф римской работы

Гермократом существовало давно политическое соперничество, так что породниться готовы были они с кем угодно, только бы не друг с другом. Но любит Эрот борьбу и тешится он такими удачами, какие происходят вопреки ожиданиям. И вот какой подстерег он случай. Было народное празднество Афродиты, и почти все женщины направились в храм, куда и Каллирою, до той поры никуда еще не выходившую, повела мать по приказу отца, велевшего дочке пойти поклониться богине. А сияющий, словно звезда, возвращался как раз в это время к себе Херей после гимнастических упражнений: как золото на серебре, играл на его лучезарном лице румянец Палестры. Случайно, на одном из поворотов узкого переулка, Каллироя и Херей столкнулись друг с другом, так как их встречу нарочно устроил бог с тою целью, чтобы они увидели один другого. И мгновенно оба они обменялись любовным чувством: красота встретилась здесь с благородством.

Получив ранение, домой шел Херей, еле двигаясь, подобясь смертельно раненному на войне храбрецу, который стыдится упасть, но дольше держаться на ногах уже не в состоянии, девушка же припала к стопам Афродиты и сказала, целуя их:

— Владычица, дай мне в мужья того, кого ты же и показала мне.

Наступила ужасная для обоих ночь: огонь разгорался в них все сильнее. Мучительнее, однако, страдала девушка, вынужденная молчать из страха выдать себя. Херей же, гордый и честный юноша, решился, когда стало хиреть его тело, объявить родителям, что он влюблен и что он не выживет, если не добьется женитьбы на Каллирое.

Вздохнул отец, услышав эти слова:

— Итак,— сказал он,— я теряю тебя, мой сын! Ясно же, что Гермократ, располагающий таким великим множеством богатых и царственных женихов, никогда своей дочери за тебя не выдаст. Нечего тебе и пытаться: иначе нам угрожает нарваться на оскорбление.

Отец продолжал уговаривать сына, а у сына все сильнее разгорался его недуг, мешавший ему даже выходить на привычные занятия: тосковал по Херею без него как бы опустевший гимнасий. Молодежь любила Херея и, наконец, дозналась причины его болезни.

Всех тогда охватила жалость к прекрасному мальчику, погибавшему от страданий благородной души своей.

Приблизилось очередное народное собрание, и сошедшийся на него народ одно только и кричал:

— Доблестный Гермократ, великий стратег, спаси Херея! То будет лучшим твоим трофеем! Гражданство выступает сегодня сватом достойных друг друга жениха и невесты.

Кто взялся бы описать это народное собрание, демагогом [3] которого был Эрот? Любивший отчизну свою Гермократ не смог ответить отказом на просьбы города. Когда же дал он свое согласие, народ бросился вон из театра [4], и молодые люди пошли к Херею, начальство же и члены городского совета направились вслед за Гермократом. К дому невесты приблизились сиракузские женщины, явившиеся проводить ее к ее жениху, и по всему городу раздалось пение свадебных песен, улицы наполнились венками и светочами [5], окропились вином и благовониями наружные двери домов. Для сиракузян то был день еще большей радости, чем праздничный день победы [6].

Девушка же, ничего о происшедшем не знавшая, лежала на своей постели, накрывшись с головой платком, и молча плакала. Но приблизилась няня к ее кровати и сказала ей:

— Дитятко, встань! Наступил всем нам желанный день: за тобой пришел город вести тебя к жениху.

Дрогнули ноги тогда у нее и сердце застыло [7].

Не ведала ведь она, за кого выдают ее замуж. Пропал у нее тотчас же голос, перед глазами разлился мрак, и она почти что лишилась жизни: окружавшие принимали это за проявление чувства стыдливости. Но только успели ее нарядить служанки, как родители, оставив толпу за дверью, ввели в комнату к девушке ее жениха. Херей бросился к Каллирое и принялся целовать ее, Каллироя же, узнав любимого, вновь просияла вся, как вспыхивает в потухающей лампе свет, если подлить в нее масла, и красота ее возросла. Когда же вышла она к народу, охватило всю толпу изумление, такое же, в какое ввергнуты были бы те охотники, которым в пустынной местности предстала бы Артемида. Многие из присутствующих встали перед ней даже на колени. Дивились все Каллирое и все прославляли Херея. Такою представляют поэты и свадьбу Фетиды на горе Пелионе. Но, как там, говорят, Эрида, так некое выискалось и здесь завистливое божество.

СПАСЕНИЕ ХЕРЕЯ *(IV, 3)*

Полихарм начал свой рассказ:

— Оба мы, двое узников, родом из Сиракуз. Он — по известности, богатству и красоте первый в Сицилии юноша, я же, хотя и бедняк, являюсь товарищем его и другом. Мы расстались с родителями, покинув отечество: я выехал ради него, а он ради своей жены, Каллирои по имени, которая была им пышно погребена, так как он считал ее мертвой. Но проникшие в ее могилу грабители застали ее живой и продали ее в Ионию. Это открыл нам пытаемый перед народом Ферон-разбойник. Город

сиракузян отправил тогда триеру с послами на поиски женщины, и эту-то, стоявшую на якоре у них триеру варвары ночью сожгли. Большую часть людей они перерезали, а меня и моего друга связали и продали сюда. Постигшее нас несчастье мы с ним сносили разумно, но некоторые другие из числа таких же, как и мы, колодников, люди, нам неизвестные, разбили свои оковы и совершили убийство, и нас всех повели по твоему приказу на крест. Друг мой, и умирая, не бросал упреков своей жене, я же не мог не вспомнить о ней и не назвать ее виновницей наших бедствий, так как мы из-за нее-то и выехали из Сиракуз.

Еще продолжал Полихарм говорить, как Митридат громко вскрикнул:

— Ты говоришь о Херее?

— Да, о нем, моем друге,— ответил Полихарм.

— Но я умоляю тебя, владыка,— так добавил он,— прикажи палачу и распять нас рядом друг с другом.

В ответ на рассказ Полихарма последовали рыдания и слезы, а Митридат всех направил к Херею, чтобы успеть задержать его кончину. Посланные нашли остальных уже убитыми, Херей же лишь поднимался на крест. Еще издали люди принялись кто что кричать:

— Пощади!

— Спускайся!

— Не прикалывай!

— Отпусти!

Палач приостановился, и Херей, с горечью в сердце, начал сходить с креста: радостно было ему расставаться с тяжелой жизнью и с несчастной своей любовью. Его повели, а Митридат вышел к нему навстречу, обнял его и сказал:

— Брат мой и друг! Своим, правда мужественным, но очень несвоевременным, молчанием ты едва меня не погубил, чуть было не заставив меня совершить нечестивый поступок!

Незамедлительно Митридат отдал распоряжение слугам отвести Херея и Полихарма в баню, залечить их тела, а после бани одеть в дорогие греческие хламиды, сам же созвал знакомых и принес богам жертвы за спасение Херея. За столом много пили, было весело, радостно и не чувствовалось недостатка ни в чем, что дает наслаждение сердцу. Пир затягивался, и разгоряченный вином и любовью Митридат, обратившись к Херею, сказал:

— Не за оковы твои и не за твой крест жалею тебя я, Херей, а за то, что ты лишился такой жены.

Удивившись, Херей воскликнул:

— А где же ты видал мою Каллирою?

— Уже больше не твою,— заметил ему Митридат,— а законную жену Дионисия Милетского: есть у них и ребенок.

Этого Херей не выдержал. Он бросился к Митридату и, обняв колени его, сказал ему:

— Умоляю тебя, владыка, верни мне обратно мой крест. Вынуждая меня после такого сообщения жить, ты меня подвергаешь еще более жестокой пытке, чем крест. Неверная Каллироя! Нечестивая женщина! Из-за тебя был я продан в рабство, искапывал землю, нес крест, отдан был в руки палачу, а ты, пока я находился в оковах, жила в неге и выходила замуж. Но мало тебе было стать при жизни Херея женой другого: ты сделалась еще и матерью!

Все начали плакать, и закончился пир печально. Радовался по поводу происшедшего один только Митридат: он надеялся, что для него открывается возможность и разговаривать о Каллирое и даже как-то в ее пользу действовать под предлогом помощи другу.

— Разойдемся пока,— сказал он,— уже наступает ночь. А завтра на свежую голову давай вместе об этом подумаем. Дело требует тут для своего обсуждения немало времени.

С этими словами Митридат встал из-за стола и, отпустив гостей, ушел на покой в свою обычную комнату. Для молодых же сиракузян он отвел изысканнейшее помещение и особых приставил к ним слуг.

ГЕЛИОДОР

«Эфиопика», греческий роман, относимый обычно к III в. н. э., заканчивается следующими словами: «Такое завершение получила эфиопская повесть о Феагене и Хариклии. Ее сочинил финикиянин из Эмесы, из города Гелиоса, сын Феодосия Гелиодор. Достигла конца книга Гелиодора». Вот и все, что мы знаем об авторе романа.

Византийская традиция называет его епископом, но достоверных сведений, подтверждающих эту версию, у нас нет.

Сюжет «Эфиопики» обычен для греческого романа: юноша необычайной красоты влюблен в столь же прекрасную девушку, но любовь его встречает препятствия; влюбленные много странствуют, попадают в плен, переносят разлуку, мнимую смерть одного из любящих и после всех приключений находят друг друга и вступают в законный брак. Героиня повести Хариклия — жрица богини Артемиды и воспитанница дельфийского жреца Харикла. Настоящие родители ее — эфиопский царь Гидасп и царица Персина. Долгое время Хариклия отвергала всех женихов. В годы пифийских игр племя фессалийцев обычно посылало в Дельфы священное посольство. Во главе одного из таких посольств в Дельфы приехал красавец Феаген. Увидав Феагена во время торжественного шествия, Хариклия страстно полюбила его. То же чувство испытал и юноша.

Рассказ ведется от лица приехавшего в Дельфы из Мемфиса старца Каласирида.

Строгая нравственность героев, их постоянство в любви — один из характерных мотивов романа. События совершаются в Египте в глубокой древности (VI в. до н. э.). Все внимание читателя поглощено судьбою молодых людей и их любовными переживаниями.

Патетические ситуации, пышные декламации на общем фоне изысканно простой речи — черты, которые заставляют относить «Эфиопскую повесть» к произведениям второй софистики.

ЭФИОПИКА

СОСТЯЗАНИЕ В БЕГЕ *(IV, 1—4)*

1. На другой день пифийские игры кончались, но игры молодой четы разгорались все больше — думается мне, сам Эрот стал распорядителем, настойчиво желая посредством этих двух борцов, которых он сопряг, показать, что величайшее из состязаний свойственно лишь ему.

Вот что произошло. Зрительницей была Греция, а награды присуждались амфиктионами. Когда прочие состязания — бег, сплетение в борьбе и различные приемы кулачного боя — были торжественно закончены, глашатай, наконец, прокричал:

— Пусть выйдут тяжеловооруженные.

Храмовая служительница Хариклия тотчас заблистала на конце стадиона, против своей воли придя туда в угоду отеческому обычаю.

Впрочем, мне кажется, она, вероятно, надеялась где-нибудь увидеть Феагена. В левой руке у нее был зажженный факел, а правой держала она перед собой пальмовую ветвь.

Появившись там, Хариклия заставила обернуться к себе всех зрителей, но взор Феагена нашел ее раньше, чем чей бы то ни было. Любящий зорко видит то, о чем тоскует. Феаген заранее знал, что Хариклия должна прийти, и внимательно подстерегал это мгновение. Он не был в силах даже смолчать и, обратившись ко мне — он нарочно сидел вблизи меня,— сказал:

— Так вот она, Хариклия!

Я стал советовать ему сдержаться.

2. На вызов глашатая вышел великолепно вооруженный человек, заносчивый и считавший только себя одного знаменитым: он уже раньше бывал увенчан во многих состязаниях и теперь не имел противника, так как никто, думаю я, не решился бы состязаться с ним. Амфиктионы чуть было не отослали его прочь: закон не позволяет присудить венок тому, кто не участвовал в состязании. Но он стал требовать, чтобы всякий желающий был вызван глашатаем на состязание. Распорядители дали такое приказание, и глашатай пригласил выступить желающих.

Феаген и говорит мне:

— Он меня зовет.

На мое замечание: «Что это ты говоришь?» — Феаген сказал:

— Так оно и следует, отец мой. Раз я здесь, то на моих глазах никто другой не получит победной награды из рук Хариклии.

— А неудачу,— спросил я,— и возможный позор ты ни во что не ставишь?

— Кто же,— ответил он,— так безумно жаждет видеть Хариклию и приблизиться к ней, чтобы опередить меня в беге? Кого ее вид может так окрылить и увлечь ввысь? Разве ты не знаешь, что и Эрота окрыляют художники, намекая на подвижность одержимых им? Если к сказанному нужно прибавить похвальбу, то никто до сих пор не мог похвастать, что превзошел меня в быстроте ног.

3. Так он сказал и вдруг вскочил. Выйдя на середину, Феаген сообщил свое имя, указал свое происхождение и получил по жребию место для бега. Облачившись в полное вооружение, он стал у загородки, тяжело переводя дух и с нетерпением ожидая трубного знака.

Это было величественное и замечательное зрелище: таким изображает Гомер Ахилла, подвизающегося в бою у Скаманд-ра. Вся Греция пришла в движение от такого неожиданного зрелища и желала победы Феагену, словно каждому предстояло самому состязаться. Ведь красота как-то располагает к себе созерцающих ее.

Хариклия тоже была взволнована в высшей степени, и, все время наблюдая за ней, я видел, что она всячески менялась в лице. Наконец, глашатай во всеуслышание объявил имена состязующихся, провозгласив:

— Аркадиец Ормен и фессалиец Феаген.

Канат был опущен, и бег начался. За ним едва можно было уследить глазами. Девушка уже не могла оставаться спокойной: ее шаги дрожали, ноги скакали; как будто ее душа, думается мне, порывалась вместе с Феагеном и усердно бежала с ним. Зрители напряженно ждали исхода и были полны беспокойства, а я еще более, так как и вообще решил заботиться о нем, как о сыне.

— Нет ничего удивительного,— промолвил Кнемон,— что Хариклия беспокоилась, присутствуя там и видя этот бег, раз даже я сейчас боюсь за Феагена. Прошу тебя, скажи скорее, был ли он провозглашен победителем?

4.— Феаген добежал, Кнемон, до середины стадиона, оглянулся, бросил на Ормена презрительный взгляд, поднял вверх щит и, выпрямив шею и устремив всецело взор на Хариклию, понесся, как стрела, к цели и опередил аркадийца на много саженей — впоследствии этот промежуток был точно измерен. Подбежав к Хариклии, Феаген с силой нарочно падает ей на грудь, словно был не в силах остановиться с разбега. И когда он брал пальмовую ветвь, от меня не укрылось, что он поцеловал ей руку.

АХИЛЛ ТАТИЙ

«Левкиппа и Клитофонт» — любовный роман александрийца Ахилла Татия, написанный не позднее 300 г. н. э., сильно отличается от других дошедших до нас образцов этого жанра. Хотя общая сюжетная схема та же, что и в остальных произведениях этого типа, однако изображение любви здесь лишено того возвышенного ореола, который так свойствен греческому роману. Героиня наделена чертами практичности и находчивости, герой труслив и не раз попадает в неловкое положение. Эпизод мнимой смерти повторяется три раза, и этим в значительной мере снижается его роль. Сильное влияние софистики ощущается в пространных описаниях, в длинных монологах, в сентенциях, вставляемых в рассказ.

Роман Ахилла Татия был популярен в средние века, и поэтому сохранился в многочисленных рукописях.

В романе рассказывается о любви двух молодых людей, Левкиппы и Клитофонта. Левкиппа — дочь византийского стратега Состратa. Клитофонт — двоюродный брат Левкиппы, житель г. Тира. Идет война, и Левкиппа с матерью переезжают в Тир к отцу Клитофонта. Молодые люди влюбляются и убегают из родительского дома. Их сопровождает Клиний, родственник Клитофонта. Беглецы терпят кораблекрушение, спасаются, садятся на другой корабль, попадают в руки разбойников, освобождаются из плена и, наконец, прибывают в Александрию. Там Левкиппу похищает влюбившийся в нее Херей. В Клитофонта же влюбляется богатая вдова — Мелита. Клитофонт видит инсценировку казни Левкиппы и оплакивает ее смерть. Мелита добивается от Клитофонта согласия ехать с ней в Эфес, чтобы там сочетаться с ней браком. В Эфесе Клитофонт узнает в одной из рабынь Мелиты Левкиппу. В это время неожиданно возвращается считавшийся погибшим Ферсандр, муж Мелиты; он яростно набрасывается на Клитофонта и заключает его в темницу. Сосфен, управляющий имением Мелиты, предлагает Левкиппу в любовницы Ферсандру. С большой твердостью Левкиппа отвергает назойливые притязания Ферсандра. Тогда Ферсандр, желая сделать невозможной какую-либо связь Левкиппы с Клитофонтом, подсылает в темницу к Клитофонту мнимого узника, который рассказывает юноше вымышленную историю гибели Левкиппы от руки убийцы, подосланного Мелитой. Клитофонт впадает в отчаяние и, ища себе смерти, заявляет на суде о своей причастности к убийству Левкиппы. Суд приговаривает Клитофонта к казни, но решает подвергнуть его сначала пытке. Рассказ во втором отрывке ведется от лица Клитофонта.

ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ

МУЖЕСТВО ЛЕВКИППЫ
(VI, 20—22)

20. Надеясь на успех в любви, Ферсандр был всецело рабом Левкиппы, а обманувшись в своих надеждах, дал волю своему гневу. Он бьет ее по щекам с такими словами:

— О несчастная, поистине похотливая рабыня,— я все слышал, что ты говорила! Тебе не нравится, что я с тобой говорю, ты не считаешь великим счастьем целовать своего господина, ты еще кривляешься и притворяешься безумной! Ты, мне кажется, уже ходила по рукам: ведь ты любишь прелюбодея! Но если ты не хочешь познать мою любовь, так осознай мою власть.

— Если тебе угодно мучить меня,— сказала Левкиппа,— то я готова подвергнуться мукам, но насилия не потерплю.

И, увидя Сосфена, она обратилась к нему:

— Свидетельствуй и ты, как я отношусь к оскорблениям; ведь ты нанес мне еще бóльшую обиду.

Сосфен, почувствовав стыд, как человек уличенный, говорит:

— Эту женщину, господин мой, следует бить плетьми и подвергнуть тысяче пыток, чтобы научить ее не презирать своего господина.

21.— Послушайся Сосфена,— говорит Левкиппа,— он даст тебе хороший совет, ставь орудия пытки! Несите колесо: вот руки, тяните их! Несите бичи: вот спина — бейте! Добудьте огонь: вот тело — жгите! Несите и железо: вот кожа — режьте! Борьбу необыкновенную увидите вы: против всех пыток борется женщина одна и побеждает все! И ты называешь Клитофонта прелюбодеем, когда ты сам прелюбодей? И ты не боишься, скажи мне, своей Артемиды, ты подвергаешь насилию деву в городе Девы? Владычица, где твои стрелы?

— Ты дева? — сказал Ферсандр.— О дерзость, о смех! Дева, после того, как ты переночевала с пиратами? Евнухами были для тебя пираты? Или это было убежище философов? Или никто из них не имел глаз?

22.— Осталась ли я девой после Сосфена,— говорит Левкиппа,— спроси об этом самого Сосфена; он, действительно, был для меня разбойником; те были более сдержанны, чем вы, и никто из них не был таким насильником; а раз вы так поступаете, то здесь подлинно вертеп! И вы не стыдитесь делать то, на что не дерзнули даже разбойники? Ты, сам того не замечая, доставил мне еще большую похвалу своим бесстыдством; если теперь, в своем безумии, ты убьешь меня, то будут говорить: «Левкиппа — девушка после разбойников, девушка и после Хе-

рея, девушка и после Сосфена». Но это еще скромная похвала, а величайшая похвала — она остается девушкой после Ферсандра, более необузданного, чем разбойники; так как он не мог насильно овладеть ею, то убил ее! Итак, вооружись, возьми бичи, колесо, огонь, железо, пусть выступит с тобой в поход и твой советчик Сосфен! Я же не вооружена, нахожусь в одиночестве, и вдобавок женщина. Одно у меня оружие — свобода, которая ударами не выбивается, железом не вырезается, огнем не выжигается. От нее я никогда не откажусь; если даже ты будешь жечь меня, то найдешь, что и огонь для меня не так горяч!

СПАСЕНИЕ КЛИТОФОНТА

(VII, 12—16)

12. ... Меня заковали, сняли с тела одежду, подвесили на дыбе; палачи принесли плети, другие петлю и развели огонь. Клиний испустил вопль и стал призывать богов,— как вдруг на виду у всех подходит жрец Артемиды, увенчанный лавром. Его приближение служит знаком прибытия торжественного шествия в честь богини. Когда это случается, должно воздерживаться от казни в течение стольких дней, пока не закончат жертвоприношения участники этого шествия. Таким-то образом я был тогда освобожден от оков. Предводителем шествия был Состpат, отец Левкиппы: византийцы одержали победу в войне с фракийцами благодаря явному заступничеству Артемиды. Поэтому они решили послать богине жертвоприношение в благодарность за помощь. Кроме того, богиня особо предстала Состpату в ночи. Это видение знаменовало, что дочь свою он обретет в Эфесе, а также и сына своего брата.

13. В это же время и Левкиппа, увидев, что двери ее комнаты открыты и что Сосфена нет, стала озираться, не стоит ли он за дверьми. Когда выяснилось, что его нет нигде, она приободрилась опять, как уже вошло у нее в привычку, стала надеяться.

Воспоминание о том, как нередко, вопреки ожиданию, к ней приходило спасение, увеличивало ее надежду и в настоящих опасных обстоятельствах. Она решила воспользоваться счастливой случайностью.

Поблизости от деревни находилось святилище Артемиды. Левкиппа подбежала к нему и там укрылась. Издревле храм этот был недоступен для свободнорожденных женщин и предназначался только для мужчин и девушек. Если женщина вступала в этот храм, наказанием ей была смерть, за исключением рабыни, жалующейся на своего господина. Она может прибегнуть с мольбами к богине, а власти производят суд над ее господином и над ней. Если господин ничем ее не обидел, он

получает обратно свою служанку, принеся клятву, что не будет мстить за побег. Если признают, что служанка права, то она остается там в качестве божьей рабыни. Лишь только Сострат пригласил жреца пойти вместе с ним прекратить судебные дела, в святилище вбежала Левкиппа; еще немного, и она встретилась бы там со своим отцом.

14. Когда я был освобожден от пытки и судьи разошлись, вокруг меня собралась шумная толпа: одни меня жалели, другие богов призывали, третьи меня расспрашивали. Бывший там Сострат всматривается в меня и вдруг узнает. Ведь, как я сказал в начале своего повествования, он некогда был в Тире на Геракловых празднествах и провел там много времени задолго до нашего побега. Поэтому он сразу узнал мой облик,— благодаря сновидению, он естественно надеялся, что найдет нас. Он подошел ко мне:

— Да это Клитофонт! Но где же Левкиппа?

Я, узнав его, упал на землю. Присутствующие рассказали ему, в чем я себя обвинял. Испустив вопль и ударяя себя по голове, Сострат стал топтать меня и чуть не выбил мне глаза. А я не пытался противиться и подставлял свое лицо оскорблениям. Но Клиний, подойдя, воспрепятствовал ему и стал его утешать, говоря:

— Что ты делаешь, зачем понапрасну рассвирепел против юноши, который больше тебя любит Левкиппу: ведь он шел на смерть, так как думал, что она умерла.

И многое другое говорил Клиний, утешая Сострата. А тот стонал, взывая к Артемиде:

— Для того ли, владычица, привела ты меня сюда! Вот к чему твоих слов вещание! А я-то поверил твоим видениям и надеялся у тебя найти свою дочь! Прекрасный же дар ты мне послала. Я нашел убийцу моей дочери у тебя!

Клиний, услышав о посланном Артемидою сновидении, обрадовался и говорит:

— Мужайся, отец! Артемида не лжет. Жива твоя Левкиппа, верь моему вещему слову. Разве ты не видишь, что Артемида спасла Клитофонта, когда он почти уже висел на дыбе?

15. В это время бегущий изо всех сил храмовой служитель приближается к жрецу и говорит во всеуслышание:

— Какая-то дева, чужестранка, укрылась в храме Артемиды.

Я окрылился надеждой, услышав это, поднимаю глаза и начинаю возвращаться к жизни. Клиний воскликнул, обращаясь к Сострату:

— Верным было мое вещее слово, отец!

Вместе с тем он спросил вестника:

— Красива ли эта девушка?

— Другой такой,— ответил тот,— я не видывал: она уступает лишь одной Артемиде.

При этих словах я вскакиваю и восклицаю:

— Это ты говоришь о Левкиппе!

— Ну да,— ответил он,— она сказала, что ее так зовут, что ее родина Византия, а отец — Сострат.

Клиний всплеснул руками, издавая радостные восклицания. Сострат от радости лишился чувств. А я, несмотря на оковы, вскочил и, словно брошенная стрела, полетел к святилищу. Стража гналась за мною, думая, что я от нее убегаю, и кричала всем встречным, чтобы меня хватали. Но ноги мои были в тот миг окрыленными. Едва удалось задержать мой неистовый бег. Подбежала стража, пытаясь меня бить, но теперь я уже храбро оборонялся. Все же они поволокли меня в темницу.

16. В это время подошли Клиний с Состратом. Клиний закричал:

— Куда вы ведете этого человека? Он не совершил того убийства, за которое осужден.

Сострат со своей стороны подтвердил это и указал, что он отец той, которая будто бы убита. Присутствующие, узнав в чем дело, возблагодарили Артемиду, окружили меня и не позволяли вести в темницу. Стража же говорила, что она не в праве отпустить человека, осужденного на смертную казнь, пока, наконец, по просьбе Состратa, жрец не поручился за меня и за то, что он доставит меня властям, когда это потребуется. Таким-то образом я освободился от оков и как можно поспешнее устремился к святилищу. Сострат мчался за мной по пятам — не знаю, была ли его радость подобна моей. Но все же бег человека не так быстр: его опережает полет молвы. Так и тогда молва предупредила нас, известив Левкиппу обо всем: о Состратe и обо мне. Завидев нас, Левкиппа выскочила из храма, обняла отца, но взоры ее были направлены на меня. Я остановился, сдерживая, из уважения к Состратy, мой порыв к Левкиппе, и только все смотрел на нее. Так глаза наши приветствовали радостно друг друга.

КЛАВДИИ ЭЛИАН

Клавдий Элиан — яркий представитель слияния римской и греческой культуры, столь характерного для эпохи империи. Это был природный римлянин, который писал только по-гречески. Жизнь его относится примерно к 170—230 гг. н. э.: когда Филострат писал свои «Жизнеописания софистов», его уже не было в живых. Краткая заметка Филострата и еще более краткая заметка Свиды, лексикографа IX века,— единственный источник наших сведений об Элиане. Нам известно, что он родился в Пренесте, в 30 километрах от Рима, жил постоянно в Риме, называл себя римлянином и, гордясь древним патриотизмом, никогда не выезжал из Италии. Его учителем был ритор Павсаний Цезарейский, ученик Герода Аттика, его образцами — Никострат Македонский, Дион Хрисостом и сам Герод Аттик. Аттическим диалектом он владел в совершенстве: восторженные современники звали его «медоустым». В молодости он выступал как ритор и имел успех, но потом отказался от славы «софиста» и обратился к писательству. Элиан был чужд общественной жизни своего времени; лишь однажды, после убийства Элагабала, он сочинил гневную декларацию против низвергнутого тирана, на что Филострат Лемносский заметил: «Я был бы в восхищении, если бы ты так обвинял его при жизни».

От Элиана сохранилось два больших произведения: «Разные истории» (14 книг) и «О животных» (17 книг). Первое, по-видимому, дошло в сокращении, второе — полностью. Кроме этого, уцелели мелкие отрывки из двух других сочинений Элиана — «О предвидении» и «О божественном провидении» — и приписываемый ему сборник «Письма крестьян».

Литературная форма «Разных историй» и «О животных» одинакова: это пестрая смесь коротких рассказов и описаний исторического и естественно-исторического содержания. Из истории по преимуществу выбираются анекдоты и афоризмы, из естественной истории — диковинные достопримечательности. Источниками Элиана были ходовые компиляции и компиляции компиляций, восходящие к эллинистической науке. Общностью этого материала объясняются частые совпадения сведений Элиана со сведениями Плутарха, Афинея, Плиния Старшего, Оппиана. На оригинальность Элиан не претендует: он списывает из источника почти дословно, и лишь изредка и неумело пытается судить о достоверности излагаемых случаев. Элиан не заботится ни об идейной, ни о художественной цельности своего произведения. Философскую концепцию ему заменяет наивная религиозность со слабой стоической окраской, да любовь к поверхностному морализированию. Художественный идеал Элиана сводится к одному несложному принципу — разнообразие прежде всего: разнообразие в содержании, в композиции, в стиле. Един-

ственная цель Элиана — дать нетрудное занимательное чтение; и он с успехом достигает своей цели. В эпоху поздней империи и затем в византийскую эпоху его сочинение обладало широкой известностью, читалось, переписывалось, использовалось как источник.

Произведения Элиана ценны тем, что в них мы находим многочисленные отрывки несохранившихся древних сочинений (хотя бы в виде отдаленного пересказа), и тем, что по ним можно составить представление об интересах и кругозоре читающей публики в эпоху Римской империи.

РАЗНЫЕ ИСТОРИИ

II, 14. О ТОМ, КАК КСЕРКС ПОКЛОНЯЛСЯ ПЛАТАНУ

Смешно, что тот самый Ксеркс, который презирал море и землю, творения божества, пролагая для себя новые дороги и совершая неслыханные плавания [1], поклонялся платану и воздавал почитание этому дереву. Говорят, что однажды в Лидии, увидя великолепно разросшийся платан, он без всякой надобности остался там на целый день, раскинув лагерь в уединенной местности возле платана. Мало того, он надел на него роскошные уборы, украсил ветви ожерельями и запястьями и оставил при нем охранника, словно надзирателя и стража при любимом существе. Но стало ли дерево от этого лучше? Посторонние украшения, чуждые его природе, висели сами по себе, ничего не прибавляя к его красоте. А красота дерева в том, чтобы ветви его были сильными, листва густою, ствол крепким, корни глубокими, тень просторной, чтобы его овеивал ветер, чтобы времена года сменяли друг друга и чтобы вода питала его из почвы и орошала его с небес. А ксерксовы одеяния, варварское золото и все остальные приношения не нужны ни платану, ни любому другому дереву.

II, 25. О ТОМ, ЧТО ШЕСТОЙ ДЕНЬ ФАРГЕЛИОНА БЫЛ У ЭЛЛИНОВ СЧАСТЛИВЫМ

Говорят, что в шестой день месяца фаргелиона [2] совершилось много хорошего как для афинян, так и для многих других. Например, в этот день родился Сократ; в этот же день были разбиты персы, афиняне же приносят Артемиде Агротере триста коз во исполнение обета Мильтиада [3]. В шестой день начальной недели этого месяца произошла, говорят, битва при

Платеях, в которой победили эллины, а то сражение, о котором я упомянул раньше, было при Артемисии. Как известно, тот же самый день подарил эллинам и победу при Микале, если только действительно победы при Платеях и при Микале были одержаны одновременно. Александр Македонский, сын Филиппа, в шестой день начальной недели перебил многое множество варваров, окончательно разгромив Дария; по общему мнению, все это случилось в том же месяце. Полагают, что и сам Александр в этот же день и родился и умер.

II, 28. ОТКУДА ПОШЕЛ БОЙ ПЕТУХОВ

После победы над персами афиняне постановили законом, чтобы раз в год в театре всенародно происходили петушиные бои. Я расскажу, какова была причина этого постановления. Когда Фемистокл выводил ополчение против варваров, ему попались на глаза дерущиеся петухи. Не оставив этого без внимания, он остановил воинов и сказал им: «Смотрите, они ведь не за отечество, не за отеческих богов, не за могилы предков идут на муки, не ради славы, не ради свободы, не ради детей своих, но для того лишь, чтобы не уступить друг другу и не оказаться побежденными». Этими словами он придал бодрости афинянам. Знаменье же, воодушевившее их на подвиги, он захотел сохранить в памяти на тот случай, если повторятся подобные события.

II, 40. ОБ ОТВРАЩЕНИИ ЖИВОТНЫХ К ВИНУ И ОБ ИХ ОПЬЯНЕНИИ

Все дикие животные испытывают отвращение к вину, в особенности же те из них, которые пьянеют, объевшись виноградных косточек или давленого винограда. Вороны, а также собаки становятся пьяными, когда поедят так называемой винной травки. Слон теряет, напившись вина, свою силу, а обезьяна свою ловкость, и их бывает очень легко поймать.

III, 1. ОПИСАНИЕ ТЕМПЕЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Изобразим и опишем словами так называемую Темпейскую долину в Фессалии: ведь надо признать, что и слово, если есть в нем сила выразительности, может представить взору все, что угодно, не хуже, чем искуснейшие живописцы.

Есть местность между Олимпом и Оссою. Эти горы очень высоки, и разделены они словно самими богами. Между ними и находится долина, длина которой достигает сорока стадиев, а ширина — кое-где плефра [4], а кое-где немного больше. Посре-

дине протекает Пеней; остальные речки, впадая в него, приносят ему свою воду и превращают Пеней в большую реку.

Многообразна и различна привлекательность этого места, и произвела ее не рука человека, а сама природа: как видно, только к красоте стремилась она, когда творилась эта долина. Плющ, густой и обильный, буйно растет повсюду, наподобие лучшего винограда, обвивая высокие деревья и срастаясь с ними; вьюнок густым покровом взбегает на холм и окутывает скалу: ее даже не видно, перед глазами одна сплошная зелень, услада взора.

А между холмами, в низине, сплошь рассеяны гостеприимные рощи и дубравы, сладостный приют, в жаркую летнюю пору дарящий путнику щедрую прохладу. Из-под земли то и дело пробиваются ключи, и вода их, свежая и приятная на вкус, растекается ручейками; говорят, что этой водой полезно даже умываться, потому что она укрепляет здоровье. Там и тут, услаждая слух, щебечут птицы, многие из них — певчие; идти мимо них легко и приятно, так как это пение развеивает усталость путника.

По обе стороны реки находятся те привлекательнейшие места, зовущие отдохнуть, о которых я уже говорил; посредине же Темпейской долины течет Пеней, медленно и плавно, словно масло. Ближние деревья и свисающие с них ветви образуют над ним густую сень, которая большую часть дня не пропускает солнечных лучей, так что по реке можно плыть в прохладе. Местные обитатели живут между собой дружно, вместе приносят жертвы, сходятся на праздники и попойки. Когда жертвоприношений много, и жертвы предаются всесожжению [5], то их благовоние сопутствует всякому, кто здесь проходит или проезжает.

Такое усердное богопочитание особенно освящает это место. Фессалийцы говорят, что здесь по велению Зевса подверг себя очищению Аполлон Пифийский, когда убил стрелою дракона, охранявшего Дельфы, где тогда было еще прорицалище Земли. Увенчавшись темпейским лавром и взяв десницей ветвь того же лавра, сын Зевса и Латоны пришел в Дельфы и овладел прорицалищем. На том месте, где он возложил на себя венок и отломил ветвь, стоит алтарь. И до сих пор каждый девятый год из Дельфов присылают сюда знатных мальчиков, и один из них бывает архифеором; прибыв в Темпейскую долину, они совершают великолепное жертвоприношение, а потом уходят обратно, сплетя себе венки из того самого лавра, которым некогда венчался бог. Дорога, по которой они следуют, называется пифийской и ведет через Фессалию, Пеласгию и Эту, а затем — через земли энианов, мелийцев, дорян и западных локров. Все эти племена с уважением пропускают их, почитая не меньше, чем тех, кто идет к Аполлону с приношениями от гиперборейцев.

Также и на пифийских играх победителям дают венки из этого же лавра.

Вот все, что надо было мне сказать о Темпейской долине в Фессалии.

III, 8. КАК ФРИНИХА ИЗБРАЛИ СТРАТЕГОМ ЗА СОЧИНЕННУЮ ИМ ПЕСНЬ

Афиняне избрали Фриниха[6] стратегом не из-за происков, не из-за знатности рода, даже не из-за богатства, хотя все это нередко имело у них успех и давало человеку преимущество перед остальными. В одной своей трагедии он сочинил для исполнителей пиррихи воинственную песню с подобающим напевом, и пленив этим слушателей, имел такой успех, что его тут же избрали стратегом в надежде, что он будет вести войну с успехом и пользой, сумев сочинить в драме песню и музыку, достойную вооруженных мужей.

III, 17. О ТОМ, ЧТО ФИЛОСОФИЯ НЕ ЧУЖДА ПОЛИТИКЕ, И МНОГИЕ ФИЛОСОФЫ ПРАВИЛИ ГОСУДАРСТВАМИ

Философы также занимались политикой, и вовсе не проводили жизнь в бездействии, занимаясь только совершенствованием своего духа. Залевк наладил государственные дела в Локрах, Харонд — в Катане, а после изгнания из Катаны — в Регии. Тарентинцам помогал Архит[7], афинянам — Солон. Биант и Фалес принесли много пользы ионянам, Хилон — лакедомонянам, митиленянам Питтак, родосцам Клеобул[8]. Анаксимандр управлял милетским поселением в Аполлонии. Ксенофонт был хорошим воином и отличным полководцем: когда он участвовал в походе Кира, Кир и его спутники погибли, и необходимо было назвать человека, который смог бы спасти эллинов и вывести их обратно на родину, то таким человеком оказался он. Платон, сын Аристона, вернул в Сицилию Диона и обращенными к нему советами и поучениями низверг тираннию Дионисия[9]. Сократу не нравился афинский государственный строй, и он считал демократию тираническим и монархическим правлением; поэтому он не допустил афинян голосовать предложение о казни десяти стратегов, но не принял участия и в преступлениях тридцати тиранов; а когда нужно было сражаться за отечество, он был безупречным воином; так, он сражался при Делии, при Амфиполе и при Потидее. Аристотель вновь поставил на ноги свою родину, которая была не только брошена на колени, но, так сказать, повержена ниц. Деметрий Фалерский[10] с великой славой правил Афинами, пока его не изгнала обычная злоба афинян; он же руководил составлением законов у Птоле-

мея в Египте. А кто может отрицать, что философами были Перикл, сын Ксанфиппа, Эпаминонд, сын Полимнида, Фокион, сын Фока, Аристид, сын Лисимаха, Эфиальт, сын Софонида, или позже Карнеад и Критолай? [11] Двое последних прибыли в Рим с посольством от афинян и добились для них спасения; они так сумели устыдить сенаторов, что те говорили: «Афиняне прислали этих послов, чтобы не упросить, а заставить нас выполнить их желание». По моему мнению, политиком был и Персей [12], воспитавший Антигона, и Аристотель, занимавшийся философией с юным Александром, сыном Филиппа, и знаменитый пифагореец Лисис, который воспитал Эпаминонда. Таким образом, если кто скажет, что философы — бездельники, это будет пошлостью и глупостью. А я бы из кожи лез, чтобы достичь такого безделья и такого миролюбия, как у них.

III, 36. ПОЧЕМУ АРИСТОТЕЛЬ ПОКИНУЛ АФИНЫ

Когда Аристотель покинул Афины [13] из боязни попасть под суд, его спросили [14], как ему понравились Афины, и он ответил: «Они прекрасны, но в них „Груша зреет на груше и смоква на смокве"...» [15],— имея в виду сикофантов. А на вопрос, почему он покинул Афины, он сказал: «Я не хотел, заставлять афинян дважды грешить против философии»,— намекая на участь, постигшую Сократа, и на опасность, грозившую ему самому.

III, 45. ОРАКУЛ, ПОЛУЧЕННЫЙ ФИЛИППОМ

Говорят, что Филиппу в беотийском храме Трофония [16] выпал оракул: «берегись колесницы». Из страха перед этим вещанием он, по преданиям, с тех пор не всходил на колесницу. Есть два предания об этом. Одно рассказывает, что у меча Павсания, которым он поразил Филиппа, была рукоять слоновой кости с резным изображением колесницы; другое — что он был заколот, когда объезжал болото возле Фив, называемое Колесничным. Первый рассказ широко распространен, второй известен лишь немногим.

IV, 1. ОБЫЧАИ РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ

Закон луканов гласит: если после захода солнца придет путник и захочет укрыться у кого-нибудь в доме, и если хозяин его не примет, то должен в наказание уплатить пеню за нарушение гостеприимства — как мне кажется, и пришельцу, и Зевсу Гостеприимцу.

Я слышал, что иллирийские дарданцы моются только три раза за всю свою жизнь: при рождении, при браке и после смерти.

Индийцы не дают и не берут в долг, потому что у индийцев не полагается обижать или терпеть обиды друг от друга. Поэтому же у них нет ни расписок, ни залогов.

Есть закон у сардов: состарившихся отцов сыновья убивают дубинами и погребают, полагая, что престарелым не должно жить свыше меры, если им по дряхлости часто изменяют силы в работе. У них же есть такой закон: за безделье человека судят, и тот, кто живет беззаботно, должен предстать перед судом, отчитаться и объяснить, чем он живет.

Ассирийцы собирают всех девушек брачного возраста в один город и объявляют их распродажу: кто какую купит, ту и берет в жены.

Житель Библа ничего не поднимает с дороги, если не сам уронил: иное у них считается не находкой, а воровством.

Дербики [17] убивают всех, кто старше восьмидесяти лет, причем мужчин приносят в жертву, а женщин удушают.

Колхи своих мертвецов кладут в бычьи шкуры, зашивают и вешают на деревьях.

У лидийцев был обычай, чтобы женщины до супружества жили с мужчинами как гетеры, но выйдя замуж, блюли целомудрие. Кто согрешит после брака, для той не было прощения.

IV, 12. ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ЕЛЕНЫ РАБОТЫ ЗЕВКСИДА [18]

Гераклеец Зевксид, написав Елену, нажил на этой картине много денег, потому что он показывал ее не безвозмездно и не всякому желающему, но надо было заплатить установленную сумму и только после этого смотреть. За то, что гераклеец брал деньги за свою картину, все греки тогда же прозвали эту его «Елену» блудницей.

IV, 13. СУЖДЕНИЕ ЭПИКУРА О СЧАСТЬЕ

Эпикур из Гаргетта [19] заявлял: «Кто не доволен малым, тот ничем не будет доволен». Говорил он также, что если у него будут хлеб и вода, он готов посоперничать счастьем с самим Зевсом. Вот как он рассуждал, а с каким намерением он восхвалял наслаждения, мы узнаем в другой раз.

IV, 17. ЧУДЕСА И МНЕНИЯ ПИФАГОРА

Пифагор рассказывал людям, что он происходит от более высокой породы, нежели смертная [20]. Например, говорил он, в один и тот же день и час его можно было видеть и в Метапонте, и в Кротоне. В Олимпии он показывал, что одно бедро у него было золотое. Он напоминал кротонцу Миллию, что он был фригийцем Мидасом, сыном Гордия [21]. Однажды он ласкал бе-

лого орла, и орел не улетал от него. А когда он переходил реку Косу, сама река заговорила с ним, сказав: «Здравствуй, Пифагор». Он говорил, что всего священнее — листья мальвы; говорил, что высшей мудростью обладает число, а после него — тот, кто дал названия всем вещам. Причину землетрясений он усматривал в том, что под землей сражаются мертвецы. Радуга, по его словам, является отблеском солнца [22]. Шум, который часто бывает в ушах,— это голос божеств. Нельзя было ни усомниться в сказанном, ни попросить что-нибудь добавить к этому: все современники относились к его словам как к божественным вещаниям. Когда он объезжал города, шла молва, что едет Пифагор не для того, чтобы учить, а для того, чтобы целить. Пифагор запрещал употреблять в пищу сердце, белого петуха и прежде всего животных, умерших своей смертью; запрещал ходить в бани и бывать на людных улицах, потому что неизвестно, не осквернены ли они кем-нибудь.

IV, 20. О ДЕМОКРИТЕ, И КАК О НЕМ ОТЗЫВАЛИСЬ ФЕОФРАСТ, ГИППОКРАТ И ДРУГИЕ

Говорят, что Демокрит из Абдеры, отличаясь мудростью во всем, хотел провести жизнь незаметно, и действительно, усердно заботился об этом. Потому-то он и отправился путешествовать по многим странам. Он приезжал к вавилонским халдеям, к магам, к индийским мудрецам [23]. Имущество своего отца Дамасиппа, разделенное на три части между тремя братьями, он целиком уступил братьям, взяв себе только деньги для дороги. Поэтому Феофраст хвалит его за то, что он извлек из своего путешествия больше пользы, чем Менелай и Одиссей, которые в своих странствованиях, по существу, ничем не отличались от финикийских купцов, так как добывали только деньги, и только ради этого ездили и плавали [24]. Абдериты называли Демокрита «Философией», а Протагора — «Речью»; а так как Демокрит надо всеми смеялся, называя их безумцами, то сограждане прозвали его также «Смеющимся». Они говорят, что Гиппократ при первой встрече с Демокритом подумал, что он сумасшедший, но постепенно, разговаривая с ним, пришел в великое восхищение от этого человека. Говорят, что Гиппократ был дорянином, но из любви к Демокриту написал свои сочинения на ионийском наречии.

V, 20. ПОСТ У ТАРЕНТИНЦЕВ И РЕГИЙЦЕВ

Когда афиняне осаждали Тарент, желая взять жителей измором, регийцы приняли постановление поститься каждый десятый день и сбереженную за этот день пищу посылать та-

рентинцам. Благодаря такому воздержанию, тарентинцы были спасены; в память об этом бедствии и те и другие справляют праздник, называемый Постом.

V, 21. О ТОМ, ЧТО МЕДЕЯ НЕ УБИВАЛА СВОИХ ДЕТЕЙ

Есть рассказ, что предание о Медее несправедливо, потому что не она убила детей, но коринфяне. А миф о Колхиде и трагедию сочинил Еврипид по просьбе коринфян, и благодаря мастерству поэта ложь восторжествовала над истиной. Говорят, что за свое преступление коринфяне до сих пор приносят жертвы детям, как бы платя им дань.

VII, 1. О СЕМИРАМИДЕ И О ТОМ, КАК ОНА ОВЛАДЕЛА АССИРИЙСКИМ ЦАРСТВОМ

Ассириянку Семирамиду каждый восхваляет по-своему. Она была прекраснейшей из женщин, хотя и не заботилась о своей красоте. Царь призвал ее к себе за молву о ее красоте, и когда она явилась, влюбился в нее, едва увидев. Она же попросила царя, чтобы он дал ей царское облачение, доверил на пять дней власть над всей Азией и повиновался ее приказаниям; и он не противился ее просьбе. Но когда царь посадил ее на трон, и она поняла, что все находится в ее власти и воле, то Семирамида приказала телохранителям убить самого царя, и этим сохранила власть над ассирийским царством. Об этом рассказывает Динон [25].

VII, 5. О ТОМ, КАК ОДИССЕЙ И АХИЛЛ РАБОТАЛИ СВОИМИ РУКАМИ

Лаэрта нашел его сын, когда он, сам возделывая свою землю, очищал дерево [26]. И сам Одиссей признается, что многое знает и умеет делать собственными руками:

> Мало найдется таких, кто б со мною поспорил в искусстве
> Скоро огонь разводить и сухие дрова для варенья
> Пищи колоть...[27]

И плот он себе сколотил сам, без помощи корабельщиков, и очень быстро [28]. Ахилл же, третий от Зевса [29], сам разрубает мясо, готовя гостеприимный пир для явившихся ахейских послов.

VII, 7. О БДЕНИИ ДЕМОСФЕНА

Демосфен, сын Демосфена, накануне народных собраний не спал всю ночь, несомненно, обдумывая и запоминая то, что собирался сказать. Поэтому-то, кажется мне, и сказал Пифей [30], насмехаясь над ним, что его советы пахнут светильным маслом.

VII, 15. КАК МИТИЛЕНЯНЕ НАКАЗЫВАЛИ ВОЗМУТИВШИХСЯ СОЮЗНИКОВ

Когда все море находилось во власти митиленян, они установили для союзников такое наказание за отпадение: те не должны были более учить детей грамоте, а сами — учиться музыке. Они полагали, что влачить жизнь в грубости и невежестве есть самая тяжкая кара.

VIII, 2. О МУДРОСТИ ГИППАРХА И О ТОМ, КАК ОН ЗАБОТИЛСЯ ОБ УЧЕНЫХ ЛЮДЯХ И О ГОМЕРОВЫХ ПЕСНЯХ

Гиппарх, сын Писистрата, был старшим из его детей и мудрейшим среди афинян. Он первый доставил в Афины песни Гомера и велел рапсодам исполнять их на Панафинеях. За Анакреонтом Теосским он отправил петеконтеру, чтобы привезти его к себе. Симонида Кеосского он глубоко почитал и всегда держал при себе, привлекая деньгами и богатыми подарками: это весьма правдоподобно, ибо никто не будет отрицать корыстолюбие Симонида [31]. Вот как отличался Гиппарх своей заботой об ученых. Своим примером он хотел воспитать афинян, и управляя, старался исправить их нравы. Будучи прекрасным и добрым, он полагал, что никому не следует отказывать в мудрости. Так говорит Платон, если только сочинение «Гиппарх» точно принадлежит Платону.

VIII, 15. О СДЕРЖАННОСТИ ФИЛИППА И О ТОМ, ЧЕГО ОН НЕ ХОТЕЛ ЗАБЫВАТЬ

Когда Филипп победил афинян при Херонее и благодаря этой удаче достиг большого могущества, он не утратил здравого смысла и не заспесивился: он рассудил, что один из рабов должен каждое утро напоминать ему, что он — человек, и поручил эту обязанность мальчику-прислужнику. И говорят, что он выходил к тем, кто желал его видеть, или допускал их к себе не прежде, чем мальчик трижды возглашал перед ним: «Филипп, ты — человек!»

VIII, 16. О СОЛОНЕ И ПИСИСТРАТЕ

Солон, сын Эксекестида, уже в старости заподозрил, что Писистрат станет тираном, когда тот, явившись в афинское народное собрание, попросил для себя вооруженной охраны. Видя, что афиняне беспечно относятся к его предостережениям,

а Писистрата внимательно слушают, он сказал, что одних он превосходит умом, а других мужеством: он умнее тех, кто не понимает, что человек, получивший вооруженную охрану, станет тираном, и мужественней тех, кто понимает это, но молчит. Писистрат получил телохранителей и стал тираном. Солон, сидя перед своим домом, положил рядом с собою щит и копье, заявив, что он вооружился и помогает отечеству по мере своих сил, так как предан ему всей душой, хотя по старости и не может встать во главе войска. Однако Писистрат не причинил никакого зла Солону, то ли уважая такого человека и такого мудреца, то ли храня воспоминания детства,— говорят, что он был его любимцем. Немного спустя Солон скончался в преклонном возрасте, оставив по себе великую славу мудрости и мужества. В честь его поставлена медная статуя на площади, а похоронили его всенародно у городской стены, недалеко от ворот, направо от входа, и могилу обнесли оградою.

VIII, 19. НАДГРОБИЕ АНАКСАГОРА И АЛТАРЬ В ЕГО ЧЕСТЬ

На гробнице Анаксагора написано:

Тот, кто здесь погребен, перешел пределы познанья —
Тайну строенья небес ведавший Анаксагор.

В честь его поставлен также алтарь, посвященный, по одним сведениям, Разуму, по другим — Истине.

IX, 3. О РОСКОШИ И НАДМЕННОСТИ АЛЕКСАНДРА И ДРУГИХ

Александр развратил своих приближенных, не препятствуя их роскоши. Так, Агнон носил башмаки с золотыми гвоздями. Клит, желая поговорить о каком-нибудь деле, принимал собеседника, расхаживая по пурпурным коврам. Пердикка и Кратер, любившие гимнастические упражнения, возили за собой навесы для шатров длиною в целый стадий и под ними упражнялись, занимая ими очень много места на лагерных стоянках. Кроме того, за ними возили на вьючных животных песок, который бывает нужен во время упражнений. Леоннат и Менелай, любители охоты, возили за собой ковры длиной в сто стадиев [32]. Палатка самого Александра могла вместить сто постелей; ее подпирали пятьдесят золотых колонн, поддерживая потолок, а потолок был позолочен и отделан пышными украшениями. Вокруг палатки снаружи стояли пятьсот персов, так называемых мелофоров [33], в пурпурных и желтых одеяниях; за ними тысяча лучников, одетых в огненно-алое; и, наконец, пятьсот македонян с серебряными щитами. Посредине палатки стоял золотой трон,

сидя на котором Александр решал все дела, окруженный со всех сторон телохранителями. Вокруг палатки была ограда, и в ней находились тысяча македонян и десять тысяч персов. Никто не смел пройти к нему беспрепятственно: столь велик был страх перед мужем, которого великий дух и воля судьбы возвысили до царского могущества.

IX, 13. О ПРОЖОРЛИВОСТИ И ТУЧНОСТИ ДИОНИСИЯ ГЕРАКЛЕЙСКОГО

Говорят, что Дионисий Гераклейский [34], сын тиранна Клеарха, из-за обжорства и роскошной жизни незаметно ожирел и растолстел. В наказание за полноту тела и толщину плоти ему пришлось поплатиться тяжкой одышкой. От этой болезни врачи, как говорят, указали следующее средство: нужно было приготовить тонкие и очень длинные иглы и прокалывать ими его живот и бока, когда он впадал в глубочайшее забытье. Им было много хлопот, когда игла целиком погружалась в бесчувственное и как бы чужое мясо, а он лежал, словно камень. Если же острие попадало туда, где его тело было еще здоровым, и от избытка жира не стало как бы чужим, то он, почувствовав его, пробуждался от сна. С теми, кто хотел явиться к нему, он разговаривал, лежа всем телом в ящике; а другие говорят, что это был не ящик, а нечто вроде стоячего сундука, так что голова его оставалась снаружи, и он мог вести разговор, а остальные части тела были как бы погребены. Боги! поистине мерзостно было это его облачение, и походило скорее на звериную клетку, чем на человеческую одежду.

IX, 19. КАК ДЕМОСФЕН НЕ ЗАХОТЕЛ ВОЙТИ В ХАРЧЕВНЮ ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ДИОГЕНА

Однажды Диоген, завтракая в харчевне, позвал к себе проходившего мимо Демосфена. Тот отказался. «Ты стыдишься, Демосфен, зайти в харчевню? — спросил Диоген,— а ведь твой хозяин бывает здесь каждый день!» — подразумевая весь народ и каждого гражданина в отдельности. Этим он объявлял, что политики и ораторы являются слугами народа.

IX, 20. ОБ АРИСТИППЕ

Однажды Аристипп плыл на корабле; захваченный бурей, он сильно перепугался. Один из спутников спросил его: «И ты, Аристипп, трусишь, как все?» А он: «И с полным правом: вас эта опасность заставляет тревожиться за вашу бедственную жизнь, а меня — за мою блаженную».

IX, 35. КАК АНТИСФЕН ТЩЕСЛАВИЛСЯ РВАНЫМ ПЛАЩОМ

Сократ, видя, как Антисфен[35] все время выставлял напоказ разорванную сторону своего плаща, сказал: «Перестанешь ли ты перед нами тщеславиться?»

X, 13. КАК АРХИЛОХ САМ СЕБЯ ОБВИНЯЛ

Критий упрекает Архилоха в том, что он отзывался о себе в высшей степени дурно. Он говорил: если бы Архилох не распространил о себе такой славы среди эллинов, мы не узнали бы ни того, что он был сыном рабыни Энипы, ни того, что из-за нужды и бедности он покинул Парос и удалился на Фасос, ни того, что он поссорился с тамошними жителями, ни того, что он без разбора поносил и друзей, и врагов. Вдобавок, откуда, кроме как от него, знали бы мы о его разврате, о его похотливости и заносчивости, и — самое позорное — о том, что он бросил щит? Плохие показания давал Архилох о самом себе, если после него осталась такая слава и такая молва. Все эти обвинения — не мои, а критиевы.

XI, 9. О ЛУЧШИХ ГРАЖДАНАХ, КОТОРЫЕ В БЕДНОСТИ ОТВЕРГАЛИ ПОДАРКИ

Лучшие среди эллинов провели свою жизнь в бедности. Пусть же, кто хочет, восхваляет богатство, если бедность была уделом лучших из эллинов в течение всей их жизни. Они были такими, как Аристид, сын Лисимаха, муж, который совершил много полезного во время войны, а потом распределил между эллинами подать; и такой человек не оставил после себя денег даже себе на погребение.

Беден был и Фокион[36]. Когда Александр прислал ему сто талантов, он спросил: «За что он дает их мне?» Ему ответили: потому что Александр его одного из всех афинян считает прекрасным и добрым. «Пусть же он позволит мне и впредь оставаться таким»,— ответил Фокион.

Бедняком был Эпаминонд, сын Полимнида. Ясону[37], приславшему для него пятьдесят золотых, он ответил: «Ты начинаешь делать дурное». Когда он пошел на Пелопоннес, то занял у одного из граждан пятьдесят драхм на дорогу. Узнав, что его щитоносец отобрал деньги у одного пленника, он сказал ему: «Отдай мне свой щит, а сам заведи лавку и живи там до самой смерти, потому что, разбогатев, ты больше не захочешь подвергаться опасностям».

А Пелопид, когда друзья упрекали его в том, что он пренебрегает деньгами, которые бывают в жизни полезны, сказал:

«Действительно, полезны, клянусь Зевсом, но только для вот этого Никомеда»,— и указал на человека хромого и увечного.

Сципион за пятьдесят четыре года своей жизни ничего не купил и ничего не продал — настолько скромны были его потребности. Когда кто-то показал ему богато украшенный щит, он сказал: «Римлянину подобает надеяться на свою правую руку, а не на левую».

Крайне беден был и Эфиальт, сын Софонида: товарищи подарили ему десять талантов, но он не принял их, сказав: «Из-за этого мне придется или, храня признательность, в угоду вам нарушить справедливость, или, наперекор признательности, не угождать вам и прослыть неблагодарным».

XI, 10. О ЗОИЛЕ

Зоил из Амфиполя, который писал против Гомера, против Платона и против других, был учеником Поликрата; этот Поликрат сочинил обвинение даже против Сократа. Этого Зоила прозвали псом-ритором. Был он вот каков: бороду отпускал, а голову брил наголо, и плащ у него был выше колен. Он любил злословить и не упускал случая поссориться с людьми, но в своих хулениях был неудачлив. Один ученый спросил его: почему он про всех говорит дурное? А он: «Потому что я хотел бы сделать им дурное, да не могу».

XI, 13. О СИЦИЛИЙЦЕ, ОТЛИЧАВШЕМСЯ ЗОРКОСТЬЮ

Говорят, что в Сицилии один сицилиец отличался такой остротою зрения, что мог смотреть из Лилибея в Карфаген [38], и глаза его не обманывали: говорят, что он сказал, сколько кораблей отошло из Карфагена, и не ошибся ни на один корабль.

XII, 11. О ПАЛАТИНСКОМ ХОЛМЕ И О ХРАМЕ И АЛТАРЕ ЛИХОРАДКИ

Римляне воздвигли у подножья Палатинского холма храм и алтарь Лихорадки.

XII, 19. О САПФО

Поэтессу Сапфо, дочь Скамандронима, признает мудрой сам Платон, сын Аристона. А я узнал, что на Лесбосе была и другая Сапфо, гетера и не поэтесса.

XII, 29. ЧТО СКАЗАЛ ПЛАТОН О РОСКОШИ АКРАГАНТЯН

Платон, сын Аристона, увидев, какие строят акрагантяне роскошные дома и какие задают роскошные пиры, сказал, что акрагантяне строят дома так, словно собираются жить вечно,

а пируют так, словно собираются завтра же умереть [39]. Также и Тимей [40] говорит, что они делали лекифы и скребницы из серебра, а кровати у них были целиком из слоновой кости.

XII, 38. О ЛОШАДЯХ И О НЕКОТОРЫХ ОБЫЧАЯХ САКОВ

У саков лошадь, сбросив случайно седока, останавливается рядом, чтобы он снова на нее сел. Если кто-нибудь захочет взять девушку в жены, то должен с ней сражаться в единоборстве; и если она его одолеет, то уводит в плен, владеет им и распоряжается, если же будет побеждена, то покоряется [41]. Сражаются до победы, но не до смерти. Когда саки скорбят по ком-нибудь, то укрываются в темные подземные обиталища.

XII, 43. КТО ИЗ БЕЗВЕСТНОСТИ СТАЛ ЗНАМЕНИТ

Я слышал, что Дарий, сын Гистаспа, был колчаноносцем Кира. Последний же Дарий, которого разбил Александр, был рабом. Архелай [42], македонский царь, был сыном рабыни Симихи. Менелай, дед Филиппа, считался незаконнорожденным. Сын его, Аминта, как полагают, был прислужником и рабом Аэропа. Персей [43], которого разбил римлянин Павел, был родом аргивянин, сын безвестного человека. Отец Евмена [44], как полагают, был бедняком-флейтистом. Антигон [45], сын Филиппа, прозванный Киклопом за то, что имел только один глаз, был крестьянином. Полисперхонт занимался разбоем. Победивший варваров в морском бою Фемистокл, который один понял глас богов в прорицаниях [46], был сыном фракиянки; мать его звали Абротонон. Фокион, прозванный Добрым, был сыном человека, выделывавшего пестики для ступок. Деметрий Фалерский, говорят, был рабом-домородком из дома Тимофея и Конона. Вряд ли кто сразу назовет родителей Гипербола, Клеофонта, Демада,— а ведь они были народными вождями в Афинах. Каллликратид [47], Гилипп и Лисандр считались в Лакедемоне мофаками. Так называют в богатых семьях тех рабов, которых отцы посылают упражняться в гимназиях вместе со своими сыновьями. Ликург, дозволив это, дал право спартанского гражданства тем, кто получит такое же воспитание, как и дети свободных. Безвестного происхождения был и Эпаминонд. А Клеон, тиранн Сикиона, был морским разбойником.

XIII, 19. СУЖДЕНИЕ КЛЕОМЕНА О ГОМЕРЕ И ГЕСИОДЕ

Клеомен [48] говорил, лаконично, по обычаю своей страны, что Гомер — поэт спартиатов, ибо учит воевать, а Гесиод — поэт илотов, ибо учит землепашествовать.

XIII, 28. О ДИОГЕНОВОМ РАБЕ, РАСТЕРЗАННОМ СОБАКАМИ

Когда Диоген покинул родной город [49], его сопровождал только один из рабов, по имени Манет; не выдержав образа жизни хозяина, он сбежал. Диоген, когда ему советовали разыскать раба, сказал: «Разве не нелепо, если Манет в Диогене не нуждается, а Диоген в Манете нуждается?» Этот раб забрел в Дельфы и был растерзан собаками, которые как бы именем господина наказали его за побег.

XIII, 29. О НАДЕЖДЕ

Платон говорил, что надежда — это сновидение бодрствующих.

XIII, 40. О ФЕМИСТОКЛЕ

Проходя мимо лежавшего на дороге золотого персидского ожерелья, Фемистокл остановился, указал на него рабу и сказал: «Мальчик, почему ты не поднимаешь эту вещь? ведь ты не Фемистокл».

Когда афиняне его оскорбили, а затем снова призвали к власти, он сказал: «Не могу одобрить таких людей, у которых один и тот же сосуд служит то для вина, то для нечистот».

Однажды, когда он спорил с Еврибиадом [50], тот замахнулся на него палкою, он же сказал: «Побей, но выслушай!» — ибо знал, что его слова послужат общей пользе.

XIV, 13. О ТРАГЕДИЯХ АГАФОНА

Агафон [51] охотно и обильно пользовался антитезами. Когда кто-то, словно для того, чтобы исправить его драмы, хотел повычеркивать из них антитезы, он сказал: «Любезнейший, но ты ведь сам не замечаешь, как вычеркиваешь Агафона из Агафона» — настолько он ими гордился, полагая, что в них-то и состоит его трагедия.

XIV, 16. О ТЩЕСЛАВИИ ГИППОНИКА

Гиппоник [52], сын Каллия, хотел воздвигнуть статую в дар отечеству. Когда кто-то посоветовал ему заказать эту статую у Поликлета, он сказал, что ему не надобно такого приношения, слава которого достанется не дарителю, а ваятелю. Ибо ясно было, что все, кто увидят, как искусно сделана статуя, будут восхищаться не Гиппоником, а Поликлетом.

XIV, 30. КАК ГАННОН ХОТЕЛ ОБОГОТВОРИТЬ СЕБЯ

Карфагенянин Ганнон [53], опьяненный роскошью, не пожелал мерить себя человеческой мерой и вознамерился распространить молву о том, что он более высок и могуществен, чем это судила ему природа. Для этого он купил великое множество певчих птиц и выкормил в темноте, обучая только одной науке — говорить «Ганнон — бог». Когда они, постоянно слыша эти слова, сами овладели ими, он распустил птиц во все стороны, надеясь, что они повсюду разнесут песню о нем. Но птицы, расправив крылья, почувствовали свободу и сразу, воротясь к врожденным привычкам, запели свои обычные птичьи песни, навсегда сказав «прости» Ганнону и всему, что они выучили в рабстве.

О ЖИВОТНЫХ

III, 21. О ЛЬВЕ, МЕДВЕДИЦЕ И ДРОВОСЕКЕ

Евдем [1] рассказывает, что однажды в горах фракийского Пангея медведица набрела на оставленное без присмотра львиное логовище и растерзала в нем львят, еще маленьких и неспособных защититься. Отец и мать, вернувшись с охоты, увидели, что их детеныши мертвы; мучимые горем, которое легко понять, бросились они за медведицей, а та в страхе поспешила взобраться на дерево и засела там, пытаясь избежать их расправы. Но они твердо решили отомстить убийце: львица осталась на страже, усевшись под деревом и глядя вверх налитыми кровью глазами, а лев, тоскуя и томясь, как человек в своем несчастии, пустился бродить по горам; и встретился ему дровосек. От испуга дровосек выронил топор; но дикий лев замахал хвостом и, потянувшись к нему, стал ласкаться, как мог, и лизать ему лицо. Тот приободрился, а лев, обвив его ногу хвостом, повел его за собой и лапою показал, чтобы он не оставлял топора, а подобрал бы его. Дровосек не понял; тогда лев пастью взял топор и протянул ему. Тот пошел следом за ним, и лев привел его к нужному месту. Львица, увидев его, подошла и тоже замахала хвостом, жалостно глядя на него и указывая глазами на медведицу. Заметив это и сообразив, что медведица чем-нибудь их обидела, человек стал рубить дерево, что было сил; дерево повалилось, медведица упала, и львы ее растерзали. А дровосека, целого и невредимого, лев отвел обратно на то место, где повстречал его, и тот вернулся к своему прежнему занятию.

III, 47. О ПОЧТЕНИЕ ВЕРБЛЮДА К МАТЕРИ

Дайте мне, во имя отеческого Зевса, спросить трагических поэтов, а еще раньше — слагателей мифов: почему приписывают они такое неведение сыну Лаия, несчастным браком соединившемуся с матерью, да Телефу, который, хотя и не посягнул на это совокупление, но разделил с родительницей ложе и совершил бы то же самое, если бы не разъединил их змей, ниспосланный божеством,— тогда как даже неразумным животным дает природа угадать такую связь при простом соприкосновении тел, и не нуждается ни в приметах, ни в киферонском пастухе, как софоклов Эдип. Так, верблюд никогда не совокупляется со своей матерью. В одном стаде пастух, закутав самку, как только мог и скрыв у нее все, кроме члена, подпустил к матери верблюжонка, и тот, побуждаемый жаждой соития, ничего не подозревая, соединился с ней и обо всем догадался; тогда он стал кусать, лягать и топтать ногами виновника этого противоестественного союза, пока тот не погиб жалкой смертью, а сам бросился с высокой скалы. Неразумно поступил Эдип, когда лишил себя зрения вместо того, чтобы убить, и не догадался, что в его власти положить конец всем бедствиям, и не прибавлять своим проклятием дому и роду новые тяжкие бедствия к непоправимым старым.

IV, 21. ОБ ИНДИЙСКОЙ МАРТИХОРЕ

Есть в Индии зверь, чудовищной силы, величиной с самого большого льва; шкура у него красная, подобно киновари, и покрыта шерстью, как у собаки. На языке индийцев он называется мартихора. Морда у него такая, что напоминает не звериную, а человеческую; зубы в три ряда сверху и в три ряда снизу, и такие острые, что лучше собачьих; уши по форме похожи на человеческие, но крупнее и покрыты шерстью; глаза светлые, и также похожи на человеческие. Ноги и когти, да будет это известно, такие, как у льва; а на конце хвоста находится жало, подобно жалу скорпиона, длиной больше локтя, и весь хвост покрыт жалами с обеих сторон; жало на конце хвоста при малейшем прикосновении наносит рану и убивает на месте. Когда ее преследуют, она мечет боковые жала, наподобие стрел, и разит издалека; если ей нужно жалить спереди, то она изгибает хвост, а если сзади, наподобие саков [2], то вытягивает его во всю длину. Летящее жало губит все, чего ни коснется, и не убивает только слона; длиной оно около фута, толщиной — как стебель камыша. Ктесий [3] говорит (и уверяет, что все индийцы думают так же), что на месте выброшенных жал отрастают другие, как новая пагубная поросль. По его же словам, этот зверь очень любит пожирать людей и совершает много убийств, при-

чем не подстерегает людей по одиночке, а нападает на двоих и троих сразу, и один их одолевает. Она побеждает всех остальных животных, и только льва не может осилить. О том, что она с особенным удовольствием поедает человеческое мясо, свидетельствует само ее название — это индийское слово по-гречески означает «людоед», и такое имя получила она по заслугам. Бегает она, как самый быстрый олень. На ее детенышей, еще не имеющих жал, индийцы устраивают охоты, и камнями раздавливают им хвосты, чтобы на них не могли вырасти жала. Голос ее больше всего похож на звук трубы. Ктесий говорит, что он даже видел в Персии такое животное, присланное индийцами в подарок персидскому царю. Если кто считает Ктесия надежным свидетелем по этой части, тот, услышав о таких достопримечательностях этого животного, пусть обратится к сочинениям книдского писателя.

V, 17. О МУХАХ В ПИСАТИДЕ

Воздадим честь и мухе, чтобы не оставить ее здесь без упоминания; и это будет справедливо, ибо и она — творение природы. В Писатиде на время олимпийских празднеств мухи, так сказать, заключают перемирие как с приезжими, так и с местными жителями [4]. А именно, в то время, когда приносится столько жертв, проливается столько крови, развешивается столько мяса, они предпочитают удалиться и улетают на противоположный берег Алфея. Кажется, что они ведут себя так же, как местные женщины; и даже считается, что они выказывают себя более воздержными, ибо женщин не допускает к празднествам закон о состязаниях и о соблюдаемой при этом нравственности [5], мухи же не касаются жертв по доброй воле, и находятся в удалении все время, назначенное для жертвоприношений и игр. «Кончены игры» [6], и они возвращаются, словно изгнанники, получившие указ о прощении: таким образом, вместе с женщинами устремляются в Элиду и мухи.

VI, 27. ОСОБЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ЖИВОТНЫХ

Вот какие бывают особенности в природе различных животных. У бисалтов [7], говорит Феопомп [8], зайцы имеют двойную печень. Леросских [9] цесарок, по словам Истра [10], не трогает никакая хищная птица. Аристотель утверждает, что в земле невров [11] живут быки с рогами на плечах. Агафархид [12] — что в Эфиопии есть рога у свиней. Сострат [13] говорит, что все килленские дрозды — белые. Александр Миндийский [14] сообщает, что понтийские овцы тучнеют от самой горькой полыни и что козы, родившиеся на Миманте [15], не пьют по шести месяцев, а

вместо этого только смотрят на море и, раскрыв рот, дышат морским ветром. У иллирийских коз, как я слышал, копыта простые, а не раздвоенные. Феофраст [16] говорит удивительнейшие вещи о том, что в Вавилонии рыбы часто выходят из воды и пасутся на сухом месте.

VI, 34. О ЛЕБЕДЕ

У лебедя есть величайшее преимущество перед человеком: он знает, когда придет конец его жизни, и от природы наделен прекраснейшим даром — с легким сердцем принять его; ибо он уверен, что в смерти нет ничего болезненного или горестного, люди же пугаются неизвестного и считают ее худшим из зол. И так легко бывает у него на душе, что даже при своей кончине он поет, как бы заводя себе погребальную песнь. То же самое прославляет и Еврипид в Беллерофонте [17], который принял смерть доблестно и благородно, как подобало герою, и которого поэт заставляет так говорить самого с собой:

Пока я жил, я жил благочестиво,
Друзьям был друг и странникам заступник,

и так далее. Таким вот образом лебедь поет по себе погребальную песнь, сопровождая себя в последнем пути то ли гимном богам, то ли хвалою самому себе. О том, что поет он от радости, а не от горя, свидетельствует также Сократ [18]. Действительно, когда у человека на душе тяжко и горько, в ней нет места музыке и пению.

Лебедь мужествен не только в смерти, но и в битве. Словно человек разумный и сдержанный, он никогда не нападет первым, но перед зачинщиком и обидчиком не отступает и не уклоняется. Все птицы живут с ним в мире и как бы в союзе, и только орел часто нападает на него, по словам Аристотеля, но никогда его не одолевает и неизменно бывает побежден, ибо лебедя в бою не только спасает сила, но и защищает правда.

VI, 35. О ЯСОССКОМ ДЕЛЬФИНЕ

Издавна прославляемую любовь ясосского дельфина к прекрасному мальчику, по-моему, не следует оставить без упоминания, и поэтому я расскажу о ней.

В Ясосе [19] гимнасий находится возле самого моря, и эфебы после упражнений в беге и борьбе спускаются к морю, чтобы омыться по старинному обычаю. И вот, когда они плавали, одного из них, замечательного цветущей красотой, страстною любовью полюбил дельфин. Когда он приблизился в первый раз, мальчик был изумлен и перепуган, но потом привык и питал к

нему немалую дружбу и любовь. Они стали играть друг с другом, иногда состязались, плавая наперегонки, а иногда мальчик горделиво разъезжал, взобравшись на своего пловучего любимца, как всадник на жеребца. И ясийцы, и приезжие дивились этому. Увлеченный любовью, дельфин уносил мальчика так далеко в море, как тому нравилось, а потом поворачивал и нес его к самому берегу; здесь они расставались, и один возвращался домой, а другой — в открытое море. Дельфин приплывал как раз тогда, когда детей распускали из гимнасия, и мальчик радовался появлению друга и новым играм с ним. Поистине, красота его тела была замечательна, если не только людям, но и неразумным животным он казался прекраснейшим. Но и эту взаимную любовь в скором времени погубила зависть судьбы.

Однажды мальчик, утомленный гимнастическими упражнениями больше обычного, сидя на дельфине, прилег к нему животом; и случилось, что шип, торчащий на спине животного, вонзился ему в пупок; лопнули жилы, кровь потекла сильной струей, и мальчик тут же умер. Когда дельфин стал догадываться об этом по тяжести тела,— потому что мальчик лежал на нем уже не так легко, как обычно, когда дыхание уменьшало его тяжесть,— и увидел, как покраснело море от крови, он понял все, и не захотел пережить своего любимца. С плеском, как корабль, сильно и стремительно поплыл он к берегу и выбросился, вынеся на себе тело мальчика; там лежали они, один мертвый, другой испускающий дух. Нет, Еврипид, не решился на такое Лаий из-за Хрисиппа [20], хотя и ты говоришь, и молва гласит, что он самым первым завел у эллинов мужскую любовь. Ясийцы почтили столь великую любовь, похоронив в одной могиле и прекрасного мальчика, и влюбленного дельфина, а над могилой поставили статую мальчика верхом на дельфине. Была отчеканена монета из меди и серебра с изображением гибели обоих; и местные жители благоговейно сохранили в памяти деяние столь великого бога [21]. Как я слышал, и в Александрии при Птолемее II был дельфин, любивший подобной любовью, и в италийской Дикеархии [22]. Если бы знал это Геродот, он этому не меньше бы удивлялся, чем рассказу об Арионе из Мефимны.

VI, 40. О МЫШАХ НА ГЕРАКЛОВОМ ОСТРОВЕ

На Понте известен остров, названный по имени Геракла. И вот, сколько есть на этом острове мышей, все они почитают этого бога, и всякую вещь, ему посвященную, считают угодной божеству и не касаются ее. Там растет виноградник, посвященный богу и почитаемый как его собственность; служительницы божества сохраняют его лозы для жертвоприношений. И когда гроздья начинают созревать, мыши покидают этот остров, что-

бы даже нечаянно не тронуть неприкосновенного. А когда эта пора проходит, они возвращаются на привычные места. Так хорошо поступают понтийские мыши. А Гиппон, а Диагор, а Герострат [23] и вся остальная вереница богопротивников, разве пощадили бы они этот виноград или какую иную святыню,— они, стремившиеся так или иначе уничтожить самые имена и деяния богов?

VII, 8. ОБ АНТИЛОПЕ, КАК ОНА ПРЕДЧУВСТВУЕТ ВОСХОД СИРИУСА, О ЛИВИЙСКИХ КОЗАХ И ВООБЩЕ О ТОМ, КАК ЧЕТВЕРОНОГИЕ ЖИВОТНЫЕ ПРЕДСКАЗЫВАЮТ ДОЖДЬ И ЯСНУЮ ПОГОДУ, А ТАКЖЕ О ГИППАРХЕ И АНАКСАГОРЕ

Египтяне, как я слышал, говорят, что антилопа первая замечает восход Сириуса [24] и извещает об этом чиханьем. А ливийцы, похваляясь, настойчиво твердят, что их козы также это предчувствуют, и что, кроме того, они предсказывают приближение дождя. Именно, когда их выгоняют из хлева, они бегом спешат на пастбище, а потом, насытившись, поворачиваются к стойлам и, глядя в их сторону, неподвижно ждут, пока пастух не поторопится собрать и загнать их. При тиранне Гиероне всех привел в удивление Гиппарх [25], который сидел в театре, одетый в кожух, потому что в ясную погоду предвидел приближение грозы, и сам Гиерон, изумленный, поздравил вифинских никейцев с тем, что их согражданином является Гиппарх; когда в Олимпии Анаксагор смотрел на состязания, также одетый в кожух, и, действительно, хлынул дождь, все эллины прославляли его и гордились тем, что он одарен скорее божественным, чем смертным разумом; а тому, что быки, когда Зевс собирается послать дождь, ложатся на правый бок, а перед хорошей погодой — на левый, почти никто не удивляется. Вот что я слышал еще, достойное удивления: когда бык мычит и принюхивается [к земле], то непременно будет дождь; а когда быки едят доотвала и больше обычного, это предвещает бурю. Если овцы роют землю копытами, это, как кажется, к буре; а если они по утрам просыпаются рано, это указывает на раннюю зиму. Когда козы спят, сбившись в кучу, это говорит о том же самом. Появление свиней в душистых травах означает, что дождь прошел стороной. Бараны и козлы, прыгая и наскакивая друг на друга, обещают ясный день. Если пищат ласки, а также мыши, это значит, что будет сильная буря. Когда волки покидают глушь и подходят к жилью, этим они показывают, что боятся наступающей зимы. Лев, появляясь в плодородных местах, предвещает засуху. Если рабочий скот шумит и скачет больше обычного, это значит, что будет гроза с дождем; и если поднимает

пыль копытами, это указывает на то же самое. Зайцы, во множестве появляясь по одним и тем же местам, обещают ясную погоду. И все они превосходят людей, которые узнают о перемене погоды только тогда, когда она уже произошла.

VII, 27. ОБ ОВЦАХ

Из всех животных овцы самые послушные: сама природа научила их повиновению. Они слушаются пастуха, собак и ходят даже за козами. Они очень любят друг друга, и поэтому им меньше угрожают волки, так как они не бродят по одиночке и не отлучаются от стада, как это делают козы. Арабы говорят, что у них стада тучнеют не столько от корма, сколько от музыки. Овцы с удовольствием едят соленое, потому что от такой еды вкуснее становится питье. Знают овцы и о том, что не меньше, чем покрывающие их бараны, помогает им беременеть северный и южный ветер, знают и о том, что северный ветер производит мужской приплод, а южный — женский; и судя по тому, хочет ли овца того или другого потомства, она при случке поворачивается к тому или к другому ветру. Ахиллу, чтобы друг его был сожжен на погребальном костре, пришлось творить молитву, а Ириде, о славный Гомер[26], упрашивать ветры помочь ему, обещая им священнослужение как бы в награду за подмогу; афинян научил почитать ветры жертвоприношениями сын Неокла[27]; овцам же ветры помогают в родах открыто, без всяких обрядов и даже без зова. Пастухи за этим внимательно следят, и когда дует южный ветер, подпускают баранов к маткам, чтобы у них родилось побольше ярок.

VII, 42. О ЛЕНИВОМ МУЛЕ, КОТОРОГО ПРОУЧИЛ МУДРЫЙ ФАЛЕС

Фалес Милетский очень своеобразно проучил одного мула, уличив его в лености. Этот мул, нагруженный солью, однажды, переходя через реку, случайно поскользнулся и свалился в воду. Соль намокла, подтаяла, и мул, почувствовав облегчение, обрадовался. Сообразив, каким образом тяжелая ноша стала легкой, он воспользовался уроком этого случая, и то, что в первый раз произошло с ним случайно, он делал с этих пор намеренно. Погонщик был не в силах направить его по другой дороге, кроме как через реку. Услыхав такой рассказ, Фалес мудро рассудил, как надо проучить ленивого мула, и велел навьючить его, вместо соли, губками и шерстью. Тот, не догадываясь о хитрости, поскользнулся, как обычно; вьюк его пропитался водой, и он почувствовал, что его уловка обернулась ему же во вред. С этого времени он ходил осторожно, твердо держался на ногах и сохранял соль невредимою.

X, 48. КАК ДРАКОНЫ УМЕЮТ БЫТЬ БЛАГОДАРНЫМИ

У Ликаона, эмафийского царя, был сын Македон, по имени которого была потом названа страна, утратившая прежнее наименование. А у Македона был сын Пинд, отличавшийся замечательной храбростью и красотой. Были у него и другие дети, но душой они были неразумны, а телом слабы; завидуя доблести и другим достоинствам брата, они впоследствии погубили его, но и сами погибли, поплатившись перед высшей Правдой. Узнав, что братья злоумышляют против него, Пинд оставил отцовское царство и жил в деревне, будучи столь же искусен в охоте, как и во всем остальном.

Однажды он охотился на оленей; они убегали со всех ног, а он, преследуя, гнал коня, что было сил, и далеко опередил товарищей по охоте. Олени бросились в глубокую расселину, так что преследователь потерял их из виду; соскочив с коня и привязав его уздечкой к ближнему дереву, Пинд обшарил, как мог, всю расселину, разыскивая их. И тут он услышал голос: «Не трогай оленей». Долго озираясь и ничего не увидев, он испугался, что голос принадлежал какому-нибудь высшему существу. Он удалился прочь, погоняя коня, и на следующий день явился один, но не посмел войти в расселину, со страхом вспомнив голос, который он слышал собственными ушами. В недоумении раздумывая про себя, кто бы это мог помешать ему накануне гнаться за добычей, он высматривает, нет ли где-нибудь горных пастухов, или хижины, или других охотников, и видит огромного дракона: почти все его тело волочилось по земле, и поднятая голова и шея составляли только малую часть его, но и они были величиной со взрослого человека. Увидав его, Пинд испугался, но не обратился в бегство, а собрался с духом и задумал разумным поведением склонить чудовище к миру: он взял птиц, на которых в этот день охотился, и протянул ему как подарок от гостя и выкуп за собственную жизнь. Тот, смягчившись, и как бы очарованный подарком, уполз и скрылся.

Юноша был очень обрадован, и с этих пор, как человек добрый и любезный, стал в благодарность за спасение приносить дракону начатки своей добычи — горных животных или птиц. В этих приношениях Пинд был очень усерден, и волею божества ему стала сопутствовать удача, так что день ото дня он жил все привольнее, и на охоте ему всегда везло, охотился ли он на лесных зверей или на птиц. Все у него было в избытке, и даже распространилась молва, что он выходит на зверей один на один и без трепета берет их. Был он видного роста, страшной телесной силы и крепкого здоровья; своею красотою он воспламенял и как бы приковывал к себе всех женщин: незамужние, словно в опьянении, ходили к его дверям, а замужние, хоть и

покорялись закону, но так пленялись молвой о красоте Пинда, что скорее бы предпочли соединиться с Пиндом, чем даже сделаться богинями; мужчины же дивились ему и искали его дружбы; и только братья были его врагами.

Однажды во время охоты — а охота была возле реки — они подстерегли его в одиночку, и в глухом месте, выйдя на него втроем, поразили мечами. Он закричал, и это услышал его друг — дракон, животное с острым слухом и очень быстрым зрением. Он покидает свое логово, обвивает телом нечестивцев и убивает их, стеснив им дыхание, а сам остается сторожить тело до тех пор, пока приближенные, беспокоясь за юношу, не пришли и не застали его мертвым. Они подняли плач, но приступить к погребению не решались, в страхе перед таким стражем. Дракон каким-то таинственным образом догадался о том, что они его боятся, и медленно, не спеша, удалился, оставив мертвого приближенным, чтобы они оказали ему последнюю услугу. Его похоронили со всею пышностью, а река, протекавшая поблизости от места убийства, получила название Пинд — по имени покойника и по его гробнице. Таким образом, и животным свойственно платить благодарностью за благодеяние, о чем я говорил и раньше, чему этот рассказ представляет немалое подтверждение.

XII, 3. О ЕГИПЕТСКОМ ЯГНЕНКЕ С ДВУМЯ ХВОСТАМИ

Есть у египтян рассказ, которому, однако, я нисколько не верю. Именно, они говорят, что во времена знаменитого Бокхориса [28] родился ягненок с восемью ногами и двумя хвостами, а говорил он человечьим голосом; утверждают, кроме того, что ягненок был о двух головах, и рогов у него было четыре. Можно простить Гомера, который дал человеческий голос коню Ксанфу [29], потому что он поэт; не в чем упрекнуть и Алкмана, который допустил это в подражание Гомеру, благоговея перед смелостью своего предшественника; но когда тем же самым похваляются египтяне, кто может этому поверить? Все же, я рассказал о достопримечательности этого ягненка, хотя бы это и было вымыслом.

XII, 5. О ЛАСКЕ, ПОЧИТАЕМОЙ ФИВАНЦАМИ, И О МЫШАХ В ХРАМЕ СМИНФИЯ

Многие заслуженно высмеивают египтян, которые почитают и обожествляют различные породы животных. Но ведь и фиванцы, как я слышал, хотя и принадлежат к эллинам, воздают почитание ласке и говорят, что она была кормилицей Геракла, а если не кормилицей, то когда Алкмена мучилась родами и не

могла разрешиться, ласка пробежала мимо и уничтожила колдовство, так что Геракл тут же появился на свет и сразу стал ползать [30].

Обитатели Амаксита в Троаде почитают мышь; поэтому, говорят, и Аполлон, которому они поклоняются, называется Сминфием, ибо у эолян и троянцев мышь называется «сминфом», как пишет и Эсхил в «Сисифе» [31]:

Здесь у полевого сминфа сила есть чудесная.

В храме Сминфия прикармливают ручных мышей, и корм для этого дает государство; под алтарем гнездятся белые мыши, а возле треножника Аполлона стоит изображение мыши [32]. Об этих священных обычаях я слышал такое предание. Однажды на нивах эолян и троянцев появилось великое множество мышей и погрызло все всходы, так что сеявшие собрали очень скудную жатву. Обратились к дельфийскому богу, и он указал воздать почитание Аполлону Сминфию. Исполнив это, жители избавились от мышиной опасности и собрали обычный урожай пшеницы. Вдобавок к этому еще рассказывают вот что. Когда критяне после какого-то постигшего их бедствия покидали родину, чтобы основать колонию, они попросили пифийского бога указать им хорошую и удобную для поселения местность; и оракул вещал, что они должны обосноваться и выстроить город там, где с ними вступят в войну земнородные. Они прибыли в этот Амаксит и расположились лагерем на привал; и тут выползло несказанное множество мышей, которые стали глодать ремни у щитов и перегрызать тетивы у луков. Они догадались, что это и есть земнородные, и лишившись таким образом оружия, заселили эту местность и воздвигли храм Аполлона Сминфия. Вот как упоминание о мышах завело нас в область богословия; но оттого, что мы все это узнали, нам не стало хуже.

XII, 34. О РАЗЛИЧНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЖИВОТНЫХ У РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ

Не лишним будет рассказать о животных также и следующее. Скифы за недостатком дерева сжигают мясо жертвенных животных на их же костях. Если у фригийцев кто-нибудь убьет пахотного быка, его наказывают смертью. Сагареи [33], почитая Афину, ежегодно устраивают в ее честь состязания верблюдов, которые у них отличаются быстротой и прекрасно бегают. Саракоры не пользуются ослом ни для перевозки тяжестей, ни для вращения жернова, но только для войны: вооружившись, они принимают бой, сидя верхом на ослах, как эллины на конях. Который осел покажется им более тучным, того они уводят и по-

свящают Аресу. Перипатетик Клеарх[34] говорит, что из всех пелопоннесцев только аргивяне не умерщвляют змей. Они же убивают собаку, если она пробежит по площади в определенные дни, называемые у них Арнейскими[35]. В Фессалии человек, который хочет жениться, приводит на свадебное жертвоприношение взнузданного боевого коня и в полной военной сбруе; и когда жертвоприношение совершено и брачный союз заключен, он подводит коня под уздцы к невесте и передает ей. Что это значит, пусть расскажут сами фессалийцы. Тенедосцы откармливают стельную корову для древнего Диониса-человекоубийцы, и когда она телится, помогают ей, как роженице, а новорожденного теленка обувают в котурны и приносят в жертву, причем того человека, который ударяет его секирой, во искупление греха забрасывают камнями, пока он не забежит в море. А эретрийцы приносят в жертву Артемиде Амаринфской увечных животных.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все, что я мог разыскать и найти, усердно, заботливо, трудолюбиво и любознательно занимаясь теми вопросами, касаясь которых, соперничали в учености знаменитые мужи и философы,— все это я изложил, как умел, ничего не оставляя в стороне и не ослабляя своего усердия высокомерным презрением к неразумным и бессловесным животным, потому что и здесь руководила мною пламенная любовь к знанию, свойственная мне от природы.

Для меня не секрет, что иные из тех, кто заботится о богатстве, из тех, кто стремится к почестям и власти, и вообще, все, кто любит славу, станут обвинять меня в том, что я посвящаю этому свое время, тогда как можно со славою добиваться успеха перед народом или копить великие богатства. А меня занимают лисицы, ящерицы, жуки, змеи, львы, и как ведет себя леопард, и как аист любит своих птенцов, и как сладостен голос соловья, и как разумен слон, и породы рыб, и перелеты журавлей, и какие бывают драконы, и все прочее, что я постарался собрать и сохранить в этой книге; и я совсем не хотел бы, чтобы меня считали богачом и причисляли к ним. Я хочу и всеми силами стараюсь войти в число тех славных людей, среди которых есть и мудрые поэты, и тонкие наблюдатели и знатоки тайн природы, и многоопытнейшие писатели; и думаю, что рассуждаю лучше, чем мои советчики. Мне хотелось бы превосходить людей только своими знаниями, а вовсе не имуществом и деньгами прославленных богачей. Но довольно об этом.

Знаю также, что иные не одобрят, что я веду рассказ не о каждом животном в отдельности, чтобы сразу все сообщить об особенностях каждого, но вместо того перемешал разное и по-

разному, говорил сразу о многих, то обрывал рассказ о таких-то животных, то снова возвращался с новыми сведениями об их природе. Но я, во-первых, по существу, вовсе не раб чужих желаний, и не считаю нужным следовать за другим человеком, куда ему угодно; а во-вторых, я старался привлечь читателя разнообразным чтением, избегая ненавистного однообразия; и подобно тому, как луг или венок бывает красив пестротою, так и я, вместо цветов располагая различными животными, хотел соткать и сплести свое повествование. И если охотникам кажется удачей выследить одного только зверя, то и для меня отрадно заполучить такое множество животных, причем не следы их или туши, но все, что им дала природа и за что они ценятся. Что по сравнению с этим Кефалы, Ипполиты и прочие искусники гоняться за дичью по горам или такие замечательные мастера рыбной ловли, как Метродор Византийский [36], сын его Леонид, Демострат и другие рыболовы, которых, клянусь Зевсом, немало? А если художники готовы возгордиться, когда кто-нибудь прекрасно напишет лошадь, как Аглаофонт [37], или оленя, как Апеллес, или изваяет бычка, как Мирон, или что-нибудь,— то когда один человек нашел у стольких животных и выставил напоказ их нравы, облик, разум, сметливость, справедливость, умеренность, мужество, любовь, благочестие, можно ли удивляться этому? Дошел я до этого места, и горько мне стало, что приходится неразумных животных хвалить за благочестие, а людей порицать за нечестие. Но об этом я рассуждать здесь не буду.

Хочу еще только одно сказать тому достойнейшему читателю, о котором я упоминал в начале книги: если я говорил то же, что и все, или, по крайней мере, многое, то не следует меня за это винить, ибо выдумать новых животных я не мог, а то, что известны мне весьма многие, я доказал. Впрочем, я рассказал также кое-что, о чем другие молчат, и что я узнал из собственного опыта; и здесь, как и в остальном, истина была мне всего дороже. А каким образом и с каким старанием я вел рассказ, каково в нем изящество слога и плана, или красота слов и выражений, это узнают разумные ценители, на которых я и возлагаю надежду.

«ФИЛОГЕЛОС»

«Филогелос» буквально означает «любитель смешного», в вольном переводе — «Смехач». Так называется сборник анекдотов, составленный на исходе античности неизвестным лицом. К этому заглавию прибавлено: «из грамматиков Гиерокла и Филагрия». Кто такие были эти двое грамматиков? О Гиерокле ничего неизвестно: во всяком случае, он не имеет ничего общего со знаменитым александрийским неоплатоником, носившим то же имя. Филагрий, как можно предположить, тождествен с одноименным киликийским ритором II века, учеником Лоллиана Эфесского. Книги анекдотов, составленные ими и скомпилированные неизвестным составителем, конечно, были далеко не первыми произведениями такого рода в античной литературе. Сочинение под названием «Филогелос» написал еще Филистион, знаменитый мимограф, родом из Малой Азии, пользовавшийся популярностью в Риме в начале нашей эры. По-видимому, у него было немало подражателей и продолжателей; к их числу и принадлежали Гиерокл и Филагрий.

Дошедший до нас сборник состоит из 264 анекдотов (некоторые из них, по небрежности компилятора, записаны по два раза). В их расположении есть известный план, нарушаемый лишь местами. В начале идет большая серия анекдотов, героем которых является «педант» (σχολαστικος) — простоватый ученый, везде рассуждающий слишком разумно и потому всегда попадающий впросак. Затем собраны анекдоты о жителях Абдер, Сидона и Ким — городов, пользовавшихся славой нашего Пошехонья. Остальные анекдоты сгруппированы по характерам героев: «шуты», «ворчуны», «дураки», «трусы», «лентяи», «завистники», «обжоры», «пьяницы» и даже «человек, у которого пахнет изо рта». В основе этого плана угадывается традиционная классификация характеров, восходящая к Феофрасту. Герои анекдотов, верные господствующей черте своих характеров, совершают поступки, несообразные с обстоятельствами: в этом и заключается комизм изображаемых ситуаций. Понятно, что наиболее благодарной фигурой при этом оказывается педант, чья парадоксальная логика с одинаковым блеском применяется к любым жизненным положениям. Сюжеты анекдотов изложены кратко, простым языком, с сильной примесью просторечия и латинизмов. Большинство этих шуток, бесспорно, является произведениями народного творчества; некоторые близки к басенным сюжетам; некоторые напоминают ситуации мимических представлений и заставляют вспомнить о Филистионе.

Как известно, подобные сборники анекдотов были широко распространены в средние века и особенно в эпоху Возрождения. «Филогелос» показывает, что и в этом своеобразном литературном роде новоевропейская культура могла опираться на античную традицию.

2. Педант, плавая, едва не утонул, и дал зарок не входить в воду, пока не научится хорошо плавать.

5. Некто, повстречав педанта, сказал ему: «Господин педант, во сне я видел вас и заговорил с вами». Тот ответил: «Клянусь богами, я был занят и не заметил».

6. Педант, заметив на улице врача, который обычно его лечил, стал от него прятаться. Один из приятелей спросил, почему он это делает. Педант ответил: «Я очень давно не болел, и мне перед ним стыдно».

7. Педанту сделали операцию горла, и врач запретил ему разговаривать. Педант велел своему рабу отвечать вместо него на приветствия знакомых, и при этом сам говорил каждому: «Не прогневайтесь, что за меня с вами здоровается раб: это потому, что врач запретил мне разговаривать».

11. Педант, желая посмотреть, пристойно ли он выглядит, когда спит, поставил перед собой зеркало и закрыл глаза.

14. Педант купил дом, и, высовываясь из окна, спрашивал прохожих, к лицу ли ему этот дом.

15. Педанту приснилось, что он наступил на гвоздь; проснувшись, он перевязал себе ногу. Приятель спросил, почему он это делает, и, узнав, сказал: «Поделом зовут нас дураками: зачем мы спим разутыми?»

17. Педанту приятель прислал из путешествия письмо с просьбой купить для него книг. Педант об этом не позаботился, и, повстречав вернувшегося приятеля, сказал ему: «Твоего письма о книгах я не получал».

18. Некто, повстречав педанта, сказал ему: «Раб, которого ты мне продал, умер».— «Клянусь богами,— сказал педант,— пока он был у меня, он никогда так не делал».

21. Педант хотел спать, но у него не было подушки, и он велел рабу подложить ему под голову горшок. Раб сказал: «Он жесткий». Тогда педант велел набить горшок пухом.

29. Умер один из братьев-близнецов; педант, встретив оставшегося в живых, спросил его: «Это ты умер или твой брат?»

31. Педант, переправляясь через реку, въехал на паром верхом на лошади. На вопрос, почему он не слезет, он ответил: «Я тороплюсь».

32. Педант, приглашенный на пирушку, ничего не ел. Кто-то из гостей спросил: «Почему ты не ешь?» Он ответил: «Чтобы не подумали, что я пришел ради еды».

38. У педанта тяжело болел старик-отец, и он попросил приятелей принести венков для похорон. На следующий день, когда отцу стало лучше, и приятели обиделись, педант сказал

им: «Мне и самому стыдно, что я ввел вас в расход; но ужо приходите завтра, и я его похороню во что бы то ни стало».

39. Гуляли двое педантов. Заметив черную курицу, один из них сказал другому: «Братец, никак у нее петух умер?»

42. Двое педантов шли по дороге, и один из них по нужде немного задержался. Вернувшись, он увидел надпись, оставленную товарищем на верстовом камне: «Догоняй меня», и приписал внизу: «А ты подожди меня».

43. Педант, когда кто-то ему сказал: «К тебе уже старость подходит», пошел к воротам города и стал поджидать ее. Другой педант спросил, в чем дело, и, узнав, сказал: «Поделом зовут нас дураками: откуда ты знаешь, что она войдет не через другие ворота?»

44. Педант ночью, когда его отец спал, поднялся с постели и принялся потихоньку объедать развешанные по комнате виноградные гроздья. Но у отца был спрятан светильник под горшком, и когда педант встал, отец внезапно открыл свет. Педант, стоя, притворился спящим и захрапел.

45. Педант ночью встал и полез к своей бабке; отец его за это отколотил. Педант сказал: «Сколько времени ты сам с моей матерью спишь, и я тебе слова не сказал, а стоило мне один раз лечь с твоей, и ты уже сердишься».

52. Педант упал в бассейн и долго звал на помощь рабов, но его никто не слышал. Тогда он сказал сам себе: «Дурак я, надо мне вылезти и отстегать их всех: тогда уж они послушаются и спустят мне лестницу».

57. У педанта родился ребенок от рабыни. Отец посоветовал убить его. Педант сказал: «Сперва своих детей похорони, а потом советуй мне моих убивать».

62. Педант на состязаниях в Риме в тысячном году [1] увидел атлета, который потерпел поражение и плакал; в утешение он сказал ему: «Не горюй, на следующих тысячелетних играх ты наверняка победишь».

73. Педант говорил, что памятник Скрибонии и красив, и богато отделан, да стоит в нездоровом месте.

77. У педанта умер сын. Встретив его школьного учителя, он сказал: «Простите, что мой сын не пришел к школу: он умер».

78. Педант купил в Коринфе картины древних живописцев, и, погрузив их на корабль, сказал корабельщикам: «Если вы их погубите, я с вас потребую новые» [2].

86. Педант потерял денарий, и отец хотел его побить. «Не сердись,— сказал педант,— я куплю тебе денарий за свои деньги».

88. Педант, возвращаясь с прогулки домой и поднимаясь на крутой холм, сказал с удивлением: «Когда я здесь в первый раз

проходил в ту сторону, тут был спуск; как быстро он изменился и стал подъемом!»

96. Двое трусливых педантов спрятались, один в колодце, другой в камыше. Солдаты спустили в колодец шлем, чтобы зачерпнуть воды; педант подумал, что это спускается солдат, стал просить пощады, и его схватили. Солдаты сказали, что если бы он молчал, они бы прошли мимо него, не заметив. Тогда педант, спрятавшийся в камыше, закричал: «Ступайте же мимо меня, ведь я молчу».

101. Педант увидел братьев-близнецов, сходству которых дивились люди. «Нет,— сказал педант,— первый похож на второго больше, чем второй на первого».

104. Скряга, составляя завещание, все имущество отказал самому себе.

111. В Абдерах осел незаметно зашел в гимнасий и разлил масло [3]. Горожане собрались на совет, послали за всеми ослами в городе и, согнав их в одно место, на глазах у них для острастки поколотили виновного осла.

112. Абдерит хотел удавиться, но веревка порвалась, и он расшиб себе голову. Взяв у врача пластырь, он приложил его к ране, и, вновь удалившись, повесился.

115. Абдерит увидел евнуха, разговаривавшего с женщиной, и спросил соседа, не жена ли это евнуха. Тот ответил, что евнух не может иметь жену. «Значит, это его дочь»,— сказал абдерит.

122. Абдерит продавал кувшин, у которого не было ушек. На вопрос, почему кувшин без ушек, он сказал: «Чтобы он не услышал, что его продают, и не убежал».

124. Абдериту приснилось, что он продает поросенка и просит за него сто денариев, а покупатель дает только пятьдесят; не желая их брать, он проснулся. Тогда, зажмурившись и протягивая поросенка, он сказал: «Ну, давай хоть пятьдесят».

131. У сидонского педанта было имение на расстоянии многих миль; желая, чтобы оно было поближе, он выворотил по дороге к нему семь верстовых камней.

134. Сидонский сотник сказал солдатам: «Отдыхайте сегодня почаще: завтра вам предстоит большой переход».

136. Сидонский грамматик спросил учителя: «Сколько вмещает пятимерная кружка?» [4] Тот переспросил: «Сколько чего: вина или масла?»

148. На вопрос болтливого цирюльника: «Как тебя побрить?» шут ответил: «Молча».

149. Некто обесчестил шута в бане; тот призвал в свидетели банщиков. Ответчик отклонил их как не заслуживающих доверия. Шут сказал: «Если бы дело было в деревянном коне, я призвал бы в свидетели и Менелая, и Одиссея, и Диомеда, по-

тому что они были бы рядом; но дело было в бане, так что, бесспорно, банщикам было виднее».

158. В Кимах один человек, продавая краденую одежду, вымазал ее смолой, чтоб не узнали.

160. В Кимах один человек искал приятеля, и, стоя перед его домом, звал его по имени. Ему сказали: «Кричи громче, чтобы тебя услышали». Он перестал звать по имени и закричал: «Эй ты, Громче!»

160. В Кимах один человек, застигнутый дождем во время купания, чтобы не вымокнуть, залез на глубокое место.

166. В Кимах один человек, проезжая мимо сада верхом на осле, заметил свешивающуюся ветвь смоковницы, покрытую спелыми плодами, и ухватился за нее; осел убежал вперед, а он остался висеть. Садовник спросил его, что он тут делает в воздухе? Тот ответил: «Я упал с осла».

171. Один человек из Ким жил в Александрии, и у него умер отец. Он отдал тело отца бальзамировщику, и, спустя положенное время, попросил его обратно. У бальзамировщика были и другие покойники, поэтому он спросил: «Какие были приметы у твоего отца?» Тот ответил: «Он кашлял».

173. В Кимах один человек продавал мед. Подошел покупатель, и, отведав меда, сказал, что мед отменно хорош. «Еще бы,— сказал продавец,— кабы в него не угодила мышь, я бы и не продавал его».

185. Одноглазый врач-ворчун спросил больного: «Как здоровье?» Тот ответил: «Как вы видите». Врач сказал: «Если так, как я вижу, то вы уже наполовину умерли».

187. Ворчун-астролог, составив гороскоп больного мальчика, пообещал его матери, что ребенок будет жить очень долго, и потребовал с нее платы. Она сказала: «Приходите завтра, заплачу́». Он возразил: «Как, а если ребенок ночью умрет, и я останусь без денег?»

190. Ворчун играл в шашки; один бездельник, подсев, стал критиковать его ходы. Игрок рассердился и спросил: «Чем ты занимаешься? и почему бездельничаешь?» Тот ответил: «Я портной, но сейчас у меня нет работы». Тогда ворчун разорвал свою рубашку и дал ее портному со словами: «Делай свое дело и молчи».

193. Некто разыскивал ворчуна; тот крикнул: «Меня здесь нет»! Искавший засмеялся и сказал: «Неправда: я слышу твой голос».— «Негодяй,— сказал ворчун,— если бы это сказал мой раб, ведь ты бы ему поверил; значит, я, по-твоему, меньше заслуживаю доверия, чем он?»

201. К глупому прорицателю пришел путешественник спросить его о своих домашних. Тот сказал: «Все они в добром здравии, и отец ваш тоже». Путешественник сказал: «Но мой отец

десять лет, как помер». Прорицатель ответил: «А откуда вы знаете, кто на самом деле был вашим отцом?»

202. Глупый прорицатель, составив гороскоп ребенка, сказал: «Он будет оратором, потом наместником, потом императором». Ребенок умер, и его мать потребовала денег назад, заявляя: «Тот, кому ты сулил быть оратором, правителем, императором,— умер». Тот ответил: «Клянусь его памятью, если бы он не умер, так бы оно и было».

206. Трус, отвечая на вопросы, какие корабли надежнее — военные или торговые, сказал: «Вытащенные на берег» [5].

211. Спали двое лентяев; вор вошел и стащил с них одеяла. Один из них заметил это и сказал другому: «Встань и задержи того, кто украл одеяло». Другой ответил: «Погоди, вот когда он придет за тюфяком, мы схватим его вместе».

213. Лентяй лентяю одолжил денарий; встретив его однажды, он потребовал с него долг. Тот сказал: «Протяни руку, развяжи мой кошель и достань денарий». Первый ответил: «Ступай себе, ты мне больше не должник».

253. Педант, узнав, что ворон живет дольше двухсот лет, купил себе ворона и стал его кормить, чтобы проверить.

263. У педанта было аминейское вино [6] в запечатанном кувшине. Раб просверлил кувшин снизу и понемножку отпивал вино. Хозяин удивлялся, почему вино убавляется, а печать остается в целости. Другой педант посоветовал: «Посмотри, не отпивают ли его снизу».— «Дурак,— ответил хозяин,— ведь вино-то убавляется не снизу, а сверху!»

РИМСКАЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

АПУЛЕЙ

Биографические сведения о Луции Апулее почерпнуты главным образом из его собственных произведений. Родился он около 124 г. н. э. в Северной Африке в городе Мадавре. Начальное образование получил в родном городе, риторскую школу закончил в Карфагене и отправился в Афины, чтобы там продолжать изучение философии. Потом он поехал в Рим, где начал с успехом выступать в суде, но из-за отсутствия средств пробыл там недолго. Подобно многим другим ораторам-софистам, Апулей много путешествовал по Италии, Греции и Востоку, выступая со своими речами и одновременно знакомясь с нравами и обычаями различных народов. Во время одного из таких путешествий он заболел и вынужден был остановиться в городе Эе (ныне Триполи). Там он встретился с неким Понцианом, одним из своих младших товарищей по Афинам, познакомился с его матерью — богатой, но уже немолодой вдовой Эмилией Пудентиллой, и вскоре женился на ней. Этот брак вызвал большое неудовольствие среди родных ее покойного мужа, которые обвинили Апулея, что он околдовал Пудентиллу, и возбудили против него судебный процесс. В суде Апулей защищал себя сам и полностью был оправдан. Впоследствии Апулей переехал на жительство в Карфаген, где пользовался большим почетом и репутацией блестящего оратора. Ему, еще при его жизни, были поставлены в Карфагене две статуи.

Из многочисленных произведений Апулея, о которых он упоминает сам в своих работах, до нас дошли: «Апология, или речь в защиту самого себя от обвинения в магии», произнесенная Апулеем по поводу процесса, связанного с его женитьбой на Пудентилле; «Флориды» — сборник риторических выступлений Апулея (23 отрывка из его речей); три философских трактата, написанных в духе идеалистической школы неоплатоников и его всемирно известный роман «Метаморфозы, или Золотой осел» (11 книг).

Герой этого романа Луций, превращенный в осла, претерпевает ряд злоключений, пока, наконец, при содействии богини Изиды вновь не превращается в человека. В основе «Метаморфоз» лежит греческая повесть «Лукий и осел». В «Метаморфозах» в основной сюжет романа вставлено двенадцать новелл, непосредственно с сюжетом не связанных. Эти новеллы были широко использованы впоследствии в мировой литературе. Лучшей из этих новелл является сказка об Амуре и Психее.

В своих произведениях Апулей, кроме фольклорно-новеллистического материала, дает правдивые картины некоторых сторон современной ему жизни, знакомя читателей с самыми различными слоями римского общества.

Блестящий оратор, Апулей владел разнообразными стилями: в «Апологии» он подражал Цицерону, его «Флориды» полны софистического красноречия, а в «Метаморфозах» он проявил себя как искусный новеллист.

МЕТАМОРФОЗЫ

АТРИУМ В ДОМЕ БИРРЕНЫ
(II, 4)

4. В прекраснейшем атриуме, в каждом из четырех его углов поднималось по колонне, украшенной изображением богини с пальмовой ветвью [1]. Распустив крылья, богини оставались неподвижны; чудилось, что, едва касаясь нежной стопой шаткой опоры — катящегося шара, они лишь на мгновение застыли на нем и готовы уже вновь подняться в воздух. Самую середину комнаты занимала Диана из паросского камня [2], превосходной работы, с развевающимися одеждами, в стремительном движении навстречу входящим, внушая почтение своим божественным величием. С обеих сторон сопровождают ее собаки, тоже из камня. Глаза грозят, уши насторожены, раздуты ноздри, зубы оскалены. Если где-нибудь поблизости раздастся лай, подумаешь, он из каменных глоток исходит. Мастерство превосходного скульптора выразилось больше всего в том, что передние лапы у собаки взметнулись в воздух вместе с высоко поднятой грудью и как будто бегут, меж тем как задние опираются на землю. За спиной богини высилась скала в виде грота, украшенная мхом, травой, листьями, ветками, тут — виноградом, там — растущим по камням кустарником. Тень, которую бросает статуя внутрь грота, рассеивается от блеска мрамора. По краю скалы яблоки и виноград висели, превосходно сделанные, в правдивом изображении которых искусство соперничало с природой. Подумаешь, их можно будет сорвать для пищи, когда зрелым цветом ожелтит их осень в пору сбора винограда. Если наклонишься к ручейку, который, выбегая из-под ног богини, журчал звонкой струей, поверишь, что этим гроздьям, кроме прочей правдоподобности, придана и трепещущая живость движения, как будто они свисают с настоящей лозы. Среди ветвей — Актеон, высеченный из камня; наполовину уже превращенный в оленя; смотрит он внимательно на богиню, подстерегая, когда Диана начнет купаться, и его отражение видно и в мраморе грота и в бассейне.

РАЗБОЙНИК ФРАЗИЛЕОН
(IV, 13—21)

Мы направились в соседний город Платею. Там мы услышали бой гладиаторов. Он был мужем знатнейшим по происхождению, богатейшим по состоянию, непревзойденным по ще-

дрости и старался, чтобы народное развлечение достойно было по блеску своему его богатства. У кого найдется столько изобретательности, столько красноречия, чтобы в подобающих выражениях описать различные стороны сложных приготовлений? Вот знаменитые по силе гладиаторы, вот и испытанного проворства охотники, а там преступники, осужденные на смерть, уготованные для откармливания диких зверей, сколоченные машины на высоких сваях, башни, построенные из соединенных одна с другой досок наподобие подвижного дома, украшенные яркою живописью,— прекрасные вместилища для участников предстоящей охоты. К тому же какое множество, какое разнообразие зверей! Он специально позаботился издалека привезти эти ходячие породистые гробницы для осужденных преступников. Но из всех приготовлений к роскошному зрелищу больше всего поражало необыкновенное количество огромных медведей, которых он собирал, не жалея затрат, откуда только мог. Не считая тех, что захвачены были на его собственных охотах, не считая тех, что он покупал за хорошую цену, еще и друзья наперерыв дарили ему медведей различных мастей, и всех он тщательно кормил, тратя громадные средства на их содержание.

14. Но столь славное, столь блестящее приготовление к общественному развлечению не укрылось от пагубного ока Зависти. Утомленные долгим заточением, к тому же измученные летним зноем, вялые от продолжительной неподвижности и неожиданно пораженные заразной болезнью, медведи пали без малого все до одного, так что почти ни один из них не уцелел. Чуть ли не на каждой площади можно было увидеть полуживые туши, следы этого звериного кораблекрушения. Тогда простой народ, темная нищета которого побуждает его, не привередничая в выборе пищи, искать даровых блюд и не брезгать никакою гадостью для подкрепления своего отощавшего желудка, сбегается к появляющемуся повсюду провианту. Ввиду таких обстоятельств у меня и славного нашего Эвбула явился вот какой тонкий план. Мы уносим к себе в убежище, как будто для приготовления пищи, одну из самых больших туш; очистив аккуратно шкуру от мяса, искусно сохранив все когти, и самую голову зверя оставив совсем не тронутой до начала шеи, кожу всю выскребаем старательно, чтобы сделать тонкой, и, посыпав мелкой золою, вытаскиваем на солнце для сушки. Пока кожа дубится от пламени небесного светила, мы тем временем до отвалу насыщаемся мясом и так распределяем обязанности в предстоящем деле, чтобы один из нас, превосходящий других не столько телесною силой, сколько мужеством духа, к тому же совершенно по доброй воле, покрывшись этой шкурой, уподобился медведице и, будучи нами принесен в дом к Демохару,

открыл нам, при благоприятном ночном безмолвии, свободный доступ через двери дома.

15. Не мало нашлось смельчаков из храброй шайки, которых привлекло исполнение этой искусной затеи, но общим голосованием из них другим предпочтен был Фразилеон; ему достался жребий на рискованное это предприятие. Вот он скрылся с веселым лицом в удобную шкуру, которая сделалась мягкой и гибкой. Тут самые края зашиваем мы тонкою бечевкой и, чтобы не видно было шва, хотя и без того он был еле заметен, напускаем на него густой мех со всех сторон. Не без труда протискиваем мы голову Фразилеона до самого горла зверя, туда, где перерезана была шея, и, проделав отверстия для дыхания против ноздрей и против глаз, сажаем храбрейшего нашего товарища, сделавшегося сущим животным, в клетку, купленную нами заранее по дешевке, куда он, не теряя присутствия духа, сам быстро вскочил. Окончив таким образом предварительные приготовления, мы занялись дальнейшим выполнением проделки.

16. Отыскавши имя некоего Никанора, который, происходя родом из Фракии, был связан священными узами дружбы с вышеупомянутым Демохаром, мы состряпали от его имени письмо, будто бы верный друг это посылает первинки своей охоты в подарок для украшения празднества. Дождавшись, чтобы достаточно стемнело, под прикрытием мрака мы доставили Демохару клетку с Фразилеоном и наше подложное письмо; удивленный величиной зверя и обрадованный щедростью своего товарища, пришедшейся очень во-время, прежде всего отдает он приказ отсчитать нам, как он думал, посредникам в столь радостном деле, десять золотых из своей казны. Так как всякая новинка возбуждает в людях желание посмотреть на неожиданное зрелище, то сбежалось большое количество народа поглазеть на зверя, но наш Фразилеон угрожающими движениями неоднократно довольно ловко сдерживал их любопытство; граждане в один голос прославляют счастье и удачу Демохара, который после подобного падежа животных, с новым этим пополнением сможет в какой-то степени спорить с судьбою.

И вот он отдает приказ отправить со всевозможным тщанием зверя сейчас же на свои, находящиеся под паром, земли. Тут я вмешиваюсь. 17. Остерегись,— говорю,— господин, усталое от солнечного зноя и дальнего пути животное отсылать в стаю ко многим зверям, к тому же, как я слышал, не вполне здоровым. Не лучше ли здесь, около дома, найти для него место достаточно обширное, где было бы много воздуху, а еще лучше по соседству с каким-нибудь прудом, прохладное? Разве ты не знаешь, что эта порода всегда живет близ густых рощ, пещер сырых, приятных источников?

Испуганный такими доводами и без труда с ними согласившийся, вспомнив о многочисленных потерях, Демохар охотно позволил поставить клетку где нам заблагорассудится.— Мы и сами,— продолжаю,— готовы по ночам спать при этой клетке, чтобы усталому от зноя и тряски животному и пищу вовремя, и питье, к которому он привык, как следует подавать.— Для этой службы в вас нет никакой надобности,— он отвечает, почти вся прислуга у меня, благодаря длительной привычке, знакома с уходом за медведями.

18. После этого мы откланялись и ушли. Выйдя за городские ворота, видим мы какую-то усыпальницу, расположенную в стороне от дороги в уединенном и скрытом от глаз месте. Там вскрываем наудачу, как вместилище будущей нашей добычи, несколько полусгнивших и обветшавших саркофагов, где покоились истлевшие и уже в прах обратившиеся тела усопших; затем, по заведенному в нашей шайке обычаю, дождавшись того часа ночи, когда не светит луна, когда навстречу идущий сон первым своим натиском с силой нападает на сердца смертных и овладевает ими, выстраиваем наш вооруженный мечами отряд, явившийся на грабеж как будто по повестке, перед самыми воротами Демохара. Со своей стороны и Фразилеон, улучив воровской час в ночи, выходит из клетки, сейчас же всех до единого убивает мечом сторожей, находящихся поблизости и объятых сном, наконец, самого привратника, и, вытащив ключ, распахивает ворота и указывает нам, быстро ворвавшимся и наполнившим весь дом, на кладовку, куда спрятано было, как он с вечера предусмотрительно заприметил, множество денег. Как только общими усилиями немедленно ее взломали, я отдаю распоряжение, чтобы каждый из сотоварищей уносил, сколько может, золота и серебра, прятал его скорее в жилищах верных наших покойников и со всех ног возвращался за следующей порцией; я же для общего блага должен был один остаться у порога дома и за всем тщательно наблюдать, пока те не вернутся. Самый вид медведицы, снующей между зданиями, казалось способен был навести страх, если бы кто из челяди оказался не спящим. Да и правда, всякий, будь он и храбр, и смел, а все же, встретившись с такой звериной громадой, особенно ночью, тотчас пустился бы наутек и со страхом и дрожью заперся бы на засовы у себя в каморке.

19. Но всем этим правильным предположениям здравого рассуждения противостала жестокая неудача. Покуда я с нетерпением жду возвращения своих товарищей, какой-то захудалый раб, обеспокоенный шумом или по наитию проснувшийся, осторожно вылезает и видит, что зверь по всему помещению расхаживает свободно взад и вперед. Не проронив ни слова, раб этот возвращается вспять и всем в доме рассказывает, что он

видел. Не прошло и минуты, как весь дом наполнился челядью, которой было не малое количество. От факелов, ламп, восковых и сальных свечей и прочих осветительных приспособлений мрак рассеивается. И не с голыми руками вышла эта толпа: у кого что — с кольями, с копьями, обнаженными, наконец, мечами, становятся они охранять входы. Не забыли пустить для облавы на зверя и свору охотничьих собак длинноухих, шерсть дыбом.

20. Шум все усиливается, и я помышляю уже обратно убежать во-свояси, но спрятавшись за дверь, смотрю, как Фразилеон чудесно отбивается от собак. Достигший последних пределов жизни, не забыл он ни о себе, ни о нас, ни о прежней своей доблести, но защищался в самой пасти зияющей Цербера. Не покидая мужественно роли, добровольно на себя взятой, но, то убегая, то защищаясь различными поворотами и движениями своего тела, наконец, выскользнул он из дому. Но и владея всем доступною свободою, не смог он в бегстве найти спасенья, так как все собаки из ближайшего переулка, достаточно свирепые и многочисленные, гурьбой присоединяются к охотничьей своре, которая тоже сейчас же вырвалась из дому и помчалась в погоню. Какое печальное и зловещее зрелище предстало глазам моим! Фразилеон наш окружен сворой свирепых собак, захвачен и раздираем многочисленными укусами. Не будучи в состоянии выносить такой скорби, я вмешиваюсь в шумную толпу народа и — единственно, чем могу помочь, не выдавая себя, славному товарищу,— обращаюсь к начальникам облавы с такими увещеваниями: — Какое тяжелое и страшное преступление совершим мы, если погубим такого огромного и поистине драгоценного зверя!»

21. Но несчастнейшему юноше мало принесли пользы мои хитрые речи: выбегает из дому какой-то здоровенный верзила и, не раздумывая, прямо под сердце поражает медведицу копьем, за ним другой и, наконец, многие, оправившись от страха и подойдя поближе, наперерыв наносят раны мечом. Итак, Фразилеон, честь и украшение шайки нашей, потерял свою жизнь, достойную бессмертия, не утратив своего терпения, не нарушив священной клятвы, ни единым криком, ни единым воплем: раздираемый уже зубами, пораженный оружием, отвечал он на случившуюся беду, переносимую с благородной стойкостью, лишь глухим воем да звериным рычаньем и отдал душу року, оставив по себе славу. Однако он нагнал такой страх и такой ужас на все это сборище, что до рассвета, даже до бела дня не нашлось такого смельчака, который хотя бы пальцем дотронулся до уже поверженного зверя, пока, наконец, медленно и робко не подошел какой-то немного осмелевший мясник, и,

взрезав брюхо зверя, не обнаружил в медведице доблестного разбойника. Так потерян был для нас Фразилеон, но не потерян для славы.

ЯВЛЕНИЕ ИСИДЫ

(XI, 1—4)

1. Около первой ночной стражи[3], внезапно в трепете пробудившись, вижу я необыкновенно ярко сияющий полный диск блестящей луны, как раз поднимающейся из морских волн. Невольно посвященный в немые тайны глубокой ночи, зная, что владычество верховной богини[4] простирается особенно далеко и всем миром нашим правит ее промысел, что чудесные веления этого божественного светила приводят в движение не только домашних и диких зверей, но даже и бездушные предметы, что все тела на земле, на небе, на море, то сообразно ее возрастанию увеличиваются, то соответственно ее убыванию уменьшаются, полагая, что судьба, уже насытившись моими столь многими и столь тяжкими бедствиями, дает мне надежду на спасение, хотя и запоздалое, решил я обратиться с молитвой к царственному лику священной богини, пред глазами моими стоявшему. Без промедления сбросив с себя ленивое оцепенение, я бодро вскакиваю и, желая тут же подвергнуться очищению, семь раз погружаю свою голову в морскую влагу, так как число это еще божественным Пифагором признано было наиболее подходящим для религиозных обрядов. Затем, обратив к богине могущественной орошенное слезами лицо, так начинаю:

2.— Владычица небес,— будь ты Церерою, благодатною матерью злаков, что, вновь дочь обретя, на радостях упразднила желуди — дикий древний корм,— нежную приятную пищу людям указав[5], ныне в Элевсинской земле ты обитаешь; — будь ты Венерою небесною, что рождением Амура в самом начале веков два различных пола соединила и, вечным плодородием человеческий род умножая, ныне на Пафосе священном, морем омываемом, почет получаешь;— будь сестрою Феба, что с благодетельной помощью приходишь во время родов и, столько народов взрастившая, ныне в преславном Эфесском святилище чтишься[6]; — будь Прозерпиною, ночными завываниями ужас наводящею, что триликим образом своим[7] натиск злых духов смиряешь и над подземными темницами властвуешь, по различным рощам бродишь, разные поклонения принимая, о, Прозерпина, женственным сиянием своим каждый день освещающая, влажными лучами питающая веселые посевы и[8], когда скрывается солнце, неверный свет свой нам проливающая: — как бы ты ни именовалась, каким бы обрядом, в каком бы обличии ни надлежало чтить тебя[9] — в крайних моих невзгодах ныне приди мне на помощь, судьбу шаткую поддержи, прекрати жесто-

кие беды, пошли мне отдохновение и покой; достаточно было страданий, достаточно было скитаний! Совлеки с меня образ дикий четвероногого животного, верни меня взорам моих близких, возврати меня моему Луцию! Если же гонит меня с неумолимой жестокостью какое-нибудь божество, оскорбленное мною, пусть мне хоть смерть дана будет, если жить не дано.

3. Излив таким образом душу в молитве, сопровождаемой жалобными воплями, снова опускаюсь я на прежнее место, и утомленную душу мою обнимает сон. Но не успел я окончательно сомкнуть глаза, как вдруг из средины моря медленно поднимается божественный лик, самим богам внушающий почтение. А затем, выйдя мало-помалу из пучины морской, лучезарное изображение всего тела предстало моим взорам. Попытаюсь передать и вам дивное это явленье, если не помешает мне рассказать бедность слов человеческих или если само божество ниспошлет мне богатый и изобильный дар могучего красноречья.

Прежде всего густые длинные волосы, незаметно на пряди разобранные, свободно и мягко рассыпались по божественной шее; самую макушку окружал венок из всевозможных пестрых цветов, а как раз посредине, надо лбом, круглая пластинка излучала яркий свет, словно зеркало или скорее — верный признак богини Луны. Слева и справа круг завершали извивающиеся, тянущиеся вверх змеи, а также хлебные колосья, надо всем приподнимавшиеся... многоцветная, из тонкого виссона, то белизной сверкающая, то, как шафран, золотисто-желтая, то пылающая, как алая роза. Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ, отливавший темным блеском. Обвившись вокруг тела и переходя на спине с правого бедра на левое, как римские тоги, он свешивался густыми складками, а края были красиво обшиты бахромою. 4. Вдоль каймы и по всей поверхности плаща здесь и там вытканы были мерцающие звезды, а среди них полная луна излучала пламенное сияние. Там же, где волнами ниспадало дивное это покрывало, со всех сторон была вышита сплошная гирлянда из всех цветов и плодов, какие только существуют. И в руках у нее были предметы, один с другим совсем несхожие. В правой держала она медный погремок [10], узкая основа которого, выгнутая в кольцо, пересекалась тремя маленькими палочками, и они при встряхивании издавали все вместе пронзительный звон. На левой же руке висела золотая чаша в виде лодочки, на ручке которой, с лицевой стороны, высоко подымал голову аспид [11], с непомерно вздутой шеей. Благовонные стопы обуты в сандалии, сделанные из победных пальмовых листьев. В таком-то виде, в таком убранстве, дыша ароматами Аравии Счастливой, удостоила она меня божественным вещанием.

ДИКТИС КРИТСКИЙ

Под именем Диктиса Критского в римской литературе IV в. н. э. существует так называемый «Дневник Троянской войны». В одном из двух предисловий, предпосланных этому «Дневнику», рассказывается, что автор его, уроженец критского города Кносса, написал этот дневник на финикийском языке по поручению критского царя Идоменея, которого он будто бы сопровождал в походе против Трои. «Дневник», как сообщает предисловие, был затем положен в могилу Диктиса на его родине, где и пролежал несколько сотен лет; при Нероне во время землетрясения могила открылась, и он был найден. Сначала «Дневник» попал в руки к некоему Евпраксиду (или Праксису), который показал его правителю провинции Рутилию Руфу, а Руф поднес его Нерону. Последний, заинтересовавшись рукописью, приказал перевести ее на греческий язык и уже в греческом переводе оставил у себя в библиотеке.

Другое предисловие имеет вид посвящения. Луций Септимий, который выдает себя за переводчика «Дневника» с греческого языка на латинский, обращается в нем к своему другу Арадию Руфину. Он рекомендует себя приверженцем «истинной истории» и поясняет причину, побудившую его перевести рукопись на латинский язык: по его мнению, она имеет большую ценность. Как сообщает предисловие, первые пять книг латинского перевода целиком соответствуют первым пяти книгам оригинала — в них рассказывается о причинах и ходе войны. Последняя, шестая, книга на латинском языке, где речь идет о возвращении греков, объединяет в себе пять, или, по другим источникам, четыре греческих.

Среди ученых существовали различные мнения относительно происхождения «Дневника». Так, например, немецкий ученый Дунгер вообще отрицал наличие греческого оригинала, считая, что «Дневник» был сразу написан на латинском языке, а автор его — тот Луций Септимий, который выдает себя за переводчика. Однако в 1907 г. на обратной стороне папируса начала III в. н. э. нашли две колонки (около 100 строк) греческого текста «Дневника», на основании которого было установлено, что латинский «Дневник» является не переводом, а, скорее, вольным переложением греческого подлинника.

Симпатии автора целиком на стороне греков, они — благородные и храбрые люди, тогда как троянцы названы «варварами». Парис в изображении Диктиса — «бессовестный негодяй и разбойник» (1, 3; 1, 5; 1, 7 и т. д.). В средние века «Дневник» пользовался успехом и служил сюжетной базой для писателей и поэтов, создававших произведения о троянской войне и гибели Трои.

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

I книга

1. Все греческие цари, которые приходились правнуками Миносу, сыну Юпитера, съехались на Крит, чтобы разделить между собой богатство Атрея. Дело в том, что Атрей, сын Миноса, перед смертью приказал разделить поровну между своими внуками, родившимися от его дочерей, все, что останется после него: золото, серебро, а также и скот, но власть над государствами и землями исключил из этого наследства: ее разделили между собой по его приказу Идоменей, сын Девкалиона, и Мерион, сын Мола. Приехали туда же сыновья Климены и Навплия, Паламед и Эакс. Сын Аэропы и Плисфена, Менелай, его сестра Анаксибия, которая в то время была замужем за Нестором, и его старший брат Агамемнон также стремились получить свою долю при разделе; однако их чаще называли детьми Атрея, а не Плисфена, каковыми они и были на самом деле; потому что, когда Плисфен умер, будучи еще совсем молодым и не увековечив своего имени, их взял к себе Атрей, сжалившись над их детским возрастом, и воспитал не хуже, чем царских детей. Этот раздел все они совершили благородно согласно знатности имени каждого.

2. Узнав об этом, на Крит стекаются все, ведущие свой род от Европы, которая на острове почиталась как высшее божество; их радушно приветствуют и отводят в храм. Там, по древнему обычаю, торжественно принеся в жертву многих животных и устроив пышный пир, с ними обходятся с благородной щедростью, так же, как и в последующие дни. Но греческие цари, хотя и принимали с радостью то, что им предлагалось, однако, больше всего удивлялись красоте храма, его великолепию и огромной стоимости постройки; они рассматривали все в отдельности и припоминали, что было прислано для его украшения из Сидона отцом Европы Фениксом[1] и знатными матронами.

3. А в это время Александр Фригийский, сын Приама, в сопровождении Энея и других родственников, гостеприимно принятый в доме Менелая в Спарте, совершил бесчестнейший поступок. Увидев, что царь уехал, он, охваченный любовью к Елене, так как она была самой прекрасной из всех греческих женщин, похитил и ее, и много имущества из ее дома, а также Эфру и Климену, родственниц Менелая, которые находились при ней для услуг.

После того, как на Крит прибыл вестник и рассказал Менелаю, что учинил Александр против его дома, по всему острову, как обычно бывает в подобных случаях, распространилась сильно преувеличенная молва. Кое-кто говорил, что царский дом захвачен, царство ниспровергнуто и многое другое в таком же роде.

4. Узнав о происшедшем, Менелай, хотя и был глубоко взволнован похищением жены, однако, гораздо больше возмущался обидой, нанесенной его родственницам, о которых мы упоминали выше. Когда Паламед заметил, что потрясенный царь потерял рассудок от гнева и негодования, он сам снарядил корабли, оснащенные всем необходимым, и причалил к берегу. Затем, наскоро утешив царя и погрузив на корабль то из доставшегося ему по разделу, что в таком трудном положении позволило время, он заставил его взойти на корабль. Так, при благоприятном ветре они через несколько дней достигли Спарты. Туда, узнав о событиях, уже съехались Агамемнон, Нестор и все греческие цари из рода Пелопа.

Как только стало известно, что Менелай прибыл, все собираются вместе. Хотя жестокость поступка и вызывала негодование и желание мстить за обиду, однако, по всеобщему решению сначала отправляют в Трою послов: Паламеда, Улисса и Менелая, которым поручают заявить жалобу на совершенное беззаконие и потребовать назад Елену и все похищенное вместе с ней.

5. Через несколько дней послы прибывают в Трою, но Александра на месте не застают, так как он, недолго думая, воспользовавшись попутным ветром, направился к Кипру, а оттуда, захватив несколько кораблей, ускользнул в Финикию. Царя сидонян, который принял его, как друга, он ночью коварным образом убил; с той же алчностью, что и в Спарте, весь дом его подверг полному разграблению. Все те великолепные вещи, которыми блистал царский дом, он недостойным образом похитил и приказал отнести на корабль. Но тогда вопли и причитания тех, кто, уцелев от разгрома, оплакивал гибель господина, вызывают бунт, и весь народ сбегается к царскому дворцу. А затем, так как Александр, уже награбив столько, сколько он желал, торопится взойти на корабль, сидоняне, спешно вооружившись, сходятся к кораблям и завязывают жестокую битву. Многие падают убитыми с той и с другой стороны, потому что они упорно бьются, стремясь отомстить за смерть царя, а другие напрягают все силы, чтобы не потерять захваченную добычу. Но после того, как два корабля были сожжены, троянцы в упорной борьбе отстаивают остальные и, пользуясь тем, что враги уже устали сражаться, спасаются бегством.

6. Между тем один из послов в Трою, Паламед, благоразумие которого тогда очень высоко ценилось и в дни мира и в дни войны, приходит к Приаму и после того, как был созван совет, приносит жалобу на Александра и нанесенную им обиду, рассказав о нарушении им общепринятого гостеприимства. Затем он указывает на то, что такое деяние может вызвать вражду между государствами, и напоминает о распре между Илом и Пелопом, а также о многих других распрях, которые, начавшись из-за подобных же причин, приводили к полному истреблению целых народов. Упомянув, кроме того, о тяготах войны и, напротив, о преимуществах мира, он заявляет, что ему хорошо известно, какое негодование вызывает у людей этот ужасный поступок, и что виновных в этом беззаконии, от которых отшатнутся все, неизбежно постигнет кара за их вероломство; он хотел продолжать речь, но Приам прервал его. «Сдержись, прошу тебя, Паламед,— сказал он,— ибо потом может оказаться, что ты поступил несправедливо, возводя вину на того, кто отсутствует: может случиться, что все твои упреки и обвинения будут опровергнуты, когда он будет налицо». Высказав это и другое в таком же роде, Приам приказывает отложить жалобу до прибытия Александра. Он видел, конечно, что некоторые из присутствующих на этом совете взволнованы речью Паламеда и что они, хотя и молчат, но своими взглядами осуждают совершенный поступок, ибо он излагал все по порядку и удивительно складно, и к тому же в речи греческого царя была какая-то особая мощь, соединенная с трогательностью. Таким образом, в этот день совет распускают, а послов отводит к себе в дом с их согласия Антенор, человек гостеприимный и в большей степени, чем другие, приверженец добра и чести.

7. Между тем через несколько дней возвращается Александр с названными выше спутниками и Еленой. Все государство проклинает его: кто за наглый поступок, кто за обиду, нанесенную Менелаю, и нет никого, кто бы его одобрял; наконец, после его приезда всеобщее негодование выливается в бунт. Встревоженный событиями, Приам созывает сыновей и спрашивает у них совета, как, по их мнению, следует поступить в таких трудных обстоятельствах. Те в один голос отвечают, что ни в коем случае не нужно отдавать Елену: они видели, конечно, какие богатства были привезены вместе с нею, а если Елена будет отдана, все это они неизбежно потеряют. Кроме того, возбужденные красотой женщин, которые прибыли с Еленой, они уже мысленно наметили их себе в наложницы, так как они были варварами по нравам и по языку и действовали не задумываясь, под влиянием жадности и страсти.

8. Оставив их, Приам созывает старцев и открывает им

мнение сыновей. Затем спрашивает у них совета, что он должен делать. Но прежде, чем старцы, как обычно, высказали свое мнение, царские сыновья внезапно ворвались в совет и грубо пригрозили некоторым, если те решат иначе, чем угодно им. А тем временем весь народ громко выражал свое возмущение и обидой, нанесенной таким недостойным образом, и многими другими поступками в этом же роде. Поэтому Александр, охваченный страстью и опасаясь, как бы народ не учинил против него бунта, сам в окружении вооруженных братьев напал на толпу и многих убил. Остальных спас приход знатных членов совета под предводительством Антенора. И, таким образом, ничего не добившись и только напрасно пострадав, народ, униженный, разошелся по домам.

9. На следующий день царь, поддавшись уговорам Гекубы, приходит к Елене и, ласково приветствуя ее, уверяет ее в своем к ней добром расположении. Он спрашивает, кто она такая и откуда родом. Та отвечает, что она родственница Александра и по происхождению гораздо ближе к Приаму и Гекубе, чем к сыновьям Плисфена, припомнив при этом всю родословную своих предков. Ведь Данай и Агенор были основателями и ее рода и рода Приама. В самом деле, от Плесионы, дочери Даная, и Атланта родилась Электра, которая, затяжелев от Юпитера, родила Дардана. От него произошел Трой и один за другим все цари Илиона. А от Агенора произошла Тайгета: она от Юпитера родила Лакедемона, от которого родился Амикла, а от него — Аргал, отец Эбала; Эбал же, как известно, отец Тиндарея, от которого, как говорят, родилась и она сама.

Она привела также и доказательства своего родства с Гекубой по материнской линии, так как сын Агенора Феникс положил начало их близкому родству,—его потомки и Димант, отец Гекубы, и Леда.

Она рассказала обо всем этом, а потом, рыдая, стала просить, чтобы они не выдавали ее, раз они уже приняли ее под свое покровительство. Она добавила при этом, что из дома Менелая они увезли лишь то, что было ее личной собственностью, и больше ничего. Почему она именно так предпочла решить свою судьбу — неизвестно: то ли по причине чрезмерной любви к Александру, то ли от страха перед наказанием, которого она ждала от супруга за то, что покинула дом.

10. Гекуба, узнав об этом ее желании и одновременно о близком родстве с ней, обласкала Елену и стала прилагать все усилия, чтобы не выдавать ее, тогда как Приам и остальные царьки уже решили не откладывать больше переговоров с послами и не противиться желанию народа. С Гекубой был согла-

сен один Дейфоб, которому, как и Александру, любовная страсть к Елене мешала принять правильное решение. Поэтому Гекуба то с упорством умоляла теперь Приама и сыновей, то ее никак не могли вырвать из объятий Елены; всех, кто там был, она склоняла на свою сторону. Так, в конце концов, в угоду матери, был нанесен ущерб общественному благу. А на следующий день Менелай со своими спутниками приходит в совет и требует вернуть ему жену и то, что было похищено вместе с ней. Тогда Приам, стоя в окружении сыновей, в наступившей тишине предлагает Елене, которая для этого появилась перед народом, если она хочет, возвратиться домой к своим. На это она, как говорят, ответила, что она приехала сюда по своей воле и что она не хочет быть женой Менелая. Таким образом, царьки, заполучив Елену, не без ликованья разошлись со сходки.

11. После этого Улисс скорее ради того, чтобы еще раз свести воедино все происшедшее, чем чтобы добиться чего-нибудь, вновь напомнил в речи обо всем недостойном, что учинил против Греции Александр. Он заверил их в том, что кара за это вскоре последует. За ним Менелай, кипящий гневом, с ужасным выражением лица пригрозил троянцам гибелью и оставил совет. Когда Приамиды услышали об этом, они тайно договорились между собой хитростью напасть на послов. Они понимали, что Менелай их не обманывает и что если послы вернутся домой, ничего не добившись, он станет подстрекать своих к большой войне против Трои. Но тогда Антенор, о безупречном характере которого мы упоминали выше, пришел к Приаму и рассказал ему про тайный заговор: ведь его сыновья,— сказал он,— не против послов, а против него самого строят козни, а этого он не должен допускать. Немного позднее Антенор сообщил про заговор послам и, проверив все и поставив охрану, как только это оказалось удобным, отпустил их домой невредимыми.

12. Пока в Трое происходят эти события, молва о них расходится по всей Греции, и все Пелопиды собираются вместе; торжественно поклявшись, они заключают соглашение, что если Елена и похищенное с ней имущество не будет возвращено, они начнут войну с Приамом.

Между тем послы возвращаются в Лакедемон и рассказывают об Елене и о высказанном ею желании, затем о том, что говорили и как вели себя по отношению к ним Приам и его сыновья, в то же время превознося до небес честность Антенора. Услышав об этом, греки принимают решение, чтобы каждый на своем месте готовил военные силы. Затем, по решению совета, выбирается удобное место — Аргос, владение Диомеда,

куда все должны будут сойтись, чтобы обсудить подготовку к войне.

13. Когда подошло время, первым явился Аякс Теламонид, знаменитый своей красотой и благородством, а с ним его брат Тевкр; затем, немного поздней, Идоменей и Мерион, связанные между собой нежнейшей дружбой, а следом за ними я. То, что произошло до этого под Троей (а я об этом узнал от Улисса), я записал как можно тщательнее. Все же остальные события я изложу по порядку как возможно более согласно с истиной, так как сам в них участвовал.

Стало быть, после тех, о которых я упомянул выше, пришли еще Нестор с Антилохом и Фрасимедом (которых он имел от Анаксибии). За ними последовал Пенелей со своими родственниками Клонием и Аркезилаем; затем Профенор и Лейт, правители Беотии, а также Схедий и Епистроф, фокидяне, и Аскалаф с Ялменом, из города Орхомена. Затем Диор и Мегес, сыновья Филея; Фоант, сын Андремона; Еврипил, сын Евемона из Ормения, и Леонтей.

14. После них пришел Ахилл, сын Пелея и Фетиды, отцом которой, как говорят, был Хирон [2]. Совсем еще юноша, стройный, с красивым лицом, он уже тогда превосходил всех славой и доблестью в военных делах. Но была в нем, однако, какая-то безрассудная сила и дикая несдержанность в характере. С ним пришли Патрокл и Феникс, один из дружеской привязанности, другой как телохранитель и наставник. Следующие за ними были Тлеполем, сын Геракла, и Фидипп с Антифом, внуки Геракла, вооруженные особым образом.

После них пришел Протесилай, сын Ификла, с братом Подарком. Появился и Евмел, фессалиец, отец которого Адмет отсрочил некогда собственную смерть, заменив ее смертью жены. Затем — Подалирий и Махаон из Трикки, сыновья Эскулапа, которые были приглашены на эту войну как знатоки врачебного искусства. Следующий был Филоктет, сын Пеанта, спутник Геркулеса, который после его исчезновения с земли получил в награду за усердие волшебные стрелы. Пришел также прекрасный Нирей с острова Симы, из Афин — Мнесфей; Аякс, сын Ойлея,— из Локриды; из Аргоса — Амфилох, сын Амфирея, и Сфенел, сын Капанея, а с ними Евриал, сын Мецистея. Затем, из Этолии Фессандр, сын Полиника. Последним были Демофонт и Акамант. Из рода Пелопа были они все, но за теми, которых я упомянул раньше, последовали многие и из других областей: одни — как спутники царей, другие — из числа самих правителей; перечислять их всех поименно, как мне кажется, нет нужды.

15. Итак, когда все они сходятся в Аргосе, Диомед гостеприимно принимает их и предоставляет им все необходимое. Затем Агамемнон, распределив между ними много золота, привезенного из Микен, усиливает в их сердцах охоту к подготовлявшейся войне. Затем, по общему решению, относительно военных дел было постановлено принести клятву следующим образом: прорицатель Калхант, сын Фестора, велит принести борова на площадь, рассекает его пополам, кладет одну половину по направлению к востоку, другую — к западу и приказывает каждому пройти между ними с обнаженным мечом. Выполнив и другие обряды, необходимые в этом случае, они на острие меча, обагренном кровью борова, закрепляют священной клятвой свою вражду к Приаму: они не прекратят войны до тех пор, пока Илион и все царство не превратят в развалины. Закончив это и чисто вымывшись, они умилостивили Марса и Конкордию многими жертвоприношениями.

16. Затем было решено в храме Юноны Аргосской [3] избрать и провозгласить предводителя. На табличке, предназначенной для имени военачальника, какого кому угодно было выбрать, каждый написал пуническими буквами имя Агамемнона. И, таким образом, при общем согласии и при шумном одобрении, он принимает на себя высшую военную власть; это было справедливо и потому, что он был родной брат того, из-за которого готовилась эта война, и потому, что он обладал огромным богатством, вследствие чего и считался самым могущественным и знаменитым из всех греческих царей. Затем назначают начальниками и командирами кораблей Ахилла, Аякса и Феникса. Во главе пешего войска ставят Паламеда, Диомеда и Улисса с тем, чтобы они распределили между собой дневную и ночную стражу. Проделав это, они разъезжаются каждый в свою область, чтобы готовить войска и военное снаряжение.

Между тем вся Греция пылала страстью к войне: целых два года готовят щиты, копья, лошадей, корабли и прочее военное снаряжение: юноши, одни по доброй воле, другие из жажды славы спешат на военную службу. Среди этих важных дел больше всего заботятся о создании огромного числа кораблей, чтобы не пришлось задержать отправку многих тысяч воинских отрядов из-за недостаточной подготовки флота.

17. И, таким образом, по прошествии двух лет каждый царь высылает в Авлиду, в Беотию, ибо было выбрано это место, флот, построенный в соответствии с возможностями и средствами его государства [4].

Первый Агамемнон доставил сто кораблей из Микен и еще шестьдесят из различных, подвластных ему государств под начальством Агапенора; затем Нестор — девяносто кораблей и

Менелай — шестьдесят со всего Лакедемона; Мнесфей из Афин — пятьдесят; Елефенор из Эвбеи — сорок, Аякс Теламонид с Саламина — двенадцать, Диомед из Аргоса — восемьдесят, Аскалаф и Ялмен из Орхомена — тридцать, Аякс, сын Ойлея,— сорок. А также из всей Беотии Аркесилай, Профенор, Пенелей, Лейт и Клоний — пятьдесят кораблей; из Фокиды Схедий и Епистроф — сорок, затем Фалпий и Диор с Амфимахом и Поликсеном из Элиды и других государств — сорок, Фоант из Этолии — сорок; Мегес из Дуликии и Ехинадских островов — сорок, Идоменей с Мерионом со всего Крита доставили флот из восьмидесяти кораблей, Улисс с Итаки — двенадцать, Профой из Магнезии — сорок, Тлеполем с Родоса и с других окружающих его островов — девять, Евмел — одиннадцать из Фер; Ахилл из Пеласгии — пятьдесят, Нирей из Симы — три; Подарк и Протезилай из Филаки и других близлежащих мест — сорок кораблей, Подалирий и Махаон — тридцать; Филоктет из Мефона и других государств — семь кораблей, Еврипил из Ормения — сорок, Гуней — двадцать два из Фессалии, Леонфей и Полипет из своих областей — сорок; Фидипп с Антифом с островов Коса и Крапафоса — тридцать. Фессандр, сын Полиника, о котором мы упоминали выше, привел пятьдесят кораблей из Фив, Калхас из Акарнании — двадцать, Мопс из Колофана — двадцать, Епей с Кикладских островов — тридцать.

Корабли были обильно нагружены хлебом и другими необходимыми припасами, так как они получили такой наказ от Агамемнона, а, именно: позаботиться о том, чтобы такое мощное войско не терпело недостатка в необходимом.

18. Вместе с огромным флотом было подготовлено в соответствии с местными условиями много коней и боевых колесниц. Но больше всего было пеших воинов, так как во всей Греции использованию конницы препятствовал недостаток пастбищ. Кроме того, предполагалось многих, опытных в морском деле, использовать на морской службе...

Итак, флот, построенный за пять лет и стянутый сюда из различных областей Греции, о которых мы упоминали выше, был готов. И когда ничто уже не задерживало выступления, кроме отсутствия воинов, все вожди, как по сигналу, одновременно сходятся в Авлиде.

19. Между тем Агамемнон, который, как мы уже сказали, был всеми провозглашен предводителем, во время спешной подготовки к отплытию отошел немного от войска и случайно заметил пасущуюся вблизи священной рощи Дианы дикую лань. Не зная обычаев, которые соблюдались в этих местах, он пронзил ее копьем. А немного позднее, от гнева ли небесного или

из-за изменений погоды, подействовавших на людей, войско поражает моровая язва: свирепствуя со дня на день все больше и больше, губя и скот, и войско, она терзает многие тысячи людей. Нет ни конца погребениям, ни передышки: болезнь опустошает все, что встречается ей на пути. Вождям, сильно встревоженным этими событиями, какая-то вдохновенная богом женщина поведала о гневе Дианы: по ее словам, Диана карает войско за смерть лани, которую очень любила, и за поругание святыни; и она смилостивится не раньше, чем виновник этого убийства принесет в жертву свою старшую дочь. Когда эти слова доходят до войска, все вожди сходятся к Агамемнону. Сначала они умоляют его, а, затем, так как он возражает, требуют, чтобы он противодействовал этому бедствию. Но увидев, что он упорно отказывается и никакой силой его не сломить, они, поддавшись громким крикам большинства, наконец, лишают его должности предводителя[5]. Но, чтобы такое огромное войско без командира не разбрелось кто куда и сохранило военный порядок, во главе его ставят прежде всего Паламеда, за ним Диомеда, Аякса Теламонида и, четвертым, Идоменея. И, таким образом, когда войско было поровну распределено между ними, оно оказалось разделенным на четыре части.

20. Между тем не было конца опустошительной болезни. Тогда Улисс, притворившись разгневанным на упорство Агамемнона и уверив всех, что он возвращается домой из-за него, измыслил важное, но не слишком надежное средство. Придя в Микены, он, никого не посвящая в свой замысел, пересылает Клитеместре поддельное письмо, будто бы от Агамемнона, содержание которого таково: Ифигению — ибо она была старшей — просватали за Ахилла, и он отправится под Трою не раньше, чем обещание будет приведено в исполнение. Поэтому пусть она поспешит и скорее пошлет туда Ифигению, а с ней все, что нужно для свадьбы. Приведя еще немало доводов в пользу этого дела, он внушил доверие к вымышленной им истории. Получив это письмо, Клитеместра, радостная, что благодаря происшествию с Еленой, она может выдать дочь за мужа с таким славным именем, отсылает Ифигению к Улиссу. Тот же, завершив это дело за несколько дней, возвращается к войску и его случайно видят вместе с девушкой в роще Дианы. Узнав об этом, Агамемнон, движимый отцовской любовью, готовится к бегству, чтобы не участвовать в таком недопустимом и преступном жертвоприношении. Однако Нестор, которому это стало известно, длинной речью — тем способом убеждения, в котором он был милее и приятнее всех остальных греков, в конце концов удерживает его от этого намерения.

21. Между тем Улисс, Менелай и Калхант, которым это дело было поручено, удалившись от всех, готовили девушку к жертвоприношению. Но когда настал назначенный день, погода стала портиться и небо заволоклось тучами. Затем внезапно загремел гром, засверкали молнии, произошло сильное землетрясение и, наконец, из воздуха вырвалось пламя. Еще немного погодя на землю обрушился ливень и град страшной силы. Во время этой ужасной непрерывной бури Менелай и остальные, кто готовил жертвоприношение, в страхе и смятении метались в разные стороны. Испуганный внезапными небесными явлениями, Менелай увидел в нем божественное предзнаменование и боялся, как бы ему не пришлось бросить начатое дело и не нанести тем ущерб войску. Между тем, в то время, когда он еще колебался, из рощи раздался какой-то голос: божество отвергало жертвоприношение этого рода и требовало пощадить девушку, ибо богиня сжалилась над ней, Агамемнону же за его преступление уже уготовано супругой роковое наказание после победы над Троей [6]; а теперь пусть позаботятся о том, чтобы вместо обреченной девушки было принесено в жертву то, что бросится им в глаза. После этого ветры, молнии и все, что обычно бывает при сильной буре, стали, наконец, стихать.

22. Но пока все это происходит в роще, Ахилл, вместе с большим количеством золота, получает письмо, посланное ему Клитеместрой, где она вверяет ему свою дочь и весь свой дом. После того, как он его прочел и разгадал замысел Улисса, он, бросив все, спешит в рощу и громким голосом зовет Менелая и тех, кто был с ним, призывая их не трогать Ифигению и грозя им гибелью, если они не послушаются. Но вскоре он сам находит их, оглушенных и перепуганных, и, когда погода улучшается, уводит оттуда девушку. Между тем, пока все размышляют, где же то, что было приказано принести в жертву, лань удивительной красоты бестрепетно предстоит перед алтарем. Животное, предназначенное в жертву и обреченное на это по воле богов, связывают и вскоре закалывают. После того, как это было совершено, болезнь унялась и небо прояснилось, как обычно бывает в летнее время. Впрочем, Ахилл и главные устроители жертвоприношения тайком от всех передали Ифигению царю скифов [7], который был там в то время.

23. Когда вожди увидели, что бедствие прекратилось, ветры благоприятствуют плаванию, а море по-летнему спокойно, они, радостные, пришли к Агамемнону и, утешив его, тяжко скорбевшего о гибели дочери, возвратили ему почетную должность главного военачальника. Для войска это было очень приятное и радостное известие, потому что каждый воин почитал его, как своего лучшего наставника и любил не меньше, чем родного отца. Агамемнон, то ли умудренный тем, что пережил,

то ли сознавая в душе неизбежность человеческой судьбы и этим укрепив свой дух навстречу бедствиям, принял должность, как будто ничего не случилось, и в тот же день созвал всех вождей к себе на пир. Затем, через несколько дней, с помощью вождей, он привел в порядок войско, а так как погода уже благоприятствовала плаванию, взошел на корабль, груженный множеством драгоценных вещей, предоставленных ему его земляками. Впрочем, зерно, вино и другие необходимые припасы доставили ему Аний и его дочери, о которых шла слава, как о мастерицах виноделия и жрицах, ведающих священными обрядами [8]. Так отплыли из Авлиды.

ПРИМЕЧАНИЯ

МЕСОМЕД

ИЗОБРЕТЕНИЕ СТЕКЛА

[1] Подробное описание способов изготовления стекла в античности приводит Плиний Старший («Естественная история», XXXVI, 26).

К ПРИРОДЕ

[1] Пэан (дословно — исцеляющий) — эпитет различных богов, приносящих исцеление, в частности Аполлона, который отождествлялся с Гелиосом (Солнцем).

[2] Титан — одно из названий Гелиоса — Солнца, который считался сыном титана Гипериона.

ГИМН СОЛНЦУ

[1] Под «Эфиром» понимали всеобъемлющее небесное пространство.

[2] Феб (ясный), или Аполлон, отождествлялся с Солнцем в эпоху религиозного синкретизма. В колесницу Феба-Солнца были запряжены огнедышащие кони. С именем Феба связан дар поэзии, пения и игры на струнном инструменте.

[3] Луна считалась сестрой Солнца, проливающей на людей свой мягкий, ласковый свет.

[4] Т. е. облаков.

ЧАСЫ

[1] В этом стихотворении описываются солнечные часы в виде медного круга с изображением двенадцати знаков зодиака на циферблате. С каждым из этих знаков были связаны определенные мифологические представления.

[2] Большинство созвездий зодиака носило название животных. Созвездие зодиака «Овен» (баран) было названо так в честь барана, спасшего Фрикса. Созвездие «Телец» изображалось в виде передней части быка; считалось, что это бык Европы или бык, подаренный Посейдоном Миносу. Созвездие «Плеяд», не входящее в круг зодиака, расположено позади созвездия Тельца. В него входят семь звезд, и они считаются звездами мореходства: с восходом «Плеяд» начинается благоприятное время для мореходства, с их заходом — время бурь. По мифу, Плеяды — это дочери Океана, которые после смерти своих сестер Гиад умертвили себя и были превращены в звезды. Считалось, что это Диоскуры (Кастор и Поллукс) или Геракл с Аполлоном или Ясион с Триптолемом. Созвездие «Рака» названо по имени рака, который напал на Геракла, когда тот боролся с лернейской гидрой. Созвездие «Льва» было так названо потому, что по мифу в это созвездие был превращен Немейский лев. Созвездие «Девы» дано в честь Дике, или звездной девы Астреи, которая во время золотого века жила на земле, а с наступлением бронзового века последней из богов удалилась на небо, где и сияет как

созвездие. Дике была богиней справедливости, покровительницей законов и судов. Созвездие «Весы» считалось весами Дике (Правосудия). Созвездие «Скорпиона» отождествлялось с тем скорпионом, который убил охотника Ориона, тоже превращенного потом в созвездие. Созвездие «Стрелец» считалось кентавром, натягивающим лук. «Козерог» — мифическое существо, у которого передняя часть туловища напоминает козу, а задняя представляет собой рыбий хвост. Одно из созвездий зодиака носит это имя. «Водолей» — мужчина, льющий воду из кувшина. В мифологии его отождествляют с Ганимедом или с Девкалионом, жившим во время потопа. Созвездие «Рыб» появилось, по мифу, в память того, как Афродита и Эрот, преследуемые Тифоном, бросились в реку и превратились в рыб.

К АДРИАТИКЕ

[1] Селена — луна в мифологическом представлении; проезжает на колеснице по небу.
[2] См. примеч. 2 к стихотворению «Часы».

ОППИАН

ПОЭМА О ПСОВОЙ ОХОТЕ

[1] Вакх назван «Трехлетним», так как празднества в честь него справлялись раз в три года на Парнасе.
[2] Аонийские хоры — хоры муз. Аония — поэтическое название Беотии, где находилась посвященная музам гора Геликон. Асоп — река в Аонии.
[3] Сабасий — фракийско-фригийский бог, отождествленный позднее с греческим Дионисом (Вакхом). Фиона — имя Семелы, матери Диониса, после ее обожествления.
[4] Арго — дословно «Быстрая». Женский род названия корабля объясняется тем, что по-гречески «корабль» женского рода.
[5] Ктесифонт — город в Ассирии, на восточном берегу Тигра: сначала — зимняя резиденция парфянских царей, впоследствии — их столица.
[6] «Из моря рожденная» — эпитет Афродиты, так как, согласно мифу, она родилась из морской пены.
[7] Т. е. Артемида.

КВИНТ СМИРНСКИЙ

ПОСЛЕ ГОМЕРА

I. АХИЛЛ И ПЕНТЕСИЛЕЯ

[1] Городом Приама названа Троя.
[2] Т. е. Ахилла, отец которого, Пелей, был сыном Эака.
[3] Пентесилея — предводительница амазонок.
[4] Небесные стихии (гром, молния, дождь) считались подвластными Зевсу — повелителю неба.
[5] Т. е. к внуку Эака, Ахиллу.
[6] Аянт и Ахилл были внуками Эака, который считался сыном Зевса и Эгины.

[7] В награду за спасение дочери царь Трои Лаомедонт обещал подарить Гераклу коней Зевса, но не выполнил обещания. Тогда Геракл взял Трою приступом. В походе Геракла против Трои участвовал Теламон, отец Аянта.

[8] Кипридой называли богиню любви Афродиту, культ которой был распространен на Кипре. Арес — бог войны, отец Пентесилеи, считался возлюбленным Афродиты.

[9] Намек на ссору Ахилла с Агамемноном и на отказ Ахилла сражаться после того, как у него была отнята его пленница Брисеида.

[10] Ср. «Илиада», II, 212—269.

II. СМЕРТЬ АХИЛЛА

[1] См. «Илиада», XX, 441—450.

[2] Ср. у Гомера:

> Матерь моя, среброногая мне возвестила Фетида:
> Жребий двоякий меня ведет к гробовому пределу:
> Если останусь я здесь перед градом троянским сражаться,
> Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет
>
> («Илиада», IX, 410—413)

[3] Скейские ворота Трои вели на равнину, где происходили сраженья.

III. НЕСТОР И ПОДАЛИРИЙ

[1] Подалирий и брат его Махаон прибыли на 30 кораблях из Фессалии под Трою на помощь грекам. Оба они были врачами. Их отцом считался сын Аполлона — искусный врач Асклепий.

[2] Т. е. до Нестора.

[3] Сын Нестора Антилох был убит Мемноном под Троей в тот момент, когда защищал от Мемнона своего престарелого отца.

[4] См. примеч. 1.

IV. ПАРИС И ЭНОНА

[1] Имя этого Клеодора нигде больше в литературе не встречается.

[2] Т. е. Елене. Мать Елены, Леда, была женой Тиндарея. По гомеровскому преданию, отцом Елены был Зевс («Илиада», III, 426), другие же сказания называли отцом ее Тиндарея (Геродот, II, 112).

[3] Т. е. Париса, женившегося на дочери Зевса Елене.

[4] Многим героям Троянской войны приписывалось божественное происхождение. Так, например, главный герой греков Ахилл считался сыном морской богини Фетиды, Аянт Теламонид со стороны отца вел свое происхождение от Зевса.

[5] Селена — луна. Под прислужницами Зевса, дочерьми Луны и Солнца, подразумеваются, очевидно, Оры — богини смены времен года.

[6] Александр — второе имя Париса.

ТРИФИОДОР

ВЗЯТИЕ ИЛИОНА

[1] Имеется в виду Троянская война, длившаяся десять лет.

[2] Аргос в Пелопоннесе — одно из мест почитания Афины. Бойцы Аргоса названы «конеборными» потому, что окружающая город плодород-

ная равнина давала хороший корм коням («Илиада», II, 287), и, следовательно, главную часть аргосского войска составляла конница.

[3] Помимо гомеровских поэм, существовало много менее значительных эпических произведений о Троянской войне («Эфиопида», «Разрушение Илиона», «Киприи» и другие).

[4] См. Квинт Смирнский, III («Нестор и Подалирий»), примеч. 3.

[5] См. «Илиада», XXII, 248—404.

[6] Афина покровительствовала грекам и старалась помогать им в борьбе против троянцев.

[7] Прорицатель — Гелен, один из сыновей Приама.

[8] Дейфоб, брат Париса, женился на Елене после смерти Париса.

[9] Речь идет об огромном деревянном коне, который умышленно был оставлен греками под стенами Трои и должен был принести троянцам гибель. Внутри этого коня сидели вооруженные греки.

[10] Т. е. коню, см. примеч. 9.

[11] Илифия считалась покровительницей рожениц.

[12] Т. е. Афины Паллады, храм которой находился в троянском акрополе.

[13] Дочь троянского царя Приама, Кассандра, обещала Аполлону свою любовь, за что и получила от него дар предсказаний. Но Кассандра не выполнила обещания и была наказана тем, что ее пророчествам, всегда истинным, никто никогда не верил.

[14] Гекаба (Гекуба), жена троянского царя Приама и мать Париса, видела во сне, что она носит во чреве пылающий факел. Этот сон был истолкован как пророчество о войне (Вергилий, «Энеида», VII, 319—322).

[15] Афина помогала художнику Эпею создавать коня («Одиссея», VIII, 493).

[16] Стены вокруг Трои были построены Посейдоном и Аполлоном во время царствования там Лаомедонта («Илиада», VII, 452—453).

[17] После падения Трои Гекаба как рабыня была увезена греками. На фракийском побережье Гекаба заметила труп своего сына Полидора, убитого царем Полиместором, к которому как к верному другу Приам во время войны послал Полидора. Из мести Гекаба умертвила двух детей Полиместора, за что и была превращена в собаку.

[18] Поликсена, сестра Кассандры, после падения Трои была принесена в жертву тени Ахилла.

[19] В этих словах заключено пророчество Кассандры о судьбе предводителя греков микенского царя Агамемнона. После окончания Троянской войны Агамемнон увез с собой пленницу Кассандру в Микены, где обоих постигла гибель от руки жены Агамемнона Клитемнестры и ее любовника Эгисфа.

[20] См. примеч. 13.

[21] На золотых весах Зевс взвешивает судьбы людей. Ср. «Илиада», VIII, 69—70.

[22] Во время Троянской войны Аполлон стремился помогать троянцам. В Ликии, в городе Патаре находился знаменитый храм и оракул Аполлона.

[23] Когда греки поставили у стен Трои деревянного коня, а сами удалились на ближайший остров, они оставили около коня одного Синона с тем, чтобы он ввел в заблуждение троянцев и подал бы в нужный момент условный знак грекам. Синон заявил троянцам, что конь сооружен как умилостивление Афине и послужит надежной защитой для Трои, если будет ввезен в город. Троянцы вняли его совету, и Синон той же ночью подал грекам сигнал.

КОЛЛУФ

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ

[1] Во время пира богов на свадьбе Пелея и Фетиды богиня раздора Эрида, не приглашенная на пир, кинула пирующим золотое яблоко с надписью «Той, что всех прекраснее». За право обладать этим яблоком стали спорить три богини — Гера, Афина и Афродита.

[2] «Корень железный» — метонимическое обозначение меча, которым рассекли голову Зевса при рождении Афины.

НОНН

ПОЭМА О ДИОНИСЕ

[1] «Козни хитроумного зеркала» — смысл неясен; по-видимому, подразумевается какой-то священный обряд в культе Диониса.

[2] Загрей — одно из культовых имен Диониса. Согласно одному из многочисленных вариантов мифа о Дионисе, его растерзали титаны, за что Зевс замкнул их в Тартар. Рогатым чадом назван потому, что изображался с небольшими рожками на голове.

[3] Нерей — морской бог; в данном случае «арабский Нерей» — Красное море.

[4] Море Борея — одно из северных морей.

[5] Согласно древнему представлению греков, боги жили на священной горе Олимп в Фессалии. Позднее обителью богов считались эфирные выси. «Семичастный эфир» — семь планетных сфер, которые, по представлению Пифагора и его последователей, окружают неподвижную Землю. Это представление исходило из учения пифагорейцев о том, что число есть сущность всех вещей, а Вселенная представляет собой гармоническую систему чисел и отношений.

[6] Девкалион, сын Прометея, по совету которого он построил корабль и на нем вместе с женой (единственные из всего человеческого рода) спасся во время потопа, посланного Зевсом на землю.

[7] Эон — олицетворение вечности и мирового порядка. Впервые встречается у Эврипида, в трагедии «Геракл», где Эон назван сыном времени (ст. 900). Согласно более поздним учениям орфиков и теологов, божественная Сущность — Высший Эон — порождает все другие парные (мужские и женские) сущности, кроме одного Разума.

[8] Т. е. Посейдон.

[9] Орхоменские девы — т. е. Хариты. Пафийская богиня — Афродита (в Пафосе на Кипре был ее храм).

[10] Гименей — бог брака у греков и римлян. «О, Гимен, Гименей» — припев в свадебной песне.

[11] «Синеокой» считалась Афина.

[12] Тектаф — искусный стрелок, миф о котором рассказывает Нонн; по его мнению, Тектаф — индус, подданный индусского царя Дориада, против которого боролся Дионис.

[13] Болинги — индусское племя, к которому принадлежал Тектаф.

[14] Геспер — божество вечерней звезды, т. е. Венеры.

[15] Уранова дочь — Рея, впоследствии отождествленная с Кибелой.

[16] Т. е. Эригона, дочь Икария — афинянина, получившего в дар от Диониса мех с вином; он обучил жителей Аттики виноделию. Пастухи

выпили вино Диониса и опьянели. Народ решил, что Икарий их отравил, за что его и убили, а труп закопали под деревом.

[17] По преданию, Эригона стала созвездием Девы.

[18] Арктур — самая большая звезда в созвездии Волопаса. «Колесница» — Большая Медведица близ Арктура. «Пес» и «Заяц» — названия звезд («Пес» — Сириус). Созвездие «Арго» названо в честь корабля аргонавтов.

МУСЕЙ

ГЕРО́ И ЛЕАНДР

[1] Абидос — город в Троаде, на берегу Геллеспонта, где родился и жил Леандр. Сест — город на противоположном берегу пролива, где жила Геро́.

[2] Т. е. Зевс: согласно поздним представлениям греков, боги жили в эфире.

[3] В наказание за убийство Ифита Геракл был отдан на три года в рабство к лидийской царице Омфале, дочери Иардана.

[4] См. примеч. 18 к Нонну. «Орион» — созвездие рядом с созвездием «Плеяд».

[5] Зефир — западный ветер, олицетворение теплого ветра, приносящего дожди. Эвр — юго-восточный ветер. Нот — южный ветер, приносивший грекам туманы и дожди.

[6] Нимфа из Аттики — афинская царевна Орифея, которую унес и сделал своей женой Борей.

ОРФИЧЕСКАЯ АРГОНАВТИКА

[1] Автор обращается к Аполлону. В Дельфах, около горы Парнас (в Фокиде), Аполлон убил чудовищного дракона Пифона, в честь чего на этом месте был воздвигнут Дельфийский храм, а Аполлон стал называться Пифойским. Поскольку его оракул предсказывал будущее, то Аполлона называли вещим провидцем; кроме того, он считался еще и богом солнечного света (отсюда его второе имя — Феб — ясный), и его лучи отождествлялись с золотыми стрелами, которыми бог-дальновержец поражает людей.

[2] Под «непреложным законом» понимается мировая необходимость (ἀνάγκη).

[3] «Двуприродный эрот» — бог любви между мужчинами и женщинами. Фанэт — от греческого φαίνομαι — «являюсь».

[4] Либетр — город в Пиерии — области в юго-западной Македонии; Пиерия — родина Орфея, любимое местопребывание муз.

[5] Т. е. Ясон.

[6] Минийцы, или минии,— эолийское племя, жившее сначала в Фессалии, а в III—II тысячелетии до н. э. вторгшееся в область Орхомена (в Беотии). Некоторые греческие мифографы отождествляли миниев с аргонавтами и Ясона считали потомком Миния — родоначальника их племени.

[7] Аргос — строитель корабля, на котором греческие герои отправились за «золотым руном».

[8] Фасис — река в Колхиде, ныне Рион.

[9] Томар — гора в Эпире, где находилось знаменитое святилище со священным дубом Зевса.

[10] Тифис — кормчий корабля «Арго».

[11] Фолоя — богатая лесом плоская возвышенность на границе Элиды и Аркадии. Пинд — горный хребет, отделявший Фессалию от Эпира.

[12] Бримó — страшная — эпитет богини подземного царства.

[13] Черепаха — метонимический образ лиры; по преданию, лиру сделал в детстве Гермес из панциря черепахи.

[14] Кутеис — область на Кавказе.

[15] Асфодел — растение семейства лилейных, с крупными цветами. По поверью, асфоделом поросли Елисейские поля в царстве мертвых. Названия растений даны приблизительно, многие травы нам неизвестны.

[16] Т. е. Плутона, бога подземного царства; он изображался похожим на олимпийского владыку: зрелым могучим мужем, восседающим на троне, с трезубцем или жезлом в руке; у ног Плутона обычно лежит Кербер.

[17] Мопс — лапиф из Фессалии, принимал участие в калидонской охоте, в борьбе лапифов с кентаврами, сопровождал аргонавтов в качестве прорицателя; дар прорицания он получил от Аполлона, своего отца.

[18] Эсонид, т. е. сын Эсона, Ясон.

[19] Тисифона, Алекто, Мегера — Эриннии.

[20] Тиндариды — сыновья спартанского царя Тиндарея — Кастор и Полидевк.

[21] В Греции любой гражданин, покинув свой город, терял на чужой земле все гражданские права и становился беззащитным, если его не брал под свое покровительство какой-либо гражданин; единственным местом убежища пришельцу служил жертвенник.

БАБРИЙ

БАСНИ

[1] Божество судьбы и случая, отождествляемое с римской Фортуной.

[2] Отрывок первоначального, более развернутого вступления сохранен Свидой:

Ливийский журавель и с ним павлин пышный
Паслися на зеленой мураве луга...

[3] Легендарные восточные цари: Бел считался основателем Вавилона и халдейского царства, Нин (по некоторым версиям, сын Бела) — основателем Ниневии и ассирийского царства. Имя Бела — семитическое; греки иногда отождествляли его с Белом, внуком Зевса и Ио, отцом Египта и Даная, дедом египтиадов и данаид.

[4] Ливийские басни считались самостоятельной отраслью басен, наряду с эзоповскими; но в чем заключались их особенности, не знали даже сами древние. Кибисс — по-видимому, легендарная личность, упоминаемая еще в нескольких местах как создатель ливийских басен.

ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА II—V ВЕКОВ

[1] Иалис — город в северной части острова Родоса.

[2] Тевтранцы — жители города и области в северо-западной части Малой Азии, откуда направлявшиеся под Трою греки были отогнаны Телефом, раненным копьем Ахилла. Ахилл вылечил его ржавчиной своего копья.

[3] Каик — река в Мисии, близ города Пергама.

[4] Орибасий — придворный врач императора Юлиана (361—363 гг.), автор свода наиболее важных сведений из трудов греческих врачей. Сохранилось составленное самим Орибасием краткое изложение этого труда.

[5] «Культа Аммонова ложь едва лишь Гессий изведал» — Гессий — египтянин, современник Паллада. Был учителем риторики. Добивался консульства, но за обращение к оракулу, что строжайше запрещалось, был казнен.

[6] Двое Калхантов — т. е. двое жрецов-прорицателей.

[7] Кресло ипатов — т. е. консульское кресло, к которому стремился Гессий (см. примеч. 1).

[8] Во втором стихе этой эпиграммы намек на начало «Илиады», бывшей предметом изучения на уроках грамматики. В четвертом стихе: «Неужели голод убьет» слово «голод» (λιμός) звучало в эту эпоху как слово «чума» (λοιμός), что являлось еще одним намеком на первую песнь «Илиады».

[9] О подобном случае — обмане учениками своего учителя — сообщает также Фемистий. Августин, преподававший в Риме риторику, не избег той же участи («Исповедь», V, 12).

[10] Пиндара слово — «Пифийские оды». I. 85. Ср.: Геродот, III, 52.

[11] «сук крепкого дуба, не камень утеса» — здесь приведены ставшие поговоркой стихи «Одиссеи» (XIX, 162—163).

[12] Софианский дворец — дворец в Константинополе, построенный Юстином II (565—578 гг.) для своей супруги Софии. Находился близ гавани Юлиана.

[13] Амасия — город на Понте, в северо-восточной части Малой Азии. Роще, носящей имя «Эрот», посвящена другая эпиграмма Мариана («Палатинская Антология», IX, 668).

[14] Четыре венка — рассудительность, мудрость, скромность и справедливость.

ПАВЕЛ СИЛЕНЦИАРИЙ

НА ПИФЕЙСКИЕ ГОРЯЧИЕ ИСТОЧНИКИ

[1] Пифея — местность в Вифинии, области, примыкавшей к южному побережью Черного моря. Славилась своими источниками. Историк Прокопий сообщает о находившемся там императорском дворце и банях, построенных Юстинианом.

[2] Это «второе мненье», высказанное Сенекой, приведено у Витрувия («Об архитектуре», VIII, 3): «Некоторые полагают, что воды, вытекая из мест или протекая через места, богатые серой, принимают тепло под влиянием вещества, через которое они протекают; и это подтверждается запахом и вкусом вод».

[3] «Тому свидетель остров» — речь идет о Сицилии.

[4] Липара — самый большой из Эоловых, или Липарских, островов (в Тирренском море). Часто страдал от вулканических извержений.

[5] «Там» — то есть вблизи реки Эридана, где, по преданию, превращенные в тополя сестры Фаэтона оплакивали его гибель слезами из чистого янтаря.

[6] Четыре элемента — то есть: огонь, воздух, вода и земля.

НЕМЕСИАН

О ПСОВОЙ ОХОТЕ

[1] Аонийские стрелы — метонимический образ вдохновения. См. примеч. 2 к поэме «О псовой охоте» Оппиана.
[2] Касталия — источник к Фокиде, на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам. Питомец Кастальский — Аполлон.
[3] Хитрая соперница — Гера, ревновавшая Зевса к Семеле.
[4] Писейская дева — Гипподамия, дочь Эномая, царя Писы, который убивал каждого жениха своей дочери, состязаясь с ним в колесничных скачках.
[5] Ихневмон — маленькое животное, которое попадает в пасть крокодилу и чистит ему зубы.
[6] Артемида.
[7] Котурны — высокие охотничьи сапоги.

ЭКЛОГА III

[1] Менал — гора в Аркадии, считавшаяся любимым местопребыванием Пана.
[2] Леней — один из эпитетов Диониса.

АВСОНИЙ

МОЗЕЛЛА

[1] В поэме описано плавание по реке Мозелле (Мозелю). Упоминаются названия городов, расположенных по Мозелю, а также его притокам.
[2] Имеется в виду победа Секстилия Феликса над батавскими мятежниками (Тацит, «Истории», IV, 70).
[3] Думнис — н. Кирхберг, Таверны — н. Цаберн (Саверн).
[4] Победу над сарматами одержал Констанций в 359 г., но об их поселении на Мозелле ничего не известно.
[5] Нойомаг (Новиомаг, Нивомаг) — н. Нимвеген (Неймаген).
[6] Бурдигала — н. Бордо.
[7] Имеется в виду Августа Треверов (Трир), где подолгу жили императоры во время войн с германцами.
[8] Фригийский мрамор, из которого набирались мозаики.
[9] Каледония — современная Шотландия; британский жемчуг был распространен в Риме, хотя ценился ниже восточного.
[10] Панопея — дочь Нерея, морская нимфа, гостья в реке: Ореады — нимфы гор и (здесь) холмов.
[11] Стих испорчен, перевод по смыслу.
[12] Кумы — гавань возле Неаполя, колония эвбейских греков (отсюда — «эвбейские гребцы»).
[13] Гавр («сернистый» от близости Везувия) — горный хребет возле Неаполитанского залива, известный своими виноградниками.
[14] Победа Октавиана над флотом Антония и Клеопатры (Канопа — город в Египте) в 31 г. до н. э. у мыса Актий, напротив острова Левкады.
[15] Победа Агриппы, флотоводца Октавиана, над флотом Секста Помпея при Милах в Сицилии, невдалеке от мыса Пелора, в 36 г. до н. э.
[16] Озеро близ того же Неаполитанского залива.
[17] Эпитет Солнца.

[18] В древности зеркала изготовлялись из полированного металла.
[19] Галльское племя, населявшее окрестности Бурдигалы, родины Авсония.
[20] Авсония — поэтическое наименование Италии; отсюда же игра слов в ст. 450.
[21] Аквитания — окраина Галлии, примыкающая к Пиренейским горам.
[22] Аониды — музы. Аония — поэтическое название Беотии, где находилась посвященная музам гора Геликон с источниками Гипокреной и Аганиппой.
[23] Фаски — связки прутьев с секирами, знак консульской власти; курульное кресло — официальное сидение высших должностных лиц.
[24] Лигер — Луара; Аксона — Эн, приток Уазы; Матрона — Марна; Карантон — Шаранта, впадавшая в океан в земле племени сантонов; Дуранний — Дордонь, текущая с Центрального французского массива; Атурр — Адур, протекавший с Пиренейских гор через земли племени тарбеллов близ Бискайского залива.
[25] Божества рек обычно изображаются с рогами на лбу, символизирующими два сливающиеся потока.
[26] Конфлуэнция, н. Кобленц.
[27] Друна (Дром) и Друэнция (Дюранс) — левые притоки Роны. О последней ср. Тит Ливий, XXI, 31, 10: «определенных берегов она не имеет, течет в одно и то же время несколькими руслами, да и их постоянно меняет, порождая все новые броды и новые пучины». Родан — Рона, протекающая через город Арелате (Арль). Гарумна — Гаронна, впадающая в море широким устьем.

РОЗЫ

Принадлежность этой идиллии Авсонию оспаривается. Ст. 10 отсутствует в рукописях и дополнен переписчиками.
[1] Пестум — город в Италии, известный своими цветниками.

ИЗ ЦИКЛА «ПРЕПОДАВАТЕЛИ»

[1] Иероним относит расцвет деятельности Аттия Патеры к 339 г.
[2] Байокассы — город в Галлии (н. Байё в Нормандии).
[3] Кельтский бог Белен отождествлялся с Аполлоном. Культ его был распространен в Альпах, вплоть до Аквилеи.
[4] Имя отца и брата — Фебиций, имя сына — Дельфидий. Им Авсоний посвятил стихотворения в том же цикле.
[5] Арборию, своему дяде по матери, Авсоний уже посвятил стихотворение в цикле «Родственники».
[6] См. примеч. 24 к «Мозелле».
[7] О пребывании в Толозе братьев императора Константина (Анабаллиана, Констанция и Константа) ничего не известно.
[8] Из сабинов происходил Нума Помпилий, второй после Ромула римский царь, религиозный законодатель.
[9] Кастор — малоизвестный историк времен эллинизма; о Родопе (может быть, его жене) ничего не известно.
[10] Дракон и Солон дали законы Афинам, пифагореец Залевк — Локрам в Италии.

ИЗ ЦИКЛА «КРУГЛЫЙ ДЕНЬ»

[1] Парменон — имя раба, заимствованное из комедий Теренция; производное от глагола παραμένειν — «медлить».
[2] Зверек из грызунов, чье мясо считалось деликатесом: ср. «Технопегнион», 12, 9.

[3] Эндимион, возлюбленный Дианы: вечный сон сохранял ему вечную молодость.

[4] Цитата из Горация, «Оды», III, 11, 37.

[5] Начало стихотворения не сохранилось. Перевод по дополнению Эвелин-Уайта.

ГРИФ О ЧИСЛЕ ТРИ

Гриф — собств. «загадка», особенно — загадка, загадываемая застольниками при пирушке. В предисловии к этому стихотворению Авсоний извиняется, что не упомянул о грамматических триадах (три времени, три лица, три рода, три степени сравнения), о девяти стихотворных метрах (ямб, трохей, дактиль, анапест, хориямб, антиспаст, два ионика, пеон), о трижды величайшем Гермесе и пр.

[1] Пиршественный обычай пить по три чаши, если же больше трех — то девять, если же больше девяти (продолжает Авсоний), то надо пить по 27 чаш.

[2] На третьем месяце младенец в чреве принимает человеческий облик, на девятом — рождается.

[3] Юпитер, Нептун и Плутон — дети Сатурна и богини плодородия Опы.

[4] Елена, Кастор и Поллукс родились от Зевса в образе лебедя из яйца Леды, жены спартанского царя Тиндарея.

[5] Нестор жил 3 человеческих жизни (пурпурная пряжа Парок означает счастливую жизнь), ворона — 9, олень — 36, ворон — 108, феникс — 927 поколений.

[6] Стих воспроизводит стих Вергилия, «Энеида», IV, 511.

[7] Три голоса — высокий, средний и низкий; три элемента — неизвестно, какие из четырех стихий (земля, воздух, вода, огонь) имеются здесь в виду.

[8] Треугольная земля — Сицилия (Тринакрия); имена трех сирен — Парфенопа, Лигия, Левкосия.

[9] Девять муз: об их состязании с сиренами рассказывает Павсаний, XI, 34.

[10] Физика, этика и диалектика.

[11] Алектрион должен был возвестить Марсу о восхождении зари, но не сделал этого, и взошедшее Солнце, застигнув Марса с Венерой, рассказало об этом Вулкану; Алектрион за нерадивость был обращен в петуха: потому петух и встречает зарю криками.

[12] Чтобы зачать от Алкмены Геракла, совершителя двенадцати подвигов, Зевс приказал Солнцу не всходить на небо в течение трех дней.

[13] Девять лириков, считавшихся лучшими: Пиндар, Симонид, Стесихор, Ивик, Алкман, Вакхилид, Анакреонт, Алкей, Сапфо.

[14] Первоначально греки чтили только трех муз: Мелету, Мнему и Аойду (прилежание, память и песнь).

[15] Празднества в Риме, посвященные Плутону и Прозерпине.

[16] Никтелийские празднества в честь Вакха.

[17] Первые гладиаторские игры в Риме, устроенные в 265 г. до н. э. сыновьями консула Юния Брута в память отца. В бой выходили три раза по три пары бойцов.

[18] Брачный чертог — Иокасты, рука которой (вместе с царством) была обещана тому, кто разрешит загадку Сфинкса.

[19] Юпитер, Юнона, Минерва — «капитолийская троица».

[20] Ремесло каменщика, кровельщика, плотника.

[21] «Вакхов сосуд» для вина — квадрантал, вмещавший три модия, сицилийский медимн — шесть модиев.

[22] Начало, середина и конец.

[23] Если представить девятку в виде ряда точек: ... ...— и затем среднюю точку изъять из общего счета, принимая ее только за отметку

середины, то эта середина будет делить пополам три четных числа (не считая двойки) — 4, 6 и 8,— средняя тройка разрушится, а квадратное число 9 превратится в кубическое число 8.

[24] Законы 12 таблиц.

[25] Соответственно, о возмещении утраченного, о сохранении имеемого и о приобретении нового имущества.

[26] По рождению, по отпущению и по завещанию.

[27] Лишение гражданства, личной свободы и жизни.

[28] Эмпирики, догматики (логики) и методики.

[29] Аттицизм, азианство и промежуточная родосская школа.

[30] По-видимому, символическая фигура или название сочинения, приписываемого Орфею.

[31] Дорийский, фригийский и лидийский.

[32] Ритм речи, ритм пляски и ритм «музыки сфер».

[33] Трибунат был учрежден в результате выселения плебеев на Священную гору в 494 г. до н. э.

[34] Преномен, номен и когномен, например, Гай Юлий Цезарь.

[35] Высокий, средний и низкий.

[36] Календы, ноны и иды.

[37] «Передом лев и задом дракон и коза серединой».

[38] Медуза, Эвриала, Сфено.

[39] Окипета, Аэлла, Келено.

[40] Мегера, Алекто, Тисифона.

[41] По-видимому, Дельфийская, Кумская и Эрифрейская; известны и другие сивиллы.

[42] Коллегия квиндецемвиров, хранившая в Риме Сивиллины пророчества.

ЭПИГРАММЫ

[1] *Скульптурная группа.* Подражание эпиграмме Посидиппа («Палатинская Антология», XVI, 275).

[2] *Лаиса, посвящающая зеркало.* Это стихотворение во французской обработке было переведено на русский язык Пушкиным.

[3] *О медной телке Мирона.* Ср. эпиграммы в «Палатинской Антологии»: IX, 726 (Антипатра Сидонского), IX, 713 (неизвестного), IX, 730 (Деметрия Вифинского) — все двустрочные.

ТЕХНОПЕГНИОН

[1] В стихотворении 12 первые два стиха, в подлиннике разъясняющие разницу между двумя терминами римского права, не могли быть переданы в точности и заменены условным переводом. Из галлов вербовались гладиаторы-мирмиллоны, бившиеся с гладиаторами-ретиариями, вооруженными только сетью. Гелиосова дочь — Пасифая.

КЛАВДИАН

ПОХИЩЕНИЕ ПРОЗЕРПИНЫ

[1] Отец Прозерпины — Зевс.

[2] Флегра — название полуострова в Халкидике — области Македонии.

[3] Стигийское жилище тиранна — подземное царство Плутона, похитившего Прозерпину. Названо так по реке Стиг, или Стикс («Ужасная»),— главной реке подземного царства, которая опоясывала его семь раз.

[4] Согласно мифу, Плутон похитил Прозерпину в тот момент, когда она собирала цветы на поляне; мать же ее, Церера, предостерегала от возможной опасности.

[5] Прозерпина думает, что Плутон похищает ее по велению Афродиты, действующей из-за ревности: они обе любили Адониса.

[6] Мигдонийский напев, т. е. фригийский, отличавшийся возвышенным, торжественным тоном.

[7] Диндим — гора во Фригии (область в Малой Азии), где был распространен культ Кибелы.

[8] Культ Кибелы был распространен в Малоазиатской области, населенной галлами (галатами).

[9] По представлению древних, существовал период, когда люди вели счастливую жизнь: не знали ни горя, ни забот, ни старости; Земля сама давала обильный урожай. Это был золотой век. После смерти люди этого поколения превратились в добрых духов, спасителей людей.

[10] Энна — город в центре Сицилии, где был особенно широко распространен культ Прозерпины.

[11] Тенар — мыс на Пелопоннесе, где, по преданию, находился вход в подземное царство.

[12] Таумантида — дочь морского божества Тауманта, брата Нерея.

[13] Форк — греческое морское божество, брат Нерея.

[14] Главк — морское божество рыбаков и мореходов; изображался в виде получеловека-полурыбы, со старческим лицом, длинной бородой и волосами до плеч.

[15] По преданию, люди в отдаленные времена питались желудями, пока Церера, мать Прозерпины, не научила их земледелию.

[16] Т. е. от реи.

[17] Хаония — область в северо-западном Эпире, наименее культурная часть в древней Греции.

[18] С Кибелой.

[19] Церера изображалась на колеснице, запряженной драконами.

МАГНИТ

[1] Халибы — народ в Малой Азии, на побережье Черного моря, у границ Армении и Месопотамии, славившийся добычей металлов и железными изделиями.

[2] Амур.

[3] Громовержец — Зевс; воспылав любовью к смертной девушке Европе, он явился перед ней в образе быка в тот момент, когда она играла с подругами на берегу моря. Похитив Европу, он доставил ее по морю на остров Крит.

О СТАРЦЕ, НИКОГДА НЕ ПОКИДАВШЕМ ОКРЕСТНОСТЕЙ ВЕРОНЫ

[1] В Риме летосчисление велось по консульствам; консулы избирались каждый год.

[2] Бенакское озеро — самое большое и очень живописное озеро в Северной Италии, недалеко от Вероны.

РУТИЛИЙ НАМАЦИАН

О СВОЕМ ВОЗВРАЩЕНИИ

[1] Семь звезд северного созвездия — Большая Медведица.

[2] Имеются в виду Афина, Вакх и Триптолем — основатель земледелия.

[3] Пеон — олимпийский бог-врачеватель, часто отождествляемый с Аполлоном-Пеаном. Алкид — Геркулес.

[4] Имеется в виду борьба за обладание Азией, которую вели парфяне с селевкидами.

[5] Имеются в виду водопроводы на аркадах. Ирида — богиня радуги.

[6] Гиганты — циклопы. «Циклопическими» назывались мощные каменные постройки древних Микен, Тиринфа и пр.

[7] Легенда о том, что, когда во время войны Ромула с сабинами последние ворвались в Рим, боги преградили им дорогу потоком горячей воды, пробившимся возле храма Януса на Капитолии.

[8] Парки при домах богачей.

[9] Богиня Рома изображалась в венце, имевшем форму зубцов городской стены.

[10] Перечисляются поражения римлян в других войнах, закончившихся, тем не менее, победами Рима: битва при Аллии с галлами Бренна (390 г. до н. э.), позорный мир с самнитами после Кавдинского поражения (321 г. до н. э.), битвы с Пирром Эпирским 280—279 гг. до н. э., поражения в войне с Ганнибалом.

[11] 1169 год от основания Рима — 416 г. н. э.

[12] В древности считалось, что дождь в Африке выпадает из туч, принесенных северным ветром из Италии.

[13] Мечта о возрождении земледелия, виноградарства и торговли в Италии.

[14] Храм Диоскуров находился в римской гавани Остии, храм Венеры — при выходе из Тибра в открытое море.

[15] Остров Ильва (ныне Эльба) — место добычи железной руды. По этому поводу автор перечисляет другие рудные места Римской империи: закавказские земли халибов, провинцию Норик между Дунаем и Альпами, область битуригов в центральной и западной Галлии и пр. Река Таг (Тахо в Испании) славилась золотым песком.

[16] Миф о Данае, к которой Зевс явился в виде золотого дождя.

[17] Сходный образ — в «Естественной истории» Плиния: (III, 43); оттуда же заимствованы дальнейшие цифры.

[18] Тысяча шагов (римская миля) — 1479 м; в действительности длина Апеннинского полуострова значительно меньше. По-видимому, это объясняется тем, что расстояние измерялось не по прямой, а по обычной дороге.

[19] В Средней Италии, на уровне Рима. Однако это не самое узкое место полуострова.

ПОЭТЫ «ЛАТИНСКОЙ АНТОЛОГИИ»

Основные издания поэтов «Латинской антологии» — это «Anthologia Latina» А. Ризе (I, 1—2, 2 изд., 1894—1906) и «Poetae Latini minores» Э. Бернса (III—V, 1880—1883). Нумерация обоих изданий приводится в примечаниях. В основу перевода положен текст Ризе; отступления оговорены.

[1] *Вступление* (Р. 90, Б. IV, 278).

[2] *Хвала Солнцу* (Р. 389, Б. IV, 543). Порядок строк незначительно изменен по сравнению с текстом Ризе.

[3] Миф о Фениксе был популярен среди поэтов этой эпохи; см. посвященное ему стихотворение неизвестного автора в настоящем сборнике.

[4] Либер — одно из имен Вакха.

[5] Тривия — Геката, отождествлявшаяся с Дианой, сестрой Феба.

[6] *Хвала Луне* (Р. 723, Б. III, стр. 163). В рукописи стихотворение приписано некоему Клавдию.

[7] Систр — трещотка, род кастаньет, применявшийся при обрядах в честь Исиды и Кибелы.

[8] *Хвала Океану* (Р. 718, Б. III, стр. 165).

[9] *Ночное празднество Венеры* (Р. 200, Б. IV, 307). Одно из лучших произведений поздней латинской поэзии. Автор его неизвестен: в разное время оно приписывалось различным авторам: лирику Валерию Катуллу, его тезке мимографу Катуллу, философу Сенеке, Апулею, Аннию Флору, Вибию Флору, Тибериану, Флавиану (IV век), Сидонию Аполлинарию (V век), Луксорию (VI век) и, наконец, имитаторам эпохи Возрождения. Столь же неудачны были попытки определить время его написания и, в частности, установить, какой римский император подразумевается под «Цезарем» в ст. 74; например, предполагают, что здесь идет речь о последних римских императорах — Юлии Непоте и Ромуле Августуле (476 г.). Стихотворение построено как гимн, предназначенный для апрельского празднества в честь Венеры, справляемого в течение трех ночей; предполагаемое место действия — Сицилия (города Гибла, ст. 49, и Энна, ст. 52). Венера названа здесь Дионой: первоначально (в гомеровской мифологии) это имя носила не сама Афродита, а ее мать, дочь Неба и Земли.

В ст. 63 и далее Венера выступает как «мировая душа» (пневма), проницающая все мироздание, согласно учению стоиков; в ст. 69 и далее — как мать Энея и прародительница римского народа (лаврентская девушка — Лавиния, невеста лаврентского царя Турна, ставшая женой Энея; «дева чистая» — весталка Рея Сильвия, родившая от Марса близнецов Ромула и Рема).

[10] Делия — Диана-охотница, рожденная на Делосе.

[11] Ст. 59 сл. излагают миф о рождении Венеры из пены морской.

[12] Квириты — официальное название римских граждан; рамны — название одной из трех триб, на которые первоначально делились римляне; легенда о похищении сабинянок изложена у Ливия, 1, 9.

[13] Дева Терея — Филомела; царь Терей, муж ее сестры Прокны, изнасиловал девушку и вырезал ей язык, чтобы сохранить тайну; но Филомела, вышив на ткани изображение случившегося, сообщила об этом Прокне; сговорившись, сестры убили Итиса, сына Прокны и Терея, и его мясом накормили отца; боги превратили Филомелу в соловья, а Прокну — в ласточку (по другому варианту мифа, наоборот).

[14] Амиклы — ахейский город в Лаконии, в котором, по преданию, запрещалось распространять слухи о приближении врагов; воспользовавшись этим, доряне напали на город врасплох и захватили его.

[15] *Песни рождают любовь...* (Р. 277, Б. IV, 431).

[16] *О приходе весны* (Р. 235, Б. IV, 409). Элегические дистихи, в которых первое полустишие гексаметра повторяется во втором полустишии пентаметра, назывались «эхоическими», «эпаналептическими» или «змеиными». Самый ранний пример такого двустишия в латинской литературе встречается у Овидия («Любовные элегии», I, 9, 1, 2, пер. С. Шервинского):

Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура свой лагерь.
В этом мне, Аттик, поверь: всякий влюбленный — солдат.

[17] *Нарцисс* (Р. 265, Б. IV, 422). «Нарцисс почитался сыном потока Кефиса и нимфы Лириопы. Влюблена в него была Эхо, которую Пентадий называет дриадой» (примеч. В. Брюсова).

[18] *Могила Ацида* (Р. 886, Б. V, 83). Принадлежность Пентадию сомнительна. «Ацид — река в Сицилии, у подножья Этны, названная, по мифу, в память сына Фавна, любовника Галатеи, убитого Циклопом. Caerulea vita (ст. 8) — может быть, «темная», «незримая жизнь» (примеч. В. Брюсова).

[19] *Хрисокома* (Р. 267, Б. IV, 424). Двустишие «замечательно необыкновенной сжатостью речи. Некая Хрисокома (т. е. «златовласая») была обвинена в неверности мужем, который в гневе едва ее не убил. Тогда Хрисокома отдалась тому судье, который должен был ее судить. Судья оправдал преступницу, так как сам был соучастником преступления. Этот анекдот втиснут Пентадием в пределы одного двустишия, которое требует от читателя острого внимания и умения понимать намеки (примеч. В. Брюсова).

[20] *О женской верности* (Р. 268, Б. IV, 425). Кроме Пентадия, эта эпиграмма приписывалась также оратору Цицерону, его брату Квинту, Петронию, Авзонию и панегиристу Константина Порфирию.

[21] *Спящий Амур* (Р. 273, Б. IV, 429). Каждая из десяти жертв любви, предлагая казнь, напоминает о собственной участи: Федра — об охотнике Ипполите; Сцилла, дочь мегарского царя Ниса,— о волшебном волосе, который она вырвала из головы отца ради любимого ею Миноса; Медея изрубила на куски своего брата Абсирта; о Прокне см. выше, примеч. 13; Дидона закололась, будучи покинута Энеем, Канака — по велению своего отца Эола, узнавшего о ее кровосмесительной связи с Макарием, ее братом; Эвадна, жена Капанея, дала сжечь себя на погребальном костре мужа; Мирра за преступную любовь к родному отцу была превращена в дерево, и слезы ее стали благовонной смолой; нимфа Аретуса превратилась в ручей, спасаясь от преследований речного бога; из слез Библиды, умершей от неразделенной любви, образовался источник.

[22] *Купания в Байях* (Р. 271, Б. IV, 427). Байи — город в Кампании, популярный в римское время курорт с горячими источниками. Байские источники послужили темой для множества эпиграмм; эта — одна из лучших.

[23] *Прекрасный луг* (Р. 272, Б. IV, 428). Намек на миф о прелюбодеянии Венеры и Марса; любовников заметил Гелиос и захватил Вулкан, супруг Венеры.

[24] О возрасте (Р. 286, Б, IV, 217).

[25] *О том, какова жизнь* (Р. 248, 247, 249—252, Б. IV, 415, 414, 416—419). Аллитерация в конце первого четверостишия передает аллитерацию подлинника.

[26] *Прение пекаря с поваром* (Р. 199, Б. IV, 379). Наряду с «Войной мышей и лягушек» это — один из немногих уцелевших образцов античной пародии. Стихотворение дошло в сильно испорченном виде, перевод отдельных стихов предположителен.

[27] Сатурналии — веселый недельный праздник в память золотого века, отмечаемый в конце декабря.

[28] Имеются в виду хлеба, служившие спутникам Энея вместо столов и съеденные ими по прибытии в Италию. См. «Энеида», VII, 109 и далее.

[29] Имя Цереал («принадлежащий Церере») и название кампанского города Песта должны указывать на пекарские и кондитерские таланты носителя этого имени; в действительности, Цереалом звали известного полководца времени Веспасиана — отсюда «военная» метафора предыдущих стихов.

[30] Янусу в день нового года приносились в жертву медовые печенья; лепешки на сусле раздавались присутствующим на свадьбах.

[31] Речь идет о пире Фиеста, которого его брат Атрей накормил мясом убитых детей; Гелиос прекратил свой путь по небу в ужасе от этого зрелища. О Терее и других см. выше, примеч. 13.

[32] Бромий (шумящий) — Вакх.

[33] Калидона (от названия этолийского города) — Диана.

[34] Юнонина птица — павлин.

[35] Ромб — греческое название камбалы.

[36] Фиванского царя Пенфея, не признававшего Вакха, обезглавила его мать Агава в порыве вакхического безумия (в подлиннике игра слов).

[37] Великая Матерь — фригийская богиня Кибела, жрецы которой, «галлы», были скопцами (в подлиннике — игра слов).

[38] Младенцу Эдипу прокололи ноги, когда бросили его на произвол судьбы; орел выклевал печень Прометею, два коршуна — великану Титию, оскорбившему мать Аполлона и Дианы; Тантал мучился голодом в загробном царстве; Актесна превратила в оленя Диана; Мелеагр был героем охоты на калидонского кабана; превратив барана в ягненка, Медея побудила Пелия подвергнуться гибельной для него операции омоложения; Аянт перебил стадо быков, в безумии думая, что он мстит оскорбившим его ахейцам; о Леандре см. поэму Мусея; Ниоба, мать семи сыновей и семи дочерей, гордилась многоплодием; Филоктет получил от Геракла его опереные стрелы; к Европе Зевс являлся в образе быка, к Данае — в образе золотого дождя, к Леде — в образе лебедя.

[39] Мульцибер («плавильщик») — прозвище Вулкана.

[40] *«По долине, по полянс..», «Птица, влажной застигнутая тучей...»* (Б. III. стр. 264).

[41] *О тленности* (Р. 648, Б. IV, 118).

[42] *Загадки* (Р. 286, Б. IV, 440). В латинской литературе это первая попытка обработать материал такого рода в стихотворной форме; образцами могли служить греческие сочинения (по преданию, переложением загадок в гексаметры занимались еще Клеобул Линдский, один из легендарных семи мудрецов, и его дочь Евмета) и прозаический сборник «Шутки и загадки», составленный Апулеем, но нам неизвестный. Загадки Симфосия послужили образцом для многочисленных средневековых подражателей, из которых наиболее известен шотландец Альдгельм (начало VIII века).

[43] Грифель, или стиль, представлял собой палочку, острую с одного конца и закругленную с другого: острым концом писали на воске, закругленным стирали ошибочно написанное.

[44] Игра слов — mus (мышь) было семейным прозвищем в древнем консульском роде Дециев.

[45] Поверье, что тигрица беременеет от западного ветра, было широко распространено в древности.

[46] О Мирре см. примеч. к Модестину.

[47] Клепсидра — водяные часы, применявшиеся в суде для регламентации выступлений ораторов.

[48] В римских банях отопление было под полом.

[49] *Вариации двенадцати мудрецов на тему эпитафии Вергилия* (Р. 507—518, Б. IV,133). Это — одна из стадий своеобразного поэтического турнира, в котором каждый из 12 участников писал стихи на 12 тем. В первом туре каждый писал по моностиху «О разумном поведении»: в стихе должно было быть шесть строк по шести букв. Второй тур представляют собой приводимые эпитафии Вергилия. В третьем туре каждый писал по двустишию «О воде и зеркале»; в четвертом — о замерзшей воде; в пятом — по трехстишию о радуге; в шестом туре повторялись вариации на тему эпитафии Вергилия, но уже в четверостишиях; в седьмом туре каждый писал по четверостишию о четырех временах года; в восьмом — о заре и солнце; в девятом излагал в пяти стихах содержание одной из 12 книг «Энеиды»; в десятом писал шестистишие на смерть Цицерона; в одиннадцатом — о двенадцати знаках Зодиака; и, наконец, в последнем — стихи произвольной длины на произвольную тему. Калабры — италийское племя, населявшее окрестности Брундизия, где умер Вергилий. Парфено-

пея — греческое название Неаполя. «Пастбища, села, вожди» — намек на содержание «Буколик», «Георгик» и «Энеиды».

[50] *О саде, где были посажены все лекарственные травы* (Р. 369, Б. IV, 523).

[51] *Похвала саду Евгения* (Р. 332, Б. IV, 486). Напеи — нимфы долин, дриады — нимфы лесов; Ацидальские девы — Грации, спутницы Венеры; вместе с нею они, по преданию, купались в источнике Ацидалии близ беотийского Орхомена.

[52] Амом — ароматическое растение, из которого приготовлялся ценный бальзам.

[53] *О ручном вепре...* (Р. 292, Б.IV, 446).

[54] *На пьяницу* (Р. 311, Б. IV, 465).

[55] *На подагрика* (Р. 301, Б. IV, 461).

[56] *На слепца* (Р. 357, Б. IV, 511).

[57] *О женщине по имени Марина* (Р. 368, Б. IV, 522).

[58] *О саркофаге* (Р. 319, Б. IV, 473).

[59] *Изречения семи мудрецов* (Б. III, стр. 159). «Семью мудрецами» в античной традиции назывались виднейшие философы и политические деятели Греции VI в. до н. э. Состав лиц, перечисляемых под этим названием, не был постоянным: только Фалес, Биант, Хилон и Солон упоминались в нем неизменно. Впоследствии к ним причислялись и легендарные фигуры (скиф Анахарсис), а в эпоху распространения неоплатонизма — даже Орфей, Зороастр, Моисей и др. Семи мудрецам приписывалось авторство начертанных в преддверии дельфийского храма кратких житейских наставлений: «познай самого себя», «ничего сверх меры» и пр. Многочисленные стихотворные переложения этих изречений сохранились и в греческой и в латинской Антологии. Размеры семи стихотворений настоящего цикла: 1) гекзаметр, 2) ямбический триметр, 3) малый асклепиадов стих, 4) фалекий, 5) трохаический тетраметр, 6) хориямб, 7) пентаметр.

[60] *Песня гребцов* (Б. III, стр. 167). Редкая в античной поэзии стилизация трудовой песни.

[61] Кор, или Портун, римский бог портов и гаваней.

[62] *Храм Венеры, разрушенный для постройки стен* (Р. 100, Б. IV, 288).

[63] *Библиотека, превращенная в обеденный зал* (Р. 126, Б, IV, 314).

[64] *Водоналивное колесо* (Р. 284). Интересно сравнить эпиграмму Антипатра Фессалоникийского о водяной мельнице («Палатинская Антология», IX, 418), цитируемую К. Марксом в «Капитале» (т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 414).

[65] *На человека, который сам себе молол муку* (Р. 103, Б, IV, 291).

[66] *Влюбленный Амур* (Р. 240, Б. IV, 410).

[67] Из мифического металла адаманта, по преданию, были сделаны врата Аида.

[68] *К Дульции* (Р. 381, Б. IV, 535).

[69] *Отказ от серьезной поэзии* (Р. 429, Б. IV, 39). В ст. 10 принято чтение Беренса. Беренс без достаточных оснований приписывает эту эпиграмму Сенеке.

[70] *Сон пьяницы* (Р. 30, Б. IV, 219).

[71] *Гроздь* (Р. 31. Б. IV, 220).

[72] *Книги Энеиды, съеденные ослом* (Р. 222, Б. IV, 189).

[73] *Кентавр Хирон* (Р. 89, Б. IV, 277).

[74] *Пасифая* (Б. V, 51). Пасифая, дочь Гелиоса и супруга царя Миноса, воспылала противоестественной страстью к быку; спрятавшись в деревянном чучеле телки, она соединилась с ним и родила от него Минотавра, получеловека, полубыка. Каждый из 22 стихов этого произведения имеет свой особый метрический размер; различными сочетаниями этих 22 стихотворных размеров пользовался в своих строфах Гораций, так что это стихотворение представляет собой как бы беллетризованный метрический спра-

вочник к сочинениям Горация. В качестве такого справочника оно приложено к одной из рукописей сочинения грамматика Руфина о метрике; может быть, Руфин и был его автором. Последовательность размеров такова: 1) адоний; 2) дактилический диметр; 3) перекратей; 4) гликоней; 5) дактилический тетраметр; 6) дактилический гексаметр; 7) трохаический диметр; 8) ямбический диметр; 9) алкеев девятисложник; 10) усеченный ямбический триметр; 11) чистый ямбический триметр; 12) малый асклепиадов; 13) малый сапфический; 14) алкеев одиннадцатисложник; 15) алкеев десятисложник; 16) большой асклепиадов; 17) аристофанов; 18) большой сапфический; 19) ионики; 20) архилохов; 21) элегиямб; 22) ямбэлег.

[75] Претиды — дочери аргосского царя Акрисия, наказанные безумием за отказ почитать Диониса.

[76] Ио, возлюбленная Зевса, превращенная Герой в телку и бежавшая в Египет, в эллинистическое время отождествлялась с египетской богиней Исидой.

[77] Речь идет о Тесее, потомке афинского царя Эрехфея; кносянка — Ариадна (город Кносс был столицей Миноса).

[78] *Анациклические стихи* (Б. III, 27). Так назывались стихи, которые одинаково читались, слово за словом, от начала к концу и от конца к началу. Русский тонический дистих в отличие от античного метрического не допускает таких построений; предлагаемый перевод В. Брюсова представляет собой замечательное исключение. Смысл: «Стремление (плывущих) наяд побеждает колыхание волн так же, как пламенеющий Нот (южный ветер) побеждает вал Икарова моря».

[79] *Змеиные стихи* (Р. 40, 48, 57, 63, 77, 79, 80, Б. IV, 229, 236, 245, 251, 265, 267, 268. Об этой стихотворной форме см. примечания к Пентадию. О Геро́ и Леандре см. поэму Мусея; рассказ о Долоне — в X книге «Илиады»; рассказ о подвиге друзей Ниса и Эвриала — в IX книге «Энеиды». Весь цикл «змеиных стихов» в Салмазиевском сборнике насчитывает 42 двустишия. Беренс без достаточных оснований считает их автором Луксория.

«ПТИЦА ФЕНИКС»

[4] Лира килленская — по имени Киллены, горы в Аркадии, посвященной день солнечную колесницу отца, он не смог удержать коней и едва не сжег землю. Зевс поразил Фаэтона молнией. Миф о Фаэтоне изложен Овидием в «Метаморфозах».

[2] Речь идет о всемирном потопе, насланном на людей Зевсом. Девкалион — сын Прометея, спасшийся во время потопа вместе со своей женой Пиррой.

[3] Флейта киррейская — по имени Кирры, пристани Дельф в заливе Криса (Фокида).

[4] Лира килленская — по имени Киллены, горы в Аркадии, посвященной родившемуся там Меркурию.

[5] Пигмеи — мифическое карликовое племя, жившее, по представлениям древних, на крайнем Юге.

[6] Сабейская страна (Савская)— поэтическое название «счастливой Аравии», считавшейся одной из самых богатых и плодородных стран.

[7] Киннамон — коричное дерево или его кора. Амом — ароматическое растение, из которого приготовляли ценный бальзам.

[8] Лист — индийский малобатр, разновидность корицы (?).

[9] Верхушки народа — речь идет о восточном народе (Spica), ароматическом растении, применявшемся в медицине и парфюмерии.

[10] Панацея — буквально: «всеисцеляющая». Дочь Асклепия (Эскулапа).

[11] Ирида — греческая богиня радуги.

[12] Фасиса птицы — т. е. фазана.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Надпись II в. н. э. из Тибура. Стихотворный размер — одиннадцатисложный фалеков стих, но стихи 6, 10 и 23 — одиннадцатисложные сапфические». «Corpus inscriptionum latinarum» (CIL), XIV, 3555.

2. Надпись III в. н. э. из Туниса. Первая часть — дактилический гексаметр, вторая — хориямбический диметр, третья — брахикаталектический трохаический триметр, четвертая — кретики. Концы стихов надписи не сохранились и дополнены конъектурально. Три последних стиха не даны, так как в них сохранились только отдельные слова. CIL, VIII, 27764.

3. Надпись из Палермо. Новейшие исследования считают надпись подложной. Размер — элегический дистих. H. Meyerus. Anthologia veterum latinorum epigrammatum... Lips., 1835, № 623).

4. Надпись из Малой Азии на могиле солдата. Размер — трохаический септенарий. CIL, III, 293.

5. Надпись времен императора Адриана (II в. н. э.) из Паннонии. Размер — дактилический гексаметр. CIL, III, 3676.

6. Надпись II в. н. э. из Рима. В стихотворении есть реминисценции из Овидия, Вергилия и Лукреция. Хотя его автор далек от учения Лукреция и его отрицания загробной жизни, он не менее далек и от веры в мрачное царство Аида. Он находит своеобразный выход из непримиримости учения Лукреция с древними представлениями о загробном мире, превращая умершего в бога (ст. 16) и помещая его в те обители, где, по словам Лукреция (III, 19 сл.) «не бушуют ни ветры, ни дождь» и где богов покрывает «эфир безоблачный вечно». CIL, VI, 21521.

7. Надпись II или III в. н. э. Сочинена для собственной, заранее сделанной гробницы курьером-почтальоном. Игру слов Vitalis — «Жизненный» и vita — «жизнь» передать в переводе невозможно. Размер — дактилический гексаметр. CIL, VIII, 1027.

8. Надпись римская. Размер — элегический дистих. CIL, VI, 25531.

9. Надпись III в. н. э. из северо-восточной Испании. Размер — трохаический септенарий. CIL, II, 4137.

10. Надпись римская. Размер — элегический дистих. CIL, VI, 22994.

11. Надпись из Венафра (Италия). Размер — элегический дистих. CIL, X, 4917.

12. Надпись вырезана на скале в Сардинии. Размер — дактилический гексаметр. CIL, X, 697.

13. Надпись римская. Размер — элегический дистих. CIL, VI, 26003.

14. Надпись из Кремоны (Италия). Размер — ямбический сенарий. CIL, I, 1431.

15. Надпись из Аосты (Италия). Размер — элегический дистих. CIL, V, 6842.

16. Надпись II или III в. н. э. из Рима. Размер — элегический дистих. CIL, VI, 11743.

17. Надпись из северной Италии. Размер — дактилический пентаметр. CIL, V, 7430.

18. Надпись из Лиона, христианская, но сохранившая облик языческих надписей. Размер — элегический дистих. CIL, XIII, 2414.

19. Эпитафия собаке. Найдена в Риме. Под стихами имя собаки — «Маргарита» (жемчужина). Размер — элегический дистих. CIL, VI, 29896.

20. Эпитафия коню императора Адриана (II в. н. э.). Размер — чередующиеся каталектические ямбические диметры и хориямбы. CIL, XII, 1122.

АВИАН

БАСНИ

[1] У Бабрия эта птичка названа жаворонком, у Энния (судя по пересказам Геллия) — хохлатым жаворонком.

«КВЕРОЛ»

[1] Лигер — река Луара.
[2] Pachys — т. е. «толстый». В подлиннике бессмысленное patus.
[3] Ср. Ювенал, VI, 326.
[4] Цицерон, «За Росция Америйского», 20, 56.
[5] Несоответствие первоначального перечня диковин и дальнейших объяснений Мандрогеронта заставляет предположить пропуск в тексте.
[6] Имеются в виду те же Лары: Мандрогеронт начинает искать предлог, чтобы проникнуть в дом.
[7] Сарданапал — имя легендарного последнего ассирийского царя.
[8] По нашему счету — первый час пополудни: римляне отсчитывали часы с рассвета.
[9] «Пантомал» буквально означает: «сборище всех зол» (смесь греческого и латинского языков). Зета — может быть, ошибка вместо Гета, распространенное имя рабов в комедиях.
[10] Тутела — богиня — хранительница имущества.
[11] Солид — золотая монета весом в 4,3 грамма (одна семьдесят вторая часть римского фунта); начала чеканиться при императоре Константине.
[12] Имеется в виду лицо императора, изображенное на монете. Игра слов: монета описывается, как человек.
[13] Т. е. отмеривал бы хлеб рабам не стандартными мерами (модиями; один модий равен 8,75 л), а произвольно уменьшенными.
[14] Т. е. для Квирола, которому должен быть дорог прах его предка.
[15] Вариант перевода: «Какой горшок накормит нас, какая урна скроет наши кости?»
[16] Прах покойника хоронился вместе с благовониями.

ФЛЕГОНТ

О НЕВЕРОЯТНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

[1] Аполлоний Александрийский, по прозвищу «Дискол» («Ворчун»),— грамматик II в. н. э.
[2] «Илиада», IX, 558 след., пер. Н. Гнедича. Ид — мессенский герой, участник похода аргонавтов и калидонской охоты, муж Марпессы, которую он увез от сватавшегося за нее Аполлона.
[3] Перипатетик Антисфен Родосский (III—II вв. до н. э.) принимал участие в политической жизни своего родного города и сочинил историю Родоса.
[4] Маний Ацилий Глабрион — народный трибун 201 г. до н. э.; будучи претором в 196 г., подавил заговор рабов в Этрурии (Ливий, XXXIII, 36). В 191 г. был консулом и вел войну с Антиохом III Великим, царем Сирии (224—187 гг. до н. э.). Ацилий разбил его войско при Фермопильском ущелье и вытеснил из Греции.

Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.), политический деятель, оратор и писатель; в юности сражался с Ганнибалом, затем участвовал в войне против Антиоха III, возвратился в Рим с известием о победе при Фермопилах. В 184 г. до н. э. вместе с Луцием Валерием Флакком был избран в цензоры.

[5] Элатея — город в Фокиде, области средней Греции.

[6] Гераклея — город в южной части Фессалии, близ Фермопил. Там находился знаменитый храм Артемиды. В 280 г. до н. э. Гераклея вступила в Этолийский союз, впоследствии была завоевана и опустошена римлянами.

[7] У римлян был обычай приносить богам первые плоды нового урожая каждого года (первины).

[8] Тринакрия (трехвершинная) — древнейшее название Сицилии.

[9] Аттал I, царь Пергама (241—197 гг. до н. э.). Его сыновья — Аттал II Филадельф и Аттал III Филометор.

[10] Энианы — греческое племя в южной Фессалии.

[11] Нисея — портовый город Мегариды — области между Коринфским и Саронским заливами.

[12] Эетион — художник и скульптор III в. до н. э., его упоминает Феокрит в седьмой эпиграмме; Цицерон («Брут», 70) и Плиний («Естественная история», XXXV, 50) свидетельствуют о его известности. Дедал — в данном случае нарицательное имя художника.

[13] По-гречески λύκος —волк. Культ Аполлона Ликейского (истребителя волков) существовал в глубокой древности; его храм находился к востоку от Афин.

ЛУКИАН

ТИМОН, ИЛИ МИЗАНТРОП

[1] Тимон из Афин — по-видимому, состоятельный и философски образованный человек, живший во времена Пелопоннесской войны. О нем, как о человеке полном ненависти к испорченному человеческому роду, было сложено множество анекдотов. У комиков он выводится как тип мрачного человеконенавистника.

[2] Ликорей (Ликорея) — самая высокая вершина Парнаса. По преданию, у подошвы его остановился корабль Девкалиона.

[3] Обол — мелкая медная монета.

[4] Эпименид с острова Крита иногда считался одним из семи мудрецов. Существует легенда об его долголетнем сне и многовековой жизни.

ФИЛОСТРАТ СТАРШИЙ

ЖИЗНЬ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО

[1] Аполлоний в это время соблюдал наложенный на себя обет пятилетнего молчания.

[2] Рассказ относится ко времени пребывания Веспасиана в Александрии в октябре 69 г. н. э.

[3] Дамид — ассириец, встретивший Аполлония в Ниневии и ставший затем преданным учеником его. Дамид оставил воспоминания об Аполлонии.

[4] Дион Хрисостом — ритор и философ I—II вв. н. э. Евфрат — малоизвестный философ (I в. н. э.), уроженец города Тира.

[5] В июле 69 г. н. э. восточные войска провозгласили Веспасиана императором. В беседе с Аполлонием Веспасиан раскрывал перед ним причины, заставляющие его принять на себя императорскую власть.

[6] Гай Цезарь Калигула — римский император 37—41 г. н. э.; собравшись в поход против Британии, он привел войско на берег океана, приказал солдатам собирать там морские раковины и с этой «добычей» как победитель вернулся в Рим.

[7] Клавдий, племянник Тиберия и дядя Калигулы, после убийства последнего был провозглашен преторианской гвардией императором (в 41 г. н. э.). В 54 г. н. э. был отравлен своей женой.

[8] Сервий Сульпиций Гальба — римский император 68—69 гг. н. э. Гальба усыновил Пизона, происходившего из знатного рода и отличавшегося строгой нравственностью. Через четыре дня оба они были убиты. Их гибель была радостно встречена Отоном (ср. Тацит, «Истории» I, 14—15, 19, 30—34). Таким образом, Филострат в данном случае отступает от исторической правды. Отон родился в 32 г. н. э., был близок к Нерону, перешел на сторону Гальбы, но после усыновления Гальбой Пизона стал интриговать против Гальбы и после его убийства на короткое время стал императором. В апреле 69 года окончил жизнь самоубийством. Вителлий был провозглашен императором в начале 69 г. н. э. германскими войсками. После победы над Отоном он занял Рим, где проводил время в кутежах и не ограничивал бесчинств своих солдат. Во второй половине 69 года большинство войск перешло на сторону Веспасиана. В октябре 69 года Антоний Прим, полководец Веспасиана, разбил войска Вителлия на севере Италии, двинулся затем на Рим и взял его штурмом. В декабре 69 г. н. э. Вителлий был убит.

[9] Гай Юлий Виндекс — наместник Галлии, восставший против Нерона. В 68 г. н. э., потерпев поражение, Виндекс покончил с собой.

[10] Речь идет о восстании в Иудее (60— 70 гг. н. э.), на подавление которого Нерон послал Веспасиана.

[11] Вителлий к этому времени правил всего лишь несколько месяцев.

[12] Веспасиан был в это время наместником в Африке.

[13] Старший сын Веспасиана, Тит Флавий Веспасиан родился в 40 г. н. э. Вместе с отцом принимал участие в войне против иудеев. Младший сын Веспасиана, Тит Флавий Домициан родился в 51 г. н. э.

[14] Софоний Тигеллин был при Нероне префектом преторианской гвардии. Тигеллин отличался жестокостью и во всем потакал Нерону.

[15] В Испании Аполлоний в течение трех дней беседовал с наместником Бетики, очевидно, по поводу Виндекса, так как на прощание он сказал наместнику: «Помни о Виндексе» (Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского», V, 10).

[16] Аристотель (в VIII книге «Политики») говорит о мерах, способствующих сохранению тираннии, и называет такие: угнетение людей, возвышающихся над общим уровнем и вытеснение людей мыслящих.

[17] Речь идет о сенатских провинциях. В 27 г. до н. э. Август разделил существовавшие тогда провинции на сенатские и императорские. Сенатские управлялись проконсулами или пропреторами, назначаемыми сенатом по жребию. В императорские же император сам посылал наместников.

[18] Иерусалим был взят римлянами в 70 г. н. э.

[19] Имеется в виду Аргос в малоазиатской провинции Каппадокии.

[20] Деметрий из Суния, нищий философ, живший в Риме в 40—90 гг. н. э.

[21] «Киник» происходит от греческого слова κυων (собака). В IV в. до н. э. недалеко от Афин, в местечке Киносарг, философ Антисфен открыл школу. Его последователи стали называться киниками. Телемах — сын Одиссея, см. «Одиссея», XVII, 61—62:

Тою порой Телемах из высокого царского дома
Вышел с копьем; две лихие за ним побежали собаки.

Итакийцы — жители острова Итаки, царем которого был Одиссей.

[22] Т. е. Нервы, Орфита и Руфа, которых Домициан обвинял в заговоре против императора. Во время правления Веспасиана и Тита Аполлоний поддерживал дружественные отношения с этими лицами. После воцарения Домициана Аполлоний предсказывал, что скоро другой примет управление государством.

[23] Для измерения времени употреблялись водяные часы, аналогичные песочным. Жидкость вытекала из сосуда через узкое отверстие. Время, которое давалось оратору для произнесения речи, измерялось количеством воды в таких часах.

[24] Сикофант — человек, занимавшийся ложными доносами.

[25] Аполлоний носил только льняную одежду.

[26] См. Филострат, «Жизнь Аполлония Тианского». III, 18. На вопрос: Кем вы сами себя считаете?» — брахман отвечает Аполлонию: «Богами» — «Почему?» — «Потому что мы добродетельны».

[27] Намек на связь Домициана со своей племянницей, дочерью Тита

[28] Т. е. Нервы и его единомышленников.

[29] Аполлония обвиняли в том, что он принес в жертву ребенка и по его внутренностям предсказывал будущее.

[30] Т. е. доносчиков, которым при Домициане предоставлялась большая свобода действий.

[31] Тимомах из Византии (II в. до н. э.) — живописец. Ему принадлежали картины «Медея» и «Аянт — безумец»; последняя, по приказу Цезаря, была выставлена в Риме. О сюжете ее нам дает представление трагедия Софокла «Аянт». Аянт, сын Теламона, один из героев Троянской войны, негодует на то, что доспехи Ахилла присуждены не ему, а Одиссею. Гнев доводит его до безумия. Думая, что он мстит врагам, Аянт ночью перебил стадо овец. Придя в себя и не стерпев позора, Аянт покончил с собой.

ФИЛОСТРАТ ЛЕМНОССКИЙ

КАРТИНЫ

[1] Архилох — лирический поэт VII в. до н. э., основоположник ямбической поэзии. До нас сохранились лишь отдельные фрагменты его стихов. О насмешливом характере его ямбов позволяет судить легенда о Ликамбе — отце девушки, которую любил поэт. Он отверг сватовство поэта, и Архилох написал против Ликамба столь злобные ямбы, что все три дочери Ликамба, не вынеся позора, повесились.

[2] Дав — образ честного, благородного раба в комедии Менандра «Герой».

[3] Даифант — отец Пиндара.

[4] После этих слов должно следовать название города Афин — это цитата из Пиндара («Олимпийские оды» XIV, 3).

КАЛЛИСТРАТ

ОПИСАНИЕ СТАТУЙ

[1] Скопас, знаменитый греческий скульптор и архитектор IV в. до н. э. Его работы украшали гробницу Мавзола (мавзолей) в Галикарнассе, считавшуюся одним из семи чудес древнего мира.

ЛОНГ

ДАФНИС И ХЛОЯ

[1] Точило — устройство для выжимания сока из винограда.

[2] «Индийцы побежденные и тирренцы, в рыб превращенные»,— мифы рассказывают о победоносном шествии Диониса на Восток, о том, как ему покорилась даже далекая Индия. В рыб были превращены моряки-пираты, решившие схватить Диониса и продать его в рабство. Тиррения, или Этрурия,— область в Италии.

ХАРИТОН

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ ХЕРЕЯ И КАЛЛИРОИ

[1] Гермократ — крупный исторический деятель конца V в. до н. э. Будучи в Пелопонесскую войну стратегом сиракузской армии, он одержал в 413 году морскую победу над афинянами, почти полностью истребив в водах сиракузской гавани сильный афинский флот.

[2] Прославленный своей красотой один из греческих молодых героев, бившимся под стенами Трои. «Смертный прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида» (т. е. после Ахиллеса), так сказано о нем в «Илиаде» (II, 674).

[3] Демагог — оратор и руководитель в народном собрании.

[4] Местом народных собраний обычно был театр.

[5] Венки из живых цветов и горящие факелы — необходимая принадлежность обрядов античной свадьбы.

[6] Автор имеет в виду все ту же победу Гермократа над афинским флотом в 413 г. до н. э.

[7] «Илиада», XXI, 114: часто встречающаяся в гомеровской поэзии формула эпического описания страха.

ЭЛИАН

РАЗНЫЕ ИСТОРИИ

[1] Имеются в виду мост Ксеркса через Геллеспонт и канал через полуостров Акте.

[2] Месяц фаргелион приблизительно соответствовал второй половине мая и первой половине июня. Греки делили месяц на три десятидневных недели; в первых двух неделях дни отсчитывались, как у нас, от начала к концу, а в последней, как у римлян,— от конца к началу. Таким образом, в каждом тридцатидневном месяце было три шестых дня: 6-го, 16-го и 24-го числа.

[3] Перед битвой при Марафоне Мильтиад дал обет принести в жертву Артемиде столько коз, сколько будет убито варваров; но после сражения не удалось найти такого огромного количества коз, и единовременное жертвоприношение было заменено ежегодным.

[4] Плиний Старший (IV, 31, 5) определяет ширину долины равной примерно 45 м, современные измерения — 40 м.

[5] Обычно сжигались только хребет, внутренности и куски мяса от каждого члена жертвенного животного. Всесожжение совершалось лишь изредка — например, при жертвах подземным богам или если мясо жертвенного животного было несъедобным.

[6] Не ясно, о каком писателе, носившем это распространенное имя, идет здесь речь. Во всяком случае, это не тот Фриних, который был одним из первых афинских трагиков и написал «Взятие Милета».

[7] Залевк и Харонд, законодатели VII—VI вв. до н. э., считались учениками Пифагора. Архит (первая половина IV века), пифагореец, друг Платона, известный математик и механик, шесть раз избирался стратегом (Элиан, «Разные истории», VII, 14) и, по преданию, не потерпел ни одного поражения.

[8] Солон, Биант, Фалес, Хилон, Питтак, Клеобул и не упомянутый Элианом Периандр все вместе известны под именем семи греческих мудрецов.

[9] Тиранн Дионисий Младший правил Сиракузами в 367—346 годах; при нем Сиракузы дважды посетил Платон. Дион, ученик Платона, муж сестры Дионисия, был изгнан последним, но в 357 году вернулся, низверг его власть и восстановил в Сиракузах демократию. Через четыре года он был убит, и к власти вернулся Дионсий.

[10] Деметрий Фалерский, ученик Феофраста, философ, оратор и поэт, правил Афинами в 317—307 годах как ставленник македонского правителя Кассандра. Афиняне воздвигли в его честь 360 статуй.

[11] Академик Карнеад и перипатетик Критолай в 155 г. были посланы афинянами в Рим, чтобы отклонить штраф в 500 талантов, наложенный на Афины за разрушение беотийской крепости Оропа.

[12] Персей — стоик, ученик Зенона, воспитатель Антигона Гоната, македонского царя (283—240 годы), закрепившего в Македонии власть династии Антигонидов.

[13] Аристотель удалился из Афин в Эвбейскую Халкиду в 323 году, чтобы избежать обвинения в нарушении благочестия.

[14] Аммоний в жизнеописании Аристотеля называет собеседником Антипатра ученика Аристотеля.

[15] «Одиссея», VII, 120 (текст изменен): фраза из описания сада Алкиноя. По-гречески здесь игра слов: сикон (смоква) и сикофант (доносчик).

[16] Трофоний — легендарный строитель Дельфийского храма; святилище в его честь находилось в Беотии поблизости от Лебадеи.

[17] Народ в Азии, живший на территории современной Туркмении.

[18] Знаменитый художник, живший в начале IV века. Из его картин, изображавших Елену, особенно славилась та, которую он сделал для крогонского храма Геры; по указу народа, для этой картины позировали пятеро красивейших кротонских девушек.

[19] Гаргетт — дем (деревня) в Аттике.

[20] То есть, от бога Аполлона.

[21] Учение о переселении душ — характерная черта пифагорейства. О себе Пифагор говорил, что он был сыном Гермеса Эфалидом, троянцем Эвфорбом, Гермотимом, рыбаком Пирром и, наконец, Пифагором.

[22] Текст испорчен. Некоторые ученые читают: «является источником Нила».

[23] Халдеями греки называли вавилонских мудрецов, магами — персидских, гимнософистами — индийских.

[24] Ср. «Одиссея», III, 301; IV, 90.

[25] Динон из Колофона, историк времен Филиппа Македонского, автор обширного сочинения о Персии.

[26] «Одиссея», XXIV, 226, 227.

[27] «Одиссея», XV, 321—323.

[28] «Одиссея», V, 243.

[29] «Илиада», IX, 206. «Третий от Зевса», т. е. отпрыск Зевса в третьем поколении: Зевс — Эак — Пелей — Ахилл.

[30] Пифей — оратор, враждебный Демосфену. Демосфен, намекая на его разврат, ответил, что у Пифея тоже горел светильник, но освещал совсем другие сцены.

[32] О лирическом поэте Симониде Кеосском говорили, что он первый стал брать плату за свои сочинения.

[32] Клит, брат кормилицы Александра, командовал его телохранителями и спас ему жизнь в битве при Гранике. Кратер и Леоннат отличились во время войны в Индии. Пердикка два года правил государством после смерти Александра. Борцы, намазав перед схваткой тело маслом, осыпали его затем песком.

[33] Так называемые яблоконосцы (от греч. мелон — яблоко и фора — несение), охрана Александра. Их копья были украшены золотыми яблоками.

[34] Современник Александра Македонского, тиранн Гераклеи Понтийской.

[35] Основатель кинической школы, ученик Сократа и учитель Диогена. Иначе передает слова Сократа Диоген Лаэртский: «Сквозь твой плащ я вижу твое тщеславие».

[36] Ученик Платона, афинский политический деятель IV века, приверженец македонской партии; 45 раз избирался стратегом.

[37] Тиранн Фер (378—370 гг. до н. э.), владевший большой частью Фессалии, союзник Эпаминонда.

[38] Расстояние между Лилибеем (западная оконечность Сицилии) и Карфагеном свыше 200 км.

[39] Диоген Лаэртский (VIII, 83) приписывает эти слова Эмпедоклу.

[40] Сицилийский историк IV—III вв. до н. э., автор «Истории Сицилии» в 68 книгах.

[41] Саки — скифское племя в средней Азии. Ср. сообщение Николая Дамасского в передаче Стобея: сармат никогда не возьмет в жены девушку, которая не убила врага своей рукой.

[42] Архелай — царь Македонии в 413—399 г. до н. э. Он был племянником упоминаемого Менелая. Аэроп — узурпатор, правивший несколько лет после его смерти.

[43] Персей, последний македонский царь, считался не настоящим царским сыном, а подмененным.

[44] Евмен — грек из Кардии, секретарь Филиппа, а затем Александра Македонского, участник войн диадохов. Плутарх называет его отца возчиком.

[45] Антигон Одноглазый — полководец Александра, после его смерти на некоторое время овладевший почти всей Азией. Полисперхонт в течение нескольких лет был регентом при малолетних наследниках Александра.

[46] Прорицание гласило, что спасение Афин — в деревянных стенах; Фемистокл правильно догадался, что под этим имеется в виду флот.

[47] Гипербол и Клеофонт — вожди демократической партии в Афинах в годы Пелопоннесской войны, Демад — в годы борьбы с Македонией. Калликратид командовал спартанским флотом в битве при Аргинусах, в 406 году.

[48] Клеомен I, спартанский царь, правивший в конце VI — начале V в. до н. э.; известен вмешательством в афинские дела после падения Писистратидов.

[49] Родиной Диогена был Синоп; Диоген покинул ее, избегая обвинения в подделке монеты.

[50] Еврибиад — спартанский полководец, совместно с Фемистоклом командовавший греческим флотом при Саламине.

[51] Агафон (ок. 445—400 гг. до н. э.) — афинский трагический поэт, друг Еврипида, ученик софистов, перенесший в трагедию выработанный ими блестящий стиль.

[52] Знаменитый афинский богач V в. до н. э., тесть Алкивиада.

[53] Этот Ганнон, по словам Плиния, был первым из людей, приручившим льва.

О ЖИВОТНЫХ

[1] Эвдем Родосский, ученик и комментатор Аристотеля, известный философ, медик и математик.

[2] Намек на скифский обычай отстреливаться из луков при отступлении.

[3] Ктесий Книдский, современник Ксенофонта, придворный врач царя Артаксеркса II, много лет провел в Персии и написал о ней большое историческое сочинение; греки обвиняли его во лживости.

[4] Павсаний (I, 14, 1) говорит, что при этом элейцы приносят жертву Зевсу, отвратителю мух.

[5] По закону, на олимпийские состязания разрешалось смотреть только девушкам, но не замужним женщинам.

[6] «Илиада», XXIV, 1.

[7] Племя в Македонии.

[8] Феопомп Хиосский — историк IV в. до н. э., ученик Исократа, автор «Истории Греции» и «Истории Филиппа Македонского».

[9] Лерос — остров у берегов Карии.

[10] Историк и географ второй половины III в. до н. э., раб поэта Каллимаха.

[11] Невры — народ в северной Скифии.

[12] Агафархид Книдский — географ II в. до н. э., работавший в Александрии.

[13] Сострат из Нисы — географ I в. до н. э., учитель Страбона.

[14] Александр Миндийский — компилятор I в. н. э.; его обширное сочинение «О животных» — основной зоологический материал для Элиана и других писателей эпохи империи (Плутарха, Афинея).

[15] Мимант — горный кряж в Ионии, на полуострове против Хиоса.

[16] Феофраст с Лесбоса — виднейший из учеников Аристотеля, философ и натуралист, основатель научной ботаники.

[17] Трагедия не сохранилась.

[18] Имеются в виду слова Сократа о лебедях в «Федоне» Платона (84 e — 86 b): «они радуются, что им предстоит отойти к тому божеству, которому они служат» (т. е. к Аполлону).

[19] Ясос — город на одноименном островке у берега Карии.

[20] По мифу — сын Пелопса, похищенный и обесчещенный фиванским царем Лаием, и покончивший с собой, чтобы избежать позора (искуплением этой вины Лаия была его смерть от руки Эдипа и дальнейшая судьба Эдипа и его потомства). Хрисиппу посвятил Еврипид одноименную трагедию, до нас не дошедшую.

[21] Т. е. Эрота.

[22] Об этом последнем случае рассказывает Геллий, VII, 8.

[23] Гиппон — философ-пифагореец, современник Перикла; его безбожие высмеивал афинский комик Кратин. Диагор Мелосский — современник Перикла, философ-материалист, последователь Демокрита, изгнанный из Афин за безбожие. Герострат сжег знаменитый храм Артемиды в Эфесе (по преданию, в 356 году, в ночь рождения Александра Македонского).

[24] Восход Сириуса означал наступление самого жаркого и засушливого времени — лета.

[25] Гиппарх (середина II в. до н. э.) — знаменитый астроном, основатель научной астрономии; говорили, что он рассчитал движение солнца и луны на 600 лет вперед. Элиан допускает хронологическую ошибку: Гиппарх жил почти на сто лет позже Гиерона.

[26] «Илиада», XXIII, 194 сл.

[27] Фемистокл.

[28] Эфиопский царь, правивший Египтом в VIII в. до н. э.

[29] Один из бессмертных коней Ахилла; его пророчество Ахиллу — «Илиада», XIX, 404 сл.

[30] Овидий («Метаморфозы», IX, 306 сл.) рассказывает, что богиня родов Илифия, повинуясь приказанию Геры, непрерывными заклинаниями препятствовала Алкмене разрешиться от бремени; служанка Галантида (Антонин Либерал, 29, называет ее Галантиадой) сказала ей, что Алкмена уже родила, и этим привела ее в смятение и дала возможность Алкмене разрешиться. За это Гера превратила Галантиду в ласку.

[31] Трагедия (может быть, сатировская драма) не сохранилась.

[32] Страбон (XIII, 1, 48) рассказывает, что в этом храме стоит статуя работы Скопаса, изображающая Аполлона, опирающегося пятою на мышь.

[33] Сагареи — кочевое племя в Мидии. Саракоры — по-видимому, какое-то из арабских племен.

[34] Клеарх из Сол, ученик Аристотеля, автор этнографического сочинения «Образы жизни», широко используемого поздними авторами.

[35] Летний праздник в память о смерти божественного юноши Лина.

[36] Метродор Византийский упоминается только здесь. Сочинения его сына Леонида (жил в начале I в. до н. э.) и римского сенатора Демострата (жил в начале империи, писал не только о рыбной ловле, но и о гадании на воде и т. п.) были основными источниками Элиана в области ихтиологии. Уже для этих авторов, по-видимому, характерен интерес к необычайному и редкому.

[37] Агласфонт — знаменитый художник эпохи греко-персидских войн, отец и учитель Полигнота. По преданию, первый изобразил Нику (Победу) крылатой.

«ФИЛОГЕЛОС»

[1] Речь идет о состязаниях на празднестве в честь тысячелетия со времени основания города Рима, которое было с небывалой пышностью отпраздновано в 249 году, при императоре Филиппе Арабе.

[2] Ср. рассказ Веллея Патеркула (I, 13—14) о Муммии, разрушившем Коринф в 146 г. до н. э.: «Он был настолько невежествен, что когда по взятии Коринфа грузил для отправки в Италию картины и статуи, выполненные руками величайших мастеров, он велел предупредить сопровождающих, что если они их потеряют, то должны будут вернуть новые».

[3] Маслом намазывались борцы перед борьбой.

[4] В подлиннике — «кувшин в пять котил»: «котила» — мера жидких тел, равная 0,274 л.

[5] В подлиннике: «длинные или круглые». Длинными и остроносыми были военные корабли, закругленный нос имели купеческие суда. Диоген Лаэртский (I, 104) приписывает этот ответ скифскому философу Анахарсису, Афиней (VIII, 350b.) — известному острослову кифареду Стратонику.

[6] Вергилий, «Георгики», II, 97: «Самые крепкие вина дают Аминейские лозы».

АПУЛЕЙ

МЕТАМОРФОЗЫ

[1] Богиня победы (греческая Никэ). Описание этой статуи весьма напоминает статую богини Победы, воздвигнутую Августом в честь победы при Акциуме в 31 г. до н. э.

[2] Т. е. мрамора, добывавшегося на Паросе. В древности этот мрамор славился превосходными качествами, особенно белизной.

[3] Римляне измеряли ночное время по четырем стражам, которые длились от шести часов вечера до шести часов утра. Около первой ночной стражи — время от шести часов до девяти часов вечера.

[4] В данном случае — Исиды.

[5] Хлеб.

[6] Т. е. Артемида.

[7] Геката изображалась трехголовой. Возможно, это намек на слияние в одном божестве трех богинь: небесной — Луны, земной — Артемиды и подземной — Прозерпины.

[8] «О, Прозерпина... проливающая» — эта часть молитвы обращена к Луне (Селене). Луна считалась причиной и источником ночной росы.

[9] Так как божество имело много имен, причем истинное имя его часто бывало неизвестно, то такая оговорка была необходима во всякой торжественной молитве.

[10] Т. е. систр.

[11] Корабль был священным символом Исиды как богини моря и покровительницы мореплавателей. Возможно также, что он символизировал разливы Нила.

ДИКТИС КРИТСКИЙ

ДНЕВНИК ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

[1] Гомер также называет отцом Европы Феникса, тогда как по позднейшему мифу она — дочь финикийского царя Агенора.

[2] Хирон назван отцом Фетиды также в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (кн. I). Однако обычно (например, у Гомера) Фетида считается дочерью морского царя Нерея.

[3] Юнона Аргосская — Диктис дает здесь латинское имя Геры.

[4] В разных изданиях Диктиса количество кораблей разное и не совпадает с их количеством у Гомера (1186). Здесь их 1306.

[5] Комментаторы и исследователи оставляют это целиком на совести Диктиса, так как в античных источниках такой факт не упомянут. У Еврипида Агамемнон не в состоянии допустить убийства дочери и приказывает распустить войско.

[6] Имеется в виду убийство Агамемнона Эгисфом и Клитемнестрой после возвращения его из-под Трои.

[7] «Передали Ифигению царю Скифов» — одна из попыток автора сочинения рационально объяснить сказочный момент события. По преданию, Артемида похитила Ифигению в самый момент заклания, перенесла в Тавриду и сделала ее там своей жрицей.

[8] Аний — царь и жрец острова Делоса. Его дочери славились тем, что могли превратить воду в вино и любую вещь — в хлеб или оливы. Одна из дочерей Ания — Лавиния была известна как прорицательница. На ней, по одной из версий, женился Эней во время странствований и увез ее с собой в Италию.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Введение. *М. Е. Грабарь-Пассек* 7

ГРЕЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Месомед. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 29
Загадка. Изобретение стекла. Гимн Немесиде — *30*. К природе. Гимн Солнцу — *31*. Часы — *32*. К Адриатике — *33*
Оппиан. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 34
О псовой охоте — *35*. О рыбной ловле — *36*
Квинт Смирнский. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 40
После Гомера — *41*
Трифиодор. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 56
Взятие Илиона — *56*
Коллуф. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 62
Похищение Елены — *62*
Нонн. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 66
Поэма о Дионисе — *68*
Мусей. Пер. *М. Дриневич* под ред. *М. Е. Грабарь-Пассек* 76
Геро́ и Леандр — *77*
Орфическая Аргонавтика. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 85
Орфическая Аргонавтика — *86*
Валерий Бабрий. Пер. *М. Гаспарова* 93
Пролог к первой книге; басни 8, 15, 20, 25, 37, 49, 60, 65, 70, 74, 75, 97; пролог ко второй книге; басни 109, 119—*94*
Греческая эпиграмма II—V веков. Пер. *Ю. Ф. Шульца* 100
Дионисий Родосский (VII, 716) — *102*
Диоген Лаэртский (App. IV, 46; V, 38) — *102*
Филострат (XIV, 110) — *102*
Император Юлиан (IX, 365) — *103*
Оракул Аполлона Пифийского врачу Орибасию (App. VI, 122) — *103*
Феон Александрийский (IX, 41) — *103*
Паллад (V, 257; VII, 610, 687, 688; IX, 5, 119, 134—135, 169, 174, 180, 182; X, 48, 51, 55, 60, 62, 63, 73, 75, 77, 78) — *103*
Мариан Схоластик (IX, 657, 669; XVI, 201) — *107*
Неизвестный (App. III, 220) — *108*
Павел Силенциарий. Пер. *Ю. Ф. Шульца* 109
На пифийские горячие источники — *110*

Немесиан. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* *117*
О псовой охоте — *118*. Эклога III — *119*

Авсоний *121*
Мозелла. Пер. *А. Артюшкова* и *М. Гаспарова* — *122*. Розы. Пер. *В. Брюсова* — *126*. Из цикла: «Преподаватели». Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* (Вступление) и *М. Гаспарова* (4, 16, 22, Заключение) — *127*. Из цикла «Круглый день» (1, 7, 8). Пер. *М. Гаспарова* — *129*. Гриф о числе три. Пер. *М. Гаспарова* — *132*. Эпиграммы. Пер. *В. Брюсова* (34, 65) и *Ф. А. Петровского* (33, 68—75) — *134*. Из цикла «Биссула». Пер. *Ф. А. Петровского* — *136*. Из цикла «Технопегнион». Пер. *В. Брюсова* (Заключение), *М. Е. Грабарь-Пассек* (6) и *М. Гаспарова* (12) — *136*

Клавдиан. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* *138*
Похищение Прозерпины — *139*. Магнит — *142*. Галльские мулы — *143*. О старце, никогда не покидавшем окрестностей Вероны — *144*

Рутилий Намациан *145*
О своем возвращении. Пер. *М. Гаспарова* (I) и *М. Е. Грабарь-Пассек* (II, III, IV) — *146*

Дистихи «Катона». Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* *151*
Дистихи — *151*. Эпитафия мима Виталиса — *155*

Поэмы «Латинской антологии» *157*
Вступление. Хвала Солнцу. Пер. *М. Гаспарова* — *159*. Хвала Луне. Хвала Океану. Ночное празднество Венеры. Пер. *Ю. Ф. Шульца* — *160*

Тукциан
«Песни рождают любовь...» Пер. *М. Гаспарова* — *163*

Пентадий
О приходе весны. Пер. *Ю. Ф. Шульца* — *164*. Нарцисс. Могила Ацида. Хрисокома. Пер. *В. Брюсова* — *164*. О женской верности. Пер. *М. Гаспарова* — *165*

Модестин
Спящий Амур. Пер. *М. Гаспарова* — *165*

Регпан
Купанья в Байях. Прекрасный луг. Пер. *М. Гаспарова* — *166*

Линдин
О возрасте. Пер. *Ю. Ф. Шульца* — *166*

Флор
О том, какова жизнь. Пер. *В. Брюсова* (1), *М. Гаспарова* (2, 4, 5) и *Ф. А. Петровского* (3, 6) — *166*
Эпиграмма Флора на императора Адриана. Ответ императора Адриана Флору. Пер. *Ф. А. Петровского* — *167*

Веспа
Прение пекаря с поваром. Пер. *М. Гаспарова* — *168*

Тиберпан
«По долине, по поляне...» «Птица, влажной застигнутая тучей». Пер. *М. Гаспарова* — *170*

Сульпиций Луперк
О тленности. Пер. *В. Брюсова* — *171*

Симфосий
Загадки. Пер. *М. Гаспарова* (1, 13, 14, 15, 37, 38, 48, 49, 53, 69, 70, 77, 89, 91, 99) и *М. Е. Грабарь-Пассек* (11, 25) — *171*

Вариации двенадцати мудрецов на тему эпитафии Вергилия. Пер. *М. Гаспарова* — *174*

Луксорий
О саде, где были посажены все лекарственные травы. Похвала саду Евгения. Пер. *Ю. Ф. Шульца* — *175*. О ручном вепре. Пер. *М. Гаспарова* — *176*. На пьяницу. На подагрика. Пер. *Ю. Ф. Шульца* — *176*. На слепца. О женщине по имени Марина. О саркофаге. Пер. *М. Гаспарова* — *177*

Неизвестные поэты
Изречения семи мудрецов. Песня гребцов. Пер. *Ю. Ф. Шульца* — *177*. Храм Венеры, разрушенный для постройки стен. Библиотека, превращенная в обеденный зал. Водоналивное колесо. На человека, который сам себе молол муку. Влюбленный Амур. К Дульции. Отказ от серьезной поэзии. Сон пьяницы. Гроздь. Книги «Энеиды», съеденные ослом. Кентавр Хирон. Пасифая. Пер. *М. Гаспарова* — *179*. Анациклические стихи. Пер. *В. Брюсова* — *182*. Змеиные стихи. Пер. *М. Гаспарова* (1—5) и *Ю. Ф. Шульца* (6) — *182*

«Птица Феникс». Пер. *Ю. Ф. Шульца* *184*

Эпиграфические стихотворения *189*
Посвятительные надписи. Пер. *Ф. А. Петровского* (2, 3) и *М. Гаспарова* (1) — *189*. Надгробные надписи. Пер. *Ф. А. Петровского* (4—10, 12, 14—20) и *М. Гаспарова* (11, 13) — *191*

Авиан. Пер. *М. Гаспарова* *196*
Басни 10, 21, 22, 27, 29—*198*

«Кверол». Пер. *М. Гаспарова* *200*
Кверол, или Горшок — *202*

ГРЕЧЕСКАЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

Флегонт. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* *223*
О невероятных явлениях — *224*

Лукиан. Пер. *С. В. Толстой* *229*
Тимон, или Мизантроп — *230*

Филостраты *233*
Филострат Старший
Жизнь Аполлония Тианского. Пер. *Т. Миллер*. (I, 15; V, 31—36; VI, 29—32; VIII, 4—5) и *М. Е. Грабарь-Пассек* (II, 22; VI, 19) — *235*

Филострат Младший
Картины (Введение). Пер. *Т. Миллер* — *248*.

Филострат Лемносский
Картины (I, 3; II, 12). Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* — *249*

Каллистрат
Описание статуй (Вакханка). Пер. *С. П. Кондратьева* — *250*
Лонг. Пер. *С. П. Кондратьева* под ред. *М. Е. Грабарь-Пассек*
Дафнис и Хлоя (II, 102; III, 3—6; IV, 1—3) — *252*

Харитон. Пер. *И. И. Толстого* *256*
Повесть о любви Херея и Каллирои (I, 1; IV, 3) — *256*

Гелиодор. Пер. *А. Болдырева* под ред. *А. Егунова* *261*
Эфиопика (IV, 1—4) — *262*

Ахилл Татий. Пер. под ред. *Б. Богаевского* *264*
Левкиппа и Клитофонт (V, 20—22; VII, 12—16) — *265*
Клавдий Элиан. Пер. *М. Гаспарова* *269*
Разные истории (II, 14, 25, 28, 40; III, 1, 8, 17, 36, 45; IV, 1, 12, 13, 17, 20; V, 20, 21; VII, 1, 5, 7, 15; VIII, 2, 15, 16, 19; IX, 3, 13, 19, 20, 35; X, 13; XI, 9, 10, 13; XII, 11, 19, 29, 38, 43; XIII, 19, 28, 29, 40; XIV, 13, 16, 30)—*270*
О животных (III, 21, 47; IV, 21; V, 17; VI, 27, 34, 35, 40; VII, 8, 27, 42; X, 48; XII, 3, 5, 34; Послесловие) — *285*
«Филогелос». Пер. *М. Гаспарова* *297*

РИМСКАЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

Апулей *305*
Метаморфозы (II, 4; IV, 13—21; XI, 1—4), пер. *М. Кузмина* под ред. *М. Е. Грабарь-Пассек* и *С. Маркиша* —*306*
Диктис Критский. Пер. *И. Стрельниковой* *313*
Дневник Троянской войны (I) — *314*

Примечания *327*

Памятники поздней античной поэзии и прозы

Утверждено к печати Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР

Редакторы издательства *О. К. Логинова* и *В. Ф. Журавлева*
Художник *А. Д. Смеляков* Технический редактор *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 21/X 1963 г. Подписано к печати 9/I 1964 г. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Печ. л. 22,5 + 8 вкл. Уч.-изд. л. 21,2 (20,5 + 0,7 вкл.)
Тираж 2500 экз. Изд. № 2390
Тип. зак. № 2840. Тем. план 1964 г. № 293

Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
45	4 сн.	просватался	посватался
117	3 св.	Флавич	Флавия
132	5 сн.	утреннем	утроенном
164	1 сн.	Тщательно	Тщетно
176	3 св.	Анидальские	Ацидальские
192	26 св.	не влек	не навлек
269	17 св.	декларацию	декламацию
305	10 сн.	и	или
305	15 сн.	неоплатоников	платоников
306	2 сн.	Он	Демохар

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНАЯ ПОЭЗИЯ и ПРОЗА